РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КОМИССИЯ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ И ОХРАНЕ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РАН

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей
Выпуск пятый

Москва
2016

ББК 66.1(2) 6
Р 89

Издание подготовлено
Центром комплексных исследований российской эмиграции
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакторы-составители выпуска – Ю.В. Мухачёв, Т.Г. Петрова

Р 89 **Русское зарубежье: История и современность**: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. росс. эмиграции; Ред. колл.: Мухачёв Ю.В. (гл. ред.) и др. – М., 2016. – Вып. 5: / Ред.-сост. вып. Мухачёв Ю.В., Петрова Т.Г. – 241 с.
ISBN 978-5-248-00820-9

В сборнике представлены материалы по истории российской эмиграции. Освещены малоизученные вопросы культуры и литературы русского зарубежья. В научный оборот вводятся новые источники.

Для научных работников и всех, кто интересуется историей русского зарубежья.

Издано при поддержке Российского фонда содействия образованию и науке

ББК 66.1(2)6

ISBN 978-5-248-00820-9

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

И.А. Исаев
РУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ (20-е – начало 30-х годов) .. 5
Е.Э. Шергалин
ВКЛАД РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ И ИХ ПОТОМКОВ В ПРИРОДООХРАННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ 15
Ю.С. Цурганов
НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (НТС). СТУПЕНЧАТЫЙ СНОС ДИКТАТУРЫ . 35
З.С. Бочарова
СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РОССИЙСКИМ БЕЖЕНЦАМ В 1920–1930-е годы 59

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

Т.Г. Петрова
ПРАЖСКИЙ ЖУРНАЛ МОЛОДЫХ «СВОИМИ ПУТЯМИ» 120
А.В. Громова
МИФОПОЭТИКА ПОВЕСТИ Л.Ф. ЗУРОВА «ИВАН-ДА-МАРЬЯ» 128
И.А. Ревякина
М.А. ОСОРГИН О КАПРИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К НЕПОВТОРИМОМУ 140
А.Н. Кравцов
ОТЪЕЗД В АВСТРАЛИЮ КАК ПОГРУЖЕНИЕ В НИРВАНУ: К 90-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕБЮТА Г. ГАЗДАНОВА 154

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Т.В. Селезнева
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ (1920–1930) 160
Ю.В. Мухачёв
ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ОБЩИНЫ НА ЛАТИНО-АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ 174

А.А. Хисамутдинов
ТОЛСТЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ В КИТАЕ («Дальний Восток», «Желтый лик», «Китай», «Понедельник», «Врата», «Прожектор», «Парус», «Русские записки» и «Феникс») 195

СУДЬБЫ И МИФЫ

ДВА ЛИКА ГЕНЕРАЛА П. ДЬЯКОНОВА 217

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РОССЫПЬ

ЗЕМГОР И ЕГО УСТАВ 224
О ГЕНЕРАЛЕ Е. МИЛЛЕРЕ 229

МИР БИБЛИОГРАФИИ

ПАРИЖСКИЙ ДНЕВНИК 233
БРОДСКИЙ СРЕДИ НАС 237

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

И.А. Исаев

РУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ (20-е – начало 30-х годов)

В составе первых эмиграционных волн из России находилось большое число правоведов, представлявших различные учебные заведения и регионы страны. Разные юридические школы, сложившиеся в России в дореволюционный период, оказывали заметное воздействие на развитие правовой теории и науки в эмигрантской научной среде. Русские ученые-правоведы включались в работу зарубежных университетов и научных центров, в свою очередь воспринимая и перерабатывая современные западные правовые традиции.

Особым явлением стало образование в зарубежье русских юридических учебных заведений и научных центров. Целями этих организаций было сохранение российской юридической традиции, создание условий для научной и педагогической деятельности ученых-правоведов из России, подготовка юридических кадров для «будущей России», профессиональное образование молодых эмигрантов с целью приобщения их к практической деятельности в странах их пребывания.

В начале 20-х годов центрами сосредоточения юридических кадров из России стали Харбин, Прага, крупные университетские города Югославии. Русские правоведы попадали в них вместе с эмиграционными потоками через Сибирь или через Константинополь. Отдельные ученые проникали на Запад через прибалтийский «санитарный кордон» или Польшу. Часть русских юристов в ходе миграции оставались в Варшаве, Риге или направлялись в Берлин и Париж. Большая группа правоведов добралась до Берлина на известном «философском пароходе», отчалившем из Петрограда в 1922 г.

ИСАЕВ Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета

Эмигранты-юристы развернули за рубежом достаточно активную публикаторскую работу, издавая монографии, учебные курсы, сборники статей и трудов, специальные журналы и прочее. Прово-

дились съезды русских юристов, а также съезды деятелей науки, в работе которых правоведы также принимали активное участие. В области научных исследований русские правоведы наряду с развитием традиционных направлений разрабатывали и новые темы.

Харбинский юридический факультет. Организация и деятельность

В начале 1920 г. в Харбин приехала группа профессоров из Сибири, где была установлена советская власть. В феврале 1920 г. эта группа создает в городе *Высшие экономико-юридические курсы*, первым деканом которых становится Н.В. Устрялов. Торжественное открытие курсов происходило 28 февраля, официальная работа началась с 1 марта. Первый набор слушателей составил 98 человек. В значительной мере финансирование курсов осуществлялось администрацией КВЖД.

В 1922 г. Государственный дальневосточный университет (г. Владивосток) признал свидетельство об окончании курсов официальным документом об образовании и стал допускать выпускников курсов к приемным испытаниям в университет. Для этого создавались специальные комиссии смешанного характера из представителей курсов и университета. С 1 июля 1922 г. сами курсы были преобразованы в юридический факультет в Харбине. Когда Дальневосточная республика вошла в состав РСФСР, отношения факультета с Дальневосточным университетом были прерваны, набор студентов он стал производить самостоятельно, используя положения Устава Дальневосточного университета.

Число студентов факультета составляло 179 человек в 1922 г., 260 человек – в 1924 г. Дальнейший рост был незначителен, и вскоре численность студентов стала уменьшаться. В отчетах деканата отмечались трудности, связанные с нехваткой преподавателей и учебной литературы (в отличие от Русского юридического факультета в Праге, где эти трудности были заметно меньшими). Деканом юрфака в Харбине стал проф. В.А. Рязановский.

С 1929 г. факультет переходит в ведение китайской администрации: стал назначаться китайский директор, и факультет как частное объединение превращается в государственный юридический факультет. В этот период начинается ликвидация разного рода русских учебных заведений в Китае. В июле 1934 г. профессора факультета (имевшие гражданство СССР) ушли с факультета. Распад факультета совпал с его слиянием в 1936 г. с педагогическим институтом.

Научная работа. За время своего существования Русский юридический факультет в Харбине все же смог собрать вокруг себя группу талантливых обществоведов и правоведов. В публикациях, подготовленных ими в течение этого 15-летнего периода работы, поднимались многие новые проблемы юриспруденции и юридической науки.

Проф. Н.В. Устрялов (работавший до эмиграции в МГУ и в Пермском университете) в самом начале 20-х годов становится одним из главных идеологов «сменовеховского» движения, используя профессию правоведа при анализе государственных и правовых изменений в СССР. Во второй половине 20-х годов выходит ряд его исследований, посвященных проблемам этики, национализма и фашизма.

Проф. В.А. Рязановский, до Харбина работавший в Ярославле и Томске, становится одним из ведущих специалистов по проблемам монгольского права и сравнительного правоведения.

Другая крупная фигура научного мира – проф. Г.К. Гинс (ранее работавший в Санкт-Петербургском университете). Он стал одним из главных представителей психологической школы права, сформированной Л.Н. Петражицким в России.

Его важнейшие работы – «Право и сила» (1929), «На путях к государству будущего» (1930), «Новые идеи в праве и основные проблемы современности» (1931).

Проф. В.В. Энгельфельд (также работавший в Петроградском университете), много внимания уделявший анализу систем государственного управления и устройства Советской России и Китая, был одним из крупных авторитетов в области административного права.

М.Н. Ершов, ранее бывший профессором Казанской духовной академии, на факультете работал над историей философии в России. В начале 20-х годов он опубликовал во Владивостоке «Введение в философию» и исследование «Идеология и технология в духовной жизни современной эпохи». Проблемам истории Русской церкви были посвящены исследования Н.Ф. Вознесенского (прежде работающего в Харькове).

Е.М. Чепурковский посвятил ряд публикаций вопросам антропологии и китаеведению. Один из самых молодых преподавателей, Н.Е. Эсперов, публиковал статьи по вопросам политической идеологии в истории России, по вопросам права собственности.

Н.И. Никифоров (ранее работавший в Киеве) занимался изучением политических процессов в период Реформации, французской и английской революций, психологических феноменов истории.

В методологии правоведения, так как оно преподавалось на юридическом факультете в Харбине, определенно преобладали психологические аспекты.

К середине 1930-х годов в трудах харбинских правоведов наметились явные заимствования из консервативных политических теорий корпоративизма и солидаризма, быстро развивающихся в Италии, Германии и СССР. Темы «юридического солидаризма» становятся ведущими в исследованиях харбинской юридической школы.

Проф. Г. Гинс работал над концепцией «регулятивного права». Он полагал, что «солидаризированное хозяйство», подвергаясь действию регулятивного права, представляет собой «усовершенствованную систему частноправового строя, укрепляющего свою жизнеспособность переходом в стадию организованности». Предполагалось, что идея регулятивного права внесет сдерживающее начало в деятельность власти и создаст привычку к общественной солидарности в среде частных хозяев. Спасая хозяйство от мертвящего бюрократизма государственного руководства, идеология правового солидаризма позволит при этом сохранить уважение к общественным началам в хозяйственной жизни[1]. Идеалом солидаризма является «индустриальная демократия», в которой сочетаются договорные и принудительные начала управления. Принципы юридического солидаризма, разработанные харбинской школой русских юристов, явно перекликались с теорией «корпоративного государства», рожденной в фашистской Италии и теорией «корпоративного права», подробно разработанной некоторыми германскими и советскими юристами в начале 20-х годов.

Проф. И. Никифоров, выявляя общие тенденции современного промышленного права, замечал, что человечество уже не решается слепо доверять «невидимой руке», направляющей деятельность «экономического человека». Остается лишь делать выбор между развитием активности широких бесконтрольных частных экономических организаций (трестов, синдикатов, картелей) или правительственной активности или, наконец, активности частных организаций под правительственным контролем»[2]. Проф. Н. Устрялов, поддержав идеи «евразийцев» о «идеократическом» новом государстве, писал: «Государство стремится провозгласить и воплотить в жизнь определенную идею… и в духе этой конкретной позитивной идеи

укрепляет себя и формирует своих граждан. “Идея-правительница” обретает своих слуг и рыцарей в правящей партии, непременно единой и единственной. Это партия – орден, церковь идеи»[3].

Пражская юридическая школа. Съезды ученых

С 10 по 17 октября 1921 г. в Праге прошел I Съезд русских академических организаций за границей, на котором было представлено около 400 русских ученых. Среди них видную роль играли правоведы. Так, в состав академической группы, образованной *в Париже* летом 1920 г. и финансируемой МИД Франции, входили проф. П.П. Гронский, читавший курс истории русского правительства; проф. Б.Э. Нольде, читавший курс Институции русского публичного права; проф. М. Винавер, читавший курс русского гражданского права.

Берлинская академическая группа, также образованная летом 1920 г. по инициативе Белградской (тогда в Белградском университете насчитывалось до 35 русских преподавателей), включала таких видных юристов, как проф. В.Б. Ельяшевич, один из крупнейших цивилистов русского зарубежья; проф. Каминка, приват-доцент из Киева Л.М. Зайцев, специализирующийся на проблемах советского государственного права, бывший министр юстиции В.Д. Набоков. Работа академической группы в Берлине включала чтения циклов лекций: «Об окраинных государствах» (В.Б. Станкевич), «О политической доктрине марксизма» (П.И. Новгородцев), «Об идее неотъемлемых прав лиц» (Г.Д. Гурвич), «О праве и правизне» (М. Лазерсон).

Академическая группа, возникшая в марте 1921 г. *в Константинополе*, включала в свой состав юристов: Н.Н. Алексеева, С.К. Гогеля, М.А. Циммермана и др. Именно в Константинополе проходили отборочные экзамены для русских студентов, желавших поступить на обучение на Русский юридический факультет в Праге (при Карловом университете) на стипендии, выделяемые президентом Т.Г. Масариком и правительством Крамаржа. Отсюда было послано в Чехословакию 1 тыс. студентов. Важную роль в этом деле сыграла академическая группа в Константинополе.

На I Съезде русских академических организаций за границей в Праге ряд русских правоведов выступил с докладами на секции права и экономики. А.Д. Билимович сделал доклад по теме «Общество, государство и хозяйство». Н.Н. Алексеев – «К феноменологии явлений властвования». Ф.В. Тарановский прочитал сообщение «Предмет и метод так называемой внешней истории права». К.О. Зайцев на темы: «Государство как единство и как система» и «Понятие правового государства». М.В. Шахматов – «Идея многодержавия в политических учениях русской литературы XI–XII вв.». Ф.В. Тарановский сделал доклад «Историко-юридические конструкции русской государственности Московского периода».

Менее представительным стал II съезд русских академических организаций за рубежом, проходивший с 9 по 16 октября 1922 г. В состав его почетных членов вошли правоведы П.И. Новгородцев и Д.Д. Гримм. Всего на Съезде присутствовало 32 человека от русских академических организаций, пять членов с совещательным голосом и восемь почетных членов.

Русский юридический факультет. Русский юридический факультет Карлова университета в Праге был образован 18 мая 1922 г. Первым его деканом стал проф. П.И. Новгородцев, а после его смерти, с 1924 г., проф. Д.Д. Гримм).

На факультете сформировались следующие кафедры:

1. История философии права (проф. П.И. Новгородцев, проф. Е.В. Спекторский, доц. Г.Д. Гурвич, пр. доц. Г.В. Флоровский).
2. Общей теории права (доц. А.Н. Фатеев).
3. Истории и догмы римского права (проф. Д.Д. Гримм, проф. М.М. Катков).
4. Государственного права (доц. Н.Н. Алексеев, бывший секретарем факультета).

5. Международного права (пр. доц. М.А. Циммерман, пр. доц. Г.Н. Михайловский).

6. Административного права (пр. доц. К.И. Зайцев).

7. Церковного права (проф. С.Н. Булгаков).

8. Гражданского права и процесса (проф. С.В. Завадский, пр. доц. М.Л. Заболоцкий).

9. Торгового права (проф. М.М. Катков).

10. Уголовного права (проф. А.В. Маклецов).

11. Уголовного процесса (пр. доц. Н.С. Тимашев, пр. доц. С.И. Варшавский).

12. Истории русского права (проф. Г.В. Вернадский, пр. доц. М.В. Шахматов, пр. доц. И.И. Марков).

13. Русской истории (проф. А.А. Кизеветтер).

14. Философия права (проф. А.А. Вилков).

15. Политической экономии (проф. В.А. Косинский, акад. П.Б. Струве, проф. В.Ф. Тотомианц, пр. доц. П.Н. Савицкий, пр. доц. Н.С. Жекулин, пр. доц. П.А. Остроухов).

16. Статистики (проф. П.И. Георгиевский, доц. Д.Н. Иванцов, пр. доц. С.С. Кон).

17. Логики (проф. Н.О. Лосский).

18. Психологии (проф. И.И. Лапшин).

19. Судебной медицины (проф. Г.Я. Трошин).

20. Латинского языка (пр. доц. П.А. Остроухов, пр. доц. П.Н. Савицкий, пр. доц. М.В. Шахматов, пр. доц. А.В. Стоилов).

21. Счетоведения (А.В. Зеньковский).

Вобрав в себя цвет петербургской, московской и другой профессуры, факультет стал интеллектуальным и духовным центром русского зарубежья. Сохраняя и концентрируя русскую юридическую традицию в своих курсах и исследованиях, его преподаватели предлагали слушателям много идей из области философии, культуры и литературы. Не ограничиваясь работой на факультете, лекторы русского юридического факультета читали курсы, циклы и отдельные лекции в различных научных и культурных русских центрах (Чехословакии, Германии, Франции), в «народных университетах» и на курсах.

Научные разработки. В 1925 г. в Праге вышел фундаментальный труд «Право Советской России»[4] (в 2 т.) под редакцией Н.Н. Алексеева и Н.С. Тимашева. Авторский коллектив состоял из преподавателей Русского юридического факультета в Праге (Н.Н. Алексеев, Н.С. Тимашев, А.В. Маклецов, С.В. Завадский, К.И. Зайцев) и представителей русской юридической науки в Берлине (А.А. Богомолов, А.П. Марков), Париже (А.А. Пиленко) и Риге (М.И. Ганфман). В сборнике давался анализ всей системы и отдельных отраслей советского права.

В разделе об источниках права Н.Н. Алексеев и Н.С. Тимашев отмечали, что характерной особенностью советского правотворчества является пристрастие к писаному праву. Для установившейся в стране диктатуры важна не конституция, а «непосредственный и многообразный политический эксперимент». Категория «закона» к этому праву вообще неприменима. На практике отсутствует отличие законов от указов. Один декрет может быть отменен другим декретом без каких-либо особых условий и это «независимо от иерархии соответствующих издающего и отменяющего органа»[5]. Между центром и местами отсутствует четкое распределение правотворческих функций. В целом советское право определялось как «чистое выражение ничем не связанной и неограниченной силы, диктующей свои предписания и изменяющей их в зависимости от интересов и потребностей стоящих у власти групп»[6].

Н.Н. Алексеев в главе о государственном строе Советской России замечал: «Советский строй – властная структура, неясно только, отличает ли советскую власть политический характер или же она есть власть неполитическая, власть чистого господства или технического распорядка»; коммунистическая партия, захватив власть, «организовалась по тем же

самым принципам державности и верховенства, по каким организовано и буржуазное государство»[7]. При этом советская власть опирается на факт «захвата власти угнетенными». Не сила создает право, но сила, освященная идеей борьбы за освобождение. Пролетарское государство потому обладает правом на неограниченное насилие, что предполагает устранение всякого насилия. Эта теория вырастает из теории естественного права[8]. Автор анализировал идейное и структурное сходство советского государства с буржуазным, выявлял идейные истоки новой государственности (общинный строй, западный синдикализм и др.).

А.А. Богомолов включил в курс главы по административному праву и об аренде промышленных предприятий и концессиях; Н.С. Тимашев – об организации государственной промышленности и о регулировании внутренней торговли; К.И. Зайцев – о земельном праве и о трудовом праве; А.П. Марков – о бюджетном праве и основах налоговой политики; А.А. Пиленко – о монополии внешней торговли и т.д.

Анализ правовой системы Советской России и детальное изучение ее отдельных отраслей и институтов представителями пражской юридической школы сочетались с разработкой качественно новых направлений правовых исследований. Наиболее заметной стала геополитическая государственно-правовая тематика.

Геополитические аспекты государственно-правовой теории были заимствованы русской школой юристов у германской научной традиции (К. Хаусхофер). Геополитические идеи государственности А. Фатеев начал разрабатывать еще в конце 20-х годов под несомненным влиянием идеологии евразийства. В 1928 г. в пражском сборнике трудов русского народного университета он опубликовал работу «Об управлении»[9], в которой подчеркивал идею неразрывности государства и территории. В 1933 г. в сборнике научных трудов русского народного университета в Праге А. Фатеев опубликовал работу «Введение в геополитику славянства»[10]. В ряду других «направлений борьбы за пространство» автор анализирует юридическое направление, названное им панномизм. Всемирное господство права провозглашается от имени наднационального органа – Лиги Наций. Его юридическая природа не замыкается в ограниченном суверенитете отдельных государств, входящих в ее объединение. На деле он является необходимым правовым посредником, антиподом непосредственному применению силы (будь то ссылка на фактическую силу расы, завладевшей землей, на экономический захват власти одним классом с целью распространения такого порядка на другие территории и нации и др.). Сущность этого посредничества в преюдиционных мерах, предотвращающих войну[11].

Геополитическая трактовка государственно-правовых проблем будет использована в политической практике евразийским движением, НТС и партией русских фашистов.

Лекционная работа. 16 октября 1923 г. в Праге был открыт *Русский народный университет*, в котором образовался отдел общественных наук. Университет образовался при пражском отделении Земгора («Союза земств и городов», учрежденного еще в России в годы войны). Основоположниками университета стали видные ученые – А.А. Кизеветтер, П.И. Новгородцев, Н.М. Новиков. Число зарегистрированных слушателей университета в первый год достигло 900 человек, лекции посещало около 8,3 тыс. человек. В первый год общее число учебных часов университета составило 2556, максимальное (в 1928/29 гг.) – 5659. Общее число слушателей и курсантов в первый год составило 32 954 человека, достигнув максимума (в 1928/29 гг.) – 60 350 человек. Последним годом работы университета стал 1938 г.

Русские правоведы приняли активное участие в работе университета. Был прочитан ряд курсов: «Общее учение о праве

и государстве» (Н.Н. Алексеев), «Правовой строй современной России» (Н.С. Тимашев), «Уголовное право современной России» (В.В. Маклецов), «Народ и власть в истории России» (А.В. Флоровский), «Гражданское право Советской России» (С.В. Завадский) и др. Продолжительность лекционных курсов составила от 8 до 25 часов.

В 1924/25 учебном году читались курсы: «История учений об обществе и государстве» (Н.Н. Алексеев), «Основные принципы советского права и основы государственного строя» (Н.С. Тимашев), «Советское земельное законодательство» (П.Н. Савицкий) и др. С.И. Гессен прочел ряд выездных лекций на тему: «Проблемы собственности».

В 1925/26 гг. читались новые темы: «Современный парламентаризм» (Н.Н. Алексеев), «Новое учение о государстве: Кельзен» (Н.С. Тимашев), «Идея ценности и идея сущего» (Н.Н. Алексеев) и др.

В 1926/27 учебном году прочитаны лекции: «Кризис демократии и парламентаризма» (В.В. Водовозов), «Право и политика в Советской России» (Н.С. Тимашев); «Идея диктатуры, правового государства и демократии в политических воззрениях русского народа» (Н.Н. Алексеев) и др.

В 1927/28 гг. читаются лекции: «Взгляды русских мыслителей на природу общества и власти» (Н.Н. Алексеев), «Фашизм и его роль в международных отношениях» (М.А. Циммерман), «Государство и геополитика» (А.И. Фатеев), «Нравственность, нравы и право» (С.В. Завадский) и др.

В 1929 г. ректором университета был проф. Н.М. Новиков. В руководство университета входил представитель Союза русских академических организаций за границей проф. В.И. Исаев. Заместителем председателя Совета преподавателей был Н.С. Тимашев. Председателем русского отделения был С.В. Завадский. Ряд ученых юристов входили в состав Совета преподавателей: Н.Н. Алексеев, А.И. Фатеев и др.

В 1933 г. в связи с основанием при университете Русского научно-исследовательского объединения он был переименован в *Русский свободный университет*. Сокращение числа слушателей привело к переориентации университета на научно-исследовательскую работу. Уже с 1928 г. университет начал издавать «Научные труды» под редакцией проф. Н.М. Новикова. В 1933 г. при университете был создан Русский заграничный музей, в библиотеке которого находилось 3 тыс. томов, изданных за границей.

Берлин, Белград, Париж – очаги юридической науки

1–4 октября 1922 г. в Берлине состоялся I Съезд русских юристов за границей. Его основным вопросом стало правовое положение русских эмигрантов в разных странах мира. Н.С. Тимашев сделал доклад «О правотворчестве и применении права в Советской России». Основные идеи доклада позже войдут в редактированное им и Н.Н. Алексеевым издание «Право Советской России»[12]. Основные тезисы доклада, которые обсуждались на Съезде, сводились к следующему: новое право, творимое в России, рудиментарно, казуистично и неполно. Оно действует наряду с остатками дореволюционного права и местными обычаями. Как в массах, так и у правителей отсутствует уважение к праву. «Жизнь в стране течет не столько на основе норм действующего права, сколько в форме постоянного нахождения равнодействующей между произвольными велениями представителей властвующей группы и изыскиваемыми со стороны подвластных оборонительными методами»[13].

Резолюция съезда по докладу отмечала: новое законодательство не соответствует правовым воззрениям русского народа, между писаным правом и жизнью остается глубокий разрыв. Съезд признает, что «советское законодательство пред-

ставляет собой совокупность формальных, мертвящих жизнь постановлений, не могущих заслуживать названия права и имеющих единственной целью насильственное поддержание власти коммунистической партии методами устрашения»[14].

В силу целого ряда причин (наличие влиятельных национальных юридических факультетов и школ, отсутствие достаточного контингента русских слушателей и источников финансирования) ни в Берлине, ни в Париже (как и не Балканах) не образовалось специальных юридических учебных заведений для русских. Юридическое образование и правовые исследования осуществлялись здесь в рамках более широких культурных институтов.

17 февраля 1923 г. произошло открытие *Русского научного института в Берлине.* Первое заседание Ученого Совета состоялось 19 февраля. Ректором института стал В.И. Ясинский, проректором С.Л. Франк, ученым секретарем С.И. Гессен.

В состав правового отделения института вошли: Ю.И. Айхенвальд, Н.А. Бердяев, А.А. Боголепов, С.Г. Гогель, И.А. Ильин (председатель), А.И. Камин, А.А. Кизеветтер, А.М. Кулишер, П.Б. Струве, К.И. Соколов, М.А. Таубе, Н.С. Тимашев, С.Л. Франк.

Цели работы правового отделения института были сформированы следующим образом: «…посвятить все силы исследованию проблем права и государства при свете того нового опыта, который принесли и раскрыли последние годы».

Отраслевые курсы, над которыми работали сотрудники института, включали: русское государственное право (В.И. Соколов), историю русского права (И.А. Стратонов), церковь и государство в России (И.А. Стратонов), русские судебные уставы (С.Г. Гогель), учение о правосознании (И.А. Ильин). Темы семинаров включали: анализ советского законодательства (А.М. Кулишер), изучение советского строя (Н.С. Тимашев). Отдельные курсы читали П.И. Новгородцев и Н.Н. Алексеев. Общее число слушателей в 1923 г. составляло около 80 человек.

С 16 по 23 сентября 1928 г. В Белграде проходил IV съезд русских академических организаций за границей, чьи труды были опубликованы в 1929 г. Бóльшая часть докладов была посвящена вопросам правовой истории. Ф.В. Тарановский сделал доклад на тему «Славянство как предмет историко-юридического изучения», Д.М. Одинец – «Княжое и земское право Древней Руси», П.Б. Струве – доклад о правовом положении крестьянства в Киевской Руси. Специальный доклад о методологии права «Основные течения в науке и праве, в связи с вопросом о реальности юридического познания» сделал Г.В. Демченко. Автор давал новую классификацию юридических наук: догма действующего права, политика права, история права, сравнительное правоведение. Эта группа наук определялась как «описательные». К «объяснительным» наукам относились: теория права, общая политика права, история развития права и общее сравнительное правоведение. Указывалось на пересечение юридических и неюридических наук в современной теории. Юридическое изучение права может быть только комбинированным и должно считаться со всем объемом объективных и субъективных фактов и элементов права. Право принадлежит и к внутреннему миру наших переживаний, и к внешнему миру социальных явлений. Право содержится в социологии, философии, экономике, психологии, истории как важный составной элемент.

Публикации парижских правоведов русского происхождения группировались в одном из интереснейших русских изданий – «Современных Записках».

В нескольких номерах «Современных Записок» С.И. Гессен опубликовал большое исследование «Проблема правового социализма»[15], в котором проанализировал эволюцию важнейших правовых понятий современности. По мысли автора, роль государства заключается не в разбирательстве споров граждан на основе неизменно-

го закона, а в приобщении социальных групп к созданию общей воли. Задача государства быть «надклассовым посредником между классами и тем самым придавать их борьбе правовую форму»[16].

Если что-либо отделяет социализм от либерализма, то это «идея потребительского хозяйства, долженствующего заменить систему конкуренции и связанную с нею гегемонию хозяйства в общественной жизни. На этом пути произойдет возврат к Средневековью»[17]. Для утопистов, продолжает С.И. Гессен, идеальный строй тот, где общество высвобождается от подчинения государству и праву, а хозяйство превращается в технику. В идеальном строе исчезает право, государство и хозяйство. Скрытое и пассивное отрицание утопистов становится явным в марксизме[18]. «Коллективизм», т.е. огосударствление всех орудий производства, есть «неустойчивое равновесие между потребительским коммунизмом и каким-то иным социализмом». Огосударствление орудий производства не устанавливает равенства, а предполагает его. Отвергая формальное право либерального государства, коммунизм отвергает всякое право вообще[19], утверждает С.И. Гессен.

В том же журнале Г.Д. Гурвич опубликовал статью «Будущность демократии», в которой связал развитие этой формы государственности с социалистическими перспективами. «Юридическая формула социализма… тождественна юридической формуле демократии: суверенитет социального права». Социализм, по его мнению, есть хозяйственная разновидность демократии. «Возведение в публичное право некоторых индивидуально-правовых отношений прикрывает собой иерархическую структуру власти». Истинная же формула «правового государства» – решительное преобладание социального права над индивидуальным уже внутри публичного права[20].

В «Современных Записках» (1921) П.Г. Виноградов опубликовал статью «Перспективы исторического правоведения», в которой анализировал новую методологию историко-правовой науки. Известный ученый определял право как проявление целесообразности в общественной жизни. «В каждом соединении общественных элементов преобладает какая-нибудь форма ассоциации: свободно-договорной тип или родовой союз, или городская община, или церковное правление, или социалистическое соединение… Но точка отправления и цель правового нормирования в каждом из этих типов зависит от общего характера ассоциации, и сообразно с более или менее успешным проведением этих основных определений, оценивается и значение той или иной правовой системы. Каждый из этих типов представлял собой сложное целое, в котором комбинировались политические, экономические, моральные и религиозно-философские доктрины… Только благодаря этому синтезу род, народ, церковь, индивид, государство, социалистическое государство способны устраивать человеческие отношения на началах права. И изучение этих жизненных целесообразностей представляется одной из наиболее интересных задач для историков и юристов»[21], по мнению П.Г. Виноградова.

Русская юридическая наука за рубежом в течение 20-х – начале 30-х годов смогла поднять ряд научных и политико-правовых проблем, недоступных для исследователей в Советской России. Более ощутимым было влияние новых течений западной юридической мысли на русскую юридическую эмиграцию, хотя эти веяния ощущались и в самой России. Собственно российская правовая традиция не прерывалась ни на родине, ни в диаспоре, русские правоведы обучали студентов и писали научные труды, основываясь на принципах государственной, психологической, социологической и других школ. Их идеи и публикации легли в основу дальнейшего развития как отечественной, так и зарубежной юриспруденции.

Примечания

1 Гинс Г. Новая экономика и новое право. – Харбин, 1938. – С. 43.
2 Никифоров И. Жесткая экономическая система. – Харбин, 1936. – С. 348.
3 Устрялов Н. Германский национал-социализм // Известия юридического факультета. – Харбин, 1933. – Т. 10. – С. 351.
4 Право Советской России / Под ред. Алексеева Н.Н., Тимашева Н.С. – Прага, 1925. – Т. 1, 2.
5 Там же. – Т. 1. – С. 10–13.
6 Там же. – Т. 1. – С. 18.
7 Там же. – Т. 1. – С. 30.
8 Там же. – Т. 1. – С. 38–39.
9 Фатеев А. Об управлении // Научные труды Русского народного ун-та. – Прага, 1928. – Т. 1.
10 Фатеев А. Введение в геополитику славянства // Научные труды Русского народного ун-та. – Прага, 1933. – Т. 5.
11 Там же. – С. 43.
12 Право Советской России / Под ред. Алексеева Н.Н., Тимашева Н.С. – Прага, 1925. – Т. 1, 2.
13 Право Советской России / Под ред. Алексеева Н.Н., Тимашева Н.С. – Прага, 1925. – Т. 1. – С. 197–198.
14 Там же. – С. 278.
15 Гессен С.И. Проблема правового социализма // Современные записки. – Париж, 1924–1927. – Кн. 22, 23, 24, 26, 28.
16 Там же. – 1924. – Кн. 22. – С. 291.
17 Там же. – Кн. 23. – С. 338.
18 Там же. – Кн. 27. – С. 397, 428.
19 Там же. – Кн. 28. – С. 315.
20 Гурвич Г.Д. Будущность демократии // Современные записки. – Париж, 1927. – Кн. 32. – С. 352–355.
21 Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения // Современные записки. – Париж, 1921. – Кн. 7. – С. 161.

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

Е.Э. Шергалин

ВКЛАД РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ И ИХ ПОТОМКОВ В ПРИРОДООХРАННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Казалось бы, вклад российских ученых в международное природоохранное движение довольно скромный, но это только на первый взгляд. Среди главных деятелей охраны окружающей среды имена российских ученых вроде бы не мелькают. Тем не менее нам удалось выявить целый ряд новых лиц, внесших значительный вклад в развитие охраны природы на всей планете. Рассмотрим их по двум категориям: 1) те, кто родился в Российской империи и потом эмигрировал и 2) дети лиц «первой категории», кто уже родился за пределами России. Имена подавляющего большинства из них практически неизвестны на Родине.

Деятели охраны природы, родившиеся в Российской империи

Одним из первых беженцев, ставшим эмигрантом еще до революции, был **Рафаэль Габриэлович Зон (1874–1956) –** симбирский уроженец и главный ученый-лесовод США. Рафаэль Габриэлович Зон родился 1 декабря 1874 г. в Симбирске, а скончался почти через 82 года – 27 октября 1956 г. в США. Он прославил два университета, в которых получил свое высшее образование: Казанский в России и Корнельский в США. Он вошел в историю за первую попытку систематической инвентаризации лесов планеты; первую полную карту нативной растительности США; за руководство (он был техническим директором) проектом лесонасаждений в прерийных штатах; за пионерские исследования взаимосвязи между лесами, водными потоками и наводнениями. Рафаэль Зон родился на Волге в Симбирске в 1874 г. в семье Габриэля Зона и Евгении Берлинер. После окончания Симбирской классической гимназии (где был

ШЕРГАЛИН Евгений Эдуардович, Мензбировское орнитологическое общество

школьным товарищем В.И. Ульянова) поступил в 1892 г. на медицинский факультет Казанского университета (ИКУ), в 1893 г. перевелся на физико-математический факультет. В 1896 г. за деятельность по созданию профсоюза подвергся аресту, привлекался к дознаниям, был отпущен, но исключен из университета, в 1897 г. уехал вместе со своей подругой Анной Пузыриской (Anna Puziriskaya), на которой он позже женился, в Бельгию для учебы в Лиже (Liége). Затем они провели девять месяцев в Лондоне, где Рафаэль Габриэлович работал в Британском музее, прежде чем эмигрировать в США в 1898 г. В США Зон изучал лесное хозяйство в государственном Нью-Йоркском колледже по лесному хозяйству при Корнельском университете в городе Итака в штате Нью-Йорк, где получил профессиональную степень инженера лесного хозяйства в первом выпуске этого колледжа в 1901 г. Затем началась его карьера в Лесной службе США, которой он отдал 43 года. Зон начал службу в Лесной службе США в 1901 г. студентом-ассистентом и помощником по исследованию лесов в восточных штатах. Всего через шесть лет, в 1907 г., он становится шефом офиса по лесонасаждениям (Office of Silvics), позже переименованном в организацию «Лесные исследования» (Forest Investigations). В 1920 г. он курирует специальные исследования по экономике лесоводства, а в 1923 г. становится директором Лесной экспериментальной станции приозерных штатов (Lakes States Forest Experiment Station) в местечке Сант-Пол в штате Миннесота. С 1923 – по 1928 г. Зон – уже директор Экспериментальной станции Клокет, принадлежащей университету Миннесоты (Cloquet Forest Experiment Station). В 1944 г. в возрасте 70 лет Рафаэль Зон выходит на пенсию, покидая Лесную службу США. В 1908 г. Зон предложил создание сети децентрализованных экспериментальных станций Лесной службы США. В 1914 г. Зон становится одним из основателей Экологического общества Америки (Ecological Society of America). В 1918 г. Рафаэль входит в Исполком отдела сельского хозяйства, ботаники, лесного хозяйства, рыбного хозяйства и зоологии при Национальном исследовательском совете (нечто вроде Российской академии наук) (National Research Council). В 1923–1928 гг. он уже главный редактор журнала «Journal of Forestry». В 1928 г. Рафаэль Габриэлович становится Американским вицепрезидентом подкомитета по лесным почвам при Международном Конгрессе по почвенным наукам. В 1930 г. Зон – член правления по образованию в области лесоведения, а спустя 10 лет, в 1940 г., на Мировой выставке в Нью-Йорке попадает в список «граждан, родившихся за пределами США, но внесших выдающийся вклад в Американскую демократию за последние 100 лет». Он также один из соучредителей Общества американских лесоводов (Society of American Foresters). Многие из его более чем 200 научных работ переведены на русский, французский, немецкий и японский языки. С помощью Бернарда Ферноу Зон наладил выпуск периодической литературы для лесного хозяйства Америки. С 1923 по 1928 г. Рафаэль также являлся главным редактором «Журнала по лесному хозяйству (The Journal of Forestry)». Зон был «гигантом» среди лесников Америки, или, как выразился секретарь (министр) сельского хозяйства Клод Викард (Claude R. Wickard), «старшиной (дуайеном) всех лесников Америки». Недавно благодарные американцы сделали о нем документальный фильм, который можно просмотреть в Сети[1].

Огромный вклад в развитие архитектуры вольеров сначала в зоопарках Британии, а потом Европы и всего мира внес наш бывший соотечественник **Бертхольд Романович Любеткин (14.12.1901 – 23.10.1990).** Это был русский эмигрант-архитектор и создатель модернизма как направления в дизайне и архитектуре в

Британии в 1930-е годы. Любеткин родился в еврейской семье в Тбилиси, в Грузии, учился в Москве и Петрограде, где и стал свидетелем революции 1917 г. Будучи студентом ВХуТЕМАСа участвовал в уличных фестивалях и увлекался конструктивизмом. В 1920-е годы Любеткин проходил практику в Париже. В столице Франции он был связан в ведущими фигурами европейского авангарда и продолжал участвовать в дебатах о конструктивизме, разработав торговый павильон для выставки СССР в Бордо. В 1922 г. он покинул СССР и жил сначала в Германии, потом перебрался во Францию. Из Франции в 1931 г. переехал в Великобританию, где и провел всю свою оставшуюся жизнь. В этой стране он стал знаменитым, создав архитектурную группу «Тектон». Первые проекты «Тектона» включали эпохальные в архитектуре здания Лондонского зоопарка, здание для горилл и бассейн для пингвинов (демонстрирующий явное влияние Наума Габо). Лондонским зоопарком было поручено «Тектону» также проектирование и разработку дизайна зданий в Уипснейде и абсолютно нового зоопарка в Дадли (Dudley Zoo). Последний состоял из 12 помещений для животных и стал уникальным примером раннего модернизма в Великобритании. Все оригинальные здания дожили до наших дней, кроме бассейна для пингвинов, который был разрушен в 1979 г. В общей сложности Бертхольд Любеткин участвовал в проектировании десятка зоопарков. Некоторые из них потом были взяты за образец в других странах и поэтому этого эмигранта можно считать одним из основоположников зоопарковой архитектуры и строительства в середине XX в. Его самая младшая дочь оставила воспоминания об отце. Он был непростым человеком, но трагедии его жизни раскрылись перед окружающими только после его смерти. Так, например, все его ближайшие родственники погибли в Освенциме, и Бертхольд ничего не мог сделать для их спасения, за что до конца дней своих корил себя. После смерти о нем написано несколько книг.

Хорошо известно, что океанариумы – изобретение американцев, но почти никто не знает, что к проектированию и созданию первого в мире океанариума во Флориде в 1930-х годах приложил руку наш бывший соотечественник, русский эмигрант, да вдобавок еще и родной внук Льва Николаевича Толстого – **граф Илья Андреевич Толстой (1903–1970)**. Илья Андреевич Толстой родился 16 февраля 1903 г. в селе Топтивово, в Тульской губернии, в России, в семье Андрея Львовича Толстого и Ольги Константиновны Дитерихс – дочери царского генерала К.К. Дитерихса. После учебы в Одессе и в Московской сельскохозяйственной школе он стал корнетом Императорской кавалерии и служил в Ташкенте. Позже во время революции он присоединился к лейб-гвардии драгунам белой армии. Вкус к лошадям и исследованиям незнакомых земель развился у него с самых ранних лет. В 1915 г., в возрасте всего 12 лет, он стал помощником директора кавалерийской учебной команды и предпринял путешествие верхом из Самарканда в Певхавар (Pewhawar). В 1917–1918 гг. работал для Министерства сельского хозяйства и был отправлен в Туркестан. Между 1922 и 1924 г. помогал в борьбе с разразившимся голодом на Волге. В 1924 г. Толстой эмигрировал в США, где устроился работать конюхом в Нью-Йорке. Один из миллионеров обратил внимание на сообразительного юношу и поинтересовался у него, почему он не учится. Удивительно, но этот человек дал денег на учебу Илье. Последовало обучение сначала в колледже Уильяма Пена (William Penn College), а потом молодой граф прошел курсы по содержанию животных в Университете штата Айова в Эймсе (University of Iowa, Ames). В 1927 г. Толстой начинает сотрудничество с географом и натуралистом Уильямом Дугласом Брденом (William Douglas Burden), научным сотрудником и попечителем Нью-Йоркского музея есте-

ственной истории (природы). Их знакомство произошло в связи с работой над фильмом Бердена «Молчаливый враг» (The Silent Enemy), когда Толстой предпринял экспедицию в канадские дикие неосвоенные земли Кииватин (Keewatin) в поисках карибу для фильма. Вскоре после этой экспедиции Толстой некоторое время работал на Аляске, где помогал в планировании нового Национального парка у самой высокой точки Северной Америки – горы Мак-Кинли. В 1931 г. он активно включился в работу Клуба первопроходцев и путешественников (Explorers Club) в Нью-Йорке. На протяжении кризисных и тяжелых 1930-х он активно участвует в создании нескольких фильмов и предпринимает ряд экспедиций в Центральную и Южную Америку и делает важный вклад в развитие подводной съемки и фотографии. Именно интерес к подводной съемке и послужил одним из главных стимулов к созданию вместе с двумя коллегами в 1937 г. первого в мире океанариума в Меринлэнде во Флориде в США. Этот океанариум как научно-исследовательский институт и увеселительный центр очень быстро приобрел мировую славу. Теперь их в мире более 250, но тот стал первым. На базе океанариума была создана студия «Marine Studios», в которой родились многие приключенческие кинокартины с подводными съемками. Илья Толстой был ответственным за дизайн и конструкцию океанариума и оставался его генеральным менеджером до 1942 г., пока его не направили со спецмиссией в Тибет. Этот океанариум продолжает работать и поныне. Самым главным приключением всей жизни И.А. Толстого стало путешествие, предпринятое во время Второй мировой войны в 1942–1943 гг. в Тибет, куда он был направлен личным посланником президента Ф.Д. Рузвельта вместе с Доланом Бруксом. В их задачи входило изучение местности и передача письма президента США молодому далай-ламе (которому в то время было всего 7 лет) и изучение возможностей поддержки войск Чан Кайши через Тибет. В это время он уже был полковником армии США. В эту поездку они отправились по заданию «Дикого Билла» Донована, в то время главы Американского офиса стратегических служб – предвестника ЦРУ. Детали этого путешествия были опубликованы кратко в журнале National Geographic Magazine (August, 1946). После смерти обоих путешественников вышла отдельная книга с более чем 200 фотографиями, сделанными Ильей Андреевичем Толстым. Став удачливым бизнесменом, Илья Толстой помогал многим родственникам и совершенно незнакомым людям. Он поддерживал многие организации самого различного профиля. Интересы Толстого в охране живой природы были многогранны. Помимо создания первого океанариума, он участвовал в создании Природоохранного треста Багамских островов (Bahamas National Trust), уделяя значительное внимание сохранению популяции фламинго на этих островах, и служил в бюро Природоохранного комитета Карибского бассейна (Caribbean Conservation Commission). Во второй половине XX в. на большинстве этих островов стал развиваться туристический бизнес, и Толстой, как путешественник, не мог не понимать и не видеть, что происходит с дикой природой под антропогенным прессом в Карибском бассейне. Он был также активен в поддержке Толстовского фонда (Tolstoy Foundation) в штате Нью-Йорк, учрежденном его тетей и дочерью Льва Николаевича Толстого Александрой Львовной Толстой и много сделал для поддержки самого Тибета и помощи беженцам из Тибета. Скончался Илья Андреевич Толстой после тяжелой продолжительной болезни в городском госпитале Ньй-Йорка 31 октября 1970 г. и похоронен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в штате Нью-Йорк[2] (15).

Создателем первого орнитопарка в Финляндии и самого крупного в Северной Европе стал русский по матери и англичанин по отцу **Энтони Босли (1929–2012)**. Энтони Босли (Anthony Bosley) родился 18 августа 1929 г. на Карельском перешейке в местечке Тулокас к северу от Келломяки (ныне Комарово) и Куоккала

(ныне Репино, Ленинградская область), в 300 метрах от границы с СССР, проходившей тогда по реке Сестре (Раяйоки). Его отец, британский подданный Рекс Босли (Rex Bosley), работал в Британском консульстве, а мать, Татьяна Штраух (1903–1994), родившаяся в Петербурге и происходившая из обрусевших немцев, вела домашнее хозяйство. После смерти Моуриса Штрауха в Петрограде в 1917 г. семья перебралась в Куоккала. Отец расстался с семьей, когда маленькому Энтони было всего четыре года. В результате Зимней войны 1939/40 гг. Куоккала стала советской территорией, и в 1939 г. семья решила перебраться подальше от границы в небольшой городок Хейнола. С самых ранних лет Энтони окружали животные и птицы. Интерес к ним, безусловно, был привит мамой, которая выхаживала всех попадавших к ней заболевших животных. Жизнь проходила в деревенских условиях, и маленького Энтони, по его воспоминаниям, в одно время окружали куры, утки, белки, козы, коровы, две лошади и четыре собаки. Мама в середине 1930-х годов держала канареек. Когда Энтони немного подрос, то он сам стал держать в клетках снегирей, чижей и канареек. Вспоминает, что в 1940 г. у него жили зеленушки, а позже – клесты. С самых ранних лет, следуя примеру своей матери, Энтони занимался реабилитацией животных. С окрестных дворов и домов ребята постоянно приносили разнообразных больных, раненых или покалеченных зверей и птиц. Энтони лечил их и выпускал на волю. Постепенно у юноши накапливались знания и опыт, которые легли в основу будущей профессии. Учителей в этом деле, кроме матери, у Энтони не было и до всего он доходил сам. Помогали только книги, которых в те годы было совсем немного. В 1953 г. Энтони женился на Мирье, которая также активно участвовала в спасении и выхаживании птиц. По словам Энтони, ее вклад был даже бóльшим, чем его собственный. В 1954 г. у них родилась дочь Лилиан, которая тоже с самых ранних лет включилась в работу по ухаживанию за птицами. Так что вся семья дружно занималась одним делом и была очень счастлива. Естественно, что работать приходилось почти без выходных и праздников. В 1963 г. коллекция птиц стала такой большой, что уже не было никаких возможностей содержать всех пернатых дома. Тогда Энтони обратился к властям города Хейнола с просьбой взять зоопарк на бюджет города. Власти маленького городка живо откликнулись на его просьбу. С тех пор орнитологический парк рос и развивался, и коллекция птиц достигла 300 особей. Со всех концов Финляндии в Хейнолу доставлялись раненые и искалеченные птицы для реабилитации. Ежегодно от 200 до 300 птиц становились пациентами клиники, официально учрежденной и открытой в 1977 г. Слава орнитологического парка росла, и от этого выигрывал и город, так как с каждым годом птичий парк привлекал все больше и больше туристов. В 1992 г. Энтони вышел на пенсию в возрасте 63 лет, но даже после этого он в течение 20 лет ежедневно работал в парке совершенно бесплатно. Он скончался в марте 2012 г. В Интернете есть про него видеофильм[3].

Основательницей движения в защиту прав животных в Тунисе и первого приюта для зверей в городе Бизерте стала **Евгения Сергеевна Иловайская (1897–1991)**. Евгения Сергеевна Кульстрем (такой была ее девичья фамилия) родилась 20 ноября 1897 г. в семье морского офицера в Санкт-Петербурге, который в 1909 г. стал градоначальником Севастополя. В 1920 г. Е.С. Иловайская эвакуировалась с армией П.Н. Врангеля из Крыма в Бизерту – последнюю стоянку Черноморского флота императорской России. В середине 1930-х годов сердобольная Евгения Сергеевна подобрала на улице черно-белого котенка Мефистофеля, который волею судьбы стал первым питом-

цем будущего реабилитационного центра. В течение последующих почти 50 лет дом Евгении Сергеевны и ее мужа Ивана Сергеевича Иловайского (1904–1985) стал первым и главным реабилитационным центром для всех покалеченных, бездомных и больных животных города Бизерты и его окрестностей. Одновременно в нем содержалось до 30 животных, нуждающихся в защите или помощи. Умерла Е.С. Иловайская во Франции, куда под занавес жизни ее забрала к себе дочь для постоянного ухода (Шергалин, 2012).

За свои достижения в изучении ветеринарии и защиты животных другая удивительная женщина, родившаяся в России, **Ольга Николаевна Уварова (1910–2001)** под конец жизни получила титул дамы Британской империи. Она, оставшись без родителей, оказалась в Великобритании благодаря хлопотам ее дяди, знаменитого энтомолога сэра Бориса Петровича Уварова (1888–1970). После переезда в Англию Ольга поступила в Королевский ветеринарный колледж (Royal Veterinary College) в Лондоне, который закончила с отличием в 1934 г. Еще в годы учебы в колледже она была удостоена бронзовой медали по физиологии и гистологии. После окончания учебы Ольга Николаевна в течение непродолжительного времени имела практику, прежде чем уйти в науку. Уже в 1947 г. она становится президентом Общества женщин – ветеринарных хирургов (Society of Women Veterinary Surgeons) и занимает этот пост до 1949 г. В 1951–1952 гг. она уже президент Центрального ветеринарного общества (Central Veterinary Society). В 1965 г. она удостаивается Золотой медали этого общества. В 1968 г. Ольга Николаевна выбирается в Совет Королевского колледжа ветеринарных хирургов (Royal College of Veterinary Surgeons) и в 1973 г. становится его действительным членом. В 1976 г. О.Н. Уварова становится первой женщиной-президентом этого общества, а также избирается вице-президентом Института специалистов по уходу за животными (Institute of Animal Technicians). В знак признания заслуг Ольги Николаевны в области ветеринарии учреждается медаль дамы Ольги Уваровой (Dame Olga Uvarov Research Medal) номиналом в 1 тыс. британских фунтов стерлингов. В 2000 г. еще при жизни Ольги Николаевны Трест королевского колледжа ветеринарных хирургов предпринял сбор средств для увековечивания жизни и труда Ольги Николаевны в ветеринарии этой страны. Он также учредил программу стипендий на поездки ветеринаров-студентов, пока сам не прекратил свое существование. У Ольги Николаевны не было своей семьи и всю свою любовь и заботу она отдавала животным (16).

Немногие люди знают, приходя в зоомагазин и любуясь в нем смешными сирийскими хомячками, что «крестный отец» всех хомячков на нашей планете – выходец из России и основатель зоологии на древней земле Израиля **Израэль Ахарони (1882–1946).** Первым зоологом Земли обетованной был сын раввина Йозефа Ахаронвица Израэль Ахарони (Israel Aharoni), родившийся в еврейском торговом селе (штетле) Видзе в 1882 г. В те годы этот городок входил в состав Литовской (Виленской) губернии, а теперь находится на территории Беларуси (г.п. Видзы Браславского р-на Витебской обл.). Маленький Израэль обучался в иешиве Телз. Спасась от еврейских погромов конца XIX и начала XX в., Израэль уехал в Прагу, где получил университетское образование и специализировался по курсу зоологии и семитским языкам. Затем он иммигрировал в Палестину в 1902 г., где служил директором школы в Реховоте и помогал в создании первого еврейского детского сада. В 1904 г. он осел в Йерусалеме. В то время Палестина входила в состав Османской империи. Ахарони служил зоологом в Турецкой армии. Во время Первой мировой войны и в 1918–1921 гг. был зоологом правительства, находящего под Британским мандатом. В начале XX в. он путешествовал по

всей Палестине, части Сирии, Турции и Аравийскому полуострову под покровительством местного турецкого султана, коллектируя бабочек для последнего. Наверное, он был уникальным зоологом своего времени, являясь евреем, путешествующим по землям и странам, населенным в основном мусульманами. Во время экспедиций его всегда сопровождали местные гиды и он собирал всех представителей фауны, которые попадались на его пути. Интерес Ахарони к зоологии побудил его создать первый музей живой природы на этой древней земле. В 1924 г. Ахарони был зачислен в штат только что созданного Института природы Палестины. В последующие годы он очень много публиковал работ о местных птицах и произвел обзорное исследование о млекопитающих Палестины. В 1930 г. он опубликовал книгу «Saugetiere Palaestinas Zeit Saeugetierk» и в 1932 г. «Die Muriden von Palaestina und Syrien» вместе со своей супругой Б. Ахарони, которая, по всей вероятности, помогала ему в работе. В 1930 г. Израэль Ахарони дружил с коллегой Саулем Адлером – паразитологом, который искал более легко размножающуюся в неволе альтернативу китайским хомякам для изучения лейшманиоза. Выбор пал на сирийского хомяка, описанного Джорджем Робертом Вотерхаузом (George Robert Waterhouse) еще в 1839 г. С тех пор этот вид не наблюдался в природе, и сирийского хомяка считали вымершим видом. Израэль Ахарони вместе с сирийским гидом Георгиусом Халилем Тахяном (Georgius Khalil Tah'an) отправляется на поиски сирийского хомяка. 30 апреля 1930 г. длительные поиски завершились успехом. В окрестностях сирийского города Алеппо ученый обнаружил нору с самкой сирийского хомяка и 11 малышами. Вся «находка» переезжает в Иудейский университет. К сожалению, выживают только четыре малыша – одна самка и три самца. Каннибализм одного из выводков со стороны матери и последующая смерть ее самой привела к тому, что Ахарони вынужден был выкармливать малышей вручную во время путешествия назад. Найти других представителей вида в природе не удалось, и эта семья стала «маточным поголовьем» сирийских хомяков в неволе. Была произведена вязка самки с одним из ее братьев. Эта четверка животных и стала той основой для последующего широкого разведения в лабораториях, пока не была выпущена на мировой рынок в качестве домашних любимцев в 1940-е годы. Справедливости ради стоит отметить, что хомяки и сами позаботились о своем поголовье, так как часть зверьков удрала из лаборатории через щели в полу. Для большинства зоологов мира доктор Ахарони знаменит именно этой историей, но вместе с тем он является «отцом» всей израильской зоологии в самом широком смысле. До самой своей смерти в 1946 г. Ахарони посвятил свою жизнь изучению животных земли Израэль в их естественной среде. Более чем 30 видов различных млекопитающих, птиц и насекомых, открытых им для науки, носят его имя. Ахарони внес большой вклад в развитие науки биологии – и благодаря экспедициям, и как лектор Еврейского университета (Hebrew University), и как автор учебников и особенно книги под названием «Наука жизни (Torat ha-Hai – The Science of the Living)». Он автор учебника «Биология» (1930). В 1930-е годы Ахарони стал профессором Еврейского университета, а позже профессором в США. Под эгидой Мировой сионистской организации (World Zionist Organization), которая позже превратилась в Еврейский университет, в 1925 г. он создал первый зоологический музей. Его два тома автобиографической работы «Мемуары еврейского зоолога (Memoirs of a Hebrew Zoologist)» были необычайно популярны, особенно ими зачитывалась молодежь. В 1943 г. они вышли на английском языке, а до этого были изданы на иврите. Наверное, пришло время перевес-

ти эту книгу и на русский язык. Его коллекция чучел животных хранится до сих пор в церкви Старого города Йерусалем. Это главным образом виды, упоминаемые в Библии. И. Ахарони скончался в 1946 г. (23).

Если Израэль Ахарони стал создателем первого зоологического музея в Палестине, то основателем и директором первого зоопарка – Библейского зоопарка в Израиле – был профессор **Аарон Шулов (1907–1997)**, также наш бывший соотечественник, что позволяет утверждать, что зоопарковое движение Израиля также имеет российские корни. Ахарон (Аарон) Шулов родился в 1907 г. в Елисаветграде (теперь Кировограде) в центре Украины. Он прожил долгую и очень продуктивную жизнь – 90 лет. В детстве ему очень нравилось ухаживать за домашними животными и он с удовольствием помогал в этом родителям. В юности Аарон активно участвовал в набиравшем тогда силу по всему миру сионистском движении «Ха-Щомер хаца'ир», за что неоднократно подвергался арестам. В 1926 г. он был осужден в очередной раз, но благодаря вмешательству и заступничеству Екатерины Петровны Пешковой (вышедшей замуж за А.М. Горького в 1896 г.), занимавшей в то время пост председателя Политического Красного Креста, тюремное заключение было заменено высылкой из страны. Так, 19-летний Аарон покинул Родину. В том же году он оказался в Палестине и стал студентом химического факультета Еврейского университета в Йерусалеме. После его окончания он отправился продолжать образование в Неаполь в Италию, откуда в 1935 г. вернулся со степенью доктора зоологии. Видимо, в процессе обучения в высших школах он изменил химии в пользу зоологии. Вернувшись в Палестину, он занялся научной и преподавательской работой в Еврейском университете. В это время он начинает мечтать о создании первого зоопарка в Палестине. Страна была бедной, и никто не хотел даже думать о каком-либо зоопарке. Однако энергичному Аарону удалось убедить городские власти Иерусалима хотя бы поставить такой вопрос на повестку дня. На первом заседании совета Общества естествознания было достигнуто соглашение о выделении зоопарку небольшой площадки в центре Иерусалима. Однако совет Общества не мог помочь ни деньгами, ни людскими ресурсами. В то время большинство переселенцев в Палестину со всего мира приезжало на обетованную землю с сильными религиозными чувствами, и поэтому Аарон мечтал о создании прежде всего Библейского зоопарка, в котором могли бы содержаться животные и птицы, упоминаемые в Торе. Однако, как это часто происходит в жизни, помог случай. Британские военные летчики в 1940 г. в городе Равиахе (в районе Сектора Газа) отловили крупную ящерицу. Оставлять ее на базе они не могли, и тогда рептилия была передана в Общество естествознания. Держать ее было негде, а объект был весьма интересный, и было решено построить загон на уже выделенном под зоопарк куске земли – так родился Библейский зоопарк в Иерусалиме. 1 сентября 1940 г. в зоосад поступили первые обитатели после «учредительницы»: орел и обезьяна, потом горлицы и аист. А 9 сентября было закончено строительство маленького бассейна, и прозвучало торжественное объявление по радио: «Иерусалимский зоопарк открыт!» Аарон стал его первым директором и оставался на этой должности 43 года до выхода на пенсию. Ныне главная дорога, ведущая ко входу в зоопарк, названа улицей Аарона Шулова. Другой русский эмигрант, терский казак **Петр Павлович Головчанский (1898 – конец 1970-х)**, в 1950-е годы работал директором зоопарка в Индии.

Русские натуралисты-эмигранты являются основателями нескольких естественно-исторических музеев в Европе, Африке, Азии и Южной Америке. Как минимум семь современных стран, а именно: Албания, Алжир, Израиль, Китай, Маке-

дония, Парагвай и Тунис, обязаны появлением у себя первых естественно-исторических музеев русским эмигрантам. Российские натуралисты-эмигранты сыграли ключевую роль в создании первых музеев природы в этих странах, часто став по существу их основателями и первыми директорами. Это уже упомянутый Израэль Ахарони (1882–1946) в Палестине, Владимир Антонович Шумович (1887–1960) сначала в Тунисе, а потом в Алжире, Николай Антонович Незлобинский (1885–1942) в Македонии, Василий Васильевич Пузанов (1894–1964) в Тиране, в Албании, Анатолий Стефанович Лукашкин (1902–1988) и Борис Павлович Яковлев (1881–1947) в Харбине, в КНР, Якоб Якобович Унгер (1894–1959) в Филадельфии в Парагвае. Много сделали для создания орнитологических коллекций в музеях природы, или, как их называют на Западе, музеях естественной истории, Евгений Евгеньевич Герценштейн (1905–2001) в Монтевидео в Уругвае, Борис Георгиевич Подтягин (1892–1959) в Асуньсоне в Парагвае и Дмитрий Александрович Подушкин (1877–1951) в Салониках в Греции. Натуралист и археолог **Владимир Антонович Шумович** родился 9 мая 1887 г. в Москве и скончался 10 августа 1960 в Сахаре, в Алжире. Он был профессиональным военным и после окончания Морского кадетского корпуса в 1916 г. служил радио-офицером на линейном корабле «Святой Естафий». Как участник Белого движения он был вынужден эвакуироваться в 1920 г. из Крыма в Бизерту – морской порт Туниса. Сначала он трудился на электрической станции в городе Руза в Тунисе, потом в городе Сфаксе на фосфатных рудниках и жил в Мулярисе, что в восточной части Сахары. В свободное от основной работы время он изучал местную фауну и флору. Он собрал большие коллекции археологических памятников, и когда арендуемая им квартира перестала вмещать собранные коллекции, то основал музей естественных наук в городе Метлауи, который и по настоящее время носит его имя. Активно публиковался, главным образом на французском языке. После Второй мировой войны Владимир Антонович продолжил свои изыскания в Редеефе. Переехал в Алжир. Организовал три зоолого-ботанические экспедиции в Сахару. Был дважды женат, но детей не имел. Умер от сердечного приступа (3, 4). Врач и натуралист **Николай Анатольевич Незлобинский** родился 12 мая 1885 г. в Пятигорске в семье одного из основателей курорта в Кавказских Минеральных Водах – Антона Ивановича Незлобинского – и скончался 17 мая 1942 г. в г. Струга в Македонии. Он закончил Военно-медицинскую академию и служил на Черном море. Выступив во время Гражданской войны на стороне белой армии, он эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС). Получил назначение по медицинской части на службу в город Струга, окруженный болотами, население которого страдало от малярии. Развернув паразитологические исследования в окрестностях Струги, он постепенно все глубже и глубже увлекся смежными дисциплинами зоологии. Очень скоро собираемые им экспонаты фауны и флоры перестали умещаться в одном из трех деревянных бараков, выделенных ему городскими властями, и Николай Антонович вместе с супругой Софьей (учительницей немецкого и французского языков) и группой македонских коллег и помощников создал первый в Македонии музей природы, имя которого он носит и теперь. Н.А. Незлобинский скончался во время Второй мировой войны от сердечного приступа и похоронен на почетной аллее кладбища в городе Струга. В 1968 г. только зоолого-ботанические коллекции музея включали 7820 насекомых, 79 моллюсков, 301 различных беспозвоночных, 75 рыб, 37 амфибий, 34 рептилий, 990 птиц и 45 млекопитающих[4]. Осенью 2012 г. в Струга вышла книга, посвящен-

ная памяти Николая и Софьи Незлобинских на македонском языке. Детей у них не было (20). Охотник, зоолог и таксидермист **Василий Васильевич Пузанов** родился в 1894(?) г. в Харькове, а скончался в 1964 г. в Тиране, в Албании (12). В юности дружил с известным писателем-эмигрантом Гайто Газдановым и предпринял поездку в Африку на берега озера Виктория. Он также участвовал в Белом движении и эмигрировал в КСХС. В 1956 г. принял гражданство Албании. Основал в Тиране музей естественных наук, став позже его директором. Является соавтором самой известной статьи о птицах Албании – основного и наиболее часто цитируемого источника информации по орнитологии Албании на протяжении 40 лет. Скончался от мышьяковистого отравления, возникшего, видимо, в результате длительной работы таксидермистом в музее. Похоронен вместе со своей супругой, византологом Викторией Алексеевной Пузановой (1893–1967) и братом Александром на кладбище в Тиране. За их могилами ухаживает известный албанский правозащитник, журналист и писатель Макс Вело. Детей во втором браке не имел. Архивист, биолог и общественный деятель **Анатолий Стефанович Лукашкин** родился 20 апреля 1901 г. в Ляояне в Китае и скончался 6 октября 1988 г. в г. Сан-Франциско в США (21). Анатолий Стефанович окончил гимназию в Чите, затем учился в Горном институте в Санкт-Петербурге. В 1917 г. вернулся в Хайлар и поступил на службу (как и его отец) в КВЖД. Учился в Институте ориентальных и коммерческих наук, а также на харбинских медицинских курсах. В 1930–1941 гг. он – помощник куратора, куратор, секретарь естествознания Общества изучения Маньчжурского края. А.С. Лукашкин стал директором Музея ОИМК после отъезда Б.П. Яковлева в Тяньцзин. Участник нескольких естественно-научных экспедиций в различные части Маньчжурии, автор многих научных публикаций по зоологии и орнитологии. Советник Национальной организации исследователей-пржевальцев. С февраля 1941 г. жил в Сан-Франциско (США). Председатель правления корпорации газеты «Русская жизнь» (1952–1955) и Музея русской культуры в Сан-Франциско (1954–1965). Ихтиолог Калифорнийской академии наук. Автор работ по этнографии, ботанике, орнитологии, ихтиологии, археологии Маньчжурского края, морской флоре и фауне, деятельности российских эмигрантов в Азии. Заядлый охотник всю свою жизнь. Воспитал двух дочерей, внук и внучка проживают в США (21). Орнитолог и таксидермист **Борис Павлович Яковлев (1881–1947)** родился 24 июля 1881 г. в Тамбове и скончался в апреле 1947 г. от болезни в Тяньцзине в Китае (5). В 1900 г. окончил гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского униаеристета. Учился на юридическом факультете там же. Из-за студенческих беспорядков вуз не окончил, перевелся в Демидовский юридический лицей в Ярославле, который окончил в 1907 г. Служил секретарем Тифлисской судебной палаты, затем жил и работал на Урале. С конца 1920 г. – в эмиграции в Харбине в Китае. Борис Павлович – первый директор Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК) в Харбине (1923–31). Он также руководил естественно-историческим отделом этого Общества и музея при нем, занимался орнитологией. Он был одним из членов-учредителей Клуба естествознания и географии ХСМЛ (1929–1946). Затем переехал в Тяньцзин, где стал сотрудником Музея католической миссии в Китае. Был искусным препаратором и сделал много прекрасных чучел птиц и зверей для отделов музея Общества, автор многих научных публикаций. Был женат на Ольге Ивановне и имел двух дочерей. К огромному сожалению, экспонаты музея природы ОИМК в Харбине вместе со многими архивными материалами во время культурной революции в КНР были уничтожены, но часть научных

публикаций была вывезена А.С. Лукашкиным в США и в настоящее время находится в Музее русской культуры в Сан-Франциско в обширном личном архиве ученого. Многие статьи А.С. Лукашкина и Б.П. Яковлева выходили на русском языке с развернутыми резюме на английском или французском языках, и поэтому их исследования открыты и доступны мировому научному сообществу. Музей природы в парагвайском городе Филадельфия носит до сих пор имя своего основателя **Якоба Якобовича Унгера (1894–1959).** Якоб Унгер родился в Ново-Подольске Херсонской губернии – одном из меннонитских поселений, в семье потомков немцев-меннонитов Якоба Унгера и Анны Эпп и был одним из 12 детей в этой большой семье. Молодость прошла в бессчисленных переездах с места на место с запада на восток страны, поскольку меннониты сознательно отказывались брать в руки оружие, за что власти и часто сменяющиеся в ту пору режимы их неустанно преследовали. Россию он покинул зимой 1930 г. по льду Амура на Дальнем Востоке. Через год мытарств в Маньчжурии он с семьей оказался в далеком Парагвае. Здесь вместе с двумя своими сыновьями он стал коллектором птиц и млекопитающих для научных музеев Европы и Северной Америки. Он создал краеведческий музей в парагвайском городке Филадельфия, в котором многие экспонаты сделаны его руками и руками членов его семьи (17). Его ныне проживающая в Канаде дочь Агнес Унгер-Боернер (Agnes Unger Boerner) в 2013 г. опубликовала мемуары о жизни родителей «Jacob Unger: Memories». Орнитолог, энтомолог и директор Музея научного общества Парагвая в Асунсьоне доктор **Борис Георгиевич Подтягин (1892–1959)** родился 29 февраля 1892 г. в городе Шальске в России. После Гражданской войны он эмигрировал сначал во Францию (в которой коллектировал бабочек), а потом отправился в Аргентину, из которой вскоре в 1936 г. перебрался в соседний Парагвай, в котором прожил 23 года. Сначала Борис Георгиевич устроился работать сотрудником в отделение защиты сельского хозяйства и фитосанитарной полиции при Министерстве сельского хозяйства и животноводства, в котором трудился до марта 1940 г. Его профессиональные навыки и знание языков очень скоро были замечены коллегами, и в 1940 г. Борис Георгиевич получает приглашение начать работу в Научном обществе Парагвая. С огромным воодушевлением и энтузиазмом он берется за исследование фауны Парагвая и в первую половину 1940-х годов активно публикует результаты своих научных изысканий в печатных трудах этого общества. Особое внимание в своих исследованиях Борис Георгиевич уделяет птицам. Вместе с группой других русских натуралистов-эмигрантов, проживающих с ним в Асунсьоне многие годы в одном доме, он занимался коллектированием представителей фауны, в основном птиц, и одно время работал даже директором Музея научного общества в Асунсьоне. Результаты его научных сборов опубликованы. Семьи он не имел и похоронен на православном кладбище Риколета в Асунсьоне (19). Орнитолог и таксидермист **Евгений Евгеньевич Герценштейн (1905–2001)** родился 23 мая 1905 г. в Санкт-Петербурге в семье российского дипломата Евгения Давыдовича Герценштейна и переводчика Татьяны Николаевны (в девичестве Смирновой). Свои детские и отроческие годы Женя провел в разных странах Европы, куда направляли отца по дипслужбе, а в 1921 г. он оказался в Королевстве Сербии, Хорватов и Словенцев уже вынужденно, как сын матери-эмигрантки (с отцом связь была потеряна). Еще до войны он увлекся орнитологическими наблюдениями. После Второй мировой войны через Италию он эмигрировал в Уругвай. В Уругвае он стал коллектировать птиц для Музея природы в Монтевидео. В 1962 г. в Уругвае увиде-

ла свет книга Х. Куэлло и Е. Герценштейна «Птицы Уругвая. Систематический список, распространение, примечания». Хотя с тех пор уже прошло 52 года, она остается наиболее часто цитируемой работой по орнитофауне этой далекой южноамериканской страны. В первой половине 1970-х годов он с супругой Елизаветой Александровной Смирновой перебрался на постоянное место жительство в США, где и нашел вечный покой на кладбище в Сиэтле штата Вашингтон (22). Орнитолог и таксидермист **Дмитрий Александрович Подушкин (1877–1951)** родился 19 июня 1877 г. в Николаеве Херсонской губернии в семье военно-морского офицера. Он окончил Владимирский кадетский корпус в Киеве и Михайловское артиллерийское училище. В свободное от службы время увлекался орнитологическими наблюдениями. Его до сих пор часто цитируемая работа по птицам окрестностей Днепровского лимана вышла в трудах Крымского общества естествоиспытателей в 1913 г. В 1920 г. он эмигрировал с армией П.Н. Врангеля в греческий город Салоники. В Греции, будучи хорошим таксидермистом, занимался коллектированием птиц и изготовлением шкурок и чучел птиц для Зоологического музея Университета Аристотеля в Салониках. Орнитологическая коллекция Зоомузея представлена в основном его сборами. Часть чучел сохранилась до наших дней. Дмитрий Александрович семьи не имел, скончался в 1951 г., и место захоронения неизвестно (2). Музеи природы в Албании, Греции, Израиле, Парагвае и Уругвае, Македонии и Тунисе благополучно дожили до наших дней, а в двух последних странах до сих пор носят имена своих основателей. Таким образом, вклад российских натуралистов-эмигрантов в музееведение зарубежья, особенно Балканских стран и некоторых стран Южной Америки был весьма существенным. Очень много для защиты людей и природы от массовых нашествий саранчи сделал Противосаранчовый комитет в Лондоне, длительное время возглавляемый **сэром Борис Петровичем Уваровым (1888–1970).** Команда Уварова состояла из многих других энтомологов-эмигрантов из России: **Георгия Васильевича Попова (1922–1998)** (18), сестер **Зинаиды Васильевны (1906–1991)** и **Надежды Васильевны Валовых (1909–2001), Виталия Михайловича Дирша (1904–1982)**. В результате кровопролитной Гражданской войны основатель одной их первых заповедных территорий России – заповедника «Аскания Нова» **Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн (1863–1920)** вынужден был покинуть Россию и скончался в 1920 г. в Берлине. Его престарелая мать, оставшись у себя дома, пала жертвой красного террора, несмотря на всю свою активную благотворительную деятельность. Пожалуй, самым известным писателем о природе Маньчжурии и Российского Дальнего Востока в целом за пределами России в первой четверти XX в. был **Николай Аполлонович Байков (1872–1958)**, а в последней четверти того же века Алекс Шуматов, к которому мы еще вернемся. Семья Рерихов: глава семейства **Николай Константинович (1874–1947)**, его супруга **Елена Ивановна (1879–1955)** и оба сына **Юрий (1902–1960)** и **Святослав (1904–1993)** в конце 1920-х с группой единомышленников создали Институт Гималайских исследований «Урусвати» и организовали в нем широкую научную работу, нацеленную на изучение природы Гималаев и их окрестностей. Как жалко, что этот Институт просуществовал всего четыре года (1928–1932).

Деятели охраны природы – дети эмигрантов из Империи, родившиеся уже за рубежом.

Заметный вклад в развитие охраны природы на планете внесли и дети эмигрантов из Российской империи, уже родившиеся за рубежом. Сын русского лесника **– Николай Владимирович Полунин (1909–1997**) **–** стал одним из основателей глобального природоохран-

ного просвещения. Человек планеты в самом классическом понимании этого выражения Николай Полунин (в Британии его звали на английский манер Николасом) был одним из самых выдающихся и горячих борцов за охрану окружающей среды, а также замечательным ботаником, писателем и путешественником. Во время научно-исследовательских путешествий на Крайний Север, в Африку и на Ближний Восток он увидел своими глазами признаки переэксплуатации, перенаселения и истощения природных ресурсов, осознал ужасающие темпы разрушения окружающей среды и начал решительно действовать. Это побудило его отказаться в 1966 г. от проведения дальнейших исследований в Арктике и полностью посвятить себя решению глобальных экологических проблем. Он успел сделать очень много: учредил журналы по вопросам природоохранного просвещения, написал книги по проблемам охраны окружающей среды и учредил Фонд по охране окружающей среды, который провел четыре международные конференции. Николай Владимирович Полунин родился в Чекендоне в Англии в 1909 г. в артистическо-театральной семье. Его отец Владимир Яковлевич Полунин (1880–1957) был выпускником Лесотехнической академии из России, который позже стал художником, работающим дизайнером у Сергея Дягилева, а мать Николая – Елизабет Харт (1880–1950), ученица Л. Бакста, также рисовала для всемирно известного импрессарио. Все сыновья (у них была еще и дочь), в том числе и оба брата Николая, преуспели в академических карьерах: Олег – в ботанике и географии растений, а Иван, уехавший в Сингапур, – в медицинской антропологии. Полунин получил высшее образование в Оксфорде, который закончил в 1932 г. «с первоклассным отличием» по ботанике и экологии. Позже был Йельский университет, где он получил степень магистра в 1934 г., а затем снова Оксфорд, в котором аналог советской кандидатской диссертации был представлен к защите в 1935 г. и докторской – в 1942 г. Его ранние научные исследования касались географии растений с упором на флору Шпицбергена, Лапландии, Гренландии, Исландии, Лабрадора и различных островов востока Канадской Арктики. Во время учебы в Оксфорде Николай участвовал во вногих научных экспедициях, плоды которых позже превратились в интересные книги. Первой поездкой было путешествие простым матросом на Белое море, описанное в книге «Russian Waters» вышедшей в 1931 г. На следующий год он изучал жизнь растений на необитаемом острове Акпаток (Akpatok Island) в Гудзоновом проливе, о чем рассказано в книге «The Isle of Auks» (1932). В этой книге он также и описал смерть своего друга по экспедиции, который погиб от истощения в самом конце похода, когда Полунин пытался его спасти. Во время последующих ботанических исследований в 1930-х годах в Арктической Канаде, Гренландии, Исландии и Лапландии, будучи превосходным путешественником на собачьих упряжках, Полунин открыл несколько новых для науки растений и на ботаническом материале представил доказательства перемещений викингов между Северо-Американским континентом и Гренландией. В 1939 г. Полунин – демонстратор и лектор по ботанике, а также хранитель гербария в Оксфорде; в это время он уже выполнял функции старшего научного сотрудника и лектора по ботанике в Новом колледже (New College). Восемью годами позже, после развода с первой супругой, он возглавил каферу по ботанике в Университете Макджилла (McGill University) в Монреале, в Канаде. В 1948 г. он уехал в экспедицию ботаником для исследования канадской Арктики и обнаружил группу больших островов, которые последними были нанесены на атлас мира: Air Force Island, Prince Charles Island (Принц Чарльз родился в том же

году) и Foley Island. Об этой поездке он рассказал в своей книге «Arctic Unfolding» (1949). После непродолжительной работы в Йельском университете (1952–1955) Полунин отправляется помогать создавать университет в Багдаде в Ираке (1956–1958), но вынужден был уехать оттуда в связи с неспокойной политической обстановкой в стране. После краткого преподавания в Университете Женевы он отправляется помогать создавать университет Ифе в Ибадане в Нигерии (1962–1966), но спустя четыре года ему приходится покинуть и эту страну, также из-за волнений и беспорядков. В 1967 г. он основал научный журнал «Biological Conservation», который затем редактировал до 1974 г., пока не учредил ежеквартальный журнал «Environmental Conservation», целью которого было влияние на политику правительств многих стран в области охраны окружающей среды. Журнал быстро приобрел авторитет и признание в научном мире. Николай его редактировал до тех пор, пока его сын – профессор морской экологии, носящий такое же имя и фамилию Николас Полунин (и, кстати, очень похожий на отца лицом) – в 1995 г. не принял эстафету и не взял редакторство издания в свои руки. Полунин также организовал и проспонсировал четыре влиятельные международные конференции по будущему окружающей среды в период с 1971 по 1990 гг., которые каждый раз собирали вместе и ведущих представителей академической науки, и членов правительств со всего мира: «The Environmental Future», 1972; «Growth Without Ecodisasters?», 1980; «Maintainance of the Biosphere», 1990; «Surviving with the Biosphere», 1993. В 1975 г. с помощью международного союза охраны природы (World Conservation Union) и Международного фонда по охране дикой природы (World Wide Fund for Nature) Полунин основал (им же и управлял до самой смерти) Фонд по охране окружающей среды (The Foundation for Environmental Conservation, Geneva) в Женеве, который наряду с другими его добрыми делами поощрял и поддерживал разнообразную деятельность и публикации в данной сфере и выдавал денежные призы за особо выдающиеся достижения в этой области. В 1983 г. он был одним из тех, кто помог учредить Мировой совет по биосфере в Женеве (World Council for the Biosphere (Geneva)), который, распространяя информацию, добивался признания растущей угрозы для окружающей среды во всем мире. Именно внутри этого совета родилась идея в 1991 г. Мирового дня биосферы (World Biosphere Day), который теперь отмечается ежегодно в день осеннего равноденствия. Именно Полунин в 1988 г. помог создать международный фонд Вернадского (International Vernadsky Foundation) и связанный с ним Центр по изучению биосферы Земли (Centre for World Biosphere Studies) в Пущино. Результатами этих инициатив стали многочисленные технические статьи и монографии. Однако нельзя не упомянуть среди его более ранних работ трехтомную «Botany of the Canadian Eastern Arctic» (1940–1948) и очень авторитетное издание «Circumpolar Arctic Flora» (1959). Его введение к книге «Plant Geography and Some Related Sciences» (1960) стало настольным текстом в этой области и было переведено на многие языки мира. В общей сложности его перу принадлежит более 500 научных публикаций. Своими работами Полунин вдохновил целые поколения экологов и других специалистов-биологов. Не менее важно, что он всегда был готов помочь дельным одобряющим советом целому поколению молодых исследователей, лично делясь с людьми не только научной информацией, но и точным предвидением и заразительным энтузиазмом. Благодаря его сконцентрированным усилиям многие природоохранники, часто из удаленных и бедных институтов, раскиданных по всему белому свету, получили возможность публиковать свои открытия в его журнале и изданиях под его редакцией. Если говорить кратко, то, тратя свою неуемную

энергию на охрану окружающей среды задолго до того, как осознание необходимости таких шагов стало осознанным широкими слоями населения, Полунин показал важность и необходимость поиска баланса между растущими потребностями человечества и быстро тающими и исчезающими живыми организмами Земли. В 1987 г. он был награжден Призом Сасакава от имени ЮНЕП – наивысшим достижением в этой сфере из всех возможных. В 1991 г. его имя по инициативе ООН было внесено в список из 500 самых достойных людей планеты. В январе 1997 г. Фонд охраны окружащей среды в Женеве под редакцией Полунина подготовил и издал очень ценный справочник «World Who is Who and Does What in Environment & Conservation», составленный его личным секретарем Линн Курме (Lynn M. Curme) и содержащий 3 тыс. биографий наиболее заметных активистов природоохранного движения Земли. Осенью 2009 г. увидело свет 4-е издание этого справочника. Полунин был высоким и стройным человеком с неиссякаемой энергией. Он обладал безукоризненными манерами, великой душевной теплотой, выразительностью и достоинством. Его большой офис, с двумя огромными столами, всегда выглядел зоной стихийного бедствия, в виде огромных гор бумаг, в которых только он один мог что-либо найти. Однако все документы были упорядочены одному ему ведомым образом. В 1948 г. он вторично женился и в 1959 г. переехал в Женеву. Новая супруга Хелен полностью разделяла взгляды, стремления и чаяния своего мужа, оказывая ему всяческую поддержку и понимание почти полвека, о чем он не забывал говорить и подчеркивать. Тело Николая Полунина было кремировано в Женеве и, согласно завещанию, прах развеян родными (у него было четверо детей) над одним из любимых лугов в окрестностях Оксфорда. Кажется, что наконец настало время издать в России книгу об этом сыне русского лесника – гражданине мира и глобальном лидере природоохранного просвещения (1). Он давно этого заслуживает.

Велик вклад в развитие устойчивого развития и разумного природопользования, совмещающего интересы охраны природы и охоты, в Африке **Альберта Александровича Пригожина (1941–2008).** Гражданин Конго, Альберт Пригожин родился в 1941 г. в городке Камитуга, который находится в восточной части Демократической Республики Конго (ДРК), от конголезской матери и бельгийского горного инженера и орнитолога российского происхождения Александра Романовича Пригожина (9). В течении 40 лет, с 1967 по 2008 г., он вел в одиночку борьбу по защите окружающей среды и сохранению животных национальных парков Конго: Вирунга, Кахузи Биега, Гарамба и заказника Лвама. Теперь его подходы стало модно называть «устойчивым развитием» или «рациональным природопользованием». Он стал первым конголезцем, который занялся развитием туристического бизнеса в ДРК и в 1968 г. создал свое собственное туристическое агенство «Congo Safari». В 1970 г. благодаря своим глубоким знаниям животных и их следов в Национальном парке Вирунга, прежде известном как Национальный парк Альберта, он стал гидом для короля и королевы Бельгии и президента Конго и его супруги во время их посещения этой страны. Журналист и автор Омер Маршал и бельгийский журналист Жанин Ламботте в своей книге 1971 г. «Congo Safari» писали о нем так: «Гома имеет свою знаменитую личность: Альберта Пригожина, племянника хорошо известного профессора из университета в Брюсселе, божество русского происхождения, эрудированного авторитета по диким животным, прекрасного адвоката туризма в Конго, проживающего в Киву. С его короткой заостренной бородой, обворожительной улыбкой, фигурой танцора и интригующим шейным ожерельем из леопардовых

зубов, он является прекрасным человеком для знакомства посетителей с великими сокровищами парка Альберта». С 1993 г. он бился против беспощадной мясорубки животных в Национальном парке Вирунга браконьерами, гражданскими и военными лицами. Он неоднократно сигнализировал международной общественности и особенно ЮНЕСКО о нависшей угрозе; но вместо практической помощи, на которую надеялся, не получил ничего, кроме советов начать личную кампанию против браконьеров. В июле 1994 г. он учредил Фонд выживания Национального парка Вирунга «FSPVi», чтобы попытаться спасти этот парк. В тот год шесть итальянцев оказались насмерть замучены там браконьерами. После этих убийств Высочайшая комиссия ООН по делам беженцев UNHCR (UN High Commission for Refugees) наконец положительно отреагировала на призыв Пригожина, сделанный им за год до этого, выделив подержанное транспортное средство для борьбы с браконьерами. Ситуация стала настолько серьезной, что по требованию Альберта Пригожина Армия ДРК предоставила 12 человек в распоряжение Института IZCN. Альберт Пригожин финансировал операции против браконьеров из своего кармана до октября 1996 г., предоставляя плату за патрулирование на собственном транспорте и изготовление других доступных средств: сам Институт IZCN испытывал финансовые трудности по многим причинам. Он продолжал свою неблагодарную войну против нацеленных и хорошо экипированных браконьеров с огромным успехом, часто с риском для своей собственной жизни. Смелый и несгибаемый Альберт Александрович был убит 13 марта 2008 г. очередью, выпущенной из автомата Калашникова в 15.10, т.е. среди белого дня, недалеко от своего дома. Он разделил печальную судьбу Михаэля Гржимека, Джой Адамсон и Даян Фосси, отдавших свои жизни за защиту диких животных Африки.

Среди основателей Всемирного фонда охраны диких животных (WWF) и Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП-IUCN) не было людей из России, но один из основателей WWF **Люк Хоффманн** был женат на **Дарье Андреевне Разумовской (1925–2002)**, втором ребенке графа Андрея (Андреаса) Разумовского и принцессы Екатерины Николаевны Сайн-Витгенштейн, покинувшей Россию в 1918 г. после Октябрьского переворота (14). Среди имен, упомянутых в благодарностях к первому изданию знаменитой на весь мир многотомной сводки «Энциклопедии жизни животных Гржимека», есть одна русская фамилия – **Александр Николаевич Цуриков (1923–1979) –** профессор Мюнхенского университета. Александр Николаевич Цуриков был старшим сыном в семье Николая Александровича Цурикова (1886–1957) – известного русского публициста и общественного деятеля русского зарубежья. Александр Николаевич родился 20 апреля 1923 г. в Чехословакии, когда его родители уже находились в эмиграции. Он был старшим сыном в семье. Крестил маленького Сашу друг отца, хорошо известный отец Сергий Булгаков (1871–1944). Александр получил школьное образование в Праге, а высшее – уже в Германии, куда он перебрался вместе с родителями в самом конце войны. Их семья осела в Мюнхене – столице Баварии. В 1952 г. Александр Николаевич женился на француженке Алисе Винсент. Интерес к птицам проявился у Саши, видимо, под влиянием отца. В 1955 г. Александр Николаевич вступает в Баварское орнитологическое общество и принимает активное участие в работе этой организации. В 1958 и 1962 г. в трудах этого общества выходят его орнитологические статьи, посвященные серым мухоловкам и серой неясыти. В 1960-х знаменитый на весь мир натуралист и природоохранник профессор Бернгард Гржимек (1909–1987) начинает работать над большим и амби-

циозным проектом – энциклопедией животного мира – как бы обновленным и расширенным изданием «Жизни животных», становясь Альфредом Бремом XX в. Для описания экологии и биологии животных с территории одной шестой части суши, занимаемой в ту пору Советским Союзом, Бернгарду нужен был помощник, разбирающийся и интересующийся животными и способный переводить выжимки и резюме с русского на немецкий язык. Таким человеком для Бернгарда и стал Александр Николаевич Цуриков, к тому времени уже преподаватель кафедры русского языка в Мюнхенском университете. Он вынужден был переквалифицироваться и устроиться на работу на кафедре русистики, поскольку вакансий по его любимой зоологии в это время просто не было. В 1968 г. вышел первый том «Энциклопедии жизни животных Бернгарда Гржимека», а в 1975 г. увидел свет перевод этой сводки на английский язык в 13 томах. Жизнь Александра Николаевича оборвалась трагически – в 1979 г. в возрасте 56 лет он погиб, туша пожар у себя дома. Похоронен он вместе с родителями и другими своими родственниками на православном участке кладбища в Висбадене в Германии.

Исследование подводного мира нашей планеты было бы невозможно без исследований и трудов другого потомка русских эмигрантов **Дмитрия Ребикова** (Dimitri Rebikoff) (1921–1997). Дмитрий Ребикофф вместе с супругой Адой (1913–2011) вошли в число выдающихся пионеров подводных погружений и особенно подводной фотосъемки. Знаменитый француз Жак-Ив Кусто (1910–1997) и его команда широко пользовались открытиями и достижениями, сделанными этой выдающейся парой. Дмитрий Ребикофф родился 23 марта 1921 г. в Париже в семье русских эмигрантов. Он разработал первую подводную электронную вспышку, стереофото и камеры для съемок, первый в мире подводный скутер Торпиль, затем транспортное средство для ныряльщиков Пегасус и первое дистанционно управляемое транспортное средство. Его вклад в равитие подводной фотосъемки был по сути прокладкой новых путей в изучении Мирового океана. После Второй мировой войны Д. Ребикофф – студент Университета Сорбонны в Париже. Позже он переезжает в Лозанну в Швейцарию, где открывает мастерскую и делает свое первое важное изобретение – колорметр, измеритель под водой соотношения цвета и температуры. В 1947 г. он изобретает портативную электронную вспышку, что становится важной вехой в развитии научно-технической фотографии. Например, с ее помощью становится возможным получить картину летящей пули со скоростью работы затвора, составляющей всего одну миЛлионную долю секунды. В 1952 г. он разрабатывает подводный скутер «Torpille», который позже становится первым в мире дистанционно управляемым подводным транспортным средством под названием «Poodle». В 1953 г. он разрабатывает подводное транспортное средство для ныряльщиков «Pegasus». «Pegasus» был оборудован гидроинструментами и очень скоро получил международное признание. В 1959 г. Ада и Дмитрий Ребиковы перебираются в США. Дмитрий работает ведущим инженером в таких компаниях, как Loral, Chicago Bridge etc. Новые технологии приводят к дальнейшему усовершенствованию телевизионных камер и высокоскоростных подводных кинокамер. Подводные транспортные средства, как «Pegasus» и «Sea-Inspector», оборудованные подводными камерами, использовались нефтяными компаниями, киноиндустрией, Океанографическим офисом и Военно-морским флотом США. В 1980 г. Дмитрий Ребикофф создал некоммерческий Институт морских технологий в Форте-Лодердейл во Флориде в США. Перу Ребикова принадлежит несколько книг. Все они изданы на французском языке, за исключением одной, последней, вышедшей на английском языке.

Он является автором книг: «L'Exploration sous-marine / Подводные исследования» Arthaud (1952), фотоальбома «Sortilèges de Paris / Волшебство Парижа» Arthaud (1952), 40 фотографий и схем в книге «Photo sous-marine / Подводная фотография» Publications Paul Montel (1952), «La Pratique du flash électronique / Практика электронной вспышки», Publications Paul Montel (1955), «En Avion sous la mer / Самолет над морем» Éditions Horay (1956), «L'Aviation sous-marine / Авиационный дайвинг» Flammarion (1961), «Underwater Photography / Подводная фотография» Amphoto (1975). В 1994 г. с целью дальнейшего совместного изучения подводного мира с помощью правительства Азор и примкнувших университетов на Азорских островах был учрежден некоммерческий фонд Ребикофф-Ниггелер. Фонд опирается на достижения Ады и Дмитрия Ребиковых и имеет свой веб-сайт на трех языках[5].

Много сделали для развития подводного экологического туризма в тропиках внуки русского врача-эмигранта, родившиеся уже за границей, **Николай и Драган Поповы**. Они являются авторами книг «The Bahamas Rediscovered» (1992) и «Children of the Sea» (2000). У них есть сайт в Интернете «Island Expedition»[6].

Заметный вклад в изучение водорослей Балтийского моря внесла правнучка Льва Николаевича Толстого гидроботаник и орнитолог-любитель **Анна Павловна Толстая** 1937 г**.** рождения (7). Заметен вклад в экологическое просвещение части планеты, говорящей на английском языке, **Алекса Шуматоффа**, сына русских эмигрантов, родившегося в 1946 г. уже в Нью-Йорке. Он написал следующие книги: «Florida Ramble» (1974), «The Rivers Amazon» (1978), «The Capital of Hope» (1978), «Westchester, Portrait of a County (1979)», «Russian Blood» (1982), «The Mountain of Names» (1985, 1995), «In Southern Light: Trekking through Zaire and the Amazon» (1986), «African Madness» (1988), «The World is Burning» (1990), «Legends of the American Desert: Sojourns in the Greater Southwest» (1997). Все его книги пронизаны озабоченностью и беспокойством за состояние окружающей среды. Он является также автором сценария отличного фильма «Гориллы в тумане» про жизнь знаменитой исследовательницы горных горилл Дайян Фосси (Dian Fossey) (1932–1985). Книги Дайян переведены на русский язык, а вот книги самого А. Шуматова, к сожалению, пока еще нет.

Биолог, просветитель, природоохранник, экосоциалист и политический активист **Барри Коммонер (Barry Commoner) (28 мая 1917 – 30 сентября 2012)** являлся до недавних пор главной движущей силой современного движения в защиту окружающей среды. Он знаменит и хорошо известен, прожил 95 лет. Факт, что он родился в семье эмигрантов из России, в Бруклине не столь широко известен. Другой выдающийся американский деятель охраны природы, эксперт в области управления водными ресурсами, борьбы с загрязнением водоемов и повторного использования воды профессор **Даниэль Окунь (Daniel A. Okun) (19 июня 1917 – 10 декабря 2007)** родился тоже в Нью-Йорке в семье Билла Окуня и Ли (Селигман) Окунь – эмигрантов из Беларуси. Автор многих книг об охране природы, историк культуры, учитель и редактор **Шерман Поль (Sherman Paul) (26 августа 1920 – 28 мая 1995)** родился в Кливленде в штате Огайо у торговца Якоба и Гертруды (Левитт) Поль – эмигрантов из Киева с Украины. Видное место в изучении подводной фауны тропиков принадлежит также профессору **Айре Рубинову (Ira Rubinoff)**, родившемуся в 1938 г. уже в США в семье эмигрантов из Российской империи. Айра – морской биолог и бывший директор Смитсоновского тропического научно-исследовательского института в Панаме.

Как мы видим, эмигранты из России немало сделали в области развития зоопаркового движения, создания и пополнения коллекций естественно-научных музеев и экологического просвещения на Земле.

Список литературы

1. Ван Импе Ж., Шергалин Е.Э. Александр Романович Пригожин (1913–1991) – русско-бельгийский орнитолог из Заира // Русский орнитологический журнал. – СПб., 2009. – № 18 (534). – Стб. 2223–2227.
2. Жалнина-Василькиоти И.Л., Шергалин Е.Э. Дмитрий Александрович Подушкин (1877–1951) – один из основателей зоологического музея Государственного университета имени Аристотеля в Салониках // Там же, 2016. – № 25 (1282). – Стб. 1631–1639.
3. Кузнецов, Н.А., Шергалин Е.Э. Моряк в пустыне: лейтенант В.А. Шумович – флотский офицер и естествоиспытатель. // Кортик. – СПб., 2013. – № 14. – С. 41–47.
4. Кузнецов, Н.А., Шергалин Е.Э. Моряк в пустыне: лейтенант В.А. Шумович – флотский офицер и естествоиспытатель // Кортик. – СПб., 2015. – № 15. – С. 36–46.
5. Франкьен И., Шергалин Е.Э. Орнитолог Борис Павлович Яковлев (1881–1947) – первый директор Музея Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК) // Русский орнитологический журнал. – СПб., 2010 – № 19 (600). – Стб. 1727–1745.
6. Франкьен И., Шергалин Е.Э., Новомодный Е.В. 2010. Михаил Аркадьевич Фирсов (1879–1941) – орнитолог, краевед и натуралист // Там же. – 2010. – № 19 (612). – Стб. 2051–2061.
7. Шергалин Е.Э. Доктор Анна Толстая – орнитолог и ботаник из Швеции // Там же. – 2010 – № 19 (569). – Стб. 807–814.
8. Шергалин Е.Э. Энтони Босли – русско-британский орнитолог из Финляндии // Там же. – 2010 – № 19 (563). – Стб. 635–638.
9. Шергалин Е.Э. Николай Владимирович Полунин (1909–1997) – сын русского лесника и один из основателей глобального природоохранного просвещения // Экологическое образование для устойчивого развития: Теория и педагогическая реальность: Материалы XI научно-практ. конф. – Нижний Новгород: НГПУ, 2011. – С. 45–48.
10. Шергалин Е.Э. Василий Васильевич Пузанов (1884?–1964) – один из основоположников орнитологии в Албании // Русский орнитологический журнал. – СПб., 2012. – № 21 (789). – Стб. 2069–2080.
11. Шергалин Е.Э. Евгения Сергеевна Иловайская – защитница животных в Тунисе // Берега. – СПб., 2012. – Вып. 16. – С. 16–19.
12. Шергалин Е.Э. Орнитологу, меценату и защитнику природы доктору Люку Хоффманну – 90 лет! // Русский орнитологический журнал. – СПб., 2013. – № 22 (881). – Стб. 1369–1378.
13. Шергалин Е.Э. Граф Илья Андреевич Толстой (1903–1970) – один их основателей первого в мире океанариума. // Астраханский вестник экологического образования. – Астрахань, 2013 – № 1 (23). – С. 197–202.
14. Шергаини Е.Э. Сирота № 7, или Дама Британской империи Ольга Николаевна Уварова // Берега. – СПб., 2013. – Вып. 17. – С. 23–24.
15. Шергалин Е.Э. Якоб Якобович Унгер (1894–1959) – основатель краеведческого музея и коллектор птиц Парагвая // Русский орнитологический журнал. – СПб., 2013. – № 22 (912). – Стб. 2287–2302.
16. Шергалин Е.Э. Энтомолог и член Британской империи Георгий Васильевич Попов (1922–1998) // Астраханский вестник экологического образования. – Астрахань, 2014. – № 1 (27). – С. 256–259.
17. Шергалин Е.Э. Борис Георгиевич Подтягин (1892–1959) – орнитолог, энтомолог и директор Музея научного общества Парагвая в Асунсьоне // Русский орнитологический журнал. – СПб., 2014. – № 23 (1020). – Стб. 2071–2091.
18. Шергалин Е.Э. Николай Антонович Незлобинский (1885–1942) – врач, зоолог и основатель Музея природы в городе Струга, Македония // Там же. – 2014. – № 23 (959). – Стб. 179–188.
19. Шергалин Е.Э. Анатолий Стефанович Лукашкин (1901–1988) – русский орнитолог, зоолог и видный общественный деятель русского зарубежья // Там же. – 2015. – № 24 (1200). – Стб. 3639–3662.

20. Шергалин Е.Э. Евгений Евгеньевич Герценштейн (1905–2001) – педагог и орнитолог, соавтор классической работы по птицам Уругвая // Там же. – 2015. – № 24 (1105). – Стб. 463–481.
21. Шергалин Е.Э. Доктор Израэль Ахарони (1882–1946) – выходец из России и основатель зоологии на древней земле Израиля. // Современные проблемы зоологии, экологии и охраны природы: Мат. чтений и науч. конф., посвящ. памяти проф. Андрея Григорьевича Банникова и 100-летию со дня его рождения. Москва – 24 апреля 2015 г. – М.: ГАУ «Московский зоопарк»: ООО «Сам Полиграфист», 2015. – С. 245–248.

Примечания

[1] Режим доступа: http://www.fsl.orst.edu/geowater/PEP/afsc/miller/

[2] В скобках здесь и далее приводится номер из списка литературы, приведенного выше.

[3] Режим доступа: http://yle.fi/aihe/artikkeli/2015/03/18/anthony-bosley-oli-heinolan-alkuperainen-lintuparantaja

[4] Режим доступа: http://www.org.mk/struga-heritage/tekst.asp-lang=eng&tekst=417.htm

[5] Режим доступа: http://www.rebikoff.org/index.html

[6] Режим доступа: http://islandexpedition.com/

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

Ю.С. Цурганов

НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (НТС). СТУПЕНЧАТЫЙ СНОС ДИКТАТУРЫ

ЦУРГАНОВ Юрий Станиславович, кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Посев» (2006), член НТС (1991)

2 апреля 1920 г. верховный комиссар Великобритании в Константинополе от лица своего правительства сделал генералу А.И. Деникину следующее заявление:

«Верховный совет держится того взгляда, что продолжение гражданской войны в России вызывает наибольшую тревогу при современном положении Европы. Правительство Великобритании желает представить на усмотрение генерала Деникина, насколько для него было бы полезно в настоящем положении, чтобы было сделано предложение советскому правительству о даровании амнистии, как вообще для населения Крыма, так и для личного состава Добровольческой армии – в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее важно для России, Великобританское правительство, получив согласие генерала Деникина, взяло бы на себя ведение переговоров и готово оказать генералу Деникину и его ближайшим сотрудникам гостеприимный приют в Великбритании […]»[1].

Это не первое, но одно из наиболее важных звеньев в цепи капитуляций Запада перед коммунистической системой, приведшей к ее распространению на многие страны: через 40 лет после упразднения Коминтерна, к 1983 г., в «лагере мира и социализма» были объединены 34% населения Земли. Капитуляции чередовались с некоторой помощью последовательным борцам, преимущественно из числа представителей стран, охватываемых коммунистической диктатурой.

Британская нота не застала Деникина на посту главнокомандующего, и была вручена его преемнику, генералу П.Н. Врангелю. Восемь месяцев белой государственности в Крыму – с марта по ноябрь 1920 г. – сменились тем, что в конце того же года на рейде Константинополя сосредоточилось до 126 русских судов. Было признано необходимым сохранить организацию кадров Русской армии[2].

«Все, кто помнит наше Добровольческое движение, вспомнит, что в кадры Добровольческой армии вливались всегда в значительной мере русские интеллигенты. От старого режима Добровольческая армия получила кадры старых царских офицеров, видевших бои Великой войны; от времен революции она получила приток юношества, оторванного от родной семьи и школьной скамьи. […] Борьба с большевиками была для них сознательной борьбой не только за свой дом и свою землю, но за принципы культуры и права»[3].

1 сентября 1924 г. Русская армия была трансформирована П.Н. Врангелем в военную организацию – Русский общевоинский союз (РОВС)[4], а 1 июля 1930 г. в Белграде начал работу объединенный Съезд национальных союзов молодежи русского зарубежья. Эту дату считают днем рождения НТС. Член Союза, как его называли активисты, с 1935 г., Аркадий Петрович Столыпин напишет в 1980-е: «Он рождается органически, вместе с новым чувством времени. Как раз в переломный 1930-й год. И не случайно. Это прямой, закономерный ответ на торжество в нашей стране сталинщины»[5].

Член НТС Николай Георгиевич Росс, родившийся в 1945 г. в Париже в русской семье, скажет в 1990-е: «Это время конца НЭПа, коллективизации, начала установления единовластия Сталина. Что касается коллективизации, это время завершения начатого в 1917 г. революционного процесса путем уничтожения того слоя России, который был как бы еще вне государства […]. С того момента Россия стала сплошь “государством нового типа”, во всяком случае в идее. Упраздняется любая возможность контрреволюции […]. Это является одной из причин упадка тех групп эмиграции, которые стоят на чисто контрреволюционной позиции»[6].

НТС несколько десятилетий будет именовать себя *революционной* организацией, ведущей бескомпромиссную борьбу с коммунизмом, большевизмом, советской властью (советской системой), рассматривая эти термины как синонимы в своих коротких документах, а в развернутых аналитических текстах трактуя коммунизм как идеологию, большевизм как метод, советскую власть как малоадекватное, но устоявшееся самоназвание системы.

Термин «социализм», взятый на вооружение советской системой, тоже воспринимался как принадлежащий к арсеналу противника, но отношение к нему было более мягкое. По свидетельству председателя НТС в 1990-е годы Бориса Сергеевича Пушкарева, члены НТС читали *не как вражескую* выходившую в эмиграции с начала 1920-х меньшевистскую газету «Социалистический вестник» (подробно читали и советскую, и нацистскую прессу, но ее изучали именно как вражескую). Сочувственно относились к проекту Александра Дубчека «социализм с человеческим лицом», см., например, материал «Советские танки против чехословацкого народа» (1968), повторно опубликованный журналом «Посев» в 1988 г. (№ 8). Двумя изданиями (1969 и 1974) в издательстве «Посев» во Франкфурте-на-Майне вышла книга Роже Гароди «Крутой поворот социализма». В 1969 г. Р. Гароди – еще член Политбюро компартии Франции, в 1974 г. – беспартийный. Вместе с тем НТС никогда не призывал, в отличие от многих западных интеллектуалов, строить «правильный» социализм, или «исправлять» имеющийся.

Проектируя постсоветское будущее России, НТС будет держать в поле зрения послевоенный опыт Германии. В 1987 г. в австралийском филиале издательства «Посев» выйдет перевод книги Освальда фон Нелль-Брейнинга «Построение общества», в 1990 г. в нью-йоркском филиале – перевод книги Людвига Эрхарда «Благосостояние для всех».

Применительно к началу 1930-х годов А.П. Столыпин продолжает: «Мировой экономический кризис приводит капиталистический мир на грань катастрофы. Идеологические поиски обращены, однако, главным образом к родной почве: […]

блестящая плеяда мыслителей начала нашего века: С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, Сергий Булгаков, И.А. Ильин… Солидаристической доктрины, как таковой, еще нет. Но крепнет солидарность, проявляющаяся в общем деле. […] Однако самой жизнью некоторые имена выдвигаются: председатель Союза В.М. Байдалаков, генеральный секретарь М.А. Георгиевский, союзные руководители в Белграде, Праге, Париже, – такие, как К.Д. Вергун, Д.В. Брунст, В.Д. Поремский… Это авторитеты нового времени. А авторитеты прошлого? Ведь Россию надо было строить. Союзу близки люди, которых Солженицын воплотит гораздо позднее в образе Воротынцева. Люди, боровшиеся за расцвет России, а не за ее увядание: царь Александр II, потом Столыпин, уже в пору крушения – Врангель…»[7]

В тексте, вышедшем от имени упомянутого Дмитрия Брунста, захваченного советскими спецслужбами в конце Второй мировой войны, сказано: «Картины кризиса тридцатых годов в Европе: у меня на постройке длинные очереди желающих получить работу; когда надо было принять 30 человек, приходило 500–600, и из них большинство никогда не державших лопату в руках […] мы все знали о взяточничестве, коррупции, подлогах, известиями о которых пестрела пресса»[8].

Д.В. Брунст писал под контролем, но обратим внимание на пять слов в конце этого текста. Советская пресса ничем подобным не «пестрела», но не по причине отсутствия социальных проблем в СССР, а по причине отсутствия возможности публично их обсуждать. Поэтому одним из важнейших направлений работы НТС всегда было печатное слово и слово в радиоэфире. Помимо широко известных в СССР во второй половине XX в. Русской службы British Broadcasting Corporation, «Радио Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна», существовала не столь мощная, но не менее профессиональная радиостанция НТС «Свободная Россия», вещавшая с территории Западной Европы, Южной Кореи и Тайваня[9].

Д. Брунст дает адекватное представление о настроениях НТС 1930-х годов, если освободить его текст от позднейших вставок и кавычек:

«[…] Мечта о возвращении домой неразрывно была связана с представлением о крушении советского строя, об освобождении России. И чем дальше, чем активнее становилась наша работа, […] – мы, […], представляли себя в будущем в качестве политической организующей силы, призванной руководить народными массами России»[10].

Теперь восстановим очевидно советские вставки и кавычки, выделив их курсивом, и прочитаем фразу снова:

«*К нашему несчастью*, мечта о возвращении домой неразрывно была связана с представлением о крушении советского строя, об *«*освобождении*»* России. И чем дальше, чем активнее становилась наша работа, *тем более искаженными и уродливыми становились наши представления* – мы, *потерявшие путь, безнадежно запутавшиеся*, представляли себя в будущем в качестве политической организующей силы, призванной руководить народными массами России»[11].

«*К нашему несчастью… тем более искаженными и уродливыми становились наши представления… потерявшие путь, безнадежно запутавшиеся».* Слово «освобождение» применительно к России – в кавычках. Вполне вероятно, что исходный текст Д. Брунст писал сам, но этот текст был подвергнут серьезной редактуре[12].

О работе Брунста под контролем свидетельствует в том числе такая деталь. Почему жизнь члена НТС Георгия Сергеевича Околовича в изданной в 1961 г. брошюре названа «не такой уж долгой»[13]? Вероятно, Брунсту было сообщено об Околовиче как об уже покойном, считая, что успех дела по его ликвидации обеспе-

чен, и не сообщено о провале операции. В 1961 г. Околович разрядил бомбу, подложенную на месте строительства нового здания «Посева»[14]. Фраза про «не такую уж долгую жизнь» в брошюре, очевидно предназначавшейся для русских читателей за рубежом[15] (на четвертой странице обложки, вопреки правилу, не проставлена цена в рублях или копейках), осталась, видимо, по неряшливости издателей. Г.С. Околович умер в 1980 г. в возрасте 79 лет.

Наименования НТС в разные периоды развития:

Национальный Союз русской молодежи (НСРМ): 1930–1931 – начало объединения русских молодежных кружков из разных стран;

Национальный Союз нового поколения (НСНП): 1931–1936 – численный и идейный рост Союза, введение возрастного ценза – прием в Союз только родившихся после 1895 г., выдвижение идеи Национальной революции, первые нелегальные проникновения на территорию СССР с целью изучения обстановки, первые жертвы членов Союза от рук НКВД;

Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП): 1936–1942 – установление эмблемы Союза – «трезуб», знак начала российского государства, родовой знак великого князя Владимира Святого; проникновение членов Союза на территорию СССР с целью распространения идей и создания групп сторонников; запрещение Союза в нацистской Германии – НТС отказался войти в состав созданного в 1937 г. единого Управления делами русской эмиграции в Германии (документы УДРЭ в фондах Русского заграничного исторического архива («Пражского архива»), ныне в ГА РФ); переход к подпольной, конспиративной деятельности, проникновение членов Союза на оккупированную территорию СССР с прежней целью;

Национально-трудовой союз (НТС): 1942–1957 – организация перестает быть только эмигрантской, создается программа в соавторстве с соотечественниками из СССР; принятие в 1949 г. «молекулярной теории», разработанной Владимиром Дмитриевичем Поремским, определившей тактику деятельности НТС на территории СССР – создание не контактирующих между собой отдельных групп и одиночек, имеющих связь непосредственно только с центром; акции по спасению от репатриации «перемещенных лиц» («ди-пи» Displaced Persons), открытие в ноябре 1945 г. журнала «Посев» (изначально – бюллетеня, затем, до 1968 г. – газеты), принятие резолюции Совета НТС в 1957 г. о современном (после XX съезда КПСС) этапе революционной борьбы, в резолюции впервые утверждалось, что крушение коммунизма на территории России будет связано как с движением сопротивления в народных слоях, так и с расслоением внутри правящей номенклатуры.

Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС): 1958 – настоящее время – работа издательства «Посев»: вывоз рукописей и публикаций, не издаваемых в СССР, ныне всемирно известных авторов, передача различными способами на территорию СССР отпечатанной литературы; поддержка Диссидентского движения в СССР, участие в самоорганизации рождающегося во второй половине 1980-х годов гражданского общества России, поднятие (Ростислав Борисович Евдокимов) российского триколора на митинге в Санкт-Петербурге в 1987 г. как объединяющего символа демократической оппозиции; участие в противодействии ГКЧП 19–21 августа 1991 г. (изготовление 30 тыс. листовок), выдвижение идейных альтернатив в постсоветских условиях, продолжение издательской деятельности.

Работа НТС в годы войны между СССР и Германией описана самой организацией, как направленная на оформление Третьей силы – против нацизма и коммунизма[16]. Наиболее ярко это отражено в книге Александра Степановича Казанцева:

«Многие миллионы русских людей – число их к концу войны поднялось до

12 миллионов – были привезены на работу в Германию. Приехав сюда, они возненавидели немцев больше, потому что увидели их ближе. Возненавидели за обман, за бесчеловечную, звериную жестокость, с которой пришли они к нашему народу, встретившему их как освободителей. Но вместе с тем острее, чем раньше, они осознали необходимость борьбы и против большевизма. "Проклятая Германия" – говорили они, но, говоря это, не могли не видеть, что "проклятая" она для них, для русских. Они видели, и многие испытали на себе, весь ужас немецкого рабства, но не могли не видеть, как живет немецкий народ и другие народы Европы. Разве снилась когда-нибудь нашему колхознику в годы мира такая жизнь, какую имел немецкий крестьянин во время войны и накануне поражения Германии? Разве мог мечтать наш рабочий о таких условиях жизни, в каких жил европейский рабочий даже под игом национал-социализма на четвертом-пятом году войны? Ложь большевизма, обнаружившись так наглядно, оттолкнула их от него навсегда. Но они не могли пристать и к другому берегу просто потому, что для них его не было.

Привезенные в Европу, они оказались в положении классически безвыходном. Для них были непримиримыми врагами и немцы, и большевики. Но что можно было делать? Бороться и против тех, и против других было не только трудно, но и невозможно – это было уделом немногих. Каждый акт саботажа, будь то на немецкой фабрике или на транспорте, символически хотя бы помогал большевизму. Борьба против Красной армии, во-первых, била бы не в цель – в ней были такие же русские люди, обманутые большевиками, а во-вторых, помогала бы немцам. В раздвоенном мире рассудка и чувств жили эти люди годами. Эмоционально, сердцем предвкушали радость от сознания, что скоро русские солдаты пройдут победителями по улицам проклятого Берлина, что пропитанная русскими слезами и кровью немецкая злая земля почувствует, что значит возмездие. Рассудком понимали, что победа, купленная русской кровью, русским талантом и трудом, будет использована большевизмом для еще более жестокого закрепощения русского народа.

Радовались каждому сообщению с фронта о немецких поражениях и неудачах, но не могли не видеть, как в освобожденных Красной армией городах и селах растут леса виселиц для ни в чем не повинных рабочих и крестьян, как снова намертво завинчивается пресс коммунистической диктатуры.

Эти люди представляли собой благодарную аудиторию для русской национально-политической пропаганды. Помимо своей воли вовлеченные в водоворот происходивших событий, вырванные чужой рукой из мира обывателя, всегда и всюду тормозящего политическую активность, они самой судьбой принуждены были искать выход из создавшегося тупика в каких-то общих больших решениях. Среди этих людей не нужно было заниматься антинемецкой пропагандой – это делала на каждом шагу сама жизнь. Еще меньше они нуждались в пропаганде антикоммунистической, у них за спиной было 20 лет жизни под советским гнетом. И каждый из них автоматически только за то, что он остался с этой стороны фронта, а не ушел с Красной армией или в партизаны, – с точки зрения советского "правосудия", уже был государственным преступником. Третья сила была для них само собой разумеющимся и единственно возможным и приемлемым выходом. Нам оставалось только сформулировать эти мысли в отчетливые формулы лозунгов и сделать их достоянием миллионов людей. Для этой работы часть наших групп, готовых к очередным отправкам на родину, пришлось задержать в Берлине. Постепенно собралось там около двухсот человек»[17].

НТС охватывал своей работой не только соотечественников, вывезенных в

Германию («остарбайтеры»), но и жителей оккупированных восточных областей, советских военнопленных, лиц, освобожденных из плена, позже – беженцев (людей, уходивших с отступающей оккупационной армией – беспрецедентное явление в мировой истории).

Советские и просоветские авторы оценивают деятельность НТС в 1941–1945 гг. как коллаборационистскую, что входит в противоречие с фактами множественных репрессий нацистских спецслужб против членов Союза[18].

Охота велась с обеих сторон. В 1993 г. был опубликован «Алфавитный список агентов иностранных разведок, изменников Родины, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников, подлежащих розыску. (Данный список является совершенно секретным документом, и им могут пользоваться только оперативные сотрудники органов КГБ.)»[19] Например: «Мондич Михаил Дмитриевич, 1923 г. рождения, урожд. с. Нанково Хустского р-на Закарпатской обл., украинец, образование среднее. Среднего роста, брюнет, лицо овальное, глаза карие, на правой щеке шрам […]».

7 марта 1953 г. вышел *специальный выпуск органа революционного движения солидаристов* «Посев». Главная статья двухполосного выпуска называется «Наши задачи». Приведем ее текст полностью:

«Умер Сталин.

Изменилось ли положение нашего народа? Нет, не изменилось. Колхозы, закабаление рабочих, духовное рабство интеллигенции – остались. Бесправие, нищенская оплата труда, постоянная неуверенность в завтрашнем дне, попрание гражданских свобод – остались. Изменилось ли управление нашей страной? Нет, не изменилось. Самоуправная, бесконтрольная диктатура, попирающая даже свои собственные законы – осталась. Коммунистическая партия, карательные органы, концлагеря остались. Изменились ли цели диктатуры? Нет, не изменились. Насильственное построение рабского коммунизма в нашей стране – первая цель – осталась. Насильственное, путем войны распространение рабского коммунизма на весь мир – вторая цель – осталась. Следовательно, в результате смерти Сталина ни положение нашего народа, ни управление нашей страной, ни цели диктатуры не изменились.

Сталин умер – сталинский режим остался. Сталинские последыши будут пытаться сохранить этот режим. Они не сделают никаких изменений, которые могли бы облегчить жизнь народа. Даже если бы они хотели. Они сейчас будут жестоко бороться между собой за место диктатора. Они будут преследовать в этой борьбе свои интересы, а не интересы народа. Нанося удары друг другу, они будут прежде всего бить по народу.

Кто же может изменить положение? Кто может после смерти Сталина похоронить и сталинский режим? Это может сделать только сам народ. Путь – один: революция. Кучку сталинских последышей, цепляющихся судорожно за власть, надо уничтожить и взять власть в свои руки. Обстановка для революции еще не была так благоприятна, как сейчас. Обезглавленные смертью вождя сталинцы, раздираемые внутренней враждой, хорошая мишень для удара. Они чувствуют это и в страхе проводят чрезвычайные мероприятия, призывают самих себя не допустить разброда и паники, кричат о монолитности партии и одновременно разгоняют ее президиум, истерически угрожают “внутренним врагам”, заклинают друг друга быть сплоченными. И все это вместо того, чтобы спокойно похоронить своего любимого вождя.

Обоснован ли их страх? Да, обоснован. Они может быть, лучше всех видят те революционные возможности, которые сейчас создались в нашей стране, открылись перед нашим народом. Значит ли это, что дело революции уже обеспечено? Что революция произойдет сама собой? Нет, для дела революции нужно упорно работать. И в нынешней обстановке, обстановке больших революционных возможностей

надо работать особенно упорно и напряженно. Отдавать все свои силы делу революции.

Что необходимо сейчас для революции? Распространять идею революции, как единственного выхода из создавшегося положения, когда власть находится в состоянии ожесточенной внутренней борьбы, а народ жаждет коренного изменения режима. Укреплять и увеличивать нашу революционную организацию, создавать пропагандой обстановку для быстрого роста небольших, не больше двух-трех человек, революционных групп. Внимательно следить за развитием событий, чтобы не пропустить благоприятных моментов для нанесения власти ударов, пусть даже небольших.

Ждать сигнала Революционного штаба для нанесения решительного удара. Таковы задачи революционного движения».

Далее следуют короткие тексты: «Боятся восстаний в армии», «Под контролем МВД», «Обращение к народу и армии» о том, что никакие обещания, никакие маневры во внутренней или внешней политике не должны никого обмануть, и что в предстоящей борьбе за свободу народа первое слово – за армией. Это Обращение, подписанное Исполнительным бюро совета НТС датировано 4 (!) марта 1953 г.

После этого в рамке и жирным шрифтом напечатан текст «Смерть диктатора», в нем читаем: «После Сталина остались его наследники. […] это – оставшиеся после всех чисток, показательных процессов, худшие из худших, сохранившие свою жалкую жизнь и власть доносами, интригами, изменой, бесчеловечностью. […] Существует непреклонный, железный закон истории, что наследники тиранов диктаторов не в состоянии удержать власть в своих руках […]»

Вторая полоса специального выпуска включает большую редакционную статью «Сталинские последыши захватили власть» и отклики на смерть диктатора из мировой печати. Статья состоит из семи разделов. Первый – «Захватчики скрывали смерть Сталина» – объясняет датировку Обращения Исполнительного бюро 4-м числом: «[…] последыши […] начиная уже со 2 марта лихорадочно работали над захватом власти и концентрацией своих сил». Второй – «Власть в руках пятерки» – называет Маленкова, Молотова, Берия, Булганина и Кагановича. (По крайней мере, в пятом издании, 1986 г. выпущенной «Посевом» монографии Абдурахмана Геназовича Авторханова «Загадка смерти Сталина (Заговор Берия)» на обложку вынесены фотографии Берия, Хрущёва, Булганина и Маленкова.) Третий раздел – «Усиление контроля над армией» – о страхе перед каким-либо выступлением Жукова. Четвертый – «Единственная забота – удержать власть», пятый – «“Рекомендации” захватчиков» – о том, что созванная на 14 марта 4-я сессия Верховного совета играет чисто декоративную роль, «сессия утвердит произведенный пятеркой захват власти». (Авторы «Посева» неоднократно писали о том, что «советская власть» вообще является лишь ширмой, реальная же власть в государстве принадлежит партийному руководству. Еще одна, двухтомная, монография А.Г. Авторханова называется «Происхождение партократии».) Шестой раздел – «Под гипнозом страха», седьмой – «В условиях борьбы за власть».

Собранные и систематизированные НТС отклики мировой печати дают информацию о том, что отдельные газеты вспоминают время накануне Второй мировой войны, когда союз Сталина с Гитлером позволил последнему начать войну, занять почти всю центральную и западную Европу, – после чего Гитлер напал на своего «союзника» и нанес народу России неисчислимые потери. «Так, беспринципная политика коммунистического диктатора, – резюмирует “Посев”, – стоила жизни нескольким десяткам миллионов человек». Запад готов по-прежнему «с оружием с оружием в руках встретить любую провокацию коммунистов». (Дальнейшие события, по крайней мере

в Европе, этого не покажут.) В США заявляют, что смерть Сталина и опубликованные новой властью сообщения не изменят американской политики. Папа Пий XII молился о даровании Богом лучшего будущего народу России, порабощенному коммунистической тиранией. «До этого Папа выразил пожелание, чтобы Сталин раскаялся перед смертью во всех своих злодеяниях и умер, как подобает христианину». Специальный выпуск завершается напоминанием адреса и телефона Российского комитета помощи в Западном Берлине.

«Правда о Венгрии» – так называется брошюра, изданная «Посевом», и посвященная Венгерской революции 1956 г.[20] Оценка «венгерских событий» как революции составляет контраст с советской и созвучными оценками происходившего той осенью[21]. По ним, в Венгрии происходил контрреволюционный мятеж. (Представляется, что эта терминологическая игра не имеет принципиального значения. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. левые круги России часто называли контрреволюцией, или предательством революции, похоронившей (похоронившим) завоевания двух революций – 1905 г. и февральской 1917 г.)

Что касается сути происходившего в 1956 г. в Венгрии и участия НТС, приведем текст одной из множества листовок на русском языке и языках социалистических стран Европы, распространявшихся организацией в те дни.

«Русские солдаты и офицеры в Венгрии!

Товарищи! Коммунистические диктаторы превратили нашу страну в концлагерь. Удушение свободы, непрерывный террор КГБ, издевательства, полуголодная жизнь – вот что мы видим у себя на родине. Тираны и убийцы из ЦК КПСС совершили новое преступление, послав вас подавлять народное венгерское восстание. Они заставили вас быть не солдатами, а убийцами борцов за свободу, женщин и детей. Разве это достойно такого народа, как мы? Разве это не позор для нас и нашей страны?

Товарищи! Революционный штаб НТС – Национально-трудового союза (российских солидаристов) – призывает вас не выполнять преступных приказов власти. Поверните оружие против коммунистических палачей! Присоединяйтесь к восставшим! К вам присоединятся другие части и это будет ядро Российской революционной армии. Коммунистическая власть шатается. Наши войска, двигаясь в Россию, превратятся в лавину, которая сметет коммунистическую диктатуру. Знайте: народно-революционное правительство Венгрии и правительство Австрии обеспечат вам при переходе на сторону Венгерской революции защиту и невыдачу советским властям. Устанавливайте связь с Ревштабом НТС по радио в диапазоне 5,5–6,0 мегагерц. Слушайте инструкции Ревштаба по радиостанции “Свободная Россия” на коротких волнах 46,7; 44,2 и 28 метров, или 6,4; 8,8 и 10,7 мегагерц. Передачи идут круглые сутки. При переходе на сторону венгерских революционеров требуйте у них связать вас с представителями Ревштаба НТС в Венгрии. Только революционным путем свергнем мы коммунистическую диктатуру у нас на родине.

Стреляйте в того, кто отдал приказ стрелять в народ! Да здравствует Народно-освободительная революция! Несем тиранам смерть! Несем трудящимся свободу!»

По оценке самого НТС, за годы листовочных кампаний было изготовлено и распространено 100 млн экземпляров применительно к различным событиям. Листовки отправлялись и на территорию СССР на воздушных шарах. Специальный механизм сбрасывал их порционно.

Стратегии и тактике революции в тоталитарном государстве посвящена книга члена НТС Александра Рудольфовича Трушновича «Ценою подвига» (1955). Запоминающимся рефреном положений данной работы является вопрос: «Как будет действовать враг?» Еще до выхода книги из печати ее автор был похищен и убит сотрудниками КГБ – факт, признанный данной организацией в начале 1990-х годов.

Осенью 1956 г. НТС стал, по выражению Б.С. Пушкарева, «первопроходцем» Тамиздата. После 1920-х годов «Посев» был первым русским зарубежным издательством, перекинувшим мост через советскую границу – «за чертополох». Русские зарубежные издатели предполагали, что в СССР создается не подцензурная литература, и мечтали бы ее печатать, но контактов с создающими ее авторами не было. Поэтому русские зарубежные издательства публиковали пока исключительно произведения авторов, работавших в эмиграции, дореволюционных авторов, переводы иностранцев, авторов, писавших в советизируемой России до окончательного закрытия границ.

В журнале «Грани» в № 31, 1956 г., было опубликовано «Обращение российского антикоммунистического издательства “Посев”», «чтобы обеспечить свободу печати явочным порядком»[22]. Ленин и его соратники, захватив власть в Петрограде, моментально приступили к ликвидации небольшевистской печати, заявляя, что это временная мера. Введенная затем цензура – Главлит – просуществовала почти до конца КПСС. Цензуру отменил Съезд народных депутатов России 12 июня 1990 г. Параллельно с партийно-государственной цензурой во всех несвободных странах существовала и самоцензура авторов, преследующая две цели: обеспечить личную безопасность и «проходимость» произведения. Профессиональный журналист Александр Казанцев писал, что мнение о жесткости цензуры в СССР ошибочно, в привычном смысле цензуры в СССР нет вообще. Подать в печать текст со встроенной в него крамолой, – поясняет свою мысль Казанцев, – никому в Советском Союзе не придет в голову, как не придет в голову ходить вместо ног на руках[23]. Действительно, нравы цензоров XIX в., когда из печати могла выйти газета с «проплешиной» (часть текста изъята на последнем этапе, уже из верстки), но без особенно тяжелых последствий для автора текста, прошли. Цена подобного вопроса в сталинском СССР – жизнь автора.

Текст обращения издательства «Посев» 1956 г. был следующий:

«Доводим до сведения писателей, поэтов, журналистов и ученых, которые не имеют возможности опубликовать свои труды у нас на родине из-за партийной цензуры, – что российское революционное издательство “ПОСЕВ”, находящееся в настоящее время во Франкфурте-на-Майне, предоставляет им эту возможность.

Крупные беллетристические произведения так же, как и сборники стихотворений, статей и большие научные труды могут быть изданы отдельными книгами.

Повести, романы, рассказы, стихотворения, литературоведческие, публицистические, философские и научные статьи принимает, отдавая в их распоряжение свои страницы, журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли “ГРАНИ”.

Политические и публицистические статьи охотно будут приняты в редакцию еженедельника общественно-политической мысли “ПОСЕВ”, голоса российского революционного движения.

Антикоммунистические материалы пропагандного характера могут быть изданы в виде листовок и отдельных брошюр. Частично же могут использоваться в ряде революционно-фронтовых изданий, как, например, в газетах “Вахта свободы”, “Правда солдата”, “Посев” (уменьшенного формата), сборник “Наши дни”».

Журнал «Грани» рекомендовал передавать тексты с надежными людьми, едущими в свободные страны, где те могут воспользоваться почтой, не приобретая марки, – доставку издательство оплачивает само. Полученный текст (в том числе машинописный, каждый оттиск машинки индивидуален, как отпечатки пальцев) издательство обязалось тут же перепечатать на своих машинках, а полученный экземпляр уничтожить. Для тех, кто же-

лал выступить анонимно или под псевдонимом, но позже, после гипотетического наступления свободы, естественно, хотел бы удостоверить свое авторство, предлагалось приложить к передаваемому тексту кусок разрезанной надвое открытки, а другую ее часть хранить у себя.

Изначальная реакция эмигрантской общественности на это обращение часто была негативной. Издательство обвиняли в том, что оно толкает людей на авантюрный поступок, что КГБ обмануть все равно не удастся, и люди попадут в тюрьму. Раскрыть инкогнито возможности не представлялось. До сих пор не известно, кто написал «Черную книгу. Московскую легенду». Видимо, автор умер до наступления свободы. Попытка выяснить это у сотрудников издательства того времени к результату не привела, смысл схемы и состоял в том, что они не знали имени автора.

Большинство авторов выступало открыто. Поток рукописей из СССР был внушающим, особенно со второй половины 1960-х годов, несмотря на показательный процесс над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем (1966). То есть как раз после процесса поток усилился[24].

Еще один вопрос – как обращение издательства, опубликованное в «Гранях», могло стать известно авторам, находящимся в СССР? Через иностранных туристов, в том числе специально отправлявшихся в СССР с тиражами издательства и для вывоза рукописей («орлы»), а также для участия в публичных акциях. Таким образом, возникал мост Самиздат–Тамиздат–Самиздат.

Новые имена в «Посеве»: Георгий Владимов – произведения «Верный Руслан», «Три минуты молчания», «Не обращайте внимания, маэстро», «Генерал и его армия»; Владимир Максимов – «Карантин», «Семь дней творенья», собрание сочинений; Василий Аксёнов – «Поиски жанра»; Владимир Войнович – «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»; Виктор Некрасов – «Сталинград» (повесть «В окопах Сталинграда» и рассказы); Александр Солженицын – «Раковый корпус», «В круге первом», шеститомное собрание сочинений; Владимир Корнилов – «Девочки и дамочки», «Демобилизация»; Леонид Бородин – «Третья правда», «Год чуда и печали»; Михаил Нарица – «Неспетая песня»; Валерий Тарсис – «Палата № 7», собрание сочинений; Варлам Шаламов; Фридрих Горенштейн; Василий Гроссман; Сергей Довлатов; Анатолий Гладилин; Наум Коржавин – сборники стихов «Времена», «Сплетения»; Белла Ахмадулина – «Озноб»; Александр Галич; Ирина Ратушинская и многие др. Из более ранних: Анна Ахматова, Николай Гумилёв, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Максимилиан Волошин, Иван Бунин, Марк Алданов[25]. Карманное издание «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова с набранными курсивом фрагментами текста, удаленными советской цензурой при публикации в журнале «Москва» в 1966–1967 гг. Из этого издания видно, что именно режим не хочет отдавать на прочтение: очень сильно изрезаны «пилатовские» главы, из «московских» убраны любые намеки на карательные органы.

Журнальная версия может быть сокращенной, но изъятие одного слова не может сильно влиять на объем текста. Летящая Маргарита кричит: «Невидима и *свободна*! Невидима и *свободна*!» Опасное слово в посевском издании набрано курсивом, поскольку в советском было снято. Невольно вспоминается Джордж Орвэлл, у которого в тоталитарной антиутопии некоторые слова остаются, но их значение суживается. Так, слово «свобода» осталось, но только в таких смыслах, как «свободные сапоги» или «туалет свободен». (Русский перевод «1984» и «Скотского хутора» также сделан «Посевом»).

«Пятьдесят шесть лет, – написал основатель «Граней» Е.Р. Романов (Островский) для № 200 в 2001 г., – которые прожил журнал “Грани”, и содержание тех двухсот номеров, которые за эти годы были выпущены, отражают целую эпоху в

жизни русской литературы»[26]. Издательство «Посев» способствовало осуществлению переводов на иностранные языки – популяризации русской неподцензурной литературы и общественной мысли. Оно заняло достойное место среди не менее 32 (по подсчету автора) несоветских русских издательств в странах свободного мира в 1945–1991 гг.

В апреле 1957 г. в Гааге НТС собрал «Конгресс за права и свободу в России». Конгресс огласил программу *частичных требований* гражданских прав, каждое из которых нельзя было назвать антисоветским, но которые в совокупности означали конец советского режима. С идеей борьбы за свободу в России были созданы молодежные организации природных иностранцев в Норвегии, Швеции, Италии, Франции, Великобритании и Фландрии, члены которых готовы были ездить туристами в СССР, выполняя задания НТС. За 30 лет было вывезено 2 тыс. текстов. В 1972 г. НТС было создано Международное общество прав человека (МОПЧ). Среди политзаключенных – члены НТС: Валерий Анатольевич Сендеров, Вячеслав Эммануилович Долинин, Ростислав Борисович Евдокимов (Вогак)[27]. Юрий Тимофеевич Галансков погиб в лагере.

НТС уделял внимание теме профсоюзов[28], кооперации[29], экологии[30], продолжающимся советским внешнеполитическим авантюрам[31], преступности[32], взаимоотношениям государства и церкви[33], гендерным проблемам[34], теме образования[35] и фундаментальной науки[36].

В 1981 г. «Посев» вынес на обложку фрагмент меморандума новосибирских экономистов: «…возникновение и непрерывное углубление региональных, отраслевых и экономических диспропорций в народном хозяйстве СССР яснее, чем что-либо другое свидетельствует об исчерпании возможностей централизованно-административного управления хозяйством, о необходимости более активного использования “автоматических” регуляторов балансирования производства, связанных с развитием рыночных отношений. В этих условиях отстаивание положений об… “особом” характере социалистических товарно-денежных отношений оказывает дурную услугу обществу».

Процитированный фрагмент озаглавлен: «Мясо и масло по талонам – самое устойчивое достижение зрелого социализма». Текст сопровожден фотографией талонов, на которых прочитывается:

«1981 г. / *МАЙ* / Уважаемый товарищ! / Горторготдел приглашает / Вас оформить / *ЗАКАЗ на мясо* / (1 кг) в удобном для / Вас магазине *СВЕРДЛОВСКОГО* / района г. Иркутска / (Список магазинов приводится / на обороте)».

И аналогичный талон на июнь 1981 г. – «заказ на масло животное (0,3 кг)».

Подобные метки очень ценны сегодня, особенно для граждан, родившихся уже не в СССР. Что касается качества товаров легкой промышленности повседневного спроса, то самое оригинальное предложение из тех, которые слышал автор, – продолжать платить людям зарплату (руководствуясь гуманизмом и во избежание социальных драм), но запретить им ходить на работу, чтобы не портили материал, «производя изделия». Убийственно низкое качество сопровождалось навязываемым сверху лозунгом: «Советское – значит отличное».

Лучшее из изданных «Посевом» исследований о советской повседневности «развитого социализма» – выполненная *на открытых источниках* монография Игоря Ефимова «Без буржуев» (1979).

Из книги Андрея Окулова «Холодная гражданская война. КГБ против Русской эмиграции» (2006), высланного из СССР перед Олимпиадой-80: «Швехат. Венский аэропорт […] Мы старательно пытались разглядеть долгожданный Западный мир. В вестибюле гостиницы двое хмурых людей выдали каждому по 150 австрийских шиллингов […] Кто-то из толпы с хитрой улыбкой спросил: “Где здесь можно поменять

рубли? Конечно, вывозить их было нельзя, но, сами понимаете…” Один из хмурых усталым голосом назвал ему истинный курс советского рубля и посоветовал сохранить эти бумажки как сувениры для детишек. За дверями отеля “Донау” для нас начался Запад. Вена – стройный аристократический город, с Питером ее роднит имперский воздух. Но вчерашних советских граждан притягивала к себе не великолепная архитектура столицы бывшей “Лоскутной империи” Габсбургов, а все, что ассоциировалось с недоступным прежде капиталистическим миром. […] Как можно занять чуть ли не каждый квадратный метр торговой улицы магазином? Почему все так чисто? Почему здесь все есть и откуда это все берется? Конечно, мы многое знали, но потрогать руками и убедиться, что сон не кончается… Что реальный мир не кончается в районе станции Чоп и что Запад – не просто выдумка Би-би-си или “Голоса Америки” […] У многих эмигрантов после первого дня пребывания в Вене впечатления складывались в одну фразу: “На всю предыдущую часть жизни нас обокрали”»[37].

В начале 1990-х годов по приглашению ректора Российского государственного университета Юрия Николаевича Афанасьева в РГГУ читал лекции член НТС профессор Сергей Васильевич Утехин, до того преподававший русскую историю в Великобритании и США. Он призывал постсоветских студентов собирать фольклор – историк должен быть еще и бытописателем, особенно в системах, где население лишено возможности открыто выражать претензии властям. Один из образцов устного народного творчества:

В магазине «Молоко» нету молока, / В магазине «Колбаса» нету колбасы. / Ох, наступят ли когда светлые часы, / Чтоб под вывеской «ЦК» не было ЦК.

Светлые часы. Когда под вывеской «ЦК» не стало ЦК, наступили. Об обстоятельствах журналу «Посев» рассказал один из создателей Движения «Демократическая Россия» Евгений Вадимович Савостьянов[38]:

«Наша главная цель была – ликвидация коммунизма в СССР […]

– Словосочетание “ликвидация коммунизма в СССР” предполагает, что СССР остается…

– Любой здравомыслящий человек тогда понимал, что Советский Союз сохраниться не может. Мне повезло, я по роду деятельности работал на Чукотке, в Заполярье, в Закавказье… и я прекрасно понимал, что это разные страны […]

– 23 августа 1991 года Вы руководили арестом центрального комитета компартии…

– Арестом комплекса зданий, не людей.

– Можно подробнее?

– Я часто сравниваю себя с девочкой-гимнасткой. По одной простой причине: девочка-гимнастка лет в 17–18 достигает пика своей жизни, становится олимпийской чемпионкой. В ее честь играет гимн, рукоплещет зал, но она еще не знает, что эта высочайшая точка в ее жизни, и всё последующее будет уже куда более спокойно, не так захватывающе, не так интересно. А высшей точкой моей жизни были 14 часов 15 минут 23 августа, когда я вошел в радиорубку гражданской обороны цк кпсс и сделал соответствующее объявление.

Предыстория такова: 23 августа Утром Лужков и я встретились у Гавриила Попова для обсуждения самых злободневных тем – и рутинных, и стратегических, вытекавших из особенностей момента. В то время я занимал должность генерального директора Департамента мэра Москвы, что-то вроде руководителя Администрации президента, но на городском уровне. Внезапно в кабинет входит с хитрющей улыбкой Шахновский, управляющий делами правительства Москвы, и протягивает Попову какой-то лист. Попов читает его, хмыкает и передает Лужкову. Лужков читает, хмыкает и передает мне. Беру лист, и он оказывается письмом Геннадия Бурбулиса на имя Горбачёва о необходимости приостановки деятельности здания на Старой площади:

"В ЦК КПСС идет форсированное уничтожение документов. Надо срочное распоряжение генсека – временно приостановить деятельность *здания.* Лужков отключил электроэнергию. Силы для выполнения распоряжений Президента СССР – генсека у Лужкова есть. / Бурбулис".

И резолюция:

"Согласен. / М. Горбачёв / 23. VIII. 91"

"Выполняйте, Евгений Вадимович", – ласково и весело говорит мне Попов. И я пошел выполнять. Не самая, согласитесь, безвредная задача, из тех, которые мне приходилось решать в своей жизни. Сел за стол и набросал план действий. Телефоны правительственной связи стояли тут же, что, конечно, сильно облегчило работу. Первый звонок – начальнику городской милиции (ГУВД Москвы) генерал-майору Мырикову, чтобы он направил к зданию на Старой площади ОМОН, в мое распоряжение. Сошлись на двух ротах […] Я спросил, кто старший по зданию? Оказалось, управляющий делами цк кпсс Николай Кручина. Попросил проводить. "Подпись своего генерального секретаря знаете?" Начинает читать. "Почерк узнали?" Становится сначала розовым, потом – красным, потом – багровым. "Вам все понятно?" "Да". "Отдайте распоряжение всем работникам очистить помещения цк. Мы возьмем его под охрану". "Это невозможно. Здесь – значительные материальные ценности, секретные сведения, мы должны составить комиссию, провести инвентаризацию, передать все, как положено, на хранение". "Всё, что нужно, мы сделаем без вас. Понадобитесь – привлечем к работе". "Я не представляю, как своевременно оповестить всех работников. Вот пусть рабочий день окончится и, когда все уйдут, мы и очистим помещения". "Насколько я знаю, именно сейчас здесь ведется уничтожение документов, говорящих о преступной деятельности кпсс. Мы, к сожалению, не закрыли вас раньше, но тянуть сейчас не будем. У вас есть радиосвязь системы гражданской обороны?" "Конечно".

В это время, как потом выяснилось, шло заседание парторганизации цк, на котором обсуждался дальнейший характер действий. Кроме того, действительно лихорадочно уничтожались конфиденциальные документы. А в буфетах шла интенсивная скупка всех тогда остродефицитных продуктов: колбасы, сыра, вина, водки. Для многих это было важнее всего […]

Радиоузел, естественно, оказался заперт, а радист, естественно, куда-то запропастился. В комнате, в которую мы вошли, народу было уже немало, мы стали объектами небольшого митинга с выражением протеста против наших намерений. Дав немного пошуметь, я демонстративно посмотрел на часы и сказал: "Ну вот, 14.15. Мне поручено арестовать всех находящихся в этом здании после 15 часов. Так что теперь ваше время пошло. А мне больше торопиться некуда".

Конечно, я блефовал. Никем мне это поручено не было. Но радист тут же нашелся и ключи были при нем. "Вот на этот стульчик садитесь, вот на эту кнопочку нажмите, вот в этот микрофончик скажите". Сказанное помню очень отчетливо:

"Внимание, внимание! Говорит радиоузел гражданской обороны комплекса зданий цк кпсс! В соответствии с решением Президента СССР, Генерального секретаря цк кпсс Михаила Сергеевича Горбачёва и на основании распоряжения Мэра Москвы Гавриила Харитоновича Попова сегодня, 23 августа 1991 г., с 15 часов прекращается работа в зданиях цк кпсс. Все находящиеся в зданиях должны покинуть их не позднее 15 часов. Лица, оставшиеся в здании после этого времени, будут арестованы". […]

Партийное собрание было тут же прекращено, и сотрудники стали спешно покидать здания. А на улице стоит толпа горожан и обыскивает выходящих. Бывшего первого секретаря московского горкома Прокофьева кто-то, узнав, награжда-

ет пинком и подзатыльником […] Мы обратились к собравшимся с просьбой дать закрыть эту лавочку побыстрее и навсегда.

– Вроде бы сотрудников потом еще запускали в здание, чтобы те “могли забрать личные вещи”?

– Запускали и не раз, но за ними следили, что они делают в своих бывших кабинетах.

– Говорили и о нелегальных проникновениях через секретные подземные коммуникации…

– Конечно, такие коммуникации существуют, и не про все мы тогда знали. На следующую ночь мне позвонил вновь назначенный комендант зданий на Старой площади Александр Соколов: “Там кто-то ходит”. Да, проникали, очевидно, изымали документы. Скорее всего, финансовые. Партия к тому моменту уже не один год размещала средства за границей. И если человек, который непосредственно это осуществлял, похитит документы со своей подписью, а партийного аппарата, по заданию которого он размещал средства за рубежом, уже нет, спросить, соответственно некому, то все. Деньги его. Многие современные крупные состояния начинались с этого.

Но своей надежной гвардии у нас тогда не было. Обеспечить порядок и охрану сами мы не могли.

– А если взять под контроль прежнюю “гвардию”?»

28 августа 1991 г. Е.В. Савостьянову было сообщено, что Гавриил Попов представил его на должность начальника Управления КГБ по Москве и области. «На указе о моем назначении, – говорит Савостьянов, – стояло сразу четыре подписи – Горбачёва, Ельцина, Бакатина и Попова»[39]. 6 сентября он приехал представляться в связи с назначением Вадиму Викторовичу Бакатину, который стал во главе КГБ СССР с 23 августа 1991 г.

«Организация, которую мне предстояло возглавить, чтобы разрушить, – пишет в своих воспоминаниях «Избавление от КГБ» В.В. Бакатин, – имела не только стойкую и заслуженную репутацию беспощадного карающего меча компартии, но и сама могла разрушить кого и что угодно. КГБ и его предшественники в лице ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ составляли основу тоталитарного режима, без которой этот режим просто не мог существовать. Конечно, КГБ времен перестройки хотелось выглядеть более респектабельным, но длинный и тайный шлейф злодеяний и беззаконий мешал этому. До сих пор это было государство в государстве – хотя все более и более терявшее свое главное оружие, с помощью которого оно пыталось заставить людей верить в то, во что они не верили»[40].

«Чуть ли не главное, что мне нужно было при этом сделать, – продолжает Е.В. Савостьянов, – это выяснить адрес своего нового места работы, поскольку уж чего я точно не знал, так это – где ж оно […] Задаю кому-то соответствующий вопрос и вдруг слышу из-за спины: “Я тебе покажу, где оно находится”. Оборачиваюсь – Владимир Буковский. Он-то действительно адрес знал».

Владимир Константинович Буковский стал членом подпольной антисоветской организации в возрасте 16 лет (1958). В 1963 г. впервые арестован, в общей сложности в местах лишения свободы провел 12 лет. В 1970 г. подготовил и направил во Всемирную ассоциацию психиатров и в зарубежные СМИ досье о карательной психиатрии в СССР, что привело к вынужденному выходу СССР из Всемирной ассоциации психиатров. В 1976 г. по решению политбюро в статусе заключенного обменен на генсека компартии Чили Луиса Корвалана, находившегося в тюрьме после прихода к власти А. Пиночета. В 1977 г. принят в Белом доме президентом США Джимми Картером. Находясь на Западе, создал и возглавил международную антикоммунистическую организацию Интернационал Сопротивления, в которую входило 49 партий и

движений. Прибывший в связи с путчем в Москву Владимир Буковский скопировал большое количество документов, имевших гриф секретности. На их основе он написал книгу «Московский процесс» и выложил факсимильные отображения документов на своем сайте. В 1992 г. – официальный эксперт Конституционного суда РФ на процессе по делу КПСС.

Обмен Владимира Буковского на Луиса Корвалана в 1976 г. был организован НТС.

9 сентября Евгений Савостьянов приступил к работе. «Выяснилось множество любопытных вещей, – заканчивает он свое интервью. – Так, например, оказалось, что 5-е Главное управление по-прежнему “ведет” (сентябрь 1991-го!) НТС и “Посев”. “Указания никто не отменял”.

Вот я взял – и отменил»[41].

Три дня в августе 1991 г. – ликвидация ГКЧП СССР и роспуск ЦК КПСС – были довольно точно предсказаны НТС: «Политическая революция в СССР – это не событие, а процесс коренного, качественного изменения режима, в ходе которого будет ликвидирована культурная, хозяйственная и политическая монополия коммунистической партии. Наиболее вероятной формой этого процесса в сегодняшних условиях представляется *ступенчатый снос диктатуры*, при котором более молодые и радикальные, менее связанные условностью марксистского мышления группировки правящей партии будут постепенно оттеснять от власти более консервативные группы, пока на политическую арену не выдвинутся силы, стоящие полностью вне символов коммунизма, которые и завершат ликвидацию диктатуры»[42].

События августа 1991 г. были предсказаны и в художественной форме. Книга Дмитрия Сеземанна «В Москве все спокойно» была написана в советской столице, когда систему было принято считать незыблемой. Первое издание было осуществлено в Париже, по-русски нью-йоркским филиалом издательства «Посев» в 1989 г.[43] После 1991 г. эта книга принесла известность автору на Западе. В 1982 г. Владимир Дмитриевич Поремский писал о ней: «Можно… отнести эту книгу к разряду легкого чтения, просмотреть на сон грядущий и забыть к утру. Но можно и задуматься – нет ли в этой книге “корреляции с действительностью”? Не отражает ли она какую-то потенциальную возможность, прощупываемую если не в фактах, то в настроениях какой-то части кругов, среди которых вращался автор в Москве? Далекие от этих кругов люди, ныне находящиеся за рубежом, принесли нам море горькой и страшной правды и лишь капли надежды на крайне отдаленное лучшее будущее. Рецензируемая книга открывает иные перспективы. Реальны ли они? На этот вопрос нельзя ответить категорическим “нет”. Но одно можно утверждать: эта книга привлекает внимание к поднятой в ней теме и нужно постараться, чтобы интерес к ней был бы пробужден в России среди тех, кто хочет и способен “сделать сказку былью”»[44].

НТС не только предсказывал, но и формировал будущее. Председатель КГБ Ю.В. Андропов в речи, произнесенной по поводу 50-летия ЧК (20.XII.1917 – 20.XII.1967) объявил НТС «врагом номер один». Это стало известно и на Западе (*Neue* Zürcher Zeitung 22.12.67).

КГБ выигрышно сопоставил один из документов НТС «Стратегические проблемы освободительной борьбы» и манифест А.И. Солженицына «Жить не по лжи!»

НТС: «Нужен “стихийный саботаж”.

Писатель: «Нужна кампания “гражданского неповиновения”».

НТС: «Не ходить на собрания, а если пошел – не выступать, не аплодировать… Не принимать участия в официальных шествиях и демонстрациях».

Писатель: «Не даст загнать себя на собрание. Не даст принудить себя идти на демонстрацию или митинг».

НТС: «Не участвовать ни в каких выборах».

Писатель: «Не поднимает голосующий руки…»[45]

В конце августа 1991 г. Евгений Романович Романов (Островский) выражал недоумение по поводу того, что президент «не создает правительство». НТС и позже отмечал незавершенность начатых процессов, прежде всего связанных с декоммунизацией России. В статье «Первые пятнадцать лет: Политика», опубликованной в сентябрьском номере «Посева» 2006 г. приводится цитата из «Архипелага ГУЛАГ» по поводу Хрущёва для обозначения аналогии с Ельциным: «Историкам, привлеченным к 10-летнему царствованию Никиты Хрущёва… нельзя будет не поразиться, как много возможностей на короткое время сошлось в этих руках, и как возможности эти использовались словно бы в игру, в шутку, а потом покидались беспечно… Дано ему было втрое и впятеро тверже и дальше прочертить освобождение страны – он покинул это, как забаву, не понимая своей задачи… Ничего, никогда он не доводил до конца…»

Несмотря на это, все 1990-е годы НТС поддерживал Б.Н. Ельцина, ограничиваясь максимум благожелательной критикой[46].

14 ноября 2009 г. Совет НТС выступил с откликом на обращение президента РФ «Россия, вперед» и его послание Федеральному Собранию. Документ НТС называется «Модернизация сознания»[47].

«[…] Президент призывает к модернизации страны, прежде всего ее экономики. Он вспоминает о насильственных модернизациях при Петре I и при большевиках, вызвавших огромные жертвы, упуская из виду решающую модернизацию 1880–1916 годов, […] достигшую вершины при Думской монархии. […] Президент обращает внимание и на барьеры, мешающие модернизации сегодня. На первом месте "вековая коррупция". А вековая ли? В 1917 году Временное правительство очень хотело уличить правительство Николая II в коррупции и не нашло улик. […] Происхождение нынешней коррупции иное – она продукт разложения советского аппарата при Брежневе. Полный цинизм в отношении государственных и правовых ценностей и стяжательство как реакция на принудительный альтруизм были перенесены номенклатурой из СССР в новую Россию. Смены номенклатуры, "люстраций", увы, не произошло.

Другой барьер […] – "патерналистические настроения", уверенность, что все вопросы должно за тебя решать государство. Между тем, до революции в России ни купечество, ни "кулачество" (вскоре уничтоженное как класс), ни интеллигенция, ни малочисленный пролетариат отсутствием инициативы не страдали. Правилу "не высовывайся!" научили семь десятилетий жизни в тоталитарных условиях. […]

Нужна, прежде всего, "модернизация" сознания. Об этом не заботится власть, но этим она должна заниматься в первую очередь».

Совет НТС призывал к пониманию истории: «Большую часть XX века одновременно существовало две России: Россия советская и Россия антисоветская. […] Постсоветская власть частично это признала, но сопротивление большевизму не ограничивалось теми, кого перезахоронили или похоронили на кладбище Донского монастыря [А.И. Деникин и И.А. Ильин с супругами, В.О. Каппель (при участии членов НТС), автор «Солнца мертвых» И.С. Шмелёв, А.И. Солженицын]. Продолжались восстания, церковное сопротивление, борьба крестьян против коллективизации, вылившаяся позже в так называемый "коллаборационизм"».

Применительно к послевоенному времени документ НТС называет восстания в концлагерях, отказ советских солдат – ценою своей жизни – стрелять в восставших немцев в 1953-м и венгров в 1956 гг., диссидентство. «Это часть истории народа, которую надо всем знать. Множество свидетельств о ней запечатаны в ведомственных архивах, которые надо раскрыть. Никаких запретных тем в нашей истории быть не должно».

«Коммунистическая диктатура Сталина и нацистская диктатура Гитлера, –

продолжают авторы документа, – явления одного порядка». Эта идея обрела популярность на позднесоветском и постсоветском пространстве, а также в Восточной Европе, возможно не в последнюю очередь благодаря НТС. Сегодня в РФ можно услышать требования о выводе запрета сопоставления тех систем на законодательный уровень, что, с точки зрения НТС, является подтверждением обоснованности таких сопоставлений.

Очевидно, вспоминая жизнь в Европе в 1920–1930-е годы, современный НТС сообщает: «В свое время их даже звали “братьями коммунаци”». Совместные публичные акции, где на плакатах изображались переплетенные серп-молот и свастика, не исключали уличных баталий между собой, одна из которых привела к гибели легендированного впоследствии Хорста Весселя и нескольких других, с перечисления имен которых начинается книга «Майн Кампф». Коммунисты и нацисты прибегали к социальной риторике и делили электорат.

«Трагедия русского народа в 1941–1945 гг. в том, что, защищая свою страну, он защищал и диктатуру Сталина, а борясь против Сталина, он помогал врагу внешнему. Эту трагедию нельзя маскировать медоточивой риторикой про Великую Отечественную. Война была не только Отечественной. Она, особенно на первом этапе, была и войной гражданской (кто знает, что в Сталинграде на немецкой стороне без всякого Власова пало 50 000 советских граждан? […]) На последнем этапе войны она была войной завоевательной, направленной на коммунизацию Европы. Страны Восточной Европы в 1945 году ощутили не освобождение, а смену одной диктатуры – четырехлетней, на другую, 40-летнюю».

НТС обращает внимание на то, что в последние годы сильна тенденция обелять диктатуру Сталина. «СССР не был таким же государством, как все, он назывался “государством нового типа”. Его руководящим ядром, по Конституции, была компартия, представлявшая собой секцию Коминтерна, ставившего себе цель мировой пролетарской диктатуры. И образование Советского Союза, по декабрьскому договору 1922 г., должно было стать “решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику”. К 1991 году эта цель отпала, и СССР распался; он никогда не был российским государством, хотя некоторым и хотелось его таким видеть».

В майском номере 2016 г. журнал «Посев» со ссылкой на телевидение РФ сообщил, что Эстония предъявляет России материальную претензию за былое советское присутствие. И что эта претензия обретает конкретные очертания, хотя сама постановка вопроса известна давно. Не тратя (из уважения к читательской аудитории) времени на доказательства того, что появление в Прибалтике коммунизма-большевизма-социализма-советской власти было дня нее бедой, журнал останавливается на другом: если это общая беда, обрушившаяся на ряд стран, в том числе и на Россию (причем на нее – раньше остальных, в 1917 г.), то России немыслимо предъявлять за это претензии со стороны других пострадавших. Их и не предъявляли в 1990-е годы, когда именно такой взгляд на вещи у нас доминировал. Но если коммунизм-большевизм-социализм-советская власть – это не российская беда, а и есть сама Россия, ее сущность, самость, эго, и мы наследники – такой взгляд в 2000-е годы превратился из маргинального в официальный на территории РФ, то претензии будут, причем будут возрастать и обретать вполне четкий денежный эквивалент. В складывающейся ситуации «Посев» видит два пути: «Первый – контрконструктивный, демонстрируемый сегодня СМИ РФ: в отношении предъявляемых претензий рассуждать в выражениях “ху-ху – не хо-хо?” (цитата не из разговора шпаны в подворотне, а из

репортажа, передававшегося по одному из ведущих телеканалов России) и категориях “еще посчитаем, кто кому должен” (оттуда же). Это путь в собратья КНДР. Второй путь – конструктивный, вернуться к прежнему взгляду на вещи».

«Понимание истории важно потому, – заканчивает свой отклик НТС на перзидентское обращение 2009 г., – что оно задает направление на будущее. Восхвалять достижения рухнувшей советской власти – это путь в никуда. До начала советской эпохи население России было *вдвое больше* населения США, а уровень жизни – примерно одна пятая. После конца этой эпохи население России – *половина* населения США, а уровень жизни – все та же одна пятая. […] В отличие от Октябрьской революции 1917 года, которая обернулась небывалой катастрофой, Августовская революция 1991 года была рывком вперед, в будущее. […] величайшее достижение народа в том, что мы сами, без войны и кровопролития, от тоталитарной власти избавились, что очень многие считали невозможным. Эту победу и надо прославлять прежде всего и на ней строить будущее».

Во франкфуртский период «Посев» постоянно принимал участие в проводимых там международных книжных ярмарках. После 1991 г. он стал принимать участие в подобных ярмарках в Москве. В 2013 г. – с 1241 участником из 56 стран (200 тысяч посетителей за шесть дней работы). «Посев» представил 120 наименований.

Обозреватели этой московской ярмарки отмечают наибольшую популярность книги Вильфрида Штрик-Штрикфельдта «Против Сталина и Гитлера» – переиздание давно написанных воспоминаний немецкого офицера, родившегося в Российской империи; автобиографический роман Анатолия Дарова «Блокада»; новую монографию молодого крымского историка Дмитрия Соколова «Таврида, обагренная кровью» – о большевизации Крыма и Черноморского флота в 1917–1918 гг.; исследование политической биографии графа Сергея Семёновича Уварова (1786–1855), осуществленное профессором Ричардом Пайпсом, советником президента Рональда Рейгана по советологии; исследование Нины Минаевой «Потаенные конституции России» – полные тексты и анализ 11 проектов ограничения самодержавия, составленных в России в XVIII–XIX вв.; учебник профессора Сергея Германовича Пушкарёва «Россия 1801–1917: Власть и общество», преподававшего в Русском университете в Праге в 1930–1940-е годы; продолжение этого учебника – «Две России XX века. 1917–1993», показывающее параллельно историю системы и историю сопротивления системе[48]. Среди «революционных» идей: а) штурмовщина первых пятилеток стремилась наверстать вовсе не «отсталость» царской России, а отставание, вызванное обвалом страны в результате октябрьского переворота; б) успех Гитлера в 1932 и 1933 гг. был порожден не только немецким стремлением к реваншу за Версаль, но прежде всего страхом перед большевизмом.

Категорически не соглашаясь с безразличным отношением к топонимике, составили «Черную книгу имен, которым не место на карте России. Помимо ликвидации неуместных названий и символов предлагается установление достойных. Был открыт памятник белому генералу С.Л. Маркову в Сальске.

НТС, спаявший в себе все три волны российской политической эмиграции и все основные этапы сопротивления социалистической системе, создал стройную историческую картину событий XX в., находящуюся в острой полемике с концепцией «согласия и примирения», абсолютно эклектичной по форме и содержанию[49]. В московском архиве Б.С. Пушкарева есть вырезка из газеты «Известия» за 30 октября 1998 г. – статья Максима Соколова «Литургия красных дьяволят», посвященная празднованию в РФ 80-летия ВЛКСМ: «[…] по Поклонной горе маршировали […] ряженые казаки – оче-

видно, демонстрируя сердечную признательность Тихого Дона молодым коммунистам за геноцид казачества в 1918–1922 годах. Считая, что казаков недостаточно, организаторы торжества пошли дальше – старая и молодая комсомолия направилась в близлежащую церковь, где и отстояла торжественный молебен […] Идея совершенно гениальная, если учесть, что комсомол не только боролся с религией по должности – как всякая коммунистическая организация, а особо специализировался на кощунствах […] На кошачьи концерты в пасхальную ночь, на мочеиспускание с колоколен, на оцепление церквей в двунадесятые праздники отряжали не вообще партийцев, а именно комсомольцев. Причем это относится не только к страшным годам мученичества за веру – в менее свирепой и отвратительной форме комсомол занимался этим вплоть до издания Горбачёвым эдикта о веротерпимости […] Единственная аналогия к происходящему – это, как если бы немцы вздумали отмечать юбилей гитлерюгенда умильным молебствием в синагоге […]».

Центральное место в историографии НТС будет занимать монография Аркадия Петровича Столыпина «На службе России», изданная 30 лет назад и скромно названная автором очерками[50]. А.П. Столыпин – пожизненный член организации и ее руководящих органов, вступил в НТС в 1935 г., скончался в 1990 г. Монография издана самой организацией[51].

Роман Николаевич Редлих делил членов организации на тех, кто остается с ней навсегда, и тех, кто порывает с ней. К Борису Витальевичу Прянишникову, несмотря на его уход из Союза в 1955 г., сохранилось уважительное отношение. Он автор изданных за собственный счет на Западе книг «Незримая паутина» преимущественно о взаимоотношениях НТС с Русским общевоинским союзом и стремлении советских спецслужб инфильтрировать РОВС, и «Новопоколенцы» – в основном об НТС[52]. (В 1993 г. журнал «Родина», № 7, опубликовал интервью с руководителем контрразведки НТС Андреем Анатольевичем Васильевым («Робертом»), родившимся в 1931 г. в Китае, сыном офицера армии А.В. Колчака. Интервью озаглавлено: «Они были коварны, но не умны».)

Лучшее из опубликованного в СССР – это монография Леонида Константиновича Шкаренкова «Агония белой эмиграции», открывшая советскому читателю сам факт существования зарубежной России в ее многообразии. Автор сожалел о тональности книги, изданной в Москве в 1981 и переизданной в 1987 г. НТС посвящены страницы 155, 187–188 (в издании 1987 г.). «В количественном отношении их было немного, этих активистов НТС […] Но это был опасный, коварный противник». Главное компрометирующее, но не подтверждаемое утверждение – член Исполнительного бюро НТС Георгий Околович одновременно состоял в минском гестапо. Добавим, что член НТС Михаил Мондич одновременно состоял в советской контрразведке СМЕРШ, о чем после войны написал книгу. Не только вражеские спецслужбы стремились инфильтрировать НТС, но и наоборот.

Автор глубоко убежден, что в архивах советских спецслужб существует ценнейшая документация и исследования, но введение этих материалов в научный оборот – вопрос, очевидно, не близкого будущего. Вероятно, есть и закрытые диссертации. Что касается открытой советской историографии НТС, то говорить о ней не приходится ввиду ее отсутствия.

В постсоветской России исследования проводятся от докторских диссертаций до квалификационных работ. Назовем монографию Д.Ю. Алексеева и В.Ф. Печерицы «Российский солидаризм: Теория, история и современность», изданную Уссурийским государственным педагогическим институтом в 2000 г. (184 с.). Ее первую главу «Солидаризм: Теория и история» высоко оценил основной специалист по вопросам мировоззрения НТС Р.Н. Редлих[53].

В 2001 г. в Российском государственном гуманитарном университете прошла защита кандидатской диссертации Ю.С. Цурганова «Российская военная эмиграция в Европе. 1939–1945 гг.»[54] В 2005 г. была издана антология «Русское зарубежье против фашизма (1939–1945)», включающая воспоминания, дневники и интервью членов НТС. Антология сопровождена научной вступительной статьей и научно-справочным аппаратом. Вышла под грифами Правительства Москвы, Департамента международных связей города Москвы и др.[55]

В 2010 г. в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского состоялась защита кандидатской диссертации Людмилы Валерьевны Климович «Идеология и деятельность молодежных организаций русского зарубежья в 1920-е – начале 1940-х годов (на материалах Союза младороссов и Национального союза нового поколения)».

В 2016 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН Кириллом Михайловичем Александровым была защищена докторская диссертация «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.»[56]

Вернемся к тому, с чего начали, к Белому движению. В 1990–2010-е годы в издательстве «Посев» выходил альманах «Белая гвардия», продолжается начатая «Посевом» книжная серия «Белые воины» (книги «Марков и марковцы», «Каппель и каппелевцы», «Дроздовский и дроздовцы», «Генерал Кутепов» и др.), отдельные издания по данной теме, например, «Воспоминания корниловца» члена НТС А.Р. Трушновича (1893–1954). В 2012 г. вышла монография Руслана Григорьевича Гагкуева «Белое движение на Юге России. 1917–1920 гг. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав», автора кандидатского диссертационного исследования по данной теме.

«Это было 70 лет тому назад, – пишет Ростислав Владимирович Полчанинов, член НТС, родившийся в семье белого офицера, в России в 1919 г., вывезенный младенцем в зарубежную Европу, – как сейчас помню эту комнату, где на столе стоял барабанный ротатор, пачки старых немецких бумаг, приготовленных для печатания “Посева” на их чистых оборотных сторонах, и мою жену, которая на восковке заканчивала делать вручную заголовок для первого номера. Я тогда сказал, что, несмотря на всю убогость, придет время и студенты в России будут писать диссертации о “Посеве”. Вот мы и дождались»[57].

Выпускная квалификационная (бакалаврская) работа студентки, а ныне выпускницы (2015) Тульского государственного университета Елены Даниловой (Институт права и управления, кафедра истории государства и права) называется «История России и русского зарубежья на страницах журнала “Посев” (2010–2014)».

«Многие историки, – сообщает далее в своем отклике Р.В. Полчанинов, – почему-то все русское зарубежье 1920-х и 1930-х годов называют русской эмиграцией, и Е. Данилова порадовала меня, упомянув, что русское зарубежье состояло не только из эмигрантов, но и из русских меньшинств, которые себя эмигрантами не считали […] Не остаются без внимания и вопросы зарубежной школьной и внешкольной работы […], ведущей начало с 1909 г. и после запрещения скаутизма в СССР продолжавшейся в зарубежье до возвращения в Россию в 1990 г.

Общее впечатление от работы Елены Даниловой состоит в том, что она нашла на страницах “Посева” то ценное и новое, без чего немыслимо изучение истории России XX в. Работа не просто cum laude, но даже выше всяких похвал».

Круг замкнулся.

Примечания

1 Цит. по: Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. – Белград: Русское издательство, 1923. – С. 5. Переиздание: Нью-Йорк: Possev-USA, 1985. *Владимир Христианович Даватц* – профессор математики Харьковского университета. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г.; доброволец-рядовой на бронепоезде «На Москву». *Николай Николаевич Львов* – товарищ председателя Государственной Думы. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в армейском лазарете.

2 Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Материалы, собранные и разобранные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и Светл. князем А.П. Ливеном / Под редакцией фон Лампе. Экземпляр баронессы Елены Петровны Врангель. – Перепечатка и переводы допускаются лишь с разрешения наследников генерала барона П.Н. Врангеля. Перепечатано в 1969 г. фотографическим способом из сборника «Белое дело» («Летопись белой борьбы») с разрешения баронессы Елены Петровны Мейендорф. – Франкфурт-на-Майне (далее – Фр/М): Издательство «Посев», 1969. – 265 с.; Росс Н. Врангель в Крыму. – Фр/М: Посев, 1982. – 362 с. *Николай Георгиевич Росс* окончил исторический факультет Парижского университета. Преподавал русскую историю в Страсбургском университете. Монография «Врангель в Крыму» построена в том числе на впервые вводимых в научный оборот документах архива ген. Врангеля, хранящегося в Гуверовском институте в Калифорнии.

3 Даватц В.Х., Львов Н.Н. Указ. соч. – С. 74.

4 Здесь и далее приводятся аутентичные названия организаций. Так, РОВС – Русский Обще-Воинский Союз, как в десяти тысячах страниц документов этой организации, прочитанных автором, а не «Русский общевоинский союз», как в советских справочниках.

5 Столыпин А.П. Будущий НТС // На службе России. Очерки по истории НТС / Столыпин А.П. – Фр/М: Посев, 1986. – С. 17.

6 Устные воспоминания, магнитофонная запись. Сделана не позднее 1996 г., предположительно во Франкфурте-на-Майне. Хранилась в личном архиве председателя НТС *Бориса Сергеевича Пушкарева* в Москве, передана автору статьи перед отъездом Пушкарева в США в 2009 г. (Б.С. Пушкарев родился в 1929 г. в Праге в семье историка *Сергея Германовича Пушкарева*, участника Белого движения. После Второй мировой войны Б.С. Пушкарев жил преимущественно в США, в начале 1990-х приехал на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, возглавлял издательство «Посев», переместившееся в Москву из Франкфурта-на-Майне.

7 Столыпин А.П. Указ. соч. – С. 19–20.

8 Брунст Д.В. Записки бывшего эмигранта. Об антисоветской деятельности НТС. – Б. м.: Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками, 1961. – С. 6. Применительно к отсутствию безработицы в СССР: 25.06.1940 рабочим было запрещено самовольно переходить с одного предприятия на другое. В послесталинском СССР количество временно неработающих, находящихся в паузе, было соизмеримо с количеством безработных на Западе. См.: Игорь Ефимов. Без буржуев. – Фр/М: Посев, 1979.

9 См., например, воспоминания Лёвин Ю.С. «Пока свободою горим» // Посев. – М., 2016. – № 4–7.

10 Брунст Д.В. Указ. соч. – С. 7.

11 Там же.

12 Брошюра, выпущенная от имени Д. Брунста – не единственное произведение такого рода, был более объемный текст от имени Е. Дивнича «НТС, нам пора объясниться». Есть книга представителя организации, побывавшего в СССР не по своей воле, но отличная от двух вышеназванных – *Юрий Андреевич Трегубов.* Восемь лет во власти Лубянки. Пережитое. Записки члена НТС. – Фр/М: Посев, 1957. Переиздана «Посевом» в Москве в 2001 г.

13 Там же. – С. 59.

[14] Это была не первая (и не последняя) попытка теракта против НТС. В 1954 г. в ФРГ капитан госбезопасности СССР *Николай Евгеньевич Хохлов* заявил Г.С. Околовичу, что он советский агент, который прибыл с целью его убийства, но от осуществления операции отказывается. См.: Хохлов Н. Право на совесть. – Фр/М.: Посев, 1957.

[15] КГБ издавал много литературы для зарубежных соотечественников, в том числе, и даже преимущественно, она представляла в нелицеприятном облике активных деятелей антисоветского движения. Например, брошюра «Они среди вас».

[16] Об этом, в частности, в диссертации автора «Российская военная эмиграция в Европе. 1939–1945 гг.» и сопутствующей монографии, см. ниже. Там приводится библиография произведений членов НТС о военном периоде истории организации.

[17] Казанцев А.С. На родине // Третья сила. История одной попытки. – Фр/М.: Посев, 1952 и 1974. Переиздания: Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М.: Посев, 1994 и 2013.

[18] Об этом также в диссертации автора и сопутствующей монографии.

[19] Журнал «Родина». – 1993. – № 7.

[20] Антикоммунистические восстания происходили также в ГДР в 1953 г., в Польше, волнения разной степени интенсивности были в разных странах «Восточного блока» в разные годы. Это неизменно привлекало внимание и участие НТС.

[21] См., например: Холлош Э., Лайтаи В. «Холодная война» против Венгрии. 1956 / Пер. с венг.; Предисловие В.Л. Мусатова. – М.: Прогресс, 1985. – 240 с.

[22] Пушкарев Б.С. К новому юбилею / 85 лет НТС // Посев. – 2015. – № 4.

[23] Казанцев А.С. Указ. соч.

[24] «Посев» издал «Белую книгу» документов по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, составленную участником правозащитного движения в СССР *Александром Ильичом Гинзбургом*: Белая книга. – Фр. / М., 1967, 1970. – 430 с. Сборник документов о процессе над самим А.И. Гинзбургом, а также, В.И. Лашковой, Ю.Т. Галансковым и А.А. Добровольским, озаглавленный: «Процесс цепной реакции». – Фр. / М., 1971. – 488 с.

[25] Грани. Содержание с № 1 по № 100. 1946–1976 с приложением содержания всех самиздатовских журналов и сборников, напечатанных в «Гранях», именного указателя авторов и тематического указателя / Сост. А.Н. Артемов. – Фр/М: Посев, 1977. – 144 с.; Издательство «Посев». 1945–1985. – Фр/М: Посев, 1985. – 120 с.; Свободное слово «Посева». 1945–1995. – М.: Посев, 1995. – 207 с.

[26] «…Служить всему светлому, что было, есть и будет в жизни России». Последнее Слово основателя журнала «Грани» *Евгения Романовича Островского (Романова)* // Грани. – 2001. – № 200. – С. 6. (Написано для юбилейного номера за четыре дня до кончины.) (Здесь и далее номера страниц у публикаций в периодических изданиях указываются у «толстых» журналов, у «тонких» журналов и у газет – не указываются.)

[27] См. также: «Мое последнее слово». Речи подсудимых на судебных процессах 1966–1974 гг. – Фр/М: Посев, 1974; Казнимые сумасшествием. Сборник документальных материалов о психиатрических преследованиях инакомыслящих в СССР / Сост. А. Артёмов, Л. Рар, М. Славинский. – Фр/М: Посев, 1971; Реакция официальных лиц и общественности на Западе // Посев. Квартальное издание избранных материалов. III. 1978. Ежеквартальные сборники избранных материалов из каждых трех выпусков ежемесячника «Посев», составлявшие примерно 2/3 от трех номеров журнала, выходили со второй половины 1970-х годов, меньшим форматом, что должно было облегчать их доставку в СССР, и мелким шрифтом. Были сборники избранных материалов и журнала «Грани».

[28] Демократия у ворот завода / Сост. Р. Редлих. – Фр/М: Посев, 1975. – (Библиотечка солидариста.); Солидарность: о рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России / Сост. А. Поморский, М. Назаров. – Фр/М: Посев, 1982; Солидарность от истоков до военного положения / Сост. И. Лясота; Ред. Н. Горбаневская. – Нью-Йорк: [б.и.], 1986; Рабочее дело. В помощь организаторам независимых объединений рабочих. – [Б.м.]: Посев, [б.г.]. – (Предположит. кон. 1980-х – нач. 1990-х.); Д.В. Поспеловский. На путях к рабочему праву. – Фр/М: Посев, 1987. Типологический аналог польского профсоюза Солидарность в СССР возник, хотя и в существенно меньших масштабах – Свободное межотраслевое (межпрофессиональное) объединение трудящихся – СМОТ.

29 Билимович А. Кооперация в России до, во время и после большевиков. – Фр/М: Посев, 1955.

30 Комаров Б. Уничтожение природы. Обострение экологического кризиса в СССР. – Фр/М: Посев, 1978; Лысенко В. Последний рейс. (Об истреблении рыбных запасов мирового океана советским рыболовным флотом). – Фр/М: Посев, 1982.

31 Брудерер Г. Война в Афганистане. – Фр/М: Посев, 1985; Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева. – Фр/М: Посев, 1979 и 1980; Его же. Технология Власти. – Фр/М: Посев, 1976 и 1983.

32 Незнанский Ф. Земля преступлений (Мемуары); Его же. Записки следователя. (Мемуары); Его же. Власть и право // Посев. Ежеквартальное издание избранных материалов. – М., 1989. – № 3.

33 Рар Г. Плененная Церковь. Очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. – Фр/М: Посев, 1954; фотоальбом «Разрушенные и оскверненные храмы». – Фр/М: Посев, 1980; альманах «Надежда» – Фр/М., 1978–1985(?).

34 Журнал «Мария». – Фр/М. (датировка – предмет будущих исследований, журнал поступал из Самиздата).

35 Чугунов Т. Высшее образование в СССР. – Мюнхен: Издательство ЦОПЭ (Центральное объединение послевоенных (позже – политических) эмигрантов, 1961.

36 Озеров Г. (Шарагин А.) Туполевская шарага. – Фр/М: Посев, 1971; Поликанов С. Разрыв. Записки ядерного физика. – Фр/М: Посев, 1983; Владимиров Л. Советский космический блеф. – Фр/М: Посев, 1973.

37 Окулов А. Холодная, гражданская война. КГБ против Русской эмиграции. – М., 2006. – С. 110.

38 Евгений Вадимович Савостьянов. Последний день цк // Посев. – 2006. – № 10. Интервью Ю.С. Цурганову. Е.В. Савостьянов настоятельно просил, публикуя данное интервью писать «цк» и «кпсс» строчными буквами.

39 Там же.

40 Бакатин В. Избавление от КГБ. – М.: Изд-во «Новости», 1992. – 4-я стр. обложки.

41 Савостьянов Е. Последний день цк.

42 Б. Сергеев (Пушкарев). Свобода нужна сегодня. Доклад на XI политической конференции «Посева» 30.8–2.10.1959. См. также: Сборник решений Совета НТС (1958–1980). II. – Фр/М: Издание Совета Союза, 1985. – 223 с. Программные документы времен Перестройки: Путь к будущей России. Политические основы Народно-трудового союза российских солидаристов. Фр/М: Посев, 1988. – (Изд. при содействии Русского фонда по изучению альтернатив советской политике.); НТС. Мысль и дело. Как должна работать организация. – [Б.м.]: [б.и.], 1990; НТС: идеи и политика. – [Б.м.]: За Россию, [б.г.]. – (Предположит. М., 1990-е.); В. Ратибор. Правовое государство. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990; Обращение к членам НТС // Газета «Воля». Вестник российских солидаристов. – 1990. – № 4 (14).

43 Dimitri Sesemann. Tout est calme a Moscou / Ed. Robert Laffont. – Paris, 1979; Сеземанн Д.В. В Москве все спокойно. – Нью-Йорк: Possev-USA, 1989. – 224 с.

44 Поремский В. Всё ли спокойно в Москве? // Посев. – 1982. – № 2.

45 Яковлев Н. ЦРУ против СССCР. – М.: Молодая гвардия, 1979.

46 Исключение составляет позиция М.В. Назарова, занятая им в августе 1991 г. и инцидент 1996–1997 гг., связанный с позицией нескольких, преимущественно новых членов организации – М. Нуруллина и др. *Михаил Викторович Назаров* – гражданин СССР, работавший в Алжире в 1970-е годы. Согласно самоопределению, «ушел в самоволку», т.е. начал путешествие по капиталистическим странам. Политическое убежище в какой-либо из них испрашивать отказывался, заявляя, что намерен вернуться в СССР и понести наказание. Высказывался в том смысле, что «посмотреть мир» стоит того. Это описано в его книге «Миссия русской эмиграции» (Ставрополь, 1992), посвященной главным образом исследованию русской эмиграции как общности. М.Н. Назаров примкнул к НТС, активно участвовал в его работе. Существует мнение, высказывавшееся людьми абсолютно благожелательными к НТС и некоторыми его рядовыми членами, что после ареста ГКЧП и роспуска КПСС Союзу нужно было провозгласить победу, организовать торжественный банкет, после чего заявить о самороспуске. То есть «пойти по пути Битлз, а не по пути Пресли». Однако работа НТС, продолжающаяся после 1991 г., представляется небесполезной. В газете «Куранты» 4 октября 1990 г. был материал с длинным названием: «Года три назад по телевидению прошла разгромная передача о “врагах” советского народа в лице НТС.

Сегодня один из лидеров Народно-трудового союза Борис Миллер заявляет: надеюсь, скоро буду жить в России». Н.А. Макова – дочь *Александра Макова*, который совместно с *Сергеем Горбуновым, Александром Лахно* и *Дмитрием Ремигой* – все – члены НТС – совершил парашютную высадку в СССР в апреле 1953 г. Парашютисты были захвачены и расстреляны.

47 «Посев». – 2009. – № 12.

48 Пушкарев Б.С. Две России ХХ века. Обзор истории 1917–1993 / Александров К.М., Балмасов С.С., Долинин В.Э., Цветков В.Ж., Цурганов Ю.С., Штамм А.Ю. – М.: Посев, 2008. – 592 с.; см. так же брошюру «Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917–1991». – М.: Посев, 2002. – (Библиотечка россиеведения. Вып. № 1).

49 «Мы еще не все вспомнили, чтобы о чем-то забывать». На вопросы «НВ» отвечает петербургский историк *Кирилл Александров* // Новое время. – 2005. – № 19; Цурганов Ю. Уничтоженная цивилизация или «согласие и примирение» для служебного пользования // Посев. – 2003. – № 11 и др.

50 Столыпин А.П. На службе России. Очерки по истории НТС. – Фр/М: Посев, 1986. – 302 с. Автор книг «Монголия между Москвой и Пекином», «Поставщики ГУЛага»; множества статей, в том числе: «Осуществить еще ряд заветов Ленина? (// Посев. – 1977. – № 4), «Народ выйдет из мрака» (// Посев. – 1978. – № 12).

51 Продолжением, исходящим от самой организации, можно назвать статью Б.С. Пушкарева «К новому юбилею» (// Посев. – 2015. – № 4) в рубрике «85 лет НТС».

52 По поводу изданной в Германии книги *Юрия Чикарлеева* «Трагедия НТС» о стремлении советских спецслужб инфильтрировать сам НТС, то *Елизавета Романовна Миркович* сказала, что цитирование ее неэтично. Суд ФРГ оценил содержащиеся в ней суждения как не соответствующие действительности (суд вынес решение об уничтожении тиража).

53 Что касается второй главы исследования – «Движение российских солидаристов в борьбе против тоталитаризма» (2000), то она в целом создает адекватное представление об истории организации, но содержит ошибки. См.: Цурганов Ю. От рудников Перника – к парламенту России // Грани. – 2001. – № 198. – С. 250–264.

54 Защите предшествовал выход монографии: Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. – М.: Intrada, 2001. – 286 с. Она была переиздана в 2010 г. под названием «Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945». –М.: ЗАО Центрполиграф. (Подписи под фотографиями в издании 2010 г. целиком и полностью являются продуктом творчества издательства.)

55 Русское зарубежье против фашизма (1939–1945): Антология / Ред., сост., вступ. статья и коммент. Ю.С. Цурганов. – М.: Русский мир, 2005. – 698 с. – (Правительство Москвы. Департамент международных связей города Москвы. Международный совет российских соотечественников. Московский дом соотечественника.)

56 Данной «резонансной» защите, продолжавшейся около 12 часов и завершившейся голосованием 17:1 в пользу соискателя, предшествовал выход 1120-страничного иллюстрированного биографического справочника «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. – М.: «Посев», 2009. А также несколько монографий и множество статей. Два генерала данных формирований – бывшие представители комсостава РККА *Фёдор Иванович Трухин* и *Михаил Алексеевич Меандров* вступили в НТС, гражданин СССР доцент *Александр Николаевич Артёмов (Зайцев)*, также примкнувший к Союзу, стал основным автором Манифеста КОНР («Пражского Манифеста»), оглашенного в Праге 14 ноября 1944 г. Этим участие НТС в КОНР, его Вооруженных силах и предварительных проектах не ограничивается. В 1930-е годы НТС предсказывал, что в ходе большой войны с участием СССР, в РККА обнаружится «комкор Сидорчук», который бросит вызов режиму. Этот прогноз Союза сбылся, причем не в единственном лице.

57 Посев. – 2015. – № 11.

З.С. Бочарова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РОССИЙСКИМ БЕЖЕНЦАМ в 1920–1930-е годы

БОЧАРОВА Зоя Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ

После Крымской катастрофы и осознания поражения (пусть даже временного) Белого движения и демократической контрреволюции в борьбе с большевизмом в российской эмиграции начинаются новые процессы, которые привели к формированию Зарубежной России – особой формы самоорганизации россиян, оказавшихся за пределами родины в самых разных странах, проявившейся в элементах «внетерриториальной» государственности. Эти элементы включали в себя в том числе социальную помощь, так необходимую подавляющему большинству из 1,5 миллионов беженцев.

Под социальной помощью принято понимать систему социальных мер по оказанию помощи нуждающимся лицам или группам населения, способствующих преодолению или смягчению жизненных трудностей, поддержанию социального статуса и полноценной жизнедеятельности нуждающихся, их адаптации в обществе[1]. В отношении эмигрантов социальная помощь выражается в повышении (или сохранении) статуса и улучшении их положения, а также в воздействии на среду, в которую включается эмигрант. Масштабная и планомерная работа в отношении эмигрантов, система их защиты и урегулирование статуса беженцев ведут отсчет от российской эмиграции «первой» послереволюционной волны.

Содействие в жизнеобеспечении бывших российских подданных оказывали международные, иностранные и собственно эмигрантские учреждения. Виды и формы помощи были разнообразные. Это и сугубо благотворительная, и правовая, и информационная, и связанная с расселением и трудоустройством и т.п. Особого внимания требовали наиболее уязвимые с социальной точки зрения категории беженцев, не способные обеспечить себя средствами к существованию, т.е. дети, женщины, старики, инвалиды, а также учащаяся (либо желавшая учиться) молодежь.

Необычайно тяжелой оказалась первая половина 1920-х годов, когда русские изгнанники находились в поиске пристанища и работы. Тогда же шло становление социальных институтов, учреждений, структурирующих их жизнь. Правительства стран-реципиентов административно и законодательно адаптировались к непрошеным гостям. На этот период пришелся самый высокий уровень активности благотворительной помощи и финансовых вливаний.

Прежде всего заботы о материальном обеспечении бывших подданных Российской империи взяли на себя государства-реципиенты. Поиски механизма решения беженской проблемы велись в первую очередь Францией и Великобританией, которые потратили к августу 1921 г. соответственно 150 млн фр. и 1 млн ф. ст. на поддержку эвакуированных ими россиян. Неудивительно, что европейские лидеры хотели облегчить тяжелую ношу расходов, более или менее равномерно распределить ее между всеми странами, создав международную систему поддержки русских изгнанников. В результате постепенно сложились институты на международном, государственном уровнях, в эмигрантской среде, одной из главных задач которых стала социальная защита беженцев.

«Ликвидация беженской проблемы» (именно так она была сформулирована мировым сообществом) была возложена на Лигу Наций[2], в рамках которой возник в 1921 г. верховный комиссариат по делам русских беженцев во главе с норвежцем Ф. Нансеном. В 1930 г. должность верховного комиссара, ставшая вакантной после смерти Нансена, была упразднена, беженская секция расформирована. С 1 апреля 1931 г. учреждалась автономная организация – Международный офис по делам беженцев имени Ф. Нансена во главе с М. Губером, выдающимся юристом, профессором Цюрихского университета, членом Постоянной палаты международного суда в Гааге, председателем МККК[3], с 1936 г. – норвежцем, юристом М. Ханссоном. «Единоличное ведение беженцами в лице верховного комиссара» было преобразовано «в управление коллегиальное»[4]. Во главе Международного офиса стоял Административный совет. Исполнительным органом являлось правление[5]. Офису было предоставлено право назначать представителей в отдельных странах, непосредственно сноситься с правительствами стран, как состоявших членами Лиги Наций, так и не входивших в ее состав. Его агенты наделялись дипломатическим иммунитетом. Деятельность этой организации предполагалось закончить к 31 декабря 1939 г.

Однако благотворительные программы в планы верховного комиссариата не входили. Приоритетными задачами стали расселение, трудоустройство, репатриация и урегулирование правового положения беженцев. Еще 27 июня 1921 г. на сессии Совета Лиги Наций подчеркивалось, что вопрос о российских беженцах – это вопрос не только «политическо-социальный, но по преимуществу – финансовый»[6]. Поэтому на состоявшейся в Женеве 22–24 августа 1921 г. конференции уполномоченных заинтересованных правительств[7] было высказано пожелание, чтобы Совет Лиги Наций предложил экономической и финансовой комиссиям рассмотреть различные финансовые стороны вопроса и возможность использования фондов прежних российских правительств и других организаций, находившихся за границей. Известный эсер О.С. Минор, возглавлявший подотдел о военнопленных и интернированных Исполнительной комиссии совещания членов Учредительного собрания, в одном из писем так определил держателей средств: «К несчастью, нерв всякой работы – деньги, а они в руках старых «владельцев» в России (чиновников, буржуа, военных и т.п.) и новых ее владельцев, а у нас как ничего не было, так оно и сейчас – ничего нет»[8].

В ряду международных благотворительных организаций следует назвать

АРА[9], Американский Красный Крест, Международный союз помощи детям[10] и др.

Необходимость в благотворительности усиливалась тем более, что привезенные беженцами с собой из России, а также находившиеся за границей остатки российских государственных средств, за счет которых субсидировались общественные организации, иссякали, а число нуждавшихся в заботе росло. Трудоустройство изгнанников, на что делалась ставка, проблему не решало ввиду высокого удельного веса недееспособных лиц и детей. Экономические кризисы, особенно в конце 1920-х годов, пополняли число нуждавшихся в благотворительной помощи безработными, но вполне трудоспособными эмигрантами. В ряде стран (Польша, Германия) круг лиц, требовавших попечения расширялся в связи с закрытием лагерей военнопленных, интернированных, беженцев, содержавшихся на средства местных правительств.

Сложность и одновременно актуальность большего социального внимания для русских беженцев была обусловлена тем, что они в странах-реципиентах образовали особую категорию иностранцев, к которым трудно было применить обычно практикующиеся принцип взаимности либо национальный режим. Многие выходцы из России утратили гражданство, не приняв советскую власть, и имели паспорт, выданный властями уже несуществующей страны (Российской империи), несуществующими правительствами… Российские эмигранты-апатриды не только обладали меньшим объемом прав и свобод, чем граждане страны пребывания, но и были лишены возможности обратиться к дипломатической помощи. Только Лига Наций могла стать гарантом прав и свобод, социальной защиты для лиц без гражданства, хотя и считавших себя российскими подданными, но реально не имевшими за собой страны, обеспечивавшей бы их юридическую защиту. Рассчитывать на полноценную помощь стран-реципиентов, требующую огромных материальных и финансовых вложений, не приходилось. Вышедшие из войны с расстроенными финансами и разрушенной экономикой, обремененные собственными беженцами, они не в состоянии были взвалить груз полной ответственности не только за своих граждан, но и россиян.

Однако беженскому вопросу в Лиге Наций придавалось второстепенное значение. В Пятой комиссии по социальным вопросам, наряду с беженским, решались вопросы об эсперанто, о торговле женщинами и детьми, о продаже опиума, о борьбе с порнографией и т.д.[11] Поэтому решение проблемы целиком лежало на верховном комиссаре по делам русских беженцев – Ф. Нансене, а его авторитет в международном сообществе – безусловен.

Межправительственная конференция 16–19 сентября 1921 г. в Женеве признала необходимым назначить в каждой стране двух представителей по беженским делам: одного от местного правительства, другого от Нансена[12]. К маю 1922 г. верховный комиссар имел своих представителей в 14 государствах. 12 государств назначили своих представителей[13]. Однако со временем ситуация менялась, и далеко не всегда в пользу эмигрантов. После 1923 г. в связи с сокращением финансирования верховного комиссариата по делам русских беженцев его представительства стали ликвидироваться. В силу разных причин прекращали свою деятельность российские дипломатические миссии. Так, в начале 1924 г., когда русская колония в Риме выразила желание получить представителя Лиги Наций, ходатайствующему об этом К.Н. Гулькевичу ответили: нет средств[14]. Отъезд 10 января 1923 г. главы миссии А.М. Петряева из Болгарии явился «первым случаем во всем мире в послевоенное время» и имел «громадное принципиальное значение для русской зарубежной государственности», создав «очень

тяжелый прецедент для дипломатических представительств в других странах»[15]. В январе 1924 г. перестало существовать российское посольство и консульства в Турции. В марте М.Н. Гирс приступил к закрытию представительств в Испании, Бельгии, Нидерландах, Норвегии[16]. 2 апреля 1925 г. покинул Швейцарию посланник и полпред Временного правительства И.Н. Ефремов[17]. Главной причиной также являлось отсутствие денег. Даже представителю совета послов при Ф. Нансене К.Н. Гулькевичу с 1924 г. платить в полном объеме прежнее содержание стало невозможно («особенно с учетом высокого курса швейцарских денег»)[18]. С 1931 г. в Лиге Наций стал обсуждаться вопрос о дальнейшем существовании в различных странах представительств нансеновского бюро[19]. Сокращение финансирования неминуемо вело к их ликвидации. В резолюции совещательного комитета[20] от 21 марта 1932 г. указывалось «на неудобства намеченной в целях экономии замены представителей Офиса им. Нансена в каждой отдельной стране местными чиновниками»[21]. Кроме того, комитет настаивал на своевременном обсуждении вопроса создания «новой системы защиты беженских интересов к моменту упразднения Офиса»[22]. Предполагалось постепенно (до 1937 г.) ввести для связи с властями и покровительства эмигрантов особые комитеты из представителей нансеновского бюро, беженских, правительственных, краснокрестных организаций стран-реципиентов[23].

Чтобы верховный комиссариат по делам русских беженцев не превратился в чисто бюрократическое учреждение, в сентябре 1921 г. при нем образовался совещательный комитет[24]. В комитет вошли представители международных и российских эмигрантских организаций, занимавшихся оказанием помощи беженцам, материально самостоятельных, бюджет которых не зависел от внешних финансовых вливаний. Заседания комитета созывались один раз в три месяца[25]. Он имел трех своих представителей в одном из центральных органов Лиги Наций. В результате в Административный совет, как отмечал В.А. Маклаков, «во имя справедливости… выбирали одного русского Гулькевича с его заместителем Рубинштейном, одного армянина и одного иностранца»[26]. В 1929 г. совещательный комитет поддержал идею создания межправительственной совещательной комиссии и предложил ввести в ее состав своих технических консультантов[27]. В качестве экспертов направили Гулькевича и Петерсена[28].

Сначала совещательным комитетом российские эмигрантские организации интересовались мало, и в его состав вошли лишь те, кто имел своих представителей в Женеве: совещание послов, Земгор и РОКК. Именно эти организации играли главенствующую роль в защите интересов всех русских беженцев, поскольку имели уже значительный, накопленный годами, опыт. С течением времени, особенно с конца 1920-х – в 1930-е годы, когда, собственно, российские источники для социальной помощи практически были исчерпаны, и относительно эффективной оставалась лишь забота Лиги Наций, отношение эмиграции к членству в этом комитете изменилось. Из массы организаций, не только всеэмигрантских, таких как Земгор или РОКК, имевших свои региональные отделения, но и сугубо местных (а в каждой более или менее крупной колонии их насчитывалось несколько десятков), претендовавших стать посредниками между эмигрантским сообществом и местными органами власти, приходилось выбирать. Русские общественные организации за рубежом стремились стать членами совещательного комитета «в целях получения возможности с большим успехом отстаивать интересы русской эмиграции»[29]. Возникла угроза потери делового характера комитета, превращения его «в многочисленный парламент с вредным порою для скромной работы направлением, в особенности после допущения в него» организаций, преследующих больше политические, чем гуманитарные цели[30]. К.Н. Гулькевич предложил образовать особую приемочную

подкомиссию. На заседаниях 15 февраля и 4 сентября 1929 г. был установлен порядок рассмотрения заявлений о приеме в совещательный комитет. Отбирались центральные организации, цели которых не дублировали бы деятельность уже вошедших в его состав. Разбирательство каждого из ходатайств кандидатов в члены комитета длилось в течение шести месяцев, по его результатам на очередной сессии комитет заслушивал соответствующий доклад.

Так, 21 марта 1932 г. на заседании совещательного комитета, где присутствовали Н.Д. Авксентьев (от Земгора), М.М. Федоров (от ЦК по обеспечению высшего образования русскому юношеству за рубежом), К.Н. Гулькевич (от совета послов и Союза инвалидов), В.А. Маклаков (от Эмигрантского комитета), Я.Л. Рубинштейн (от Центральной юридической комиссии) и В.В. Муравьев-Апостол (от Главного управления (старая организация) Российского Красного Креста и Союза врачей), рассматривался вопрос о принятии в состав совещательного комитета пяти русских организаций: Белградского союза русских благотворительных и профессиональных организаций, Русского комитета в Финляндии, Русского попечительного комитета об эмигрантах в Польше, Русского комитета в Югославии, Центрального союза русских обществ в Болгарии. Согласно порядку рассмотрения подобных заявлений, установленному в 1929 г., эти предложения были переданы в Особую комиссию (Sous Comitè) для доклада на следующей сессии комитета[31].

Особый комитет по делам русских в Финляндии начал ходатайствовать о принятии его с состав совещательного комитета с мая 1931 г. Переписка продолжалась более двух с половиной лет. В результате К.Н. Гулькевич в письме от 30 января 1933 г. оповестил, что его просьба отклонена на заседании 15 декабря 1932 г., «т.к. членами совещательного комитета могут быть только самостоятельные организации. Ваша же получила… два года сряду по 3 тыс. шв. фр. пособий на административные расходы»[32].

В таком случае защищать свои интересы в Лиге Наций следовало либо путем непосредственного обращения к русским представителям, либо присоединившись к той организации, которая уже вошла в состав совещательного комитета. Например, к Эмигрантскому комитету в Париже. Он начал свою работу 16 декабря 1924 г. Его создание было обусловлено признанием французским правительством Советского Союза, что повлекло за собой потерю значения посольства и бывших российских консульских учреждений. Члены комитета избирались двумя группами российских организаций: шесть человек от Русского комитета объединенных организаций, в котором были представлены 175 организаций, трое – от Совета общественных организаций. Эмигрантский комитет выполнял посреднические функции между полуофициальным Офисом по защите интересов российских беженцев (эмигрантским учреждением, ставшим преемником русского генерального консульства в Париже), французским правительством и русской колонией. Ввиду его значимости комитет распространял свою деятельность далеко за пределами Франции, в том числе был представлен в международных организациях. В совещательном комитете при Лиге Наций интересы эмигрантов отстаивали В.А. Маклаков, председатель Эмигрантского комитета, и Я.Л. Рубинштейн, член Комитета от Совета общественных организаций, и одновременно Центральной юридической комиссии. Так, в 1931 г. Объединение русских общественных организаций в Загребе (Югославия) во главе с П.М. Боярским обратилось к В.Н. Коковцеву, председателю Русского комитета объединенных организаций, с просьбой принять его под свое покровительство[33]. Авторитет русских объединений, находившихся во Франции, объясняется тем, что они обла-

дали большей осведомленностью и свободой сношений с женевскими учреждениями. В.Н. Коковцев ограничился готовностью «получать… сообщения о возникающих… вопросах повседневной беженской жизни» в Югославии и поделиться теми способами, которыми руководствуется Русский комитет, защищая свои собственные интересы[34].

Всего в конце 1935 г. из 38 входивших в совещательный комитет организаций русских насчитывалось 12[35].

Совещательный комитет, а также специально созданная в связи с этим при совещании послов в Париже Центральная юридическая комиссия по изучению вопроса о правовом положении беженцев под председательством Б.Э. Нольде, в составе А.Н. Мандельштама, А.А. Пиленки, П.П. Гронского, Я.Л. Рубинштейна[36], проделали большую работу по подготовке сертификатов для бесподданных россиян, получивших название «нансеновских паспортов». Их введение способствовало упрочению социального статуса беженцев. Пятая комиссия Лиги Наций под нажимом русских организаций не сразу, но согласилась заменить первоначальное наименование «Certificat de réfugie'» (удостоверение беженца) на «Certificat d'identite» (удостоверение личности), а наименование «беженец» на «русский по происхождению, не приобретший никакой другой национальности»[37]. Представитель Земгора Я.Л. Рубинштейн настаивал заменить название документа, исключив слово «беженский», обязательно в документе оговорить национальность лица, предлагал придать документу значение не только удостоверения личности, но и вписать в него обещание защиты, которую брали бы на себя как правительство, его выдавшее, так и Лига Наций[38]. 22 апреля 1922 г. М.Н. Гирс циркулярным письмом предлагал своим дипломатическим представителям «ввиду несомненной желательности изменения названия новых документов предпринять в пределах», им «доступным, шаги к тому, чтобы государство, при коем» они были «аккредитованы, в своем ответе секретариату Лиги Наций высказалось в пользу изменений в именовании новых документов и рекомендовало термин «Passeport provisoire»» (временный паспорт)[39].

Инициированный совещательным комитетом субсидиарный, т.е. факультативный, вспомогательный, дополняющий, характер нансеновского паспорта, позволял беженцу выбирать наиболее приемлемые варианты решения своих проблем в каждом отдельном случае, ибо положение беженцев в разных странах отличалось многообразием, и правительства неоднозначно относились к обилию форм документов, бывших у них на руках. Принятый сертификат компенсировал вакуум в правовом пространстве беженца, отсутствие удостоверений личности, заменял такие виды документов, которые не признавались теми и ли иными странами (например, выданные старыми российскими посольствами или миссиями в государствах, установивших связи с Советской Россией), и, соответственно, облегчал получение виз и трудоустройство. Однако юристы-эмигранты признавали, что эти паспорта «не помешают правительствам, которые пожелали бы стеснить беженцев, сделать это»[40]. Более того, они воспринимались как документы, лишь подчеркивающие бездомность их обладателей. Писатель В.В. Набоков отмечал, что иметь нансеновский паспорт значило то же, что быть преступником, отпущенным под честное слово, или незаконнорожденным[41]. Отсутствие паритета между «удостоверением личности» и полноценным «паспортом» негативно сказывалось на социальном положении русских беженцев[42].

Необязательность для правительств решений Лиги Наций в отношении бывших подданных Российской империи, отсутствие гарантий возвращения в страну, выдавшую нансеновский паспорт, неустойчивое положение русских эмигрантских организаций приводило к тому, что социальное и правовое положение беженцев

цев в большой степени оставалось зависимым от доброй воли правительств тех государств, которые их приютили.

С середины 1920-х годов Лига Наций перенесла акцент в решении беженской проблемы на урегулирование личного статуса бесподданных, улучшение их положения путем трудоустройства. Ф. Нансен говорил о более 200 тыс. российских беженцев в Европе, остававшихся без работы[43]. В связи с этим изменилась структура органов Лиги Наций, которые решали беженский вопрос. Пятая сессия Лиги Наций высказалась за перевод верховного комиссара беженцев из прямого подчинения секретариату Лиги в Международное бюро труда (МБТ)[44]. С 1 января 1925 г. трудоустройство беженцев было передано именно этому ведомству. А. Тома, директор МБТ, инициировал идею переселения в Южную Америку[45].

Предполагалось создать оборотный фонд в размере 100 тыс. ф. ст. для покрытия расходов по перевозке переселенцев и обустройства их на месте[46], привлечь к финансированию переселения самих беженцев, изменить режим сертификатов. Эти вопросы были обсуждены на межправительственной конференции, подготовка к которой вызвала очередную волну дискуссий в эмиграции. К.Н. Гулькевич возвратился к идее о передаче права выдачи удостоверений личности Лиге Наций[47]. М.Н. Гирс, возражая ему, писал, что, во-первых, правительства посчитали бы такой порядок выдачи паспортов несовместимым с территориальным суверенитетом; во-вторых, это привело бы к устранению беженских организаций и снизило бы их авторитет; в-третьих, Лига Наций, к сожалению, до такой степени непопулярна среди беженской массы, что передача ей «функции удостоверения личности, имеющей первостепенное значение в беженском быту, вызвало бы среди этой массы большое неудовольствие»[48]. Юристы поддержали М.Н. Гирса, отметив, что монополия органов МБТ нежелательна с точки зрения интересов беженцев, т.к., «имея дело с правительственными органами, беженцы будут лучше защищены от возможных злоупотреблений, чем, имея дело исключительно с органами МБТ, на которые некуда будет жаловаться». За беженцами должно оставаться право обращаться непосредственно к правительствам[49]. Было поддержано предложение К.Н. Гулькевича постараться убедить правительства, подписавшие Женевское соглашение 1922 г., отчислять в пользу беженской секции примерно 50% с взимаемых с беженских удостоверений паспортных сборов.

10 мая 1926 г. на межправительственную конференцию прибыли представители 24 государств. Как докладывали Б.Э. Нольде и Я.Л. Рубинштейн, правительства не склонны были принимать участие в образовании оборотного фонда и ассигновании средств для него. 12 мая 1926 г. конференция приняла решение о сборе пяти золотых фр. в оборотный фонд, взимаемых как с сертификатов, так и с других документов, получение которых беженцами было обязательно. Устанавливался годичный срок действия беженских удостоверений личности. Предложение о превращении их в нормальный полноценный паспорт конференция отвергла. Таким образом, беженцы-апатриды оставались выделенными из общего числа полноправных граждан[50]. Правительства «продолжали рассматривать беженцев как элемент опасный, от которого нужно защищаться»[51].

Особый (оборотный) фонд[52] формировался за счет платных пятифранковых марок, которые наклеивались на беженские зеленые паспорта. По предложению Ф. Нансена в состав постоянной комиссии при верховном комиссариате, контролирующей особый фонд, с совещательным голосом был избран К.Н. Гулькевич. Средства фонда шли на нужды беженцев,

прежде всего для облегчения переселения и устройства в заокеанских странах, на возвратные ссуды для колонизации и заселения Южной Америки.

Введение нансеновского сбора взволновало эмиграцию. Оплата в размере пяти золотых фр. для подавляющей массы русских эмигрантов, добывавших себе пропитание тяжелым малооплачиваемым физическим трудом, была обременительна. Сбор взимался с каждого лица, достигшего 16 лет, при получении удостоверения личности. Неимущие от него освобождались, но степень состоятельности такого беженца не определялась. Предполагалось при содействии верховного комиссариата расширить круг лиц, пользовавшихся льготой[53]. Эмигранты возражали не против принципа привлечения их к участию в деле устройства их собственной судьбы, но против той формы, в которой эти сборы должны были производиться.

МБТ, не имея больших сумм для помощи переселенцам, разработало следующую схему. Субсидии выдавались взаимообразно тем лицам, которые в заявке указывали, куда выселяются, нужны ли для этого средства. Для предоставления ссуды необходим был поручитель, удовлетворявший требованиям МБТ. Просьбы о финансировании подавались представителю МБТ по месту проживания. Копию следовало послать К.Н. Гулькевичу, чтобы тот поддержал ходатайствующего перед Лигой Наций[54]. На VII сессии МБТ А. Тома отчитался о шести тыс. беженцев, которым была оказана помощь по поиску работы.

Представители русских организаций также настаивали на использовании части оборотных средств фонда, формировавшегося из доходов от продажи нансеновских марок, в благотворительных целях (на больницы, школы и т.п.)[55]. X сессия Лиги Наций (сентябрь 1929 г.) постановила, «чтобы часть фонда, образуемого от продажи нансеновских марок, была использована для пополнения фондов, учрежденных для оказания помощи беженцам, заслуживающим вспомоществования»[56]. Так, во Франции половина нансеновского сбора шла в Лигу Наций, а другая половина поступала в распоряжение Распределительного комитета в Париже, который входил в состав Эмигрантского комитета. Распределительный комитет состоял из председателя В.Н. Коковцова и двух членов – Н.Д. Авксентьева и Н.В. Савича. Избирался он один раз в три года Эмигрантским комитетом и утверждался МИД Франции. Средства, полученные от нансеновского сбора, Распределительный комитет направлял в адрес русских благотворительных организаций во Франции[57]. Но во многих странах эти деньги целиком шли в Женеву.

Следующим шагом Лиги Наций стала подготовка соглашения о юридическом статусе русских и армянских беженцев. 30 июня 1928 г. было подписано межправительственное соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев[58]. Оно состояло из двух частей. Первая часть (1 ст.) официально закрепила представительства верховного комиссара в различных странах: они должны были выполнять для эмигрантов функции, лежащие обычно на консульствах. Таким образом, вводился совершенно новый институт, не имевший прецедентов в мировой практике. Во второй части (2–9 ст.) оговаривались личные права эмигрантов[59].

Нансеновский офис в странах-реципиентах наделялся следующими полномочиями: удостоверять личность и звание беженцев, их семейное положение и гражданское состояние на основании актов, совершенных в России, или фактов, имевших там место (прибегая к помощи свидетелей); удостоверять подписи эмигрантов, копии и переводы их документов, составленных на русском языке, на иностранный язык; удостоверять перед местными властями репутацию, хорошее поведение беженца, прежнюю службу, профессиональную квалификацию, университетские и академические звания; т.е. представители верховного комиссара могли выдавать удостоверения, заменяв-

шие утерянные или оставшиеся в России аттестаты и дипломы об окончании различных учебных заведений, о производственном стаже, принадлежности к сословию присяжных поверенных, к практикующим врачам, к ремесленникам того или иного цеха и пр.; рекомендовать беженца компетентным властям, в частности по вопросам виз, разрешений на жительство, допуска в школы, библиотеки и т.д. Их деятельность не могла носить политического характера и не допускала вмешательства в функции местных властей. Вопрос о признании документов, выдаваемых представителями верховного комиссара, официальными и о разграничении функций нансеновских офисов, местных органов власти, эмигрантских учреждений и советских представительств вызвал на конференции 28–30 июня 1928 г. определенные разногласия. В результате дискуссий было решено предоставить государствам возможность самостоятельно определять приоритетность либо нансеновских офисов, либо местных органов власти, либо эмигрантских учреждений, либо советских представительств в урегулировании положения русских изгнанников.

Личные права эмигрантов отныне, как правило, регулировались местным правом, но некоторые статьи допускали отступление в пользу законов добольшевистского периода. Прослеживалась тенденция уравнивания в правах эмигрантов с гражданами стран-реципиентов. Преимущество соглашения заключалось в попытке создания единого правового поля для россиян в рассеянии сущих. Законы, которым были подчинены личные права эмигрантов, становились более устойчивыми, «следовавшими за ними при передвижениях» из страны в страну. При переездах беженец уже не попадал каждый раз под новое право, и правительства обязывались соблюсти ряд социальных гарантий.

20 сентября 1928 г. на сессии Лиги Наций был одобрен план очередной реорганизации дела помощи беженцам, предложенный верховным комиссаром и директором МБТ. МБТ прекращало свое участие в устройстве беженства. Всю работу должен был сосредоточить в своих руках верховный комиссариат с особой состоявшей при нем совещательной комиссией. С утверждением 14 декабря 1928 г. советом Лиги Наций при верховном комиссаре межправительственной совещательной комиссии по делам беженцев для рассмотрения правовых и организационных вопросов[60] начался новый этап международной помощи нашим соотечественникам за рубежом. На передний план выходили меры по формированию основ экономической самостоятельности беженцев[61].

На первой сессии совещательной комиссии (16–18 мая 1929 г.) Я.Л. Рубинштейн на примерах показал важность сочетания международного покровительства беженцам с мерами, принимаемыми отдельными правительствами. Совещательная комиссия разделила эту точку зрения и также подчеркнула необходимость признания за беженцами особого статуса[62]. Ее деятельность свидетельствовала, «что совместные усилия верховного комиссариата и заинтересованных правительств могут заменить отсутствие национальной защиты и обеспечить беженцам легальный статус, чтобы создать необходимые условия для равноправного существования беженцев в странах, предоставивших им убежище»[63].

Политико-правовое покровительство беженцам и гуманитарные функции были разделены с учреждением в 1931 г. Международного офиса по делам беженцев имени Ф. Нансена во главе с М. Губером. Как отмечал Маклаков, Международный офис был создан только для благотворительной и гуманитарной помощи, а правовая помощь оставалась в ведении секрета-

риата Лиги Наций без всякого ограничения срока[64]. Политико-правовая помощь беженцам возлагалась на генерального секретаря Лиги Наций, которому поручалось: а) следить за эволюцией беженской проблемы, б) обеспечивать, упорядочивать и следить за применением существующих Соглашений, в) в случае надобности брать на себя почин пересмотра существующих Соглашений и заключение новых.

Устав Офиса, утвержденный 19 января 1931 г. советом Лиги Наций, определял его как автономный орган, непосредственно подчиненный Лиге Наций, которая назначала председателя, ассигновала средства на его содержание, проверяла через своих ревизоров его отчетность, ежегодно рассматривала отчетный доклад. § 3 Устава определял следующие задачи: Офис 1. «Собирает и объединяет сведения о материальном и моральном положении беженцев, способствует размещению и устройству их, собирая сведения о рынках труда в странах иммиграции, 2. Согласует деятельность и дает директивы организациям помощи, 3. Собирает и распределяет при содействии всех, кто может быть в этом полезен, в частности, при содействии совещательного комитета частных организаций, средства для улучшения существования беженцев, в том числе суммы, выручаемые от продажи нансеновских марок, 4. В пределах своей компетенции облегчает применение к частным случаям соглашений, заключенных в интересах беженцев»[65].

Административный совет уточнил роль прежних сохранявшихся представительств комиссариата: представительство интересов беженцев перед местными властями в отдельных частных случаях (визы, право занятия промыслами и трудом, вопрос о праве проживания в стране и т.д.). Порядок подачи ходатайств и пособий не изменился: их рассматривала финансовая подкомиссия совещательного комитета частных организаций (Гулькевич, Клузо [Швейцария], Пашалаян).

Планирующаяся ликвидация Офиса к 31 декабря 1939 г. стимулировала подготовку конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев, подписание которой обеспечило бы им гарантированную социальную защиту со стороны правительств стран-реципиентов. Такую конвенцию представители 12 государств подписали 28 октября 1933 г. Ее положения носили уже не рекомендательный, а обязательный характер. Конвенция расширяла соглашение 1928 г., включая несколько пунктов о социальном обеспечении (о льготах относительно вознаграждения рабочих за несчастные случаи, о пособиях больным, безработным и детям, о стипендиях и освобождении от платы за обучение в школах, об устройстве Обществ взаимного вспомоществования и участии в них). Что касается права на труд, то подчеркивалось, что законы по защите национального рынка труда не должны ограничивать беженцев, проживавших не менее трех лет в стране; женатых на подданных данной страны; имевших детей – подданных страны; бывших участников Первой мировой войны. По вопросам образования, организации обществ взаимопомощи, налогового режима и т.д. русские беженцы приравнивались к местным гражданам или к наиболее привилегированным иностранцам. По вопросу о личном статусе устанавливался применявшийся почти повсеместно к бесподданным принцип подчинения законам места жительства (domicile), а за неимением его – законом местопребывания (residence).

Русский комитет объединенных организаций в Париже поручил особой комиссии заняться вопросом реорганизации русской фракции в совещательном комитете. Соответствующий доклад был подготовлен В.Б. Ельяшевичем и представлен экспертам. Комиссия предложила включить в совещательный комитет центральные гуманитарные организации, беженские офисы (во Франции, Германии, Югославии, Румынии) и представителей, избранных от каждой страны специальными объединениями действующих в них гуманитарных организаций[66].

По мере приближения срока окончания деятельности Международного офиса по делам беженцев им. Нансена все более четко международное сообщество осознавало неразрешимость проблемы к намеченному рубежу – к концу 1938 г. Когда устанавливались эти сроки, предполагалось, что эмигранты к этому времени либо вернутся на родину, либо ассимилируются. Но на попечении Офиса оставались еще около 600 тыс. беженцев, число которых сократилось за 1936 г. лишь на 100 тыс. преимущественно за счет натурализации армян. Уменьшение числа других категорий беженцев путем натурализации (за 1936 г. не менее чем 1812 чел.[67]) компенсировалось естественным приростом. Не убывала работа Офиса по выдаче нансеновских сертификатов, виз, свидетельствованию разного рода актов, ходатайствам об отмене высылок, о праве на труд, о материальной помощи, о принятии в госпитали, санатории, приюты и т.д.[68] Фонд помощи пополнялся за счет нансеновского марочного сбора лишь немногим более чем наполовину. Было ясно, что ликвидация организации не будет равносильна ликвидации самой беженской проблемы. Принятые решения по налаживанию координации в Лиге Наций деятельности по покровительству беженцам и реорганизации такого центра привели к ликвидации автономной заботы о русских.

В налаживании более или менее стабильной системы помощи соотечественникам за рубежом приоритетную роль сыграли российские эмигрантские представительства. В первую очередь в эту работу включились старые дипломатические и консульские учреждения. Они продолжили деятельность от имени законной власти, от имени России, но уже России зарубежной. Основанием для их существования «было все то же правовое ощущение формального существования национальной России, которую они представляли, вопреки насильственному захвату ее территории антинациональной и неправомерной властью»[69]. Правительственная защита государства, из которого прибывали беженцы, исключалась. Потеря прежней государственной основы в деле защиты державных, национальных и частных интересов русских граждан за границей, породила попытки организационного единения зарубежья. Поэтому русские представительные учреждения (посольства, консульства, позднее превратившиеся в частные беженские организации) и возникшие в условиях эмиграции общественные институты, являлись не только символами российской государственности, но и компенсировали прежние дореволюционные государственные структуры. Они, как правило, пользовались доверием местных властей. В основе таких «доверительных» отношений лежали связи России с иностранными государствами – дипломатические, научные, культурные, общественные, – налаженные еще в довоенный (дореволюционный) период. Для обустройства беженцев использовались российские зарубежные денежные активы, которые удалось отстоять от претензий Советского государства. Почти все имевшиеся за границей государственные (бывшей Российской империи, белых правительств) финансовые средства, прежде всего дипломатических представительств, перешли в распоряжение совещания русских послов[70] во главе со старейшим русским дипломатом М.Н. Гирсом, а после его смерти в 1932 г. – В.А. Маклаковым. Совещание имело своего представителя при верховном комиссаре по делам русских беженцев Лиги Наций – К.Н. Гулькевича[71]. Представительство эмигрантских интересов на международном уровне расширяло возможности их социальной защиты, влияния на мировое сообщество с целью распространения на другие государства достигнутого

в той или иной стране опыта работы в данной области, универсализации / унификации положения беженцев.

Белое правительство за рубежом потеряло свое влияние и значение. Даже авторитет генерала П.Н. Врангеля ограничивался военной средой. Более того, Ф. Нансен поставил условием оказания помощи со стороны Лиги Наций в деле размещения остатков Русской армии в Европе его самоустранение, т.е. освобождение галлиполийцев, находившихся в ужасном положении, от всяких обязательств по отношению к Врангелю как главнокомандующему. Ибо, по международным правилам, любая армия, пересекая границу другого государства, обязана перейти на беженское положение.

Ясно осознавая беспрецедентность масштабов эмиграции и размаха необходимой социальной помощи, политические и общественные деятели инициировали объединение усилий, вылившееся в создание ряда организаций, которые проявили особую активность в деле оказания непосредственной помощи беженцам. Русские гуманитарные организации имели как общеэмигрантское, так и местное, региональное, локальное значение. Образовываясь по функциональному, профессиональному, корпоративному, территориальному, социальному, земляческому (московское, петроградское, крымское, северо-западное и другие землячества) принципу, они оказывали материальную, правовую, трудовую и моральную поддержку своим членам. Имея политически ориентированный состав, практически все декларировали свой гуманитарный, благотворительный характер. Их деятельность охватывала все сферы жизненного пространства россиян за рубежом. Направления и виды деятельности общественных организаций были чрезвычайно разнообразны. Это могла быть как гуманитарная, благотворительная, так и профессиональная, культурно-просветительная, правовая, трудовая, медицинская и другая поддержка. В результате выстраивалась система социальной защиты и помощи, которая облегчала приспособление к чужой, инонациональной среде. Такое единение сыграло огромную роль в самоорганизации российской эмиграции 1920–1930-х годов, урегулировании юридического положения, жизнеобеспечении и адаптации беженцев, позволило отстаивать собственные интересы перед правительствами разных стран, в международных организациях, в том числе в Лиге Наций, сохранить национальные традиции, организовать национальную систему образования, поддерживать и стимулировать активную культурно-просветительскую работу.

Чтобы скоординировать усилия мирового сообщества, уже 13 сентября 1921 г., вскоре после официального вступления Ф. Нансена в права верховного комиссара по делам русских беженцев, представители совещания послов (И.Н. Ефремов), Центральной юридической комиссии (А.Н. Мандельштам), Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК, Земгор) (С.В. Панина, Н.И. Астров), РОКК (Ю.И. Лодыженский) добились встречи с ним. Ф. Нансен был обескуражен множественностью точек зрения русских организаций на судьбу соотечественников. К этому времени в его адрес пришли обращения Русского национального комитета[72], Русского совета[73], в которых заявлялось их исключительное право защиты интересов беженцев[74]. С.В. Панина постаралась успокоить верховного комиссара, утверждая, что присутствующие представляют благотворительные, аполитичные организации и не отвечают за действия политических групп[75]. Действительно, почти все организации, которые представляла делегация, вели свою работу еще в ходе мировой или гражданской войн, а в межвоенное двадцатилетие играли всеэмигрантскую роль.

С наплывом беженцев масштабы помощи потребовали образования новых организаций, и их число росло, как снежный ком, практически во всех государствах. Программу деятельности верховного комиссара по делам беженцев русские общественные организации считали целе-

сообразной, но недостаточной, не затрагивающей всех нужд соотечественников.

Стержень социальной работы составила деятельность РЗГК. История Земгора в эмиграции началась с создания единого центрального органа, «согласующего и направляющего деятельность всех работающих за границей земских и городских организаций»[76]. Под влиянием массовой эвакуации с Юга России бывшие гласные российских земских собраний и городских дум, члены органов местного и краевого управления, находившиеся за рубежом, возобновили свою деятельность в составе Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов.

27 января 1921 г. в столице Франции открылось совещание съехавшихся из разных стран земских и городских деятелей. Оно создало Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей с целью организации помощи нуждавшимся беженцам, используя свой авторитет в международной среде. Главной целью этого «исключительно гуманитарного учреждения» стало оказание всех видов помощи беженцам, без политических различий[77]. РЗГК ставил прежде всего социальные задачи: 1) представительство и защита интересов русских беженцев перед иностранными правительствами и международными организациями; 2) изыскание и распределение денежных и материальных средств; 3) планомерное осуществление различных видов помощи и создания условий для работы беженских организаций; 4) организация помощи на местах и поддержка учреждений, ведающих этой помощью.

Земгор был зарегистрирован в парижской префектуре под названием «Comite des Zemstvos et Municipalites Russes de Secoure des Citoyens russes a l'etranger» и его местонахождением был признан Париж[78]. Председателями РЗГК являлись Г.Е. Львов, затем А.И. Коновалов, Н.Д. Авксентьев. Текущая организационная работа была поручена Распорядительной коллегии в составе следующих членов РЗГК: Г.Е. Львова, Г.А. Алексеева, В.В. Вырубова, В.Ф. Зеелера, В.А. Оболенского, Т.И. Полнера, В.В. Руднева и Л.А. Титова.

В первый год существования образовалось 17 местных организаций Земгора преимущественно в европейских государствах (Германии, ЧСР, Болгарии, Турции, Польше, Финляндии, Эстонии, Египте и др.).

Именно через Земгор шло распределение средств, выделявшихся финансовой комиссией совещания послов. Средства РЗГК складывались из членских взносов (не менее 10 фр. в месяц или единовременно 100 фр.), отчислений отделов, упомянутой финансовой комиссии при совещании послов, субсидий правительств разных стран, иностранных благотворительных организаций, русского финансового и промышленного мира за границей, а также использовались суммы, хранившиеся в иностранных банках на счетах Всероссийского земского союза.

Прекрасно понимая, что решение сложного вопроса об устройстве более двух миллионов русских беженцев не по силам частным гуманитарным организациям, а главное – осуществление социальной помощи, Земгор счел необходимым стать посредником между правительствами стран-реципиентов, международными организациями, Лигой Наций и беженцами. Делегаты РЗГК в Женеве, в совещательном комитете при верховном комиссаре по делам русских беженцев – Н.И. Астров и С.В. Панина – осуществляли связь с работавшими здесь гуманитарными организациями, Лигой Наций, привлекали внимание мирового сообщества к проблемам эмигрантов. К ним стекалась информация о положении русского беженства, которую систематизировали, сообщали верховному комиссару и другим заинтересованным учреждениям и лицам.

Уже в ходе Крымской эвакуации при подходе к Константинополю остатков Русской армии и беженцев проявили себя Земгор и международная благотворительная помощь. В кошмарной обстановке, когда пароходы были буквально забиты и завалены людьми, до крайности переполнены все трюмы, палубы, проходы, мостики, решетки у труб, родилось несколько младенцев, умирали больные и старики. Паек, и без того минимальный, в иные дни отсутствовал вовсе. Военные и торговые, крупные и мелкие суда стали на внешнем рейде Константинополя и выкинули флаги «хлеба» и «воды»[79]. Это был крик о помощи сотен людей, запертых в плавучие трюмы. 7 декабря 1920 г. князь Г.Е. Львов писал Е.А. Родичевой: «С крымскими беженцами творятся ужасы, до сих пор качаются на волнах и кричат по всему свету: *хлеба*, но одни не слышат – залили уши золотом, другие слышат и злорадствуют, прости им всем, Господи!»[80]

Французы не ожидали такого огромного наплыва русских беженцев и не могли их разместить. Для Константинополя такая нагрузка была не под силу. Поэтому быстрой и организованной помощи ожидать не приходилось. Сначала речь шла об эпизодической благотворительности: то американцы подвезут к пароходам молоко и шоколад детям, то французы сгрузят консервы, то русский Земгор поможет хлебом. Международная полиция следила за тем, чтобы русские не сходили с пароходов, так как прибывающие должны были пройти карантин.

Войска после длительного и нудного ожидания были сведены в три корпуса и размещены в лагерях на полуострове Галлиполи, на острове Лемнос и в районе Чаталджи, в 50 км от Константинополя. Гражданских лиц вначале разместили в десяти лагерях вокруг Константинополя, а затем свели в четыре.

Нормы питания, определенные приказом начальника оккупационного корпуса в Константинополе от 15 декабря 1920 г.[81], никогда не выполнялись. В примечании к приказу так и говорилось, что «ввиду больших затруднений подвоза и получения продовольствия весьма вероятно, что выдача всего этого не может быть обеспечена». Неудовлетворительное качество продуктов, недовес, недопоставки (от 10 до 40%) и т.п. были обычным явлением. Добавочного довольствия для кормящих и беременных женщин, детей, больных не предусматривалось. Недостаток продовольствия для этой категории беженцев компенсировал Американский Красный Крест. Он снабжал госпитали, гимназии, приюты молоком, рисом, какао, сахаром, макаронами.

Сфера деятельности Земгора, первоначально чрезвычайно широкая, менялась в зависимости от реальной ситуации. Комитет занимался расселением, прежде всего из Константинопольского района (не только из города, но и беженских лагерей в Чаталдже, Сан-Стефано, Еди-Куле, Селимье, Тузле, полуострова Галлиполи, о. Лемнос, о. Халки), в те страны, где бежавшие из Советской России могли бы найти себе постоянный заработок, трудоустройством, учетом беженцев, организовывал питательные пункты, общежития, приюты, санатории, бани, обеспечивал бельем, одеждой, оказывал правовую и юридическую, медицинскую помощь, при усиленном внимании детям, женщинам, старикам, больным, ослабленным, создавал библиотеки, театры, опекал школы, т.е. ведал и культурно-просветительскими вопросами, удовлетворением «духовных нужд», воспитанием и образованием детей – «надежды новой свободной России»[82]. Создавались Бюро по трудовому устройству, всевозможные мастерские и курсы для профессиональной подготовки, курсы иностранных языков, субсидировались ремесленные, небольшие промышленные и торговые предприятия, сельскохозяйственные колонии беженцев и пр. Однако помощь взрослым постепенно все более сокращалась, и в 1930-е годы оказывалась только в случае неотложной нужды, главным образом престарелым, семейным, безработным[83]. Таким образом, весь

возможный спектр социального обеспечения беженцев находился в зоне внимания РЗГК. Деятельность в культурно-образовательной сфере позволяла не только дать работу интеллигенции, но и выполнить важнейшую для Зарубежной России социальную функцию – сохранить накапливаемый эмиграцией интеллектуальный потенциал.

Со временем РЗГК сосредоточился лишь на помощи в деле обучения беженцев дошкольного и школьного возраста, а также студентов, закончивших средние учебные заведения, находившиеся в ведении Земгора. Культурно-просветительная комиссия Земгора способствовала не только поступлению русских студентов в зарубежные учебные заведения и зачислению их стипендиатами РЗГК, но и ходатайствовала о помощи перед Американским союзом христианской молодежи, АРА и др.

Анализ бюллетеней Земгора дает полную картину гуманитарной деятельности бывших земских и городских гласных. Под патронатом РЗГК создавался и действовал целый ряд учреждений, общественных организаций (союзы студентов, увечных и престарелых воинов и др.). Он стремился к налаживанию сотрудничества со всеми гуманитарными и культурными русскими организациями за границей с целью координации и достижения наибольшей эффективности их усилий. Его представители входили во все сколько-нибудь значащие объединенные общественные организации. Одним из первых таких союзов стал Центральный объединенный комитет (ЦОК), координировавший усилия РОКК, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов в Константинополе. Он субсидировался союзниками, и через него российские беженцы снабжались продуктами питания, предметами первой необходимости, получали медицинскую помощь, кров.

Земгор организовал юридическую помощь беженцам. С прекращением деятельности за границей российских консульских учреждений и дипломатических представительств возросла роль российских общественных организаций в сфере правовой помощи беженцам. Они приняли на себя несвойственные им функции, превратившись «в своеобразные публично-правовые институты»[84]. В некоторых странах создавались правовые отделы либо юридические консультации РЗГК. Так, постоянная Русская юридическая консультация Земгора в Праге образовалась «для лучшего удовлетворения потребности русских эмигрантов и эмигрантских учреждений в ЧСР в юридической помощи, которая до сих пор оказывалась лишь частично русским и чешским юрисконсультами Комитета Земгора». Постоянно действующий орган призван был заниматься не только оказанием правовой помощи русским по личным делам, но и «с надлежащей авторитетностью научно разрабатывать общие юридические вопросы», возникающие «в международных пределах в связи с положением эмиграции», а также с целью дать необходимую практику молодым русским юристам[85]. В случае необходимости Земгор снабжал документами, удостоверявшими личность беженца, его семейное положение, образование, профессию, имущественное состояние, правоспособность и т.п.; заверял копии документов, их переводов, подписей; ходатайствовал перед соответствующими местными учреждениями о выдаче внутренних и заграничных паспортов, права проживания в определенных районах; выдавал всякого рода рекомендации, свидетельства о благонадежности и пр. Те же функции брали на себя и другие общественные организации, в частности профессиональные.

После Второй мировой войны деятельность Земгора, хотя и в меньших размерах, продолжалась благодаря самоотверженной работе Н.С. Долгополова и Н.А. Недошивиной[86].

Параллельно с Земгором действовало Российское общество Красного Креста

(РОКК) (старая организация)[87], также охватив широкий спектр социальной помощи и практически все слои беженцев. Постепенно сферы влияния РОКК и РЗГК обособились (и территориально, и функционально). Там, где не проявлял активности РЗГК, преимущественное значение имело РОКК, прежде всего в странах-лимитрофах и на Дальнем Востоке. Определились и приоритетные направления работы. Со временем Красный Крест (старая организация) сосредоточился на медицинской помощи беженцам, а также представительстве и защите их интересов на разных уровнях. Истощив свои средства, он стал изыскивать финансы из других источников, наладив связи с международными краснокрестными организациями.

В 1925 г. через РОКК в Европе было выдано 3 201 556 бесплатных обедов и 892 338 единиц одежды и обуви, а также организовано восемь общежитий и две столовые[88]. Основные расходы распределялись следующим образом: 51% – на медицинскую помощь, 24% – инвалидам, детям, престарелым, нетрудоспособным, 11% – на питательную и 7% – на благотворительную помощь[89]. На медико-санитарные учреждения легла задача общего лечения массы беженцев и даже местных жителей. Хирургические госпитали становились общими больницами, хронически переполненными: выздоравливавшие часто оставались на больничных койках сверх срока, поскольку другого пристанища у них не было. Возможности РОКК к середине 1920-х годов значительно сократились. Если в 1921 г. в ведении Главного управления было 13 госпиталей, шесть санаториев, четыре лазарета, 26 столовых, 11 складов, 37 мастерских для беженцев, то в 1925 г. соответственно: четыре (в 1938 – три[90]), один (в 1938 – три[91]), три, два, семь и три[92]. В ведении РОКК в 1921 г. находились 55 специальных амбулаторий. В 1925 г. их осталось 30[93], в 1937 – только пять[94].

Одна из амбулаторий располагалась в Берлине, выполняя главую цель – всестороннюю помощь российским беженцам в Германии. Но реально амбулатория обслуживала не только выходцев из Российской империи. Врачи амбулатории оказывали бесплатную медицинскую помощь на дому. За 15 лет деятельности амбулаторию посетили 171 955 человек. Наибольший наплыв наблюдался в 1920–1924 гг. – в среднем по 20 тыс. человек в год. (Ср.: за это же время число обращений в амбулатории Главного управления РОКК (старая организация) составило 1 392 417 (или 587 451 человек)[95]). В 1925–1929 гг. в амбулаторию обратилось в 2 раза меньше людей. Русская эмиграционная волна отхлынула из Германии. Однако после прихода Гитлера к власти число посещений увеличилось. Чуть больше, чем обычно (на 800), зафиксировано визитов в 1934 г. – 11 244 человек. Это диктовалось процессом общего обеднения русской колонии в Берлине. Если раньше многие вызывали врача на дом, то теперь вынуждены были сами идти до амбулатории, чтобы меньше платить. Однако 3/5 посетителей не смогли заплатить за свои визиты[96]. Увеличилось число коренных берлинцев, обратившихся в амбулаторию. Более половины (62,6%) прибегнувших к помощи были по национальности русскими, 18,5% – немцы, 11,2% – евреи, 3,7% – украинцы, 1,6% – жители Кавказа, 1,6% – татары, 0,2% – поляки, число которых возросло в 1934 г.[97] В первые 5 лет амбулаторию чаще посещали мужчины, в следующие 5 лет их число уравнялось с женщинами, с 1931 г. на девять обратившихся женщин приходилось семь мужчин. Наиболее часто обращались к врачам люди в возрасте от 41 до 50 лет (33% или 3739 из 11 244 в 1934 г.). Среди детей-подопечных многие были воспитанниками русских школ в Германии.

Анализ статистики диагнозов больных показывает, что бóльшая часть лиц, обратившихся в амбулаторию, страдала сердечными заболеваниями, т.е. теми, которые «легко появляются под влиянием

жизненных условий»[98]. В первые годы существования амбулатории насчитывалось громадное число обращений по хирургическим вопросам, касавшимся последствий огнестрельных ранений. Лишь со второй половины 1920-х годов их стало меньшинство[99]. Число ревматиков ограничивалось десятками. Тогда русская колония была моложе, богаче ее представители, лучше условия жизни. В целом, 58,8% составляли внутренние заболевания. Стабильно высоким был процент нервных больных (10,1% в 1934 г.). На первом месте стоял алкоголизм. Реже встречались больные чахоткой, т.к. отмечалось «исключительно хорошее санитарное состояние германских городов, систематическая борьба государства с туберкулезом как социальным злом, предупредительное отношение города к туберкулезному больному, даже если он русский эмигрант»[100]. Главные причины гинекологических обращений – климакс. У русских беженок этот критический период начинался раньше, чем у местных жителей, что также было связано с тяжелыми условиями жизни.

Деятельность амбулатории не ограничивалась медицинской помощью, включала и профилактическую заботу: выдача мыла, предоставление ночлега, бесплатная выдача лекарств за счет частных благотворителей и организаций. С осени 1930 г. они ежемесячно выделяли 240 марок на квартирную помощь. Условия проживания в предоставляемых квартирах были вполне сносными: теплая вода, душ. Ночь стоила 45 пфеннигов. С декабря 1931 г. германские власти всех нуждавшихся в крове помещали в городские ночлежные дома. За счет благотворителей выдавались карточки на бесплатные обеды в городской столовой, а также одежда[101].

Однако деятельность РОКК (старая организация) не во всех странах была признана равно эффективной. Например, в Австрии, согласно записке юрисконсульта Главного комитета Всероссийского земского союза Е.А. Фальковского от 12 апреля 1922 г., существование местного отделения РОКК во главе с уполномоченным Н.П. Шабельским «отличала полулегальность» и «стремление поменьше попадаться на глаза». Небольшое управление, созданное во второй половине 1920 г., ютилось в русской секции испанского посольства. Вывески на улице не было, и найти его без точного знания адреса не представлялось возможным. Е.А. Фальковский выделял только две стороны деятельности, удовлетворявшей беженские нужды. Лечебную помощь русские получали в амбулатории, коечных больных размещали в местных больницах, инвалидов (бывших военнопленных) врач посещал на дому. Всю эту работу организовывал один платный местный врач-австриец. Он вел прием у себя на дому 3 раза в неделю по 2 часа. Русского врача не нашли, да ему и не разрешили бы практику.

Красный Крест отозвался на нужду в питании, хотя собственной столовой не имел. Для обедов выдавались карточки в одну из столовых местного благотворительного общества, имеющего свои пункты в 30 местах города. Сначала они выдавались бесплатно, затем ввиду вздорожания обедов и уменьшения средств, бесплатную помощь сократили до минимума. С большинства кормившихся взималась половина себестоимости обеда, 80 кр. (столько же стоила газета), остальную половину доплачивала организация. Всего проходило около 3 тыс. обедов в месяц.

Большую поддержку русским в Вене оказал Американский Красный Крест, раздавший при ликвидации свои вещевые запасы через РОКК. Когда запасы кончились, прекратилась и вещевая помощь.

«Таким образом, – ехидно писал Е.А. Фальковский, – начав с внешнего инкогнито на воротах здания, Красный Крест

и дальше в своей помощи действует без имени, без флага, без физиономии. Должно быть, такова венская вредная атмосфера»[102].

Приграничные государства сыграли особую роль в судьбе российской эмиграции 1920-х годов. Они стали и «воротами» в Европу, и местом прибежища. Немногие изгнанники из России попадали на Запад, миновав их. Положение наших соотечественников в государствах, созданных на территории бывшей Российской империи, было крайне трудным. В лице русских здесь видели враждебную силу, которая могла бы разрушить суверенитет страны, мстили им за прежнее вхождение в состав России и ограничение возможной самостоятельности, непомерно развивали у своего населения национальное чувство, переходящее в шовинизм. Боле того, обострение отношений с русскими иногда служило «у небольших чиновников способом достижения успехов по службе»[103].

Новорожденные государства с трудом воспринимались бывшими подданными Российской империи как чужая территория. А молодая политическая элита всячески старалась подчеркнуть свою независимость. Как писал Н.И. Астров секретарю верховного комиссариата Лиги Наций по делам русских беженцев о русских в Польше, они находились «в особом непривилегированном положении»[104]. И даже русского меньшинства как такового власти старались не признавать, указывая, что существует украинское, белорусское, руссинское и т.д., но не русское население.

Русский вопрос здесь невозможно было решить однозначно. Часть россиян имела исторические корни, кто-то оптировался, получив гражданство, другие являлись собственно беженцами. Фактически на плечи русских беженских организаций легла забота и о представителях всех этих групп, ибо они мало чем были связаны с новой государственностью: не знали языка, сохраняли тесные связи с Россией и даже предполагали туда вернуться.

Обратимся к опыту Польши. Содействовали российской эмиграции центральные учреждения, находившиеся в Варшаве: Русский комитет в Варшаве, бывшая миссия Красного Креста[105], Русский политический (эвакуационный) комитет. Они имели свои отделения по всей Польше. На помощь отчасти приходили местные организации, образовавшиеся с благотворительными, культурно-просветительскими, религиозными и другими целями.

Функции между этими организациями распределялись следующим образом. Русский комитет в Варшаве взял на себя культурно-просветительную, правовую и трудовую помощь. Бывшая миссия Красного Креста осуществляла все виды призрения и благотворительности. Русский политический (эвакуационный) комитет заботился об интернированных. В 1921 г. был образован Русский попечительный комитет об эмигрантах в Польше (РПК). В Уставе организации, зарегистрированной 9 августа, говорилось, что ее цель – оказание юридической помощи, духовной и материальной поддержки, охрана интересов эмигрантов, представительство перед властями, культурно-просветительная работа[106]. Ему выдавали средства Земгор (деньги, инвентарь, имущество, одежду, белье), представительство Лиги Наций (на правовую и материальную помощь для вывоза во Францию), представитель Врангеля генерал П.С. Махров (деньги, одежду), Британско-американский комитет (деньги, вещи). Председателем комитета стал П.Э. Бутенко[107], членами правления П.Н. Маслов, Ю.Я. Азаревич[108]. Денежную и материальную помощь просили инвалиды, больные, неимущие на одежду, дорогу (как внутри Польши, так и за рубеж), на получение паспортов, ходатайствовали о бесплатных визах и т.д.»[109]. Чтобы исключить случаи обмана, правление РПК просило своего представителя в лагере Стржалково оповестить увольняемых из лагеря и уезжавших в отпуск, что они могут рассчитывать на оказание помощи комитетом только тогда, когда будут снабжены этим представителем удостоверениями[110]. До апреля 1923 г.

правовую помощь комитет оказывал преимущественно интернированным. Около 2,5 тыс. разинтернированных с помощью РПК выехало на работы в Польше, в 1923 г. – до 1 тыс. – во Францию[111].

В пограничных городах помощь Земгора ограничивалась исключительно кругом лиц, прибывавших из Советской России. Здесь же концентрировались и репатрианты. На большее средств не хватало. Местные старосты не давали развернуть работу русских организаций, Например, в Ровно осенью 1921 г. был арестован назначенный туда представитель Русского комитета. Весной 1922 г. власти выслали представителя РОКК доктора Крайса, жившего в городе с 1917 г. Он заведовал столовыми для беженцев в Ровно и пограничных пунктах, оказывал правовую помощь. С его высылкой эта деятельность прекратилась[112].

Большую правительственную помощь русские беженцы получали в ЧСР, КСХС, Болгарии, Франции. Создание благоприятной социальной среды помогало повысить общественно полезную, производительную активность и реализовывать жизненные права эмигрантов.

Отличительной чертой российской эмиграции в КСХС и Болгарии стало наличие значительного количества военных чинов, нетрудоспособных (инвалидов и детей), нуждавшихся в оказании помощи и неспособных перебраться в более благоприятные места жительства. Правительства этих стран включали в бюджет расходы, необходимые для поддержки русских, разрешили обмен русских денег (керенок, романовок) по льготному курсу. Но уже с апреля 1920 г. Болгария, а с июля КСХС вынуждены были отказаться от такого рода благотворительности. Льготный размен денег был заменен безвозмездными субсидиями или ссудами, выдаваемыми ежемесячно. С увеличением числа беженцев правительство выделило дополнительные средства, но размер ежемесячных безвозмездных ссуд был сокращен[113].

На обустройство последней крымской эвакуации в Сербии российским послом в США Б.А. Бахметевым были переведены в Париж для Земгора 400 тыс. долларов[114].

Отдельным социальным группам россиян за рубежом уделялось специальное внимание. Одной из наиболее незащищенных являлась категория инвалидов. Учитывая недавнее окончание Первой мировой и гражданской войн, а значит и высокий удельный вес пострадавших, значение заботы о них трудно переоценить.

В первую очередь определенные льготы и выплаты получили комбатанты – участники Первой мировой войны. Например, Франция выплачивала пенсии инвалидам – чинам Русского экспедиционного корпуса. Более того, пенсии сохранялись и в случае их возвращения на родину. Следовало только подать соответствующее заявление. Так, в российскую миссию Красного Креста, занимавшуюся организацией возвращения на родину россиян из Франции (1923 г.), репатрианты обращались с просьбами о пересылке в Россию предназначавшейся для потерявших трудоспособность солдат пенсии французского правительства (С.Д. Брусникин, потерявший 10% трудоспособности и получавший пожизненную пенсию в 240 франков в год, по 60 франков каждые 3 месяца[115]). К слову, коллегия НКИД также рассматривала вопрос о пенсиях солдатам экспедиционного корпуса и вынесла постановление: от солдат, восстановленных в гражданстве и вовлеченных в военные действия насильственно, обманом, признать возможным принимать ходатайства о пенсии за военные увечья или до или после Брест-Литовского мира[116].

В сентябре 1930 г. междуправительственная совещательная комиссия, заслушав доклад верховного комиссара по делам

беженцев, констатировала, что некоторые страны нашли возможным уравнять русских военных инвалидов-беженцев со своими собственными инвалидами. В одних странах подобное уравнение допускалось законом, в других – закон был соответственно изменен. Комиссия считала целесообразным обратить внимание стран, кои не могли принять указанного решения, на желательность пойти по этому пути[117].

Наибольшее число инвалидов проживало в странах, где разместились преимущественно военные чины (Болгария, Югославия). Регулярно сюда из Константинополя эвакуировали инвалидов I и II категории.

Инвалидами I категории (разряда) признавались лица, утратившие полную (100%) трудоспособность (полная слепота на оба глаза, ампутация или полная деформация обеих рук, ног или одной руки и ноги одновременно и др.); II – утратившие трудоспособность наполовину (50–100%). Были разработаны правила учета русских инвалидов за границей, перечень увечий, повреждений здоровья и болезней, влекущих внесение в список тяжело увечных инвалидов и признание утратившим трудоспособность, и приложение к ним[118].

Ни в одной стране не было так много русских инвалидов, нигде они не пользовались такой поддержкой, как в Югославии. По сведениям Державной комиссии к 1 января 1926 г. число нетрудоспособных русских беженцев достигало 2032 человек[119]. Здесь русские инвалиды были уравнены с сербскими и получали постоянную пенсию[120]. В 1926 г. вступил в силу закон о помощи русским инвалидам, в значительной степени облегчавший их положение. С 1 апреля 1926 г. пенсию получали те из русских инвалидов, участников Первой мировой войны, которые были признаны инвалидами Высшей медицинской комиссией при Державной комиссии до 24 декабря 1925 г. Инвалиды 1-й группы (категории), потерявшие 100% трудоспособности, ежемесячно получали 800–400 динаров, 2-й (потерявшие 75–100% трудоспособности) – 400–200 динаров, 3-й (утратившие 50–75% трудоспособности) – 200–100 динаров. Однако эти мизерные суммы люди получали с большими задержками. Помощь инвалидам не ограничивалась выплатой пособий. Им предоставлялось право бесплатного лечения на всех курортах Сербии и Воеводины. В наиболее привилегированном положении находились военные инвалиды. Всего к 1926 г. в КСХС для выплат 1954 русским военным инвалидам государство тратило 6 млн динаров в год[121]. Практически безотказно правительство удовлетворяло просьбы о бесплатном лечении на курортах, в санаториях и больницах, о выдаче троекратного половинного годового проезда по железной дороге, бесплатного направления на лечение, о протезах, направляло «для дожития» в сербские инвалидные дома, на инвалидные заводы для изучения ремесел (как и сербов-инвалидов)[122]. Согласно «Инструкции по применению постановления о приеме на работу иностранных граждан», опубликованной в № 230 правительственной газеты «Служебный вестник» от 4 октября 1935 г., военные инвалиды имели право на свободное и беспрепятственное занятие трудом на основании имевшихся у них на руках решений министерства социальной политики (МСП) и назначении им пособия по инвалидности. Те из инвалидов, кто не получал денежного пособия и не имел решений МСП, должны были сами, равно как и члены их семей, выбирать рабочие карты на общих основаниях[123].

Во многих странах создавались Союзы русских инвалидов. Так, в другой балканской стране через Комитет по делам русских беженцев в Болгарии распределялась на инвалидов почти половина государственной ежемесячной субсидии (1 млн левов) – 400 тыс. Суммы предназначались членам Союза инвалидов. Кроме того, инвалиды получали «нансеновский паспорт» по льготному тарифу. Значительный объем помощи провоцировал злоупотребления. Практиковалось зачисление в Союз «мертвых душ», «своих людей». Так, в 1930 г. по

ведомостям в Союзе инвалидов числилось более 2 тыс. человек. А фактически с женами и детьми насчитывалось около 900. Все служащие Комитета по делам русских беженцев в Болгарии были зачислены в Союз инвалидов. Член Комитета, представитель совета послов и нансеновского офиса Б.С. Серафимов являлся почетным членом Союза и также имел право на получение пособия[124].

В день памяти Св. Николая Чудотворца, помощника и покровителя бездомных и сирых, отмечался День русского инвалида. Издавалась газета «Русский инвалид»[125], журнал «Инвалид». В призыве русских писателей «К русским за рубежом» звучали слова, побуждавшие к благотворительности: «Тысячи наших инвалидов – без помощи и без приюта. …Тысячи могил безвестных раскиданы по свету. Сколько самоубийств с отчаяния, от безучастия! …Они остались верны чести и долгу. Это наш русский паспорт. …Россия ничего не может. Делать за нее – наш долг. …Нашей платой мы не оплатим долга, но мы доплатим сердцем, чувством братства». Писатель И.С. Шмелев, входивший в состав редакции газеты «Русский инвалид», бывший членом Бюро при ЦК по устройству Дня помощи русским инвалидам в ряде своих статей, например, «Мятый пар», «Снова напоминаю вам…», «Забыть преступно!», развивал эту идею. Забота об инвалидах, по И.С. Шмелеву, должна была связать эмиграцию нравственными узами.

Огромную социальную роль сыграла работа с детьми, подростками, молодежью – человеческим ресурсом зарубежной России. Система помощи им выстраивалась постепенно и включала деятельность по предотвращению денационализации, психологической, материальной, финансовой поддержки, попытки организации и структурирования российской (национальной) образовательной среды и включение в местную. Структуризация вылилась в создание детских садов, приютов, школ, курсов, вузов, детских и молодежных организаций, культурно-просветительных учреждений, специально ориентированных общественных организаций. В результате неимоверных усилий удалось создать систему образования на русском языке, привлечь международную благотворительность, правительственную помощь.

По данным верховного комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена, в 1923 г. среди беженцев в Европе было около 400 тыс. детей. Земгор считал эту цифру значительно преувеличенной и говорил в свою очередь о 45–50 тыс. детей беженцев, нуждающихся в помощи[126]. В докладе совещательного комитета частных организаций при Лиге Наций говорилось, что к 1931 г. в Западной Европе находилось 78 тыс. русских и армянских детей-беженцев моложе 14 лет и 30 тыс. в возрасте от 14 лет до 21 года. А из 90 тыс. русских детей 69 тыс. нуждались в помощи[127]. Эта самая незащищенная часть диаспоры требовала особой заботы.

На формах и содержании социальной работы сказался целый ряд обстоятельств. В условиях эмиграции сложился особый культурно-исторический тип детства. Изменились формы и характер взаимодействия взрослых и детей, их статус, пространство жизнедеятельности, национальные культурные, этнические, религиозные обычаи переплетались с традициями стран нового проживания. Традиционные институты, способствовавшие социализации, поддерживавшие молодое поколение, переживали кризис, выполняемые ими задачи трансформировались. На общественные институты легла двуединая задача. Во-первых, борьба с денационализацией и, во-вторых, сохранение морального и физического здоровья детей. Когда закончилось «сидение на чемоданах», важно было включить молодежь в адаптационную систему.

На протяжении 1921–1922 гг. важнее всего было разместить детей как одну

из самых уязвимых беженских категорий в благоприятных для жизни условиях. В дальнейшем встала задача их обучения и социализации. Прежние российские дипломатические миссии обращались к правительствам разных стран с просьбой принять детей из Константинопольского района. Русские организации ходатайствовали перед бельгийскими и голландскими властями о принятии по 200 детей, которых предполагалось свести в отдельные школы с русским обучением[128]. Всероссийский союз городов в Константинополе совместно с Русской академической группой обратился с подобной просьбой ко многим странам Европы и Америки[129]. При участии верховного комиссара по делам русских беженцев Лиги Наций за последние месяцы 1922 г. из Турции вывезли в августе – 17 детей, в сентябре – 75, в октябре – 24, в ноябре 358[130]. В 1929 г. здесь оставалось только 50 русских детей, которые не получали образования, и Лига Наций предполагала возможность их обучения лишь после эвакуации в другие страны[131]. Основная нагрузка по приему и обустройству детей легла на Балканские страны, Бельгию, Чехословацкую республику (ЧСР).

Зачастую дети эвакуировались вместе с учебными заведениями, продолжившими свое существование на славянской земле, детские дома переехали в Бельгию, Америку и другие страны. По настоянию Лиги Наций русские школы покинули Константинополь зимой 1922/23 гг. Гимназию А.В. Жекулиной направили в Чехословакию, в Моравскую Тржебову[132]. В начале 1922 г. Болгария приняла гимназию Нератовой, 2-ю дамскую начальную гимназию, Галлиполийскую гимназию. Кузьмина-Караваева в Константинополе собрала детей, которых родители не в состоянии были содержать, и сирот, и вывезла их в Брюссель. Через бельгийские дамские благотворительные комитеты она добилась получения средств для создания приюта, который просуществовал 18 лет[133]. В Бельгии, в Намюре, католическая церковь создала пансион св. Георгия (Institut Saint-Georges), в котором дети эмигрантов жили «по-русски». Вне пансиона они посещали католический коллеж, где обучение шло на французском языке. Многие родители первоначально опасались давления на детей с целью перехода их в католическую веру. Но, за редчайшими исключениями, эти опасения не оправдались. Помощь бельгийской католической церкви являлась бескорыстной. Неудивительно, что католические учебные заведения пользовались доверием русских родителей, более того, они не отказались от них и с улучшением материального положения.

Войны, эвакуации, эмиграция способствовали росту беспризорности. Регулярная смена места жительства, отсутствие родителей порождали психологический синдром неустроенности, нестабильности. Исключительные, необычные события при нормальных условиях жизни становились за рубежом рядовыми (смена школы, изменение общества, языка, круга общения и пр.). Только треть детей жила в условиях сравнительно благоприятных. Более 40% из них вынуждены были работать, помогать семье[134]. Но самая большая проблема состояла в том, что многие подростки участвовали в войне, пережили смерть родителей, потерю родных и близких[135]. Так, в одной из Константинопольских гимназий из всего состава мальчиков 20% были на войне, из них 30% – георгиевские кавалеры[136]. Бывали среди фронтовиков раненые, контуженные и инвалиды. «С жестокой гражданской войны дети приносили с собой ужасные приобретения фронтовой и беженской жизни», «потеряв все свои детские черты, с растоптанной, измученной и старческой душой, душой все видевшей, все знающей до дна»[137]. Данные обстоятельства накладывали особый отпечаток на организацию детской помощи, требовались особые формы заботы о них. Следовало не только избавить детей от физических страданий, материальной и бытовой неустроенности, но и

обеспечить психологической поддержкой. «Не верьте, что бездомного ребенка можно спасти концентрированным молоком и какао, – писал «Бюллетень Земгора», – так вы спасете только зверька. Необходимо спасти в ребенке человека, русского человека»[138].

На Балканах младшая возрастная группа составила 15–18% (около 10 тыс.) от общего числа эмигрантов[139], причем преимущественно – это дети без родителей[140]. В КСХС из каждой сотни детей и подростков у 28 за границей не было ни родителей, ни родственников, ни близких знакомых, которые могли бы заботиться об их материальной и нравственной поддержке. Среди мальчиков доля одиночек достигала 40%[141]. Даже при наличии родителей лишь 60–70% детей проживали вместе с ними. Приют они находили в интернатах. Например, в Болгарии в 1925 г. приблизительно 1200 русских детей содержали родители, а 1400 жили в школьных интернатах[142]. В Югославии лишь 68,61% детей проживали с родителями, а 21,75% – в интернатах, 2% – у родственников, 0,19% были усыновлены[143]. Даже в Праге бóльшая часть гимназистов пребывала в пансионе и менее половины – с родителями (в 1930 г. из 298–108)[144]. Это говорит о низком материальном уровне жизни учащихся и родителей, об их территориальной разобщенности либо о наличии детей-сирот. Многие дети получали дотации в том или ином виде. В этом смысле, можно выделить пять групп учащихся: 1) находившиеся на полном пансионе; 2) получавшие полное (400–450 крон) иждивение на руки; 3) получавшие обмундирование, деньги на трамвай и обучение; 4) получавшие только обеды; 5) не получавшие материальной поддержки. В Финляндии доля детей, пользовавшихся бесплатным содержанием в интернате, достигала всего 10%, в Эстонии – 6%. В Германии работали две русские гимназии – св. Георгия и гимназия, основанная Русской академической группой, но лишь русско-немецкая гимназия (бывшая гимназия пастора Мазинга), приступившая к занятиям 17 августа 1922 г., имела интернат, где воспитывались 52 мальчика[145]. В Болгарии, КСХС около 73%, а в Чехословакии до 90% учащихся проживали в интернатах бесплатно. Во Франции бесплатных интернатов для детей не имелось.

Интернаты становились домом не только для сирот, но и для детей, имевших родителей, но остававшихся беспризорными в силу стечения обстоятельств: либо из-за родительского безденежья и занятости, либо нахождения матери и/или отца на территории других государств или в Советской России. Более того, зачастую материальное и моральное положение в семьях было гораздо хуже, чем в школьных интернатах. Содержание в приютах, детских домах, интернатах стало одной из форм поддержки детей и их родителей, часто за счет средств РЗГК или местных правительств. Деятели Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей полагали, что условия интерната позволяют лучше адаптировать детей к новой жизни, сохраняя в них национальные черты[146], помогают материально поддержать детей.

Положение русских детей в разных странах[147]

Страна	Количество неимущих детей	Количество детей без родителей	Количество голодающих детей	Количество детей, лишенных необходимой одежды
Турция	250	50	200	200
Финляндия	1000	Отсутствуют подробные данные		
Греция	250	90	125	125
Германия (Берлин)	125	23	17	80
Югославия	1500	800	1200	1200
Шанхай	1849	Отсутствуют подробные данные		
Австрия	62	9	50	50

Из таблицы видно, что дети русских беженцев остро нуждались в материальной помощи, особенно в Китае, Югославии, а также в Финляндии. Бедностью отличалась харбинская эмиграция. «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся городских школ» снабжало учеников из бедных семей одеждой и обувью. Для детей, оказавшихся в Маньчжурии после гражданской войны, открывались различные летние классы, где они могли заниматься ремеслами для улучшения материального состояния. Харбинский комитет помощи русским беженцам имел собственную среднюю и несколько начальных школ, открыл профессиональные курсы, выпускал учебники[148]. В Шанхае в конце 1920-х годов существовало четыре русские школы, где обучались 379 детей[149]. Источниками их содержания были частные вложения, но годовой дефицит (1928) составил 18 тыс. долларов, требовалось объединение всех возможных фондов, чтобы школы смогли продолжить свою работу. 150 детей оставались без всяких средств и были лишены возможности обучаться. Для нормального функционирования школьного образования нужно было 33 тыс. долларов[150].

В Финляндии на помощь для 1 тыс. детей требовалось около 10 тыс. долларов в год для покрытия самых острых нужд[151]. В русском лицее в Выборге к концу 1920-х годов обучалось 150 детей, 92 из них – неимущие, в начальной школе – 32. На необходимейшие расходы лицея требовалось 60 тыс. финских марок. Для классической гимназии св. Алексея в Луколе (Lükola) требовалась ежегодная дотация в размере 84 тыс. финских марок, а для приюта при нем, в котором жили 30 бедных детей, – 72 тыс. В колледже в Териоках из 124 учащихся 102 было неимущих, в начальной школе – 34; в школе в Райволе (Raivola) из 80 – 74 бедных; в школе в Келломаки (Kellomäki) из 41 ученика 32 – неимущие[152]. К 1924/25 учебному году обеспеченными могли считаться только две русские школы в Гельсингфорсе (начальная и средняя). Русская печать в эмиграции опасалась, что все остальные русские школы в Финляндии будут закрыты[153].

Ф. Нансен в своем докладе ассамблее Лиге Наций о содержании и воспитании русских детей-беженцев в сентябре 1922 г. отмечал, что в Эстонии, Латвии находилось приблизительно по 2 тыс. детей эмигрантов, из которых только половина получала какую-либо поддержку, остальные жили в большой нужде. Периодическая помощь поступала от ХСМЛ, правительств (зимняя одежда, обувь). Большинство детей, которым не было возможности помочь, от 8 до 12 лет, вынуждены были оставаться дома. Поэтому верховный комиссар рекомендовал все средства направлять на помощь детям: требовалось не более 1 фунта ст. ежемесячно на каждого ребенка, т.е. всего по 2 тыс. фунтов[154]. Бюллетень № 7–8 от 15 октября 1921 г. информировал, что в Эстонии один из секретарей Американского ХСМЛ Роопес, выросший в Петербурге, обратил внимание на ужасное положение детей, разбросанных по всей стране, находящихся почти поголовно в крайне неудовлетворительном состоянии, дичавших день ото дня, т.к. усилия, предпринимавшиеся местными общественными и педагогическими силами, из-за бесправного положения беженцев и отсутствия денег не увенчались успехом. С помощью заведующего культурно-просветительной частью местного Эмигрантского комитета М.И. Соболева была создана школа в Немме. В наихудшем положении находились дети в Польше из-за постоянного притока беженцев из России. Воспитательными учреждениями были охвачены лишь 1 тыс. детей. К общеевропейским проблемам – голод, нужда, отсутствие одежды – здесь добавлялись болезни[155].

На учете Детского комитета Российского Красного Креста были более 2 тыс. семей русских эмигрантов.

Определенный финансовый ресурс создавался в ходе проведения Дня русско-

го ребенка, инициированного в 1928 г. Педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Курировал проведение акции Центральный комитет (ЦК) Дня русского ребенка, куда вошли представители Педагогического бюро по делам средней и низшей школы, Земгора, Всероссийского союза городов, Союза русских академических организаций. Решалась триединая задача: воспитание, пропаганда, сбор денежных средств для нужд детских эмигрантских учреждений. При ЦК существовал Центральный фонд, куда поступали собранные средства. Его председателем избрали князя П.Д. Долгорукова, а членами в разное время состояли Н.А. Цуриков, А.В. Жекулина, А.Л. Бем и др. Помимо центрального действовали местные комитеты по проведению мероприятий по празднованию Дня русского ребенка, сохраняя полную автономность, с учетом особенностей положения в отдельных странах. Отчисления в Центральный фонд составляли 10% от собранной суммы[156].

Впервые День русского ребенка праздновался 25 марта 1929 г. в 12 странах Европы (Бельгия, Болгария, Италия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Югославия, Финляндия, Франция, ЧСР, Эстония), с 1930 г. присоединились Харбин (Китай) и США[157]. В Нью-Йорке Общество попечения о русских детях работало еще с 1926 г., а к середине 1930-х годов его отделения распространились по всей стране[158]. Наиболее значительные суммы денег собирали крупные русские колонии в ЧСР, Болгарии, Югославии, США, Харбина. Лишь Франция проводила мероприятие недостаточно масштабно. А.Л. Бем 14 февраля 1936 г. писал из Праги В.В. Рудневу: «Дорогой Вадим Викторович, пишу Вам по просьбе кн. Петра Дмитриевича Долгорукого, который, как Вы знаете, тяжело заболел. Дело в том, что на этих днях будет от имени Комитета “Дня русского ребенка” разослано, как всегда, обращение об устройстве повсеместно сбора на русских эмигрантских детей. Такое обращение будет направлено и в “Последние новости”. Но так как Париж Дня русского ребенка не устраивает, то могут возникнуть сомнения, следует ли печатать обращение. Мы очень просим Вас обратить внимание “Последних новостей” на общее принципиальное значение этого объявления, которое обыкновенно дает толчок устройству сборов в разных местах русского рассеяния вне Франции. Конечно, если бы Париж мог к этому дню присоединить и свои сборы на помощь детям, было бы очень хорошо. Но нам важно, чтобы наше обращение появилось в наиболее читаемой эмигрантской газете. Очень Вас просим оказать возможное влияние в этом направлении»[159].

Исключение составила Ницца, где Комитет Дня русского ребенка зарекомендовал себя столь хорошо, что уже в 1931 г. был преобразован в Общество помощи русским детям во главе с графиней Е.В. Уваровой[160]. Созданный по инициативе членов Комитета детский сад для русских детей способствовал тому, что уже через год язык становился родным даже для тех, кто не говорил по-русски. Столь же успешно работали курсы для детей, посещавших французские школы. В то же время в Копенгагене ограничивались лишь обходом с копилкой православных церквей, русских библиотек, детских домов. В Бейруте деньги собирали в единственном православном храме. В Швеции не было условий для проведения этих мероприятий. А.А. Рубец, выпускник Александровского императорского лицея, а теперь священник, писал П.Д. Долгорукову, что из-за незначительной численности эмиграции (130–160 человек) русская жизнь в стране практически замерла, а церковь посещали лишь 5–10 человек в день[161].

В США и Харбине появились специальные издания. Сборник «День русского ребенка» выходил в Сан-Франциско (1934–

1955) под редакцией русского педагога Н.В. Борзова и являлся ежегодным изданием ко Дню святой Пасхи. История журнала начинается с момента, когда Общество помощи детям русской эмиграции стало проводить в первое воскресенье после Пасхи благотворительные мероприятия, названные Днем русского ребенка. С 1934 г. к этому Дню был приурочен выпуск одноименного ежегодника, все средства от продажи которого шли на поддержку обездоленных русских детей, разбросанных по всему миру. Первые номера выходили тиражом в 250 экземпляров и объемом в 30–80 страниц, впоследствии тираж был доведен до 1 тыс. экземпляров, а объем составлял около 300 страниц большого формата. Здесь помещались биографии знаменитых русских людей, отделы религиозный, патриотический, литературно-педагогический и юношеско-детский[162]. На обложке журнала был помещен рисунок Г.А. Ильина, изображавший трех русских детей-сирот. Журнал сыграл большую роль в сборе средств на материальную поддержку нуждавшихся детей. Но главное – это реализация задачи противостояния денационализации подрастающего поколения, приобщение детей к русской культуре и тем самым – к оставленной родине, пробуждение у детей на чужбине чувства «внутреннего единения и братства». В одной из редакционных статей провозглашалось: «Наш журнал ставит своей задачей показывать прелесть своего родного, национального, религиозного»[163].

После начала Второй мировой войны на одном из заседаний ЦК Дня русского ребенка было принято решение о продолжении работы до тех пор, «пока настойчивые попытки найти эмигрантскую организацию, которая согласилась бы принять на себя обязанности Комитета и его название, не увенчались успехом»[164]. В 1940 г. координация международного празднования Дня русского ребенка была передана в США[165].

Однако чтобы охватить всех русских детей, собственных ресурсов русского зарубежья оказалось недостаточно. Хотя за границей удалось использовать на беженские нужды российские денежные зарубежные активы, требовались государственные и благотворительные источники стран-реципиентов и международных организаций. Задача актуализировалась поскольку лидеры русских общественных организаций в эмиграции зачастую отмахивались от проблем создания национальных образовательных учреждений. 15 октября 1921 г. А.В. Жекулина, возглавлявшая школьную секцию Всероссийского союза городов (ВСГ) и Объединение русских учительских организаций за границей (ОРУОЗ), с болью писала Н.И. Астрову о своих неудачных переговорах по поводу устройства молодежи и финансирования образования: «Бахметьев, непонуждаемый и непонукаемый никем, ответил мне вежливым отказом, ссылаясь на недостаток денег, и переслал меня к проф. Виноградову, с последним мы вступили в энергичную переписку. Милюков на мои просьбы муссировать этот вопрос в газетах, подогреть этот вопрос в иностранной русской прессе, даже мне не ответил – вот фактически как обстоит оборотная сторона этого, я скажу, насущнейшего дела – воспитание нашей будущей общественности. Не отмахивайтесь сейчас от студентов, господа, – это будущая Россия. Не придавать значения интеллигентским кругам нельзя, а поэтому сейчас этой молодежи надлежит подать руку помощи и, не мечтая сделать из них партийных людей, – помочь им сделать из себя образованных граждан»[166]. И далее продолжала: «Беда именно в том, что мы не хотим помогать друг другу… Послы не помогают Комитету [РЗГК], Комитет не помогает отдельным организациям, а страдают от этого единственная наша надежда – молодежь и дети. Я себя ловлю на жестокосердии. Но мне сейчас совсем не жалко ни стариков, ни старух, себя в том числе, ни бывших сановников, ни генералов, они свое отжили, свою какую-то долю имеют. У них есть хоть прелесть воспоминаний радостных и тяжелых, а у молодежи и

того нет. Провозиться в крови и ужасах – 7 лет, голодать на каких-нибудь островах – 8-й, не видать своей Родины, не знать той минуты, когда они в нее вернутся, – это просто кошмар, и я понимаю их, понимаю, что их тянет к книжке, тянет к размеренной учебной жизни, где… они будут находить отдых от пережитого»[167].

Изменение политической ситуации в странах расселения эмиграции также сказывалось на образовательных правах иностранцев. Так, после прихода фашистов к власти в Германии был принят закон о недопущении детей иностранных евреев в школы, ссылаясь на принцип взаимности. Он вызвал беспокойство российской эмиграции. Юрист А.А. Гольденвейзер назвал эту проблему «капитальнейшей важности». Он разослал письма Я.Л. Рубинштейну и К.Н. Гулькевичу, представляющих эмиграцию в Лиге Наций, чтобы они постарались не допустить применения этого закона к русским беженцам[168].

Постепенно сокращали или совсем прекращали свою помощь как международные организации (МККК, Христианский союз молодых людей (ХСМЛ), Международное общество помощи детям и др.), так и стран проживания (краснокрестные, молодежные и др.), и даже русские благотворительные общества. Так, с 1922 г. сворачивали деятельность учреждения YMCA, на Балканах в 1923 г. закрылась ранее широкая деятельность Американского Красного Креста, с 1 мая 1923 г. в Сербии прекратил питание детей МККК, Yong Men's Christian Association закончила помощь школьному делу в Эстонии… Поэтому русские школы постоянно находились под угрозой закрытия. Например, с истощением кредита на призрение 3 тыс. детей представитель Лиги Наций в Софии Коллинс требовал, чтобы Союз городов отправил учеников старших классов гимназий на работы, детей же младшего возраста разместил во Франции по крестьянским семьям. Это требование Коллинса вызвало естественную озабоченность участью детей, чтобы младшие воспитанники русских гимназий не превратились в батраков французских крестьян. Представитель Земского союза в Болгарии в письме от 29 июля 1922 г. предостерегал, в случае, если средства не будут выделены, учебные заведения придется закрыть, а большинство детей вернуть в Константинополь к родителям, не имевшим пока необходимость покидать город. Он настаивал также, чтобы «вопрос о судьбе упомянутых детей был разрешен в направлении более отвечающем их духовному развитию и воспитанию»[169].

Наиболее приемлемой организационной формой для «духовного развития и воспитания», психологической и материальной поддержки, интеллектуального развития и проявления других видов заботы о детях и молодежи стали образовательные учреждения и внешкольная работа. Молодое поколение эмигрантов максимально пытались включить как в местную, так и в созданную за рубежом национальную (русскую) систему образования. На русские учебные заведения падала гуманитарная задача, компенсаторная функция подготовки кадров, необходимых как для будущей (постбольшевистской) России, так и для самой эмиграции (в частности, педагогических). Оставалось решить существеннейшую проблему финансирования и материального обеспечения.

Финансовые источники составили русские национальные средства (общественных организаций, казенные деньги); государственные ресурсы стран-реципиентов, частная благотворительная помощь, а также международных учреждений и общественных организаций отдельных государств, прежде всего США. Документы свидетельствуют, что школы обеспечивались за счет русских казенных, общественных и частных средств только на 21%, на 79% – за счет иностранных средств, главным образом славянских государств

(76% государственных и 3% – частных). Это данные за 1924 г.[170]

Великобритания продолжала опекать беженцев, вывезенных с территории России, и конечно, взяла на себя покровительство над русскими детьми. Прежде всего, следует отметить деятельность английского благотворительного фонда «Помощь и восстановление России» (Russian Relief and Reconstruction Fund). К концу 1922 г. он содержал 600 учеников, которых удалось не только спасти от гибели, но дать им образование и воспитание – как основу для их социализации. Общежитие с малышами посетили весьма влиятельные лица, среди которых – Нансен, Гаррингтон и др., и они «с величайшей похвалой отзывались о результатах, достигнутых воспитателями»[171]. Накануне нового 1923 г. бывший спикер палаты общин Ульсуотер и двое членов палаты, полковник Уорд и Лемсон, в письме в редакцию «Times» напоминали о возрастающей необходимости новых пожертвований на содержание русских школ, находившихся в Константинополе. Содержание здесь одного ученика в год обходилось в 25 фунтов стерлингов[172].

The British Relief and Reconstruction Fund финансировал находившиеся в окрестностях Константинополя две средних школы, остававшиеся еще к концу 1923 г.: одна из них, British Orphanage for Russian Boys, в Буюк-Дере (в марте 1924 г. после пожара была переведена в Эренкею), другая – на о. Проти с 60 девочками. На Проти русскую школу поддерживал Коффей. В Буюк-Дере обучалось около 200 мальчиков от 9 до 19 лет. По программе, языку преподавания они оставались русскими, большое внимание школы уделяли изучению иностранных языков, профессиональному обучению (столярное, слесарное, сапожное, переплетное, портняжное дело, рисование, резьба по дереву, садоводство, огородничество), естествознанию. Однако внутренняя организация школ соответствовала принципу английских «домов»[173]. По расчету Коффея, после сокращения расходов на содержание обеих школ, требовалось в месяц 60 фунтов стерлингов дополнительно к ассигнуемому Лондоном бюджету. В связи с этим была объявлена подписка среди английской и американской колоний в Константинопольском районе.

В октябре 1925 г. в Константинополь прибыл Аткинсон, представитель Великобритании (от Австралии) в Комитете Лиги союзов детей, участвовавшей в этой благотворительной организации большими денежными вкладами. К этому времени в русской школе в Эренкее были соединены отделения для мальчиков и девочек. В поисках возможностей устроить судьбу детей у Аткинсона возникла идея отправить всех круглых сирот, т.е. около 30 детей, в Австралию, где они должны быть помещены в специальные училища для иммигрантов-фермеров, откуда выпускались подготовленные пионеры-земледельцы с перспективой стать хуторянами-собственниками на началах долгосрочного правительственного займа. Им отводились земля, постройки, скот, орудия по минимальной оценке и все это погашалось небольшими выплатами. Осуществление плана требовало немалых усилий в отношении выполнения или обхода формальностей.

Председатель русской Организации по содействию и помощи русским беженцам в Турции А.Ф. Шебунин со скептицизмом отнесся к такой инициативе. Его обеспокоила возможность превращения русских детей в австралийских фермеров, которые, конечно, будут потеряны для России. Однако лучшей альтернативы для «спасения молодых жизней»[174] зарубежная Россия предложить не могла. Подавляющее большинство детей было разбросано по иностранным школам. Оканчивающие среднюю школу не были обеспечены дальнейшим образованием. Два старших класса упомянутой Эренкейской школы поехали во Францию рабочими – одни по обычным контрактам, другие через посредство Comite de Protection des Enfants

immigres специально на сельские работы по фермам. «Дай им Бог, – писал А.Ф. Шебунин, – не погибнуть, надрывая свои неокрепшие молодые силы на черной и тяжелой работе… Такие удары нелегко переживаются»[175]. В ответном письме М.Н. Гирс писал, что не следует «в наших условиях обездоленного и безденежного беженства осложнять и без того сложную задачу помощи ему, тем более что иного выхода нет, и речь идет ныне о спасении молодых жизней»[176].

На Коффее оставалась дальнейшая опека не уехавшей части питомцев на о. Проти. Он устроил пять воспитанниц своей школы в Американский госпиталь, точнее – в школу при нем для подготовки сестер милосердия. Предполагалось довести их число до 18. Этим девушкам будущее было обеспечено: они либо должны были остаться в здешнем госпитале, либо могли быть перевезены в Америку. Существовала возможность послать их в американскую Высшую медицинскую школу для получения полного медицинского образования[177]. Кроме госпиталя четыре питомца Коффея были отданы в Константинопольский коллеж – женское училище параллельное мужскому Роберт-коллежу. Оба они были очень дороги, и за помещенных туда русских платили частные лица, привлеченные к этому Коффеем. Он вел также обширную переписку с Америкой и рассчитывал, что «вскоре завербуют еще нескольких добрых американцев», которые дополнительно дадут средства еще на 6–8 новых воспитанниц[178].

Вопрос об организации учебного дела для детей из России собственно в Англии получил некоторое развитие. Хотя русская школа здесь так и не была создана, в 1920 г. Русско-британское братство ходатайствовало об учебных льготах, устройстве дополнительных курсов, возможности приема экзаменов[179]. Первая ступень английских учебных заведений была доступна всем детям эмигрантов, т.к. обучение было бесплатным. Известно, что к 1930 г. 170 детей бывших российских граждан посещали английские школы первой ступени (primary schools)[180]. Плата же в средних учебных заведениях была высока. Лишь немногие обеспеченные люди могли себе позволить такие расходы. Часть учащихся рассчитывала на поддержку русских благотворительных организаций. Субсидии на обучение в английских школах предоставлял Русский фонд помощи, охвативший 16 детей в возрасте от 8 до 16 лет[181], Российское общество Красного Креста, которое в 1929 г. выделило 900 ф. ст. для 150 детей, а также снабжало их питанием и одеждой[182].

Наиболее продуктивной для преодоления денационализации оказалась система летних детских лагерей, организованных благодаря финансовой поддержке РОКК. Они начали устраиваться с 1922 г.[183] Расходы по содержанию детей и персонала, включая и проезд, взяла на себя Культурно-просветительная комиссия при Русской академической группе. Содействие в устройстве летних детских лагерей оказывали как представители эмиграции, так и английские общественные деятели.

Обучение русским предметам осуществлялось силами русских учителей-эмигрантов, проживавших в Англии. В начале 1920-х годов их насчитывалось здесь около 20 человек. Однако, не имея достаточного поля педагогической деятельности, они постепенно покидали страну или находили другой труд, в результате чего к середине 1920-х годов их оставалось уже 10 человек[184].

Получить высшее образование эмигрантская молодежь могла в английских вузах. В Лондоне был организован Союз русских студентов, одной из задач которого являлась подготовка молодежи к поступлению в вузы. Он насчитывал более 60 членов. В его распоряжении было помещение, полученное от Всемирного союза студентов, где устраивались еженедель-

ные лекции и собеседования. Расходы на его деятельность покрывались благотворительными взносами частных лиц. В проведении занятий ему помогало Русское экономическое общество, члены которого читали лекции по различным вопросам экономики. Союз русских студентов хлопотал об устройстве своих членов в английские учебные заведения и старался изыскать средства для неимущих[185].

Пособия молодым людям, готовящимся к поступлению в высшие учебные заведения, выдавал Земско-городской комитет. По сообщениям «Вестника самообразования» за 1923 г., было отпущено на эти цели в Англии 2500 франков[186]. Студентов поддерживали также Российский Красный Крест и Русский фонд помощи.

К началу 1924 г. в различных высших учебных заведениях за границей обучалось 8500 студентов. Несмотря на энергичную деятельность всех заинтересованных организаций, людей неравнодушных к судьбе молодых россиян, более 50% студентов, покинувших пределы России, не были обустроены в новых для них обстоятельствах.

Русские студенты-эмигранты находились в крайне тяжелых материальных условиях, что не только отразилось на успешности академической работы, но и вынуждало студентов бросать учебу, уезжать в провинцию на работу. Так, например, русские студенты обратились к ректору Варшавского университета, а через него и к министру народного просвещения Польши, с просьбой о предоставлении возможных льгот при взносе платы за слушание лекций, практические занятия, лабораторные работы. Речь шла не о претензиях на бесплатное обучение, но об отсрочке взносов до окончания вуза[187]. Чтобы дать возможность студентам окончить учебу и не тратить время на приискание средств к существованию, надеясь на филантропическую помощь общества, необходимо было примерно 63 злотых на каждого, кроме квартиры. Поэтому Союз русских студентов в Польше призывал к человеколюбию и обращался с просьбами о помощи[188]. Тяжелые жизненные условия сказывались на здоровье учащихся. Почти все члены Союза страдали малокровием и легко и часто подвергались всевозможным заболеваниям. Часть студентов поразили брюшной тиф и чахотка, которые привели даже к смертельным случаям. Некоторые из-за нужды кончали жизнь самоубийством[189].

Средств для безбедного существования студентам, как правило, не хватало. Например, предварительные расчеты «Союза российских студентов в Германии» на содержание одного студента (комната – 150–200 марок, освещение, отопление – 5, стирка белья – 30, расходы на платье, обувь – 100, право учения – 400–1500 марок в семестр, учебные пособия – 300–800 марок в семестр[190]) сильно расходились с суммами благотворительной помощи.

И обучающиеся, и остававшиеся вне вузов студенты старались самоорганизоваться, несмотря на политические разногласия. Практически во всех центрах проживания эмиграции образовывались союзы русских студентов. Они способствовали устройству в вузы, оказывали посильную финансовую (оплата за правоучение, обеды, содержание общежитий и т.д.[191]) и материальную помощь особо нуждавшимся молодым людям[192]. Через студенческие организации реализовывались культурно-просветительские запросы эмиграции. Так, существовавшее с 1920 г. при Тартуском университете Общество русских студентов имело библиотеку, столовую, студенческий хор, драматическую труппу[193].

Предстояла долгая и кропотливая работа по созданию широкой и всесторонней поддержки молодежи. В западноевропейских странах существовала более или менее развитая система стипендий для малоимущих студентов, но она обеспечивала лишь малую долю нуждавшихся в помощи. Отнять часть этих ограниченных средств в пользу эмигрантов значило вызвать общественный скандал. Легче было

действовать более независимым международным организациям. Помощь частных лиц диктовалась тем или иным интересом к России. Однако все предпринимаемые меры не носили комплексный, систематический, регулярный и долгосрочный характер. Поэтому надежды возлагались на государственную помощь, ибо поддержку молодого поколения зарубежной России можно расценивать как вложение политического капитала.

Известные благотворительные зарубежные организации, филантропы-иностранцы предоставляли десятки, и даже сотни стипендий для русских студентов. Создавались специальные эмигрантские организации для патронажа, сбора средств на содержание и обучение молодежи. Крупнейшим и известнейшим из них был американский комитет по образованию эмигрантской молодежи, созданный по инициативе профессора-археолога Томаса Уиттемора, знатока православного церковного искусства, американского благотворителя. Ежегодно комитет перечислял на обучение студентов-эмигрантов 1 млн 500 тыс. франков. Размеры стипендии колебались от 200 до 420 франков[194]. 4 мая 1921 г. «Последние новости» писали, что Т. Уиттемор заявил о своем намерении отправить за свой счет в Америку для продолжения образования до 40 русских студентов. К 1923 г. на стипендии Т. Уиттемора учились во Франции 70 русских студентов (Лилле 25, в Лионе – 30, в Пуатье – 15), и эту цифру филантроп обещал довести до 100. В германских вузах он поддерживал 40 человек[195]. В 1923/24 учебном году число «студентов-уиттеморовцев» составляло 500 человек. В одном из писем в отдел Земгора в Германии сообщалось, что уиттеморовская стипендия давала возможность «не только учиться, но к тому же и кое-что жевать, и кое-чем прикрываться»[196].

Благотворительная американская организация YMCA (Христианский союз молодых людей)[197] выделяла стипендии для обучения русских в европейских странах, организовывала заочные образовательные курсы, снабжала бельем, обувью, одеждой. Ее деятельностью были охвачены 45 стран. На средства YMCA и штаб-квартиры Христианской федерации в Женеве был образован американский фонд помощи русскому студенчеству. Русские организации в Болгарии ходатайствовали перед ней о даровании 10 тыс. франков в месяц для оплаты расходов по ведению занятий в Русской высшей школе в Болгарии[198]. YMCA активно содействовал студентам в Германии. Распределение помощи происходило не только среди русских, но и украинских и грузинских студентов. Комитет, состоявший из представителей YMCA и трех студенческих союзов в Германии, назначал а) полную стипендию (400 [с сентября 1921 г. – 500] марок в месяц, обеденные карточки и плата за правоучение); либо б) половинную стипендию (200 (с сентября 1921 г. – 250) марок, обеденные карточки и плата за правоучение); либо в) плату за правоучение и обеденные карточки. В течение летнего семестра 1921 г. помощь получили 129 человек. С сентября 1921 г. полную стипендию получали 64 человека, половинную 32, плата за правоучение компенсировалась 34 человекам[199]. Всего YMCA выдал на основании заключения Союза русских студентов в Германии свыше 300 стипендий (400 марок в месяц, а также белье, обувь, бесплатные обеды, плата за учение нуждавшимся)[200]. РЗГК также для вюнсдорфских учащихся в Политехникуме высылал белье «ввиду острой нужды в нем»[201]. В польском лагере для военнопленных и интернированных Тухола YMCA содержал на свои средства школу грамотности, целый ряд специальных курсов, театр, чайную[202]. Союз ходатайствовал о приеме в вузы Германии той части студентов, которым была обещана его помощь после поступления.

С марта 1922 г. YMCA минимизировал материальную помощь[203], т.к. высказывалось мнение о необходимости направления всех средств для голодающего населения Советской России[204]. Сокращение деятельности еще не значило ее окончательное свертывание. «Бюллетень студенческого зала Всемирного христианского союза молодых людей» 11 ноября 1922 г. писал о затянувшихся переговорах с Вонунгсамтом Берлина о получении студенческого зала в Шарлоттенбурге в 14 комнат и обращался ко всем студентам дать сведения о свободных помещениях, которые отвечали бы требованиям и которые можно было бы приобрести[205]. 25 сентября 1923 г. секретарь Американского христианского союза молодых людей Г.Г. Кульман оповещал Джона Мотта, генерального секретаря Русского отделения международного комитета христианского союза молодых людей: «Ввиду все возрастающих экономических затруднений в Германии мы принуждены принять весьма для нас тяжелое решение закрыть на неопределенное время Вюнсдорфскую техническую школу, которая в течение двух с половиной лет стремилась дать русской молодежи практические знания, необходимые для будущей работы на их Родине»[206]. Таким образом, американский фонд, хотя и кратковременно, дал возможность получать регулярную поддержку нуждавшимся студентам.

Верховный комиссариат по делам русских беженцев Лиги Наций также считал помощь детям и студентам актуальнейшей задачей. Этому вопросу посвящали много времени и сил его представители в разных странах. Так, представитель верховного комиссара по делам русских беженцев в Германии М. Шлезингер, о котором парижские «Последние новости» 16 сентября 1924 г. писали, что он свои главные усилия направляет на организацию помощи учащимся и детям, предоставил некоторым студентам возможности получать бесплатные обеды за счет нансеновского представительства[207]. Делегат верховного комитета в Австрии, зная о бедственном положении русских студентов в этой стране и пытаясь изменить ситуацию, сумел добиться уравнения русских и австрийских студентов в оплате за обучение[208]. А.А. Котельников, нансеновский представитель в Греции, покровительствовал русской гимназии в Афинах и т.д.

Субсидии для функционирования национальных образовательных учреждений также выделялись непосредственно из бюджетов российских посольских фондов. Например, российское посольство в Болгарии после апреля 1922 г. ежемесячно на содержание учебных заведений и интернатов для детей выделило всего 165 тыс. левов: а) гимназии в Горно-Панич – 120 тыс. левов; б) интернату в Варне – 36 тыс.; в) на пособия гимназистам – 9 тыс. Пособия женщинам и детям: 1500 по 300 левов, итого 450 тыс. Расходы на учебники и книги 5 тыс.[209] Из того же отчета за 1922/23 гг. следует, что Союзу городов на ремонт зданий гимназий в Болгарии было выделено 129 600 левов; гимназии Нератова на приобретение одежды и посуды 29 тыс. левов, на отправку 13 студентов, принятых на стипендии проф. Т. Уиттемора во Францию, – 29 362 левов[210].

Патронаж содержания и образования российского студенчества взял на себя Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (ЦК), созданный в 1921 г. в Париже по инициативе Русского национального комитета. Основная деятельность ЦК протекала в Париже, хотя и охватывала всю Европу, где были образованы его отделения. Устав Комитета[211] был зарегистрирован на основании французского закона от 1 июня 1901 г. об ассоциациях и фиксировал, что юридическим местопребыванием комитета является Париж (бульвар С. Мишель, V). ЦК учреждался «с целью обеспечить находящемуся за границей русскому юношеству обоего пола возможность получения или продолжения образования в высших учебных заведениях Франции и других стран».

В соответствии с уставом он производил регистрацию русского студенчества в различных государствах, обследовал их материальное положение, а также абитуриентов, изыскивал способы обеспечения русскому учащемуся юношеству возможность получения высшего образования за границей и устанавливал порядок пользования стипендиями. Для этого Комитет вступал в сношения с правительствами, органами городского самоуправления и другими органами публичной власти, а равно с учеными и высшими учебными учреждениями, благотворительными, профессиональными и иными обществами, а также с частными лицами, способными оказать Комитету содействие в достижении его целей в пределах всего российского зарубежья. Привлеченные средства он направлял на устройство общежитий для русских студентов в университетских городах, учреждение стипендий, освобождение от платы за учение и право пользования лабораториями, снабжение студентов необходимыми учебными пособиями, на улучшение материальных условий жизни своих подопечных, предоставление им возможности трудоустройства и т.д.[212] Все прочие вопросы (учебно-педагогического характера, определение качества академической подготовки обращающихся к содействию Комитета молодых людей, степени пригодности каждого из них к продолжению образования на том или ином факультете или в специальном высшем учебном заведении, распределение по категориям, установленным Комитетом для получения стипендий) оставались в ведении Русской академической группы в Париже.

Душой и двигателем ЦК стал М.М. Федоров, которого называли «отцом русского студенчества за рубежом». Общественный деятель, кадет по политической ориентации, министр торговли и промышленности в кабинете С.Ю. Витте, глава Областного комитета союзов городов и земско-городского комитета по снабжению армии, инициатор созыва Национального съезда в эмиграции, он стал душой Комитета и вложил все свои силы в дело помощи студентам. Его отделения были образованы в целом ряде европейских стран.

В Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей входили общества, учреждения, организации, а также, по особому постановлению Комитета, отдельные лица. Их представляли по два делегата от каждого, и по одному от юридического, историко-филологического и физико-математического русских факультетских отделений при Парижском университете, Русского народного университета при Русской академической группе. Таким образом, в него вошли представители почти всех русских эмигрантских организаций: Земгора (Кровощеков), для связи с Совещанием послов – М.В. Бернацкий, представители Красного Креста, торгово-промышленного союза, Академического союза, студенческих организаций, Национального комитета и др.[213] Текущую работу вел ежегодно избираемый президиум (бюро), состоявший из председателя, двух его заместителей и двух членов Комитета.

Средства Комитета складывались из членских взносов, пожертвований и других источников. Чтобы собрать деньги Федоровский комитет организовывал вечера, лекции, лотереи, концерты, доклады, подписные листы, помещал пламенные воззвания в эмигрантских газетах и т.д. За 1921 г. он собрал 1 млн франков. Центральным комитетом за полтора года своего существования на нужды российского студенчества было израсходовано свыше 180 тыс. фр.[214] В 1922–1923 учебном году Центральному комитету удалось выдать только 26 стипендий, в 1930–1931 уже 400, но затем его работа пошла на убыль ввиду уменьшения притока средств, и к 1936 г. существенно сократилась. Всего же, по данным Центрального комитета по

обеспечению высшего образования, в 1922–1929 гг. сумма вложенных средств на помощь студентам правительствами разных стран, общественными и частными (иностранными и русскими) организациями и частными лицами составила 170 млн франков[215]. 7500 студентов получили стипендии (во Франции – 450, в Бельгии – 210, в Италии – 10 и т.д.).

М.М. Федоров обращался с просьбами к союзам русских студентов в разные страны прислать сведения о количестве русских студентов, числе уже обучавшихся в вузах, в том числе сколько из них – за свой счет, сколько пользуются льготами[216]. Он призывал увеличить число мест для русских студентов во Франции, Бельгии, Швейцарии, Англии, США, прежде всего из самых неблагоприятных для русской эмиграции стран (Константинополя, Греции, Румынии, Польши), ассигновать средства на их содержание. Одним из главных критериев для кандидатов в студенты было знание языка той страны, в которой предоставлялись места в университетах.

Как правило, места в вузах для русских студентов распределяло Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО)[217], с которым М.М. Федоров тесно сотрудничал. ОРЭСО было создано в 1921 г. в Праге на Первом эмигрантском студенческом съезде. К этому времени студенческие организации находились в 22 странах. Всего через ОРЭСО прошли 12 тыс. студентов. В 1923 г. Объединение было принято Советом международной студенческой конфедерации в качестве ее свободного члена, что утвердил конгресс Конфедерации в 1924 г. Правление ОРЭСО находилось в Праге. Его председателем первоначально являлся И.А. Черкесов, затем П.В. Влезков, Н. Неандер. Съезды и конференции ОРЭСО проходили преимущественно в «русском Оксфорде» – в Праге[218].

ОРЭСО представлял русское студенчество за границей на международном уровне. В разное время в Объединение входили 54 организации из 17 государств Европы, двух – Африки и по одной из Азии и Америки. Организационная деятельность была направлена на выяснение числа бывших студентов российских высших учебных заведений за границей, перемещение студентов в страны, дающие возможность учиться или работать, изыскание средств для материальной и академической помощи учащимся и желающим учиться, улучшение правового положения студенчества, культурно просветительскую работу и т.д. В августе 1922 г. состоялась одна из поездок П.В. Влезкова, председателя правления ОРЭСО в Праге и секретаря этого правления Д.И. Мейснера в Женеву «для пропаганды дела помощи русскому студенчеству в центре американских культурно-благотворительных организаций и в Лиге Наций». В связи с этим М.Н. Гирс писал представителю совещания послов при Лиге Наций К.Н. Гулькевичу о поддержке их во время пребывания в Женеве: «Совещание послов со своей стороны оказало им в бытность их в Париже посильную помощь, и ныне я был бы Вам весьма благодарен за оказание им возможного содействия в предпринятом ими деле»[219].

М.М. Федоров и представитель международного отдела ОРЭСО Н.Н. Дорофеев отстаивали интересы российского юношества на конференциях международной студенческой взаимопомощи. При их активной позиции в 1922 г. в Югославии на конференции в Сремских Карловцах были приняты: обращение к правительству США о предоставлении русским студентам права на въезд, как это было в свое время разрешено немцам; проект создания в Швейцарии международного студенческого санатория для туберкулезных. Конференция решила увеличить расходы на питание, одежду, обувь, изыскав около 85 тыс. швейцарских франков, на организацию и поддержку кооперативов, устройство лагерей в Германии, общежитий в Югославии – свыше 15 тыс., на переезд, устройство и продолжение образования около 6 тыс. фр.[220] Русская делега-

ция проинформировала участников конференции в частных беседах и специальных совещаниях о положении студенчества, его нуждах, духовных запросах, после чего швейцарцы создали в Цюрихе Комитет помощи российским студентам, который учредил стипендии в швейцарских университетах. Специально созданный оркестр, по инициативе Комитета, гастролировал по Швейцарии. Все сборы от концертов шли в помощь русским студентам. Скоординированные усилия не пропали даром. Если в 1921 г. определить в вузы удалось 1,5 тыс. студентов, то в 1922 г. до 4 тыс.[221]

Предоставление мест для учащейся молодежи зависело от стоимости обучения в той или иной стране. Так, в Женеве для содержания и обучения одного студента требовалось 150 франков в месяц, в Дрездене – 25, т.е. на те же деньги в Германии могло бы обучаться шесть студентов. Однако уговорить швейцарцев дать деньги на содержание студентов в более дешевых странах не удалось. И.Н. Ефремов обвинял М.М. Федорова в излишней оптимистичности и игнорировании местных условий. В Швейцарии 300 русским студентам, уже обучавшимся к этому времени несколько лет в местных университетах, было отказано в помощи. Поставить в привилегированное положение студентов, привезенных из других стран, было бы со швейцарской стороны нелепо[222]. Попытки ЦК получить хотя бы несколько стипендий в Швейцарии остались тщетными. Правительственные круги ссылались на трудное положение казны и большую помощь, уже оказанную русским беженцам. Поездки М.М. Федорова в Лозанну, Женеву, интенсивные переговоры с дипломатическими представителями Швейцарии в Париже успеха не принесли. К 1923 г. стало ясно, что «дело о приеме русских студентов в швейцарские университеты нужно считать окончательно неудавшимся»[223]. Не дали результатов усилия М.М. Федорова по устройству на учебу в Голландии 12 студентов-кораблестроителей.

Поэтому последовали ходатайства о размещении в европейских вузах русских студентов за счет швейцарских муниципальных, кантональных или общегосударственных сумм. 5 декабря 1922 г. М.М. Федоров писал И.Н. Ефремову: «Задача эта представляется чрезвычайно важною и неотложною, т.к. ввиду почти полного разрушения школы в России именно русская молодежь, выброшенная за границу, доучившись здесь, должна будет восстанавливать Россию из развалин…»[224]

Глава ЦК неоднократно обращался к мэрам, ректорам университетов, надеясь, что города изыщут средства на содержание небольшого количества студентов, а университеты освободят их от оплаты за обучение. Затем следовали обращения к правительствам для компенсации учебным заведениям затраченных на русских студентов средств. Содействовать этому призваны были местные русские комитеты, в которые входили в основном представители русских организаций, достаточно авторитетных в эмигрантской среде и среди западной общественности.

В начале 1923 г. Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей возбудил ходатайство перед министром иностранных дел Чехословакии о предоставлении возможности хотя бы части русских студентов из Польши учиться, а равно студентам, бедствующим в Турции, Болгарии, Румынии, Греции. Федоров лично говорил по этому поводу с Бенешем и получил обещание продолжать устраивать русских студентов в Чехии. Следило за этим делом Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), которое должно было позаботиться, чтобы молодые люди из указанных стран попали в ЧСР.

Одновременно были предприняты меры давления на правительство в Польше, в том числе через общественные круги, входившие в Славянский комитет, чтобы то пошло навстречу русскому студенчеству[225]. В конце 1924 г. М.М. Федоров поднимал вопрос об учреждении в Варшаве Польско-русского комитета попечения о русских студентах, привлекая польских членов Славянского комитета, созданного в 1923 г., известного польского деятеля Р.В. Дмовского, проф. Л.И. Петражицкого и др. Однако эти попытки закончились безуспешно[226].

При содействии президента Франции Р. Пуанкаре М.М. Федоров добился для многих русских правительственных стипендий либо освобождения от оплаты за право обучения. Так, в 1922 г. правительство ассигновало 400 тыс. франков для оплаты лекций русских профессоров и помощи студентам, в 1923 г. – 500 тыс.[227] Правительственные стипендии выдавались особой комиссией, во главе которой стоял Л. Жантиль (позже Э. Журноль), а членами ее являлись М.М. Федоров, представители Русской академической группы. Городские власти Парижа в 1923 г. приняли на свое попечение девять студентов-эмигрантов. Всего за счет русских эмигрантских организаций, французской казны, муниципалитета, спонсора-француза Шапталя, американской помощи к этому времени во Франции содержалось 115 студентов. Из них 80 человек проживали в бараках на бульваре Журдан, где был организован интернат для русских студентов при денежной поддержке министерства иностранных дел, Сорбонны и французско-русской комиссии. Позже из 500 находившихся во Франции русских студентов 200 обучались за свой счет[228]. Стипендия для русских студентов во Франции была невысокой и составляла не более 300 франков в месяц, поэтому ЦК организовал в помощь студенчеству ряд общежитий, где за небольшую плату студенты получали полное содержание. Второй секретарь Полномочного Представительства СССР во Франции Л. Гельфанд сообщал 15 марта 1928 г. в Москву в Наркомат иностранных дел, что Федоровский комитет получает в среднем 190 государственных и городских стипендий для белого студенчества[229]. За бортом высшей школы во Франции оставались 700 юношей, 200 из которых окончили средние учебные заведения. Они работали на заводах, рудниках, рыболовецких судах и т.д.[230] Многие приехавшие из Болгарии, Югославии в Париж абитуриенты вместо университета работали на заводе, иногда вскладчину содержали своего стипендиата в университете. «Драма этой молодежи в том, – писали эмигрантские «Последние новости», – что дверь высшей школы для них остается закрытой. Беженская гимназия упирается тут в тупик. Выйти из него значило бы дать будущей России не одну сотню превосходных интересных работников»[231].

В Италии серьезную и важную услугу Центральному комитету оказали дипломатические представители в Риме: И.А. Персиани и при Папском Престоле А.И. Лысаковский, а также Русская академическая группа в Риме. Ходатайство перед итальянским правительством увенчалось успехом. Русские студенты были освобождены не только от платы за обучение, но и некоторые получили стипендии по 3 тыс. лир в год от государственного казначейства. Только в 1923 г. по представлению Центрального комитета в итальянские высшие школы пришло шесть стипендиатов и четыре были приняты по распоряжению Папского Престола в Миланский католический университет.

Лояльное отношение к предоставлению образования русскому юношеству продемонстрировала Бельгия, которая до 1935 г. не признавала СССР, и это обстоятельство благоприятно сказалось на социальной поддержке российской эмиграции. Четыре бельгийских университета открыли свои двери для русской молодежи: католический университет в Лувене, государственные университеты в Генте и

Льеже и Брюссельский свободный университет. Прекрасно было поставлено образование в высших технических и агрономических учебных заведениях, где учились несколько десятков русских студентов. И в католическом университете в Лувене, где преподавали исключительно на французском языке, и в епископальных коллежах[232] молодые эмигранты могли учиться бесплатно. Причем во многих коллежах они бесплатно питались. Поступившие в Брюссельский, Льежский и Гентский университеты оказались в гораздо более тяжелом положении. Одновременно с учебой приходилось работать на шахтах или чернорабочими. Однако родители старались дать высшее образование свои детям, с тем чтобы те не повторили их судьбу.

1 июля 1922 г. М.М. Федоров представил председателю Совета министров Бельгии ходатайство об ассигновании из государственной казны средств на содержание русских студентов, поступающих в высшие учебные заведения страны, к которому сочувственно отнеслись лидеры основных политических партий в парламенте. На помощь русским студентам пришли католические организации и торгово-промышленные круги. В 1923 г. на средства государственных, общественных и благотворительных организаций во Франции и Бельгии было размещено до 400 студентов[233]. В том же году Земско-городскому комитету удалось в Бельгии учредить для окончивших Нарвскую гимназию несколько стипендий. Большинство ее выпускников в течение года вели трудовую жизнь в качестве простых рабочих на заводах в Эстонии и только после этого смогли получить возможность учиться в Бельгии. В Льежском университете, Брюссельских политехникумах, за счет сумм, собранных кардиналом Мерсье, учились десятки россиян[234]. В Лувенском университете благодаря моральной и материальной помощи кардинала Мерсье было создано общежитие для русских студентов.

Кардинал Мерсье[235] с самого начала установил тесные контакты с русскими беженцами. Он поручил канонику Десэну организовать помощь прибывающим в Бельгию. Так был учрежден Comité de Secours aux étudiante russes (Комитет помощи русским студентам) во главе с кардиналом Мерсье. Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей создал в Брюсселе свой филиал под руководством выдающегося политического и промышленного деятеля, министра образования Франки, а также крупного финансиста Катье. В него вошли крупные промышленники, ректоры и директора всех высших учебных заведений Бельгии и все организации, уже работавшие в деле помощи русскому юношеству, Союз бельгийских студентов, бургомистры большинства университетских городов, представители русской Академической группы в Бельгии и видные члены русской колонии в бельгийской столице. С русской стороны от ЦК вошел профессор Д.В. Яковлев, от бельгийского филиала – профессор Н.Н. Салтыков и В.С. Нарышкина. По почину бельгийского Комитета в университетских городах страны открылись местные отделения помощи российским студентам. Как значилось в записке Русского национального комитета в Париже (начало 1923 г.), предполагалось открытие отделов Комитета во всех университетских городах с мэрами во главе[236]. Масштаб работы в стране филиала Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей определялся значительной заинтересованностью бельгийских деловых кругов в развитии русской промышленности и наличием в прошлом серьезных связей с Россией.

Осенью 1923 г. было собрано 200 тыс. фр. Кроме того, бельгийские промышленники способствовали выделению такой же суммы правительственного ассигнования в помощь русским студентам. Бельгий-

ское Бюро труда, руководимое профессором Д.В. Яковлевым, заключило несколько соглашений с промышленными кругами об ассигновании дополнительных средств для студентов, получавших в вузах технические специальности. Материальные возможности позволили принять в бельгийские вузы по рекомендациям Федоровского Центрального комитета 80 стипендиатов; через некоторое время их стало 200 человек. Стипендиатам выплачивалось ежемесячно 300 франков. Сверх того каждый студент получал 500 франков на покупку книг, учебных пособий и на экстренные расходы. При содействии супруги председателя бельгийского Комитета г-жи Катье в Брюсселе открылось общежитие на 12 мест. Российские студенты проживали в нем до получения работы или стипендии.

В отличие от других стран стипендиаты в Бельгии должны были по окончании вузов возвратить суммы, потраченные на их образование.

В 1924 г. число русских студентов-эмигрантов, окончивших университет в Бельгии, составил примерно 40 человек, и в 1926 г. был создан Союз русских, окончивших высшие учебные заведения в Бельгии (устав опубликован лишь в 1933 г.)[237], с целью оказать помощь студентам-соотечественникам. Союз выдавал студентам стипендии, которые те, закончив вуз, возвращали[238].

Правительственные взносы, да и в целом вклад в образование русских беженцев, были особенно велики в Чехословакии[239] и Югославии. В конце 1923 г. в ЧСР обучалось до 5 тыс. российских студентов-стипендиатов (в том числе 2 тыс. в Украинском университете), в Югославии – 1300. Щедрость проявило правительство Франции, денежные отчисления для учебы молодых россиян делали Болгария, Польша, Германия, Италия и др. Кроме того, помощь оказывали французские банки, Красный Крест, частные организации.

Ярким примером деятельности местного отделения Федоровского комитета служит созданный в октябре 1921 г. Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии. (В 1926 г. он объединился с Комитетом по обеспечению образования украинских студентов.) Создание Комитета в ЧСР было связано с активизацией прибытия партий беженцев, большую часть которых составляла молодежь, в том числе нуждавшаяся в продолжении образования. В ноябре 1921 г. чешское правительство приняло группы численностью 328, затем 194 русских студентов из Константинополя и 105 из Галлиполи[240].

Инициаторами создания такого комитета выступили профессура чехословацких вузов во главе с тогдашним деканом механического отделения политехнического института профессором Фельбером при содействии торгово-промышленных кругов с лидером Ганушем (главным управляющим заводов Шкода), а с увеличением потока беженцев и правительство в лице министерства иностранных дел. К 1 января 1922 г. на иждивении Комитета состояли 1474 студента. Основное местопребывание Комитета – Прага, вместе с тем он имел отделения и в других городах, где учились русские и украинские студенты (Брно, Пшибрам, Братислава).

Главным условием оказания помощи являлась успешная учеба. Учебные успехи рассматривались 3 раза в год в специальной комиссии. Комиссия состояла из главы Комитета (представителя Министерства иностранных дел), чиновника контрольного отдела Комитета, представителей русской и украинской профессуры, а также студенчества, врача.

Первоначально Комитет обеспечивал учебными пособиями, одеждой[241], жилищем, организовывал стирку, питание. С увеличением наплыва студентов стали выплачивать адресные пособия деньгами (кроме одежды и учебных пособий). В начале 1922 г. сумма пособия составляла 580 крон, к 1928 г. – 450. Причем оплата за учебу, экзамены и т.п. вносилась непосредственно в вузы. По мере того как студенчество об-

живалось, сокращались те или иные виды помощи (в случае неуспеваемости или улучшения материального положения студентов). Выплачивались так называемые «сокращенные» (ниже обычной на 50 крон), «частичные» (помимо понижения стипендии, не выдавалась одежда) и «академические» (только оплата учебных пособий и обучения) стипендии.

Наибольшее количество студентов, подопечных Комитета, приходилось на 1924 г. (3180), затем численность их сокращается. А расходы на одного студента достигают своего максимального уровня в 1922 г. (1015,65 крон)[242].

С ростом числа русских студентов увеличивалось количество поддерживаемых преподавателей и к концу 1922 г. достигло 67 человек. В течение 1923 г. получали помощь 94, в 1924 г. – 147, в 1925 г. – 142, в 1926 г. – 130 профессоров. К 1 августу 1927 г. получили помощь от Комитета по обеспечению образования русским и украинским студентам 96 членов Совета русских профессоров, образованного в сентябре 1921 г.: четыре штатных и 47 нештатных профессоров, три инженера, 20 доцентов и 22 кандидата на профессорские должности. Эта статистика показывает, что в первую очередь материальная помощь оказывалась малообеспеченным.

Студентам, находившимся на иждивении Комитета, не разрешалось подрабатывать, чтобы они могли, насколько это возможно, интенсивно заниматься науками. Регулярно оплачиваемую работу студент может принять только с ведома Учебного отдела. Студент был обязан: 1) все свое время и здоровье посвящать занятиям по специальности и общему своему образованию; 2) регулярно посещать лекции и упражнения, на которые записался, представлять к установленному сроку свидетельство об успехах; 3) вести себя всегда и везде прилично, как требует честь русского студента; 4) воздерживаться от всякой активной политической деятельности в политических партиях, как чехословацких, так и русских, не принимать активного участия в различных политических выступлениях. За нарушение правил студент подвергался различного рода взысканиям, вплоть до исключения с иждивения[243].

Кроме материальной и финансовой помощи Комитет по обеспечению образования русским и украинским студентам в ЧСР содержал четыре общежития: «Свободарна» в Либне (до 1926 г.), в городской богадельне им. Св. Варфоломея на Вышеграде, в здании слепых на Смихове (упразднили весной 1926 г.), позже был специально построен дом в Страшницах, куда в январе 1922 г. вселились 382 студента, прибывших из Салоник, Константинополя, Туниса[244].

Комитет заботился и о состоянии здоровья молодежи. При нем была организована амбулатория с двумя врачами-эмигрантами, бесплатный зубоврачебный кабинет. Туберкулезных больных взял на свое попечение Чехословацкий Красный Крест.

Кроме того, поддержкой Комитета по обеспечению образования русским студентам в Праге пользовались Русская реформированная реальная гимназия в Праге в Страшницах, русская гимназия ВСГ в Моравской Тршебове, Центральный союз чехословацких студентов (Ярников фонд)[245].

С конца 1927 по 1930 г. Комитет был ликвидирован. Перестали существовать и учрежденные им общежития. Остатки студентов расселили по частным квартирам.

С 1930 г. ни один из поступивших в высшие школы Чехословакии русских молодых людей не был принят на стипендию Комитета. Эта постепенная ликвидация помощи студенчеству послужила толчком к созданию Фонда помощи русским студентам в Чехословакии 29 ноября 1930 г. Он был организован по инициативе русских эмигрантских организаций в Чехословакии и при поддержке чешских общественных деятелей как неполитиче-

ское общество с уставом, утвержденным МВД ЧСР, действующее на всей территории страны. Ее цель – предоставление стипендии и любой другой помощи русским студентам-эмигрантам. Им предоставлялись беспроцентные займы, которые можно был вернуть единовременно или периодическими взносами, но не позднее 5 лет по окончании высшей школы[246]. Председателем Фонда был член чехословацкого парламента и председатель чехословацкого национального совета Адольф Прокупек.

Гораздо труднее шел процесс адаптации российского студенчества в других европейских странах. Например, в Англии, несмотря на то что там несколько раз побывал председатель Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей М.М. Федоров, а в состав английского Комитета помощи российскому студенчеству вошли такие авторитетные люди, как граф П.Н. Игнатьев, бывший министр просвещения, барон А.Ф. Меендорф, дипломатический представитель Е.В. Саблин, дело продвигалось весьма трудно. Государственных субсидий фактически не было, английская общественность прохладно отнеслась к бедственному положению молодых россиян. Только около 100 русских студентов обучались в Англии, и те за свой счет.

Если в европейских странах обучение студента-эмигранта ложилось тяжелым бременем на бюджеты государственных или муниципальных органов, то в США, несмотря на ужесточение иммиграционной политики, предусматривался допуск в страну студентов вне квоты.

Журнал «Студенческие годы» в 1923 г. (№ 3) писал, что американские вузы отличала дешевизна, а иногда и бесплатность обучения, в отличие от Европы, где могли себе позволить учиться лишь люди более или менее обеспеченные. Студенты, принятые в высшие школы США, могли получать стипендии. Поэтому основной задачей для желавших обучаться в американских вузах было накопить (или раздобыть) денег для переправки через океан. Проезд в III классе от Праги до Нью-Йорка стоил 105 долл., плюс виза – 10 долл. Кроме того, нужно было иметь небольшую сумму на первое время, до приискания работы[247].

Студенты направлялись преимущественно на север США – в Сиетл, штат Вашингтон, в Нью-Йорк и Калифорнийский университет. В Сиетле приехавшие встречали поддержку в местной православной миссии. В церковном доме было устроено общежитие. В местной русской колонии образовался Комитет помощи, устраивавший на работу на лесопилки, фабрики, фермы[248]. Приемом русских студентов в Калифорнии, которых в 1923 г. насчитывалось около 120[249], занимался секретарь Христианского союза молодых людей по делам иностранных студентов на тихоокеанском побережье США, специалист по России, профессор Дж.М. Дэй. Наши соотечественники заканчивали также университет штата Пенсильвания, Колумбийский университет, Массачусетский технологический институт, Сиракьюзский университет и др.

Студенческая стипендия в американских вузах не обеспечивала прожиточного минимума. Хотя М.М. Федоров в одной из статей писал, что студентам в США оказывалась помощь предоставлением бесплатного обучения и выдачей денежной поддержки, а возможность заработка можно было сочетать с посещением высшей школы[250], учеба отнимала ежедневно до 5–6 часов. Поэтому работать и учиться было почти невозможно. Единственный выход – работать летом и учиться зимой на сделанные сбережения. Так устроились 90 студентов, которым помог Фонд помощи русским студентам в Америке в 1923 г. Зная какое-либо ремесло (плотницкое, каменщика, столярное и т.п.), можно было заработать летом до 6–8 долл. в день. Работа на фабрике и заводе давала до 25–28 долл. в неделю. За 65–75 долл. можно было снять хорошую комнату с электричеством, ванной, сытый и вкусный

стол. Но такие заработки, дающие возможность не только хорошо жить, но и накопить, обусловливались знанием английского языка. Без знания языка даже хорошие специалисты превращались в простых, плохо оплачиваемых чернорабочих[251].

Сравнительно хорошая оплата труда, относительная устойчивость доллара позволяли делать сбережения и откладывать средства для учебы. Успевавшие студенты могли получить от культурно-благотворительных организаций ссуды до окончания образования.

При участии бывшего российского посла Б.А. Бахметева и поддержке американской деловой элиты в 1920 г. был создан Русский студенческий фонд. Фонд оказывал помощь в получении либо завершении высшего образования русским студентам, молодым американцам, русские родители которых оказались в США. К 1924 г. его содействием воспользовались 94 студента, в 1924/25 учебном году – 100[252]. Условием оказания такой помощи являлась хорошая учеба. 44% получавших помощь показали «отличную», 33% – «хорошую», 22% – «среднюю» и лишь 1% – ниже «средней» успеваемость[253]. За 25 лет фонд помог 650 русским иммигрантам, обучавшимся в 106 различных колледжах и университетах[254].

В Калифорнийском университете был организован Комитет по изысканию стипендий для русских студентов. Программой смогли воспользоваться около 500 русских студентов, приехавших из Китая. Ограничительные годовые квоты прежде всего касались азиатских стран, и для организации переезда русских студентов в вузы США из Китая было образовано Общество помощи студентам. У его истоков стояли Харбинский союз студентов, Общество вспомоществования воспитанникам и воспитанницам высших учебных заведений. Общество помощи студентам и Христианский союз молодых людей в 1921 г. приступили к реализации программы отправки групп русских студентов из Китая на учебу в Америку и Европу. При Обществе помощи студентам была создана особая комиссия, в задачу которой входило обеспечение визовой поддержки, организация поездки, выдача ссуд, пособий на обустройство в США. Отбор студентов осуществляло специальное Бюро.

Получив возможность въезда в страну без квотных ограничений с целью обучения, эмигрантская молодежь, особенно с Дальнего Востока, приобретала шанс для улучшения своего материального положения, могла выбраться из нужды, реализовать себя на американском континенте, но и, вероятнее всего, ассимилироваться в новой среде. Положительная тенденция их социальной мобильности проявлялась более четко, чем у сверстников в Западной Европе и тем более в Китае. Однако потенциал ученых и студентов из России приумножал интеллектуальную копилку США. При этом они не становились дополнительной нагрузкой на социальную систему этой страны. Но для России оставались потерянными.

Забота о молодом поколении оставалась одной из приоритетных задач не только общеэмигрантских организаций, но и региональных в тех странах, где проживали русские беженцы. Так, Совещание русских общественных организаций и учреждений в Германии, образованное в сентябре 1922 г., выделяло, помимо жилищной помощи, вопрос «об оказании поддержки русскому студенчеству» и делало попытки (правда, безуспешные) «создания в Берлине Русского университета по образцу существовавшего в Праге»[255]. Германское правительство также на межведомственных совещаниях неоднократно обсуждало вопрос о помощи русской молодежи[256]. Известны факты частичного финансирования МИДом эмигрантских учебных заведений[257]. А на Совещании русских общественных организаций и учреждений в Гер-

мании обсуждалось состояние дела помощи русским детям в Германии и ход переговоров с представителем Лиги Наций по этому вопросу[258]. Члены Совещания посещали бараки в Темпельхофе, предназначенные для студенческого общежития[259], обращались в министерство внутренних дел в Германии по поводу решения местных властей Тюрингии облагать большим налогом иностранцев, постоянно проживавших там, «с просьбой взыскивать указанный налог, принимая во внимание степень состоятельности отдельного плательщика»[260], и т.д.

Для поступления в вузы необходимо было иметь аттестат зрелости, в крайнем случае официальные студенческие документы (например, в Польше). В условиях беженской жизни многие из абитуриентов оказывались без надлежащих документов. В таких случаях после коллоквиума, организуемого академической группой, студентам выдавались аттестационные документы, необходимые для продолжения учебы[261].

Безусловно, на возможности обучения эмигрантов влияло то обстоятельство, что они оказались в особой правовой ситуации, а их юридический статус был урегулирован только к концу 1920-х годов. Зачастую необходимо было восстановить дипломы или другие надлежащие документы, подтверждавшие полученное образование или обучение в том или ином учебном заведении, прерванное войнами, научную степень преподавателя. Дети в эмиграции не всегда могли опереться на родителей. За этой категорией русских не стояло государство, которое могло бы защитить их интересы. Требовалась легализация полномочий каких-либо органов, обеспечивших бы им правовую защиту в образовательной сфере. И такими органами стали бывшие российские посольства, местные государственные учреждения, занимавшиеся беженскими проблемами, эмигрантские общественные организации и представители Ф. Нансена. Одной из функций нансеновского офиса в странах-реципиентах с 1928 г. было заверение копий документов эмигрантов, составленных на русском языке, и их переводов на иностранный язык; подтверждение перед местными властями прежнего места службы, профессиональной квалификации, университетских и академических званий беженца. Представители верховного комиссара могли выдавать удостоверения, заменявшие утерянные или оставшиеся в России аттестаты и дипломы об окончании различных учебных заведений, о производственном стаже и пр.; рекомендовать беженца компетентным властям, в частности по вопросам виз, разрешений на жительство, допуска в школы, библиотеки и т.д.[262] Выполнение этих функций расширяло круг лиц, получавших возможность обучения. Лишь после подписания Конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев 28 октября 1933 г. у эмиграции появились официальные основания для отстаивания своих интересов. По вопросам образования и ряду других русские беженцы приравнивались к местным гражданам или к наиболее привилегированным иностранцам.

Еще в Гражданскую войну посольства и дипломатические миссии имели право создавать экзаменационные комиссии в тех странах, «где в них будет надобность», в составе русских преподавателей, которым удалось найти работу в местных образовательных учреждениях[263]. Эти комиссии принимали переходные экзамены, а также экзамены на аттестат зрелости, что давало возможность молодым людям продолжить образование в высших учебных заведениях вне России. Как правило, испытательные комиссии считались постоянными и принимали экзамены в течение года. Первоначально созданные при российских посольствах, они могли функционировать при общественных организациях, а после образования русских академических групп (РАГ) утвердились при последних.

Эффективной формой социальной помощи, а также альтернативой вынужденной денационализации стала организация

системы образования на русском языке, что потребовало значительных материальных, финансовых, трудовых вложений. Цели удалось достичь при содействии местных правительств, как фактор помещения ими политического капитала, но по инициативе и опоре на РЗГК и русские академические группы.

Если РЗГК со временем сосредоточился на помощи в деле образования беженцев дошкольного и школьного возраста, а также студентов, закончивших средние учебные заведения, находившиеся в его ведении, то Русский академический союз, объединявший региональные академические группы, определял политику в сфере высшего образования. Фактически функции отделов Земгора могли быть значительно шире. Например, Учебный комитет при Всероссийском союзе городов в Болгарии мог заверить свидетельства об окончании курса, ходатайствовал перед болгарскими властями о предоставлении учащимся в русских школах прав и льгот, коими пользовались учащиеся в болгарских учебных заведениях соответствующих типов[264].

К концу 1920-х годов, за восемь лет своего существования, РЗГК больше половины общей суммы затраченных денег отдал на школьно-просветительские нужды – 1 709 162 доллара (58,1%). Причем удельный вес этих затрат с каждым годом возрастал – от 20 до 88,19%. Но, если в 1927 г. Земгор поддерживал 80 культурно-просветительских учреждений и 4 тыс. детей, в 1929 г. только 55 (16 детских садов, 8 начальных школ, 17 средних школ, 4 приюта и 10 интернатов) и 3 тыс. детей на попечении. К 1930 г. под его патронатом среднее образование получили 2200 россиян, почти половина которых (800 человек) поступила в высшие учебные заведения[265]. Он выдавал стипендии студентам, окончившим курс средних учебных заведений за границей, находившихся в его ведомстве. Так, из 5 млн 600 тыс. франков, израсходованных в 1925 г. в качестве материальной помощи эмигрантам, более 4 млн 600 тыс. франков были использованы на образование[266]. Помимо финансовой помощи Земгор устраивал для студентов общежития, выделял одежду, предоставлял возможность бесплатного лечения и пр.

Культурно-просветительная комиссия Земгора способствовала не только поступлению русских студентов в зарубежные учебные заведения и зачислению их стипендиатами РЗГК, но и ходатайствовала о помощи перед Американским союзом христианской молодежи, ARA[267].

На 1 января 1924 г. в европейских государствах (преимущественно в славянских) насчитывалось 83 русские школы с 6765 учащимися[268]. Русская инициатива здесь проявилась в создании средних школ, т.к. начальное образование почти всюду было всеобщим и бесплатным. Главная их задача состояла в том, чтобы «дать образование и воспитание в истинно национальном и патриотическом духе на православных началах», «сохранить детей для будущей России»[269]. В странах-лимитроофах с ростом русофобских настроений число русских школ уменьшалось. Так, в Латвии после майского государственного переворота 1934 г. в 1933/34 учебном году осталось только 187 основных школ вместо 215, а число учащихся сократилось на тысячу. Число средних школ (одной городской и четырех частных) сократилось к 1940 г. до двух (государственные в Риге и Ружице)[270]. В Финляндии росту числа русских школ препятствовало то обстоятельство, что вступительные экзамены в высшие учебные заведения страны проходили на финском или шведском языках по программам финляндских гимназий[271].

Русские высшие учебные заведения были созданы лишь в Праге, Париже, Харбине. Русским Оксфордом называли Прагу, поскольку правительство не просто поддержало, но целиком взяло на себя финансирование русских учебных заведений.

С целью организации национального образовательного пространства был создан Русский академический союз (РАС). Он сложился в начале 1920-х годов, объединил преподавателей и ученых, работавших ранее в высших учебных заведениях России. Материальное положение профессуры оставалось довольно тягостным и часто зависело от места работы и проживания. Так, например, в КСХС преподаватели, не получившие место в сербских университетах (примерно половина от общей численности), вынуждены были тратить в 6 раз больше времени, чтобы заработать сумму равную (или меньшую) той, что причиталась штатным университетским кадрам. Причем разница в зарплате ординарных и гонорарных профессоров также была существенной[272].

Особенно остро встал вопрос об обеспечении книгами, о научной атмосфере, в которую окунулся русский преподавательский состав. Показательным в этом отношении является письмо от 23 июня 1923 г. Д.Н. Иванцова[273] Н.И. Ефремову[274], русскому посланнику в Женеве, в котором изложены трудности положения русских ученых в этой стране и среди них – материальная необеспеченность («заработка [даже при нескольких службах] в лучшем случае хватает на пищу и помещение. Покупка нового костюма или даже обуви – это событие в жизни русского профессора; к нему долго готовятся… о нем долго вспоминают»[275]). Свое письмо Иванцов заключил словами: «Как и все русские беженцы, я могу засвидетельствовать, что, по-своему, сербы делают для русских все, что могут, и даже больше того. И я должен прямо заявить, что испытываю чувство живейшей благодарности. Но я считаю, что было бы преступлением перед русской наукой замалчивать тот факт, что, несмотря на всю гостеприимность сербов и на все их желание помочь русским ученым, обстановка, которую они могут предложить и предлагают, объективно поистине ужасающа, и что ужас ее заключается не в тех или других отдельных минусах, а во всем ее укладе. Самый уровень, самый стиль сербской жизни таков, что лицам со сколько-нибудь серьезными духовными запросами пребывание в Сербии и мучительно, и опасно»[276]. Показательным можно считать письмо бывшего ректора Киевского университета Спекторского Евгения Васильевича[277], председателя академической группы в Югославии, от 9 июня 1923 г. тому же адресату – И.Н. Ефремову. В этом письме он также изложил проблемы, возникающие в работе ученых и преподавателей в КСХС: 1) «Мы лишены возможности печатать наши научные труды, имеющиеся у нас в рукописях. Конечно, мы участвуем в сербских, хорватских, словенских и иностранных изданиях. Но, как русские ученые, мы бы хотели печататься также и по-русски. Наша мечта – издавать периодический научный журнал (вроде издающихся при Берлинской академической группе «Трудов русских ученых за границей»). 2) Мы лишены возможности ездить в другие страны (особенно с высокой валютой) для занятий в библиотеках и лабораториях крупных научных центров. 3) Мы лишены возможности посылать за границу для усовершенствования тех молодых людей, из которых мы готовим будущее поколение русских ученых, которые должны придти нам на смену. Мы лишены возможности приобретать книги, хотя бы такие, какие всегда должны быть у нас под рукой: энциклопедии, справочники, основные руководства по специальным наукам, текущие научные журналы. Наши жены и дочери моют полы, стирают белье, мы колем дрова, таскаем ведра с водой. Живем мы на окраинах в нездоровых сырых помещениях, за которые платим очень высокую квартирную плату, поглощающую нередко половину нашего бюджета. Для иллюстрации опишу хотя бы свою собственную квартиру. Она состоит из двух комнат со стеклянной дверью прямо во двор, немощеный, в глубине которого находится очень примитивное

сооружение для известных отправлений. В моей комнате, имеющей в длину всего 1¼ метра, нет ни печки, ни дымохода. Посему зимой все стены влажные, все предметы покрываются зеленой плесенью. В другой комнате, которая немного больше, живет моя падчерица – учительница (с высшим образованием) и в то же время кухарка, прачка, судомойка и т.д., в чем я ей помогаю. За все это я плачу 744 динара в месяц. Зарабатываю же я как гонорарный профессор Белградского университета 1410 динаров в месяц, имеющий 31 день, и 1380 динаров в месяц, имеющий 30 дней. Описываю свою квартиру не как исключение, а как общее правило. Некоторые коллеги даже завидуют мне»[278].

Поэтому для гуманитарной и профессиональной поддержки образовывались русские академические группы. Они были созданы в 17 странах. Центральной являлась Русская академическая группа в Париже.

РАГ в Париже, согласно уставу, являлась самостоятельным обществом, зарегистрированным по французскому закону об Ассоциациях 1901 г. Ее цель – «поддерживать постоянное соприкосновение между находящимися за границей русскими университетскими деятелями, в целях взаимной помощи, как в области их научной деятельности, так и в области практической; изучать систему школьного образования во Франции, имея в виду сближение между французской и русской педагогией; поддерживать связь с работой учащихся и студентов, получающих образование во Франции, содействуя их школьному или университетскому образованию; распространять во Франции более глубокое познание русского языка и России»[279]. Воссоздание академического сообщества позволило получить возможность защищать свои интересы, публиковать труды, обеспечить научную смену. Поэтому одной из важнейших стала забота об обучении молодежи за границей. РАС осуществлял прием экзаменов, трудоустройство научных работников, налаживал связи с русскими и иностранными учеными и учебными учреждениями, представлял все русские академические организации за границей перед правительственными, общественными и научными кругами, материально и морально поддерживал молодых ученых, молодежь, поступающую в вузы, организовывал русские высшие и средние учебные заведения. Академические группы играли роль официальных учреждений, занимавшихся вопросами науки и образования русских за рубежом, и признавались местными властями. По уставу 1921 г., важнейшей целью РАС являлось «оказание поддержки молодым силам русской науки»[280]. Различные отделы отвечали за деятельность не только научных сил, но и за организацию высшего образования и устройство в вузы Европы студенческой молодежи, отдел средней школы ведал организацией среднего образования для юношества. Так, в Ревеле (Эстония) РАГ основал политехнические курсы (Нарвская, 69)[281].

Союз русских академических организаций разработал устав, правила приема экзаменов и защит магистерских и докторских диссертаций в соответствии с требованиями университетов и вузов.

Русские академические силы, участвуя в эмигрантских организациях, имея связи с зарубежными правительственными и общественными кругами, сделали многое для создания национальных высших учебных заведений вне границ России, добывания средств для российского студенчества за рубежом, устройства русских студентов для учебы, а профессорско-преподавательского состава на работу в зарубежные вузы. В июне 1922 г. А.Н. Анциферов, отчитываясь перед правлением Союза русских академических организаций о деятельности парижской группы, доложил, что французское правительство приняло решение о приеме 300 русских студентов в вузы страны, включая 100 человек, находящихся во Франции, и 200 из Туниса[282]. Профессор

Ломшаков весной 1923 г. был командирован в США как представитель российских эмигрантских академических кругов с особой запиской к американскому правительству и к американской организации Карнеги, подписанной всеми российскими организациями Парижа, Лондона, Берлина, Брюсселя, Праги, Белграда, Швейцарии[283]. Этот акт призван был способствовать субсидированию русской высшей школы за рубежом. Русская академическая группа вела переговоры с представителями Чехословакии о переезде в эту страну молодых русских ученых, а также ученых и профессоров, не имеющих работы. Предполагалось, что молодым ученым будут отпускать 1800 крон в месяц, а профессорам – по 2000 крон. Эти суммы позволяли продолжить как преподавательскую, так и научную работу[284]. РАГ в Таллинне способствовала организации Высших политехнических курсов, первого русского высшего заведения в Эстонской республике. Подобных примеров можно приводить много.

Академические группы обменивались протоколами и постановлениями для изучения опыта, а также состава, квалификации их членов для привлечения, возможной компенсации тех или иных специалистов в разных странах, для работы в университетах[285]. Однако зачастую связи академических групп друг с другом были менее тесными, чем с другими профессиональными и общественными организациями, учебными заведениями (Русским юридическим факультетом в Праге, Комитетом по обеспечению образования русских студентов за границей, обществом русских юристов в Париже, Союзом инженеров во Франции, европейским центром фондов Карнеги, Совещанием русских послов, Финансово-торговым и промышленным союзом, Земгором, Делегацией верховного комиссариата по делам русских беженцев при Лиге Наций во Франции и др.)[286].

Издания для вузов готовились под контролем русских академических групп, но при финансовой поддержке местных правительств, благотворительной помощи.

Правовой статус образовательных учреждений диктовал источники их финансирования. Учебные заведения, как правило, работали под патронатом министерств просвещения либо иностранных дел стран пребывания. Высший надзор над Русским институтом сельскохозяйственной кооперации в Праге, например, осуществляло Министерство земледелия ЧСР. От доброй воли местных властей зависело признание законной силы документов, выдаваемых русскими учебными заведениями. Так, афинской русской гимназии греческое правительство в 1927 г. особым декретом даровало исключительное право (сравнительно с другими иностранными учебными заведениями, находившимися в Греции) поступления ее воспитанников в Афинский университет им. Каподиастриа[287]. Ряд ее выпускников продолжили образование также в Пражском, Лувенском политехникуме[288]. Русская школа была уравнена в правах с болгарской, югославской, чехословацкой. Так, 16 октября 1922 г. министр народного просвещения КСХС в письме, адресованном Всероссийскому союзу городов сообщил о присвоении русским учебным учреждениям статуса правительственных средних школ[289]. Более того, правительства славянских стран, в отличие от западноевропейских, считали свидетельства и дипломы об образовании, а также научные степени, полученные в России до Февральской революции, имеющими законную силу. Лишь Болгария и Сербия допускали возможность обучения в местных вузах не только на государственном, но и на русском языке.

Русские вузы со второй половины 1920-х годов серьезно озаботились уравниванием дипломов своих выпускников с дипломами местных университетов. Так, открытый Земгором (1925) в Париже Русский коммерческий институт 30 декабря 1926 г. был включен распоряжением МНП

в число частных учебных заведений, признаваемых государством, и его воспитанники могли получать официальные дипломы, что облегчало их трудоустройство. С 1926 г. начал работать Франко-русский институт – высшая школа социальных, политических и юридических наук, дипломы которого приравнивались к дипломам французских факультетов. Диплом об окончании Русского высшего технического института в Париже (открыт 4 октября 1931 г.) приравнивался к аналогичным, выдававшимся во французских технических «эколь суперьер». А вот для трудоустройства выпускников Института ориентальных (восточных) и коммерческих наук, открывшегося в 1925 г. в Харбине, достаточно было иметь свидетельство о прослушанных курсах, и диплом о высшем образовании не требовался[290].

С фашистской оккупацией Европы встал вопрос о нострификации дипломов выпускников русских вузов зарубежья. Например, речь шла о «приравнении лиц, окончивших Русскую высшую школу техников путей сообщения в Праге, к лицам, окончившим немецкие высшие учебные заведения», сохранении «ставок и положения, равноценного немецким инженерам», дабы отличаться от «подсоветских инженеров» (остарбайтеров). Так, архитектор Л.С. Лада-Якушевич, заместитель руководителя профессионального союза русских инженеров и техников в протекторате Чехия и Моравия, передал 28 июля 1941 г. В.Л. Остен-Сакену, руководителю профессиональных русских союзов в Германии, 40 прошений о признании звания «дипломированного инженера» и посылал 300 крон на расходы, связанные с нострификацией дипломов русских инженеров из Праги в Берлинском министерстве народного просвещения. В сопроводительном письме он пояснял: «Получение звания “Дипломированного инженера” в настоящий момент приобретает для нас все большее и большее значение, т.к., чем далее, тем теснее происходит совместная работа русских инженеров с немецкими фирмами»[291].

Важнейшую социальную роль играл вопрос о трудоустройстве выпускников вузов не только русских, но и стран проживания. Осложнения стали ощутимы после 1925 г. с насыщением зарубежного рынка квалифицированного труда. Использовались все возможные пути решения проблемы и прежде всего международные возможности. Русские представительные организации начали переговоры о трудоустройстве с Международным бюро труда и его директором А. Тома, а также Комитетом международной помощи студентам в Европе во главе с Г. Конрадом. Без наличия связей возможности дипломированному инженеру устроиться на работу были ограничены. Общественные организации способствовали трудоустройству выпускников вузов. Особоуполномоченный РОКК в Швейцарии Н.А. Касьянов в ходе личных переговоров с Сербской миссией в Берне возбудил вопрос о предоставлении возможности окончившим курс швейцарских университетов русским врачам получить места работы в Сербии[292]. В Швейцарии Союз христианской молодежи, Женский союз подыскивали работу для русских студентов и студенток. Студенческие союзы изыскивали собственные ресурсы. Так, Русский студенческий союз в Германии, вначале состоявший из 95 членов, к 1 июля 1922 г. – 510, 191 из которых обучались в вузах, 120 человек устроил на работу через свое бюро труда. Каждый трудоустроенный таким образом должен был отчислять 5% заработной платы в фонд Союза[293]. Бюро труда Русского национального студенческого союза в Германии заключило соглашение с одним из берлинских банков, в силу которого банк отпускал по ордерам Бюро труда со своих складов по пониженной цене для всех русских беженцев в Германии и за грани-

цей платье мужское и детское, наряды дамские и детские, принадлежности мужского и дамского туалета, чулки, носки, обувь и прочее[294].

Административная, судебная, адвокатская, медицинская или военная карьера, как правило, для русских эмигрантов была недоступна из-за отсутствия гражданства. Так, многие выпускники бельгийских вузов поехали работать в Бельгийское Конго, как, например, доктор Б.А. Корнилов, основавший впоследствии русский Красный Крест в Брюсселе[295]. Особоуполномоченный Российского общества Красного Креста (РОКК) в Швейцарии Н.А. Касьянов в ходе личных переговоров с Сербской миссией в Берне возбудил вопрос о предоставлении возможности окончившим курс швейцарских университетов русским врачам получить места работы в Сербии[296]. В Швейцарии Союз христианской молодежи, Женский союз подыскивали работу для русских студентов и студенток. Обострилась ситуация в ЧСР. 1 марта 1925 г. Н.И. Астров писал К.Н. Гулькевичу, представителю совещания послов: «Как Вам известно, в высших учебных заведениях Чехословакии обучается до 4,5 тыс. русской молодежи. Беженская страда вступает в новую стадию. По установленному здесь правилу, студент, оканчивающий курс, получает 500 крон ликвидационных и снимается с иждивения правительства. Нечего и говорить, что никаких надежд устроиться в Чехословакии нет не только для всей массы оканчивающих курс, но даже для отдельных лиц». В том же письме он информировал, что в Праге существует Русский торгово-промышленный комитет, который объединяет представителей организаций, озабоченных судьбой студентов-выпускников вузов, а также представителей академической группы. После весеннего семестра, т.е. летом 1925 г., следовало трудоустроить более 300 выпускников различных специальностей – техников, юристов, медиков и др. Их предполагалось направить во Францию[297], ввиду того что Международное бюро труда, в лице А. Тома, и верховный комиссариат по делам беженцев, в лице секретаря Джонсона, заключили соглашение с французским министерством труда. Однако открытыми оставались вопросы о визах, будут ли приняты во внимание «профессия и факультет, пройденный ищущим работу», и т.д.[298] Пока решался вопрос об отъезде молодых специалистов во Францию, они нанимались «на земельные и строительные работы, подметальщиками улиц». «Но их и оттуда гонят по требованию коммунистов, – жаловался Н.И. Астров К.Н. Гулькевичу в письме от 28 мая 1925 г. – Из Франции идут отвратительные вести. Говорят, что министр земледелия взял назад свои обещания»[299].

29 апреля 1927 г. М.Н. Гирс разослал циркулярное письмо своим представителям с просьбой содействовать трудоустройству русских студентов, окончивших вузы ЧСР, в различных европейских странах. В нем, в частности, говорилось: «Лишь в редких единичных случаях им удается получить заработок в Чехословакии, хотя бы даже и в виде физического труда. Для большинства же окончание высшей школы является не радостным событием, а осложнением в жизни, ибо с этим связано автономное прекращение выдаваемого им иждивения. …Правление Союза академических организаций постановило, по словам В.Г. Рафальского, обратиться в Лигу Наций с просьбой о действии, равно как и к президенту САШ Кулиджу, дабы ходатайствовать о включении в русскую квоту хотя бы нескольких десятков лиц, окончивших высшие учебные заведения в Чехословакии»[300].

В отличие от Западной Европы, выпускники американских вузов находили работу преимущественно по специальности. В Калифорнийском университете российские студенты предпочитали поступать на факультет горного дела. Его питомцы практически все устроились на высокооплачиваемую работу. К 1937 г. лишь шесть русских закончили философский факуль-

тет Калифорнийского университета, пятеро из них защитили докторские диссертации. Некоторые шли изучать славистику, и преуспевали в этом. Однако перспективы были менее благоприятными: их ждала работа в библиотеке, переводчиками, преподавателями, и зарплата была невелика[301].

Трудоустройству выпускников вузов способствовало Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения (ОРОВУЗ), созданное в сентябре 1930 г. в Париже. Председателем федерации стал И.Г. Савченко, генеральным секретарем – В.А. Лазаревский. Ее целью была защита академических, правовых, трудовых и культурно-национальных интересов тех, кто закончил вузы за границей, а также координация деятельности подобных союзов в различных странах. Проблема трудоустройства бывших студентов, получивших высшее образование, в полный рост встала уже в 1925 г. Положение осложнялось безработицей в послевоенной Европе. Поэтому учащимся было выгодно как можно дольше просидеть на студенческой скамье. ОРОВУЗ занималось поиском работы, оказанием правовой, материальной помощи выпускникам вузов, обучением прикладным знаниям и ремеслам.

Широкая гуманитарная помощь европейских стран, местных учебных заведений и преподавателей, а также общественных организаций, инициатива и огромный труд российской академической среды, Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей позволили тысячам студентам-эмигрантам получить высшее образование за пределами покинутой ими родины. Считается, что лишь немногим более половины ушедшего из Советской России юношества имело возможность продолжать учиться. Остальные зарабатывали хлеб насущный, едва способный их прокормить, тяжелым физическим трудом. Сотни пребывали в концентрационных лагерях (в Румынии, Польше) и продолжали жить в тяжелейших условиях (в Турции, Болгарии, Греции).

В ходе социализации осуществлялась финансовая, материальная и психологическая помощь, шла борьба тенденций восприятия местных норм, языка, использования институтов адаптации, освоения культурного, информационного пространства страны проживания, и борьба за сохранение национальной идентичности. Условия для поддержки соотечественников создавали российские общественные организации, выступившие в качестве компенсационных институтов, заполнивших ниши и пробелы в правовом поле и в сфере социальной защиты международного и правительственного уровня. Но поскольку опыта взаимодействия с такой особой категорией иностранцев как русские беженцы не было накоплено ни в одной стране, самоорганизация частично компенсировала отсутствие соответствующих институтов в принимающем обществе. Ряд стран оказали предельно высокий для них уровень материальной помощи, предоставили значительную долю самостоятельности для жизнеобеспечения эмиграции. Отчасти в таких обществах россияне сыграли цивилизаторскую роль. Противоположный полюс представляли страны, в которых превалировала тенденция к ассимиляции, запрету деятельности российских общественных организаций.

Для бедных эмигрантов, оказавшихся почти на улице, в некоторых странах появились специальные приюты. Самый известный – Сент-Женевьев-де-Буа, основанный княгиней Мещерской. В 1935 г. В.Б. Ельяшевич приобрел имение «Вишневый сад» в департаменте Ионн в Бюсси-ан-От в Бургундии (150 км от Парижа), где устроил Дом отдыха для русских культурных работников и церковь. В 1946 г. он подарил имение православной церкви для устройства в нем мона-

стыря (в настоящее время это – Покровская женская обитель). Подобный дом был устроен писателем Г.Д. Гребенщиковым в США – Чураевка. И в предместье Варшавы, называвшемся Прага, существовал такой приют для русских беженцев[302].

Эмигрантские объединения дифференцировались не только по функциональному предназначению, но и согласно социальной ориентации, в соответствии с которой оказывалась благотворительная и социальная помощь. Скажем, Союз русских предпринимателей и финансистов защищал интересы капитала, одним из первых поставил вопрос о легализации российских финансов за границей, юридическом статусе предпринимательского дела и т.п. В Исполнительную комиссию совещания членов Учредительного собрания, задача которой была «выступать в защиту права русских граждан за границей»[303], обращались за помощью преимущественно рядовые солдаты, земледельцы, рабочие. «Поверьте, – писал О.С. Минор, – что мы работаем в полном сознании и с горячим желанием помочь. Дело вовсе не в вознаграждении. В свое время я получил вознаграждение в виде 20 лет каторги за «работу» по освобождению родного народа… Мы все работаем не за деньги»[304].

Формой поддержки стала взаимовыручка между соратниками по партии. В первую очередь речь, безусловно, идет о социалистах и анархистах. Когда Е.Д. Кускова получила известия о тяжелой болезни меньшевика А.Н. Потресова, она обратилась с призывом о помощи в разные инстанции, к разным людям, в том числе к С.П. Постникову в Прагу. «Получила несколько писем о тяжкой болезни Ал[ександра] Ник[олаевича] Потресова, – писала она. – В том числе от жены. Его положили в госпиталь известного диагноста, prof Tremonll'я. А сегодня я получила еще два письма – от Валентинова (Юрьевского) и от Португейса. Диагноз поставлен. Он скоро умрет и в страшных мучениях. Но им надо помочь: нищета у них полная… «Записки социал[-демократа]»[305] – не заработок. Жили лишь массажем Ек[атерины] Ник[олаевны] А теперь она парализована. Валентинов пишет, что она шатается, до того истощена.

Я пыталась достать деньги у частного лица, – у инженера, хорошо знавшего Ал[ександра] Ник[олаевича] по Петербургу. Но он как раз сейчас потерял работу (к тому же живет в Берлине…) и сделать ничего не может. Нельзя ли обратиться Вам и Вашим друзьям к здешним социал-демократам? Ведь он всю жизнь служил социал-демократии и служил в благородной недемагогической форме. В Париже социал[истические] партии расщеплены, ругаются и – как пишет Валент[инов] – к ним обращаться тяжело. Америка, куда написал Иванович, – вряд ли откликнется. Нельзя ли тут? Ведь это последняя помощь, – это скоро кончится…»[306]

Таким образом, попытки сохранения прежней социальной среды не увенчались успехом. Как отметил Ю. Рапопорт, в зарубежной России продолжали действовать не только прежние духовные и религиозно-нравственные начала, но и совокупность прежних социальных норм, определявших общественное положение людей, иерархические традиции, взаимоотношения. Для многих эмигрантов, особенно тех, социальный статус которых понизился, идея принадлежности к единому целому, воплощавшему старую Россию, являлась необходимой опорой, придавала смысл жизни в чужих краях[307]. В эти годы в Париже было более 300 организаций. Все эти общества устраивали заседания, обеды, «чашки чая», служили молебны и панихиды. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи – институтками, скромные служащие – сенаторами или прокурорами»[308]. Однако необходимость интеграции все ярче обнаруживала себя. С помощью социальной работы формировалась, поддерживалась, изменя-

лась система общественных отношений и связей, в которые мигранты включались на новом месте.

Система защиты русских интересов зависела от благосклонности правительств. Эмигрантам удалось лишь в незначительной степени блокировать агрессивную среду, связанную с суровыми условиями конкуренции на трудовом рынке, закрытостью местной системы здравоохранения, ограничениями в получении образования и т.д. Массового повышения статуса эмигрантов достичь не пришлось. Тем не менее активное воздействие на среду, в которую они включились, привела к формированию их особого статуса и заложило основы новой юридической отрасли, касающейся беженцев. Взамен на благотворительную помощь принявший русских изгнанников мир получил их интеллектуальный и культурный потенциал, социально-демографический, духовный ресурс – ценнейший капитал, какой только можно инвестировать в страну пребывания.

Примечания

1 Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – Т. 2. – С. 461.

2 Лига Наций – международная межправительственная организация, действовавшая в 1920–1946 и декларировавшая в качестве основных целей развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности. Местопребывание основных органов (Ассамблея и Совет) Женева.

3 См.: Закон и суд: Вестник Русского юридического общества. – Рига, 1931. – № 17. – Стб. 552; Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940: В 2 кн. – М., 1998. – Кн. 1. – С. 42; Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статут русских беженцев. – Белград: б/и, 1933. – С. 17.

4 Русская эмиграция: Альманах, 1920–1931 гг. – Белград, 1931. – Вып. 2. – С. 14.

5 В состав Административного совета входили, согласно предложениям русских экспертов, председатель и три члена межправительственной совещательной комиссии по делам беженцев, три члена от совещательного комитета частных организаций, по одному представителю от МККК, Лиги Красных Крестов, Комитета международного союза помощи, представитель директора МБТ, представитель генерального секретаря Лиги Наций. На ближайшие три года был избран следующий состав Административного совета: председатель – М. Губер, представитель генерального секретаря Лиги Наций – Ж. Авеноль, заместитель – Крно, представитель директора МБТ – А. Тома, заместитель – Чайльдс, председатель межправительственной комиссии – Л. Навай, от той же комиссии члены Фелькерс (германский генеральный консул), Фирлингер (посланник Чехословакии), Рафаэль (представитель Греции при Лиге Наций), заместители – Шуменкович (сербский посланник), Антониаде (румынский посланник), Фолькманс (Латвийский посланник) и Гвяздовский (советник польской делегации при Лиге Наций); от совещательного комитета частных организаций – К.Н. Гулькевич, заместитель Я.Л. Рубинштейн, Пашалаян, заместитель Генемиан (армяне) и Гольден, заместитель Меккензи (англичане); от международных организаций помощи – Чираоло (итальянец, Международный комитет помощи) и полк. Бикнель (американец, Лига Красных Крестов), их заместители: Франсуа (бельгиец, Международный комитет помощи) и Вернер (швейцарец, МККК). Правление офиса: председатель М. Губер, члены – Л. Навай (Франция) и К.Н. Гулькевич (русский), заместители – Рафаэль и Пашалаян // Закон и суд. – 1931. – № 20. – Стб. 644. Следующий состав Административного совета: председатель – не назначен, вице-председатель – Антониаде (с июня 1935 г.); от секретариата Лиги Наций – Авеноль, от МБТ – Батлер; председатель межправительственной комиссии – Рафаэль (с октября 1935 г.), члены комиссии – Реффи (Франция, с марта 1935 г.), Антониаде, Субботич (Югославия, с октября 1935 г.), заместители Фолькманс, Романелли (Италия), Антонов (Болгария, с марта 1935 г.), Эдмонт (Англия, с марта 1935 г.), члены от беженских организаций – Гольден (Объединенный британский комитет),

Гулькевич (до июля 1935 г.), Пашалаян (ЦК армянских беженцев), члены от организаций помощи – Свифт, Чираоло // АВП РФ.Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13. Л. 299.

6 ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–7.

7 В конференции приняли участие представители 10 стран (Болгарии, Китая, Финляндии, Франции, Греции, Польши, Румынии, Швейцарии, Чехословакии и Югославии) и международных организаций (Международного бюро труда, МККК, Лиги обществ Красного Креста и Международного общества помощи детям). Постановление конференции 22–24.08.1921 см.: Бюллетень № 7–8 Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. (Далее: Бюллетень РЗГК) 15 октября 1921 г. – С. 17–21.

8 ГА РФ.Ф. 5804. Оп. 1. Д. 46. Л. 156 об.

9 АРА (American Relief Administration) – Американская администрация помощи во главе с Гувером (Хувером) Герберт Кларк (1874–1964) в 1919–1923 гг. – американская государственная организация экономической и финансовой помощи странам Европы, пострадавшим в Первой мировой войне.

10 Международный союз помощи детям – создан после Первой мировой войны с целью оказания помощи детям в государствах, пострадавших от войны, уделял внимание и вопросу помощи детям русских беженцев. I Международный конгресс состоялся в феврале 1920, тогда союз объединял пять национальных организаций, к апрелю 1921–12, во II Международном конгрессе приняли участие 36 государств.

11 ГА РФ.Ф. 5804. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.

12 Там же. – Л. 191.

13 Там же. – Л. 192.

14 Там же. – Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 10.

15 Протокол беседы епископа Серафима Лубенского и представителей русских общественных организаций в Болгарии с российским дипломатическим представителем в Болгарии А.М. Петряевым 16 декабря 1922 г., София // Новый исторический вестник. – М., 2002. – № 2 (7). – С. 222.

16 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Л. 28. В письме М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 20 марта 1924 г. говорилось также о возможном закрытии российского дипломатического представительства в Швеции.

17 Там же. – Д. 45. Л. 9.

18 Там же. – Л. 28.

19 Там же. – Д. 53. Л. 22. Письмо А.А. Гольденвейзера К.Н. Гулькевичу от 17 августа 1931 г.

20 См. о нем ниже.

21 Там же. – Ф. 6076. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

22 Там же.

23 См.: Наш век. – Берлин, 1932. – 12 июня.

24 К.Н. Гулькевич писал, что комитет был образован по почину и стараниями Л. Вольфа, представителя Еврейского колонизационного общества при Лиге Наций // ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 16 об.

25 ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 110.

26 См.: Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940.: В 2 кн. – М, 1998. – Кн. 1. – С. 343–344.

27 ГА РФ.Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 86. Пер. с фр. яз. Л.В. Руснак.

28 ГА РФ.Ф. 6076. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

29 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 11, 11 об., 16 об., 20–25, 37, 40 и др.

30 Имеется в виду деятельность четырех украинских организаций в эмиграции // ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

31 ГА РФ.Ф. 6076. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

32 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–25.

33 ГА РФ.Ф. 6076. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–5.

34 Там же. – Л. 2 об.

35 Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940: В 2 кн. – М., 1998. – Кн. 1. – С. 343. Помимо указанных, в комитет входили ЦК попечения о студентах,

Союз инвалидов, Центральная юридическая комиссия, пражский и белградский Земгоры, Союз земледельческих колоний в Праге, Русский попечительный комитет в Польше, Педагогическое бюро в Праге. См.: Последние новости. – Париж, 1935. – 3 ноября.

36 Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933. – С. 4.

37 Там же. – С. 36.

38 ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 420–421. Доклад Я.Л. Рубинштейна от 8 февраля 1922 г.

39 АВПРИ.Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 16 об.

40 ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 6.

41 Набоков В.В. Другие берега. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. – С. 236.

42 Подробнее см.: «Крайне неприятные ограничения, установленные в Германии для нансеновских паспортов». Письмо С.Д. Боткина В.А. Маклакову. 1934 г. / Публ. З.С. Бочаровой // Исторический архив. – М., 2005. – № 5. – С. 53–64.

43 АВПРФ.Ф. 04. Оп. 50. П. 314. Д. 54 725. Л. 19. Записка А.М. Макара, полпреда СССР в Норвегии М.М. Чичерину от 31 мая 1926 г. См. также: Последние новости. – Париж,1924. – 16 сентября.

44 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.

45 Там же. – Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

46 Там же. – Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

47 К.Н. Гулькевич писал, что эксперты совещательной комиссии высказались за отмену нансеновских удостоверений личности в пользу документа, величаемого «паспортом» (внешний вид которого был бы, по словам Г., «не наш лист, а *книжка*») и обеспечивающего обратную визу в страну, выдавшую его. Проблема заключалась в том, кто будет их выдавать. К.Н. Гулькевич считал, что владелец удостоверения находится под защитой беженской секции МБТ и Лиги Наций в лице Ф. Нансена // ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

48 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 33. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 17 августа 1925 г.

49 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 42. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 7 сентября 1925 г.

50 ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

51 Там же.

52 Таубер Л.Я. Указ. соч. С. 55; ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

53 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д 11. Л. 44–45.

54 Там же. – Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 22–22 об.

55 ГА РФ.Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 71. Пер. с фр. яз. Л.В. Руснак.

56 Бюллетень № 55 РЗГК. – 15 декабря 1929 (Париж.) – С. 14.

57 Русские во Франции. – С. 3.

58 Германия, Австрия, Бельгия, Болгария, Франция, Литва приняли его полностью; представители Польши, Румынии, КСХС и Швейцарии не приняли его первую часть; Греции и Эстонии – частично и с большими ограничениями; Египет, Финляндия и Чехословакия подписать соглашение отказались.

59 См.: Таубер Л.Я. Указ. соч. – Приложение 1. – С. 29–30; Последние новости. 1928. – 10 июля.

60 В нее вошли представители 14 правительств и восемь экспертов (в том числе три юриста-эмигранта (К.Н. Гулькевич, Я.Л. Рубинштейн, Б.Э. Нольде) с правом совещательного голоса). Председателем комиссии был назначен французский делегат юрист Л. Навай (de Navailles). Ее первая сессия состоялась 16–18 мая 1929 г. // Таубер Л.Я. Указ. соч. – С. 28; Русский альманах. – С. 55.

61 Последние новости. 1928. – 26 сентября.

62 Закон и суд. – 1929. – № 3. – Стб. 91–94.

63 ГА РФ.Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 138. Пер. с фр. яз. Л.В. Руснак.

64 Альманах: Русская эмиграция, 1920–1931 гг. – Белград, 1931. – Вып. 2. – С. 44.

65 Закон и суд. – Рига, 1931. – № 20. – Ст. 643; АВПРФ.Ф. 0415. Оп. 12. П. 9. Д. 17. Л. 15–16; Ф. 05. Оп. 16. П. 105. Д. 8. Л. 297–298. Секретная справка о Бюро Нансена от 17 ноября 1935 г.

66 Последние новости. – Париж, 1935. – 17 ноября.

67 Беженский вопрос в XVIII сессии Лиги Наций. (Письмо их Женевы) // Закон и суд. – Рига, 1938. – № 2. – Ст. 3900. Эти данные касались Болгарии, Греции, Данцига, Франции,

Китая и Югославии. Германия, Финляндия, Латвия и ЧСР указали, что у них нет официальных статистических данных о натурализации.

68 С июня 1935 г. по июнь 1936 г. отмечено было 113 839 случаев вмешательства нансеновского бюро по защите интересов беженцев // Закон и суд. – Рига, 1937. – № 3. – Ст. 3549.

69 АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 80 об. Письмо Г.Э. Божинского-Божко В.Н. Штрандтману от 1 мая 1933 г.

70 Как пишет О.В. Будницкий, Русская политическая делегация в Париже фактически распоряжалась деньгами, находившимися только в Европе. К.К. Миллер, агент министерства торговли и промышленности в Японии, Б.А. Бахметев, российский посол в США, и финансовый агент С.А. Угет соглашались переводить деньги лишь на конкретные нужды // Диаспора. Новые материалы. – Париж; СПб.: Athenaeum-Феникс, 2002. – Т. 4. – С. 465–467. Так, в 1923 г. К.К. Миллер по ходатайству М.Н. Гирса переслал 6 тыс. франков для уплаты вознаграждения личному составу Управления правительственного уполномоченного по делам русских беженцев в КСХС // АВПРИ.Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 62. Л. 9.

71 Преемником Гулькевича в 1935 г. был избран Я.Л. Рубинштейн. В воспоминаниях И. Гессена «Годы изгнания. Жизненный отчет» (Париж: YMCA-Press, 1979. – С. 69) ошибочно указан 1930 г. Подробности избрания Рубинштейна см: Ст-й А. Как был в действительности выбран Я.Л. Рубинштейн // Последние новости. – Париж, 1935. – 3 ноября.

72 РНК – создан на съезде Русского национального объединения (5–12 июня 1921 г., Париж), в котором приняли активное участие представители Торгово-промышленного объединения, Парламентского комитета, Русского Совета, редакции газеты «Общее дело» (В.Л. Бурцев), правых кадетов и октябристов. В Комитет вошли 74 человека. Председатель – А.В. Карташев, товарищи председателя В.Л. Бурцев, М.Л. Киндяков, Е.П. Ковалевский, П.Б. Струве, М.М. Федоров.

73 Русский совет был создан при главнокомандующем П.Н. Врангеле, претендовал быть преемственным органом законной российской власти, объединяющим представителей различных политических течений (монархисты, кадеты, социал-демократы (меньшевики), сосредоточил в своих руках значительные финансы. Его торжественное открытие состоялось 05.04.1921 г. Две трети его членов из общего числа 30 избирались от парламентского комитета, земского и городского союзов, торгово-промышленной и финансовой группы, русской академической группы, одна треть назначалась Врангелем. Старшим товарищем председателя являлся И.П. Алексинский, вторым товарищем В.В. Мусин-Пушкин. Основными программными принципами Совета стали «продолжение борьбы с большевиками, предоставление народам России свободного решения вопроса о формах ее государственного устройства, сохранение всех сил и средств, необходимых для воссоздания будущей России». Выполнив главную задачу – эвакуацию остатков Белой армии из Турции и размещение ее на Балканах, – Совет превратился в арену для политической борьбы, что способствовало прекращению его деятельности. Последнее заседание состоялось 20.09.1922 г.

74 ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 127 б. Л. 27 об.; Д. 7. Л. 24.

75 Там же. Д. 1126. Л. 194.

76 В Советской России Земгор официально был распущен в 1918 г.

77 Неполитический характер Земгора подчеркивался особо. Например, Комитет отказался участвовать в совещании русских организаций по поводу приглашения представителей советской власти на предстоящую конференцию в Генуе // Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Отчет о деятельности (февраль 1921 - апрель 1922 гг.). – Париж, 1922. – С. 16.

78 ГА РФ.Ф. 6006. Оп. 1. Д. 8. Л. 144. Устав см.: там же, л. 144–147.

79 Русские в Галлиполи: сб. статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи / В.Ф. Баумгартен [и др.]; ред. комисс.: Г.Ф. Волошин [и др.]. – Берлин: EAG Druck, 1923. – С. 16–19.

80 Полнер Т.И. Жизненный путь кн. Г.Е. Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. – Париж, 1932. – С. 293.

81 На одного человека в день устанавливались следующие нормы: хлеб обыкновенный или бисквитный – 500 гр; муки или соответствующих продуктов – 150 гр; мясо свежее или мороже-

ное – 300 гр, либо консервное – 250 гр; овощи сухие или продукты, их заменяющие – 100 гр; соль – 20 гр; жиры – 20 гр; чай – 7 гр; сахар – 20 гр. Всего на 4 франка или 39,97 пиастров // Бюллетень № 1 Российского Земско-Городского Комитета помощи беженцам. 25 февраля 1921 г. – Париж, 1921. – С. 11.

82 Бюллетень № 1 Российского Земско-Городского Комитета помощи беженцам. 25 февраля 1921 г. – Париж, 1921. – С. 8.

83 Русские во Франции. Справочник / Под ред. В.Ф. Зеелера. – Париж, 1937. – С. 56.

84 Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. [Repr.]. – Praha: Národni knihovna v Praze, 1995. – С. 15.

85 ГА РФ.Ф. 5764. Оп. 6. Д. 4. Л. 9.

86 Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970. – Париж: Libr. des cinq continents, 1971. – С. 225.

87 Российское общество Красного Креста (старая организация) (РОКК) – возникло в 1879, 06.01.1918 распущено советским правительством, но продолжило свою деятельность за границей, используя имевшиеся на его счету средства. 26.02.1921 в Париже было организовано Главное управление РОКК, объединявшее уцелевшие части старой организации. Международный комитет Красного Креста в качестве национального краснокрестного общества России признавал до 15.10.1921 именно его, позже – советский Красный Крест, образовавшийся 20.11.1918. Для решения текущих вопросов старой организации была образована Особая комиссия, в которую вошли П.Н. Игнатьев, Б.Е. Иваницкий, Б.Э. Нольде, А.Д. Чаманский, М.Л. Киндяков, Э.П. Беннигсен, Г.Г. Витте, Д.В. Яковлев, Н.С. Долгополов, Г.А. Алексеев. Ю.И. Лодыженский являлся представителем РОКК (старая организация) при Международном комитете Красного Креста и при международных организациях в Женеве.

88 Русский Красный Крест после 1917 года. Очерк деятельности Российского общества Красного Креста (старой организации). – Париж, б. г. – С. 35.

89 Русский Красный Крест после 1917 года. – С. 36.

90 Последние новости. – Париж, 1938. – 3 декабря.

91 Там же.

92 Русский Красный Крест после 1917 года. – С. 34.

93 Русский Красный Крест после 1917 года. – С. 34.

94 Последние новости. – Париж, 1938. – 3 декабря.

95 Русский Красный Крест после 1917 года. – С. 34.

96 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1371 к. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 25–26.

97 Подсчитано по: Там же. Л. 15.

98 РГВА.Ф. 1371 к. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 16.

99 Там же. Л. 19.

100 Там же. Л. 18.

101 В 1934 эта фирма предоставила 24 новых рубахи, 24 пары новых кальсон, 72 пары новых чулок // Там же. – Л. 23.

102 ГА РФ.Ф. 6140. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

103 ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 391. Л. 3.

104 ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 391. Л. 3.

105 Миссия РОКК после заключения Рижского договора (12. X. 1920 г.) была переименована в бывшую миссию и взята под покровительство Международного Комитета Красного Креста. До весны 1922 г. миссия практически работала самостоятельно, лишь при внешних сношениях обращаясь к посредничеству МККК.

106 ГА РФ.Ф. 5814. Оп. I.Д. 7. Л. 1–3.

107 До высылки из Польши в начале 1922 г. ген. П.С. Махрова, ген. Новикова, Л.И. Любимовой (представитель РОКК), Б.Р. Гершельмана и др. председателем Комитета был ген. Л. Ивановский.

108 ГА РФ.Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

109 Там же. – Д. 24. Л. 1–44 и др.

110 Там же. – Л. 59.

111 См. подробнее: Бочарова З.С. «…Не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Нестор, 2005. – С. 54–55.

[112] ГА РФ.Ф. 5814. Оп. 1. Д. 15. Л. 141.
[113] Подробнее см.: Алексеева Е.В. – Указ. соч. – С. 36; Козлитин В.Д. – Указ. соч. – С. 9, 14.
[114] Бюллетень № 3–4 РЗГК. 15 мая 1921 г. – С. 50.
[115] АВПРФ.Ф. 0510. П. 1. Д. 6. Л. 2.
[116] АВПРФ.Ф. 136. Оп. 8. Д. 140. П. 108. Л. 34.
[117] Закон и суд. – Рига, 1931. – № 17. – Стб. 551.
[118] ГА РФ.Ф. 5856. Оп. 1. Д. 536. Л. 20.
[119] АВПРИ.Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 1 об.
[120] Бюллетень № 59–60 РЗГК. 15 мая 1930 г. – С. 20.
[121] АВПРИ.Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 16.
[122] Там же.
[123] Там же. – Д. 59. Л. 68.
[124] ГА РФ.Ф. 9145. Оп. 1. Д. 55. Л. 17–19.
[125] В 1924–1929 гг. вышло пять специальных выпусков газеты. С 1930 г. она стала ежемесячной.
[126] Волошина В.Ю. Образ Родины в представлениях детей-эмигрантов в 1920-е годы // Мир детства в русском зарубежье. III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009). – М.: ДМЦ, 2011. – С. 35.
[127] Закон и Суд. – Рига, 1931. – № 17. – Стб. 551.
[128] ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 419. Л. 10 об.
[129] Там же. – Д. 401. Л. 3 об.
[130] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
[131] ГА РФ.Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 142.
[132] См. подробнее об этом направлении «русской акции» в Чехословакии: Егорова К.Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика в поддержку образования детей из семей русских эмигрантов // Мир детства в русском зарубежье. III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009). – М.: ДМЦ, 2011. – С. 28–33.
[133] Страна Синей птицы. Русские в Бельгии: Сб. ст. / Пер. с нидерл. и фр.; под общ. ред. Э. Вагеманса. – М.: Наука, 1995. – С. 294.
[134] Например, обследование в Эстонии показало, что ученики гимназий в летнее время трудились на фабриках и заводах (12%), на сельскохозяйственных работах и в пастухах (5%), на сланцевых, лесных, топографических, малярных и кровельных работах (3%).
[135] См.: Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / Сост. Л.И. Петрушева. – М.: ТЕРРА, 1998.
[136] Бюллетень № 5–6 Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (далее: Бюллетень РЗГК). – Париж, 1921. – 15 июля. – С. 33.
[137] Бюллетень № 9–10 Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. 15 декабря 1922. – Париж, 1922. – С. 56–57.
[138] Там же.
[139] Йованович М. Поколение чужбины. Дети русских эмигрантов на Балканах в 1920–1940-е годы // Родина. – М., 2002. – № 3. – С. 76.
[140] ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 419. Л. 10 об.
[141] Там же. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.
[142] Йованович М. Поколение чужбины // Родина. – М., 2002. – № 3. – С. 78. Сноска № 7. Газета «Дни» от 23 июля 1924 г. сообщала, что общее количество учащихся в Болгарии составляло 1550 человек, из них 911 проживало в интернатах. Здесь же имеются сведения, что большинство детей в Эстонии также проживают в интернатах.
[143] Димич Л. Русские школы в Королевстве Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. – М.: Индрик, 1996. – С. 134. Димич ссылается на исследование М. Йовановича.
[144] Русская эмиграция: Альманах, 1920–1930 гг. – Белград, 1931. – Вып. 1. – С. 20.
[145] Руль. – Берлин, 1922. – 26 августа.
[146] Дети эмиграции: Сб. статей под ред. В.В. Зеньковского. – Прага, 1925. – С. 9.
[147] ГАРФ.Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 141.
[148] Харбинский комитет помощи русским беженцам. 1923–1938. Отчет о деятельности. – Харбин, 1938. – С. 29.

[149] ГА РФ.Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 143.
[150] Там же.
[151] Там же.
[152] ГАРФ.Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 142.
[153] Последние новости. – Париж, 1924. – 16 сентября.
[154] РГВА.Ф. 720 к. Оп. 1. Д. 105. Л. 143 об.
[155] Там же.
[156] Петрушева Л.И. Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.): Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 143.
[157] Если Л.И. Петрушева, опираясь на архивные данные, пишет, что День русского ребенка был проведен в США в 1930 г. (Там же. – С. 144), то А.Б. Ручкин указывает на 1932 г. как год начала празднования Дня русского ребенка: *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. – С. 393.
[158] Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. – С. 378–381.
[159] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. – М.: НЛО, 2012: В 4 т. – Т. 2. – С. 230.
[160] Петрушева Л.И. Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.). – С. 143–144.
[161] Там же. – С. 144.
[162] Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. – С. 76–77; *Лисица О.В.* День русского ребенка // Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. – М., 2000. – Т. 2: Периодика и литературные центры. – С. 113.
[163] День русского ребенка. – Сан-Франциско, 1952. – № 19. – С. 30.
[164] Петрушева Л.И. Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.). – С. 148.
[165] Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006. – С. 394.
[166] ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 5 об.
[167] Там же. – Л. 5 об.–6.
[168] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 53.
[169] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 15–15 об.
[170] Бочарова З.С. Положение русских детей в эмиграции (по материалам Бюллетеней Земгора) // Мир детства в русском зарубежье. III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009). – М.: ДМЦ, 2011. – С. 24.
[171] Руль. – Берлин, 1922. – 17 декабря.
[172] Там же.
[173] Петрушева Л.И. Отцы и дети русской эмиграции // Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. – М.: ТЕРРА, 1997. – С. 11.
[174] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 65. Письмо М.Н. Гирса А.Ф. Шебунину.
[175] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 60. Письмо А.Ф. Шебунина М.Н. Гирсу от 6 октября 1925 г.
[176] Там же. – Л. 65.
[177] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 61–62.
[178] Бочарова З.С., Сурин А.В. Образовательная помощь иностранной благотворительности детям русского зарубежья в 1920-е гг. // Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. – СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. – Вып. 9. – С. 16.
[179] Кудрякова Е.Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами – М.: ИНИОН РАН, 1995. – С. 51.
[180] Там же.
[181] Ганц Н. Англия // Бюллетень Педагогического бюро. – Прага, 1923. – № 2. – С. 46.

[182] Кудрякова Е.Б. Указ. соч. – С. 52.
[183] Грабовый В. Англия // Русский учитель в эмиграции: Сб. ст. / Об-ние русских учительских орг. за границей. – Прага: б/и, 1926. – С. 190.
[184] Там же. – С. 191.
[185] Хроника. Англия // Вестник самообразования. – Берлин, 1923. – № 7. – С. 23.
[186] Деятельность Российского Земско-городского комитета в области народного образования // Вестник самообразования. – Берлин, 1923. – № 6. – С. 15.
[187] ГА РФ.Ф. 5846. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
[188] ГА РФ.Ф. 5846. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.
[189] Там же.
[190] ГА РФ.Ф. 5859. Оп. 1. Д. 23. Л. 15.
[191] Союз русских студентов в Польше при содействии уполномоченных ЗГК вывез много студентов из лагерей для интернированных, оплачивал проезд в Варшаву из студенческого общежития под Варшавой в Воломине, выдавал 58 человек бесплатные обеды в Американской столовой Красного Креста и чай с хлебом (1,25 кг) утром и вечером., студентам, выезжающим за границу, выдавал пособия // ГА РФ.Ф. 5814. Оп. 1. Д. 15. Л. 8. Русский студенческий союз в Германии на 1 июня 1921 г., насчитывавший 700 человек, имел свои отделения в провинциальных городах – Кеттеле, Гейдельберге, Галле, Дрездене и др. Оказывал субсидии (в 1921 г. по 100–300 марок), привлек материальную поддержку YMCA. Союз содержал беженскую столовую (в 1921 г. 3 тыс. обедов в месяц). Вместе с YMCA хлопотал о приеме в берлинские вузы, имматрикуляции студентов, открытии студенческого клуба с читальней и библиотекой, курсов немецкого и английского языков // ГА РФ.Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 177, 176, 175; Ф. 5846. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
[192] ГА РФ.Ф. 5846. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2.
[193] Исаков С.Г. Русские в Эстонии: 1914–1940: Историко-культурный очерк. – Тарту, 1996. – С. 61; Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940) / [С. Исаков, Г. Пономарева, И. Раясалу и др.]; под ред. С.Г. Исакова. – Тарту; СПб., 2001. – С. 131–132.
[194] Зарубежная русская школа, 1920–1924. – Париж: Rapid-Impr., 1924. – С. 262.
[195] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 36.
[196] ГА РФ.Ф. 6006. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.
[197] Первый Христианский союз молодых людей был создан в 1844 г. в Лондоне. На первом месте по числу членов стояла американская организация.
[198] ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 4.
[199] ГА РФ.Ф. 5846. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.
[200] ГА РФ.Ф. 5846. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
[201] ГА РФ.Ф. 5804. Оп. 1. Д. 46. Л. 108, 122, 128, 143.
[202] ГА РФ.Ф. 5814. Оп. 1. Д. 15. Л. 135.
[203] ГА РФ.Ф. 5846. Оп. 1. Д. 26. Л. 17–18, 34.
[204] Там же. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 4.
[205] ГА РФ.Ф. 5859. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.
[206] ГА РФ.Ф. 5859. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.
[207] ГА РФ.Ф. 5814. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
[208] Последние новости. – Париж, 1924. – 16 сентября.
[209] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 225.
[210] Там же. – Л. 226.
[211] ГАРФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 60–64.
[212] Там же. – Л. 61.
[213] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 2 об. Список, датированный маем 1923 г., состоит из 17 организаций: 1. Главное управление Российского общества Красного Креста; 2. Объединение земских и городских гласных за границей; 3. Объединение русских эмигрантских студенческих организаций; 4. Российский финансово-промышленный торговый союз; 5. Русский национальный комитет; 6. Отдел русского национального союза во Франции; 7. Русская академическая группа в Париже; 8. Русский народный университет; 9. Русский отдел французской лиги начальников частей и солдат участников войны; 10. Общество «Société d “Oeuvre d”

Enseignement pour les Réfugiés Russes»; 11. Совещание послов; 12. Союз русских инженеров во Франции; 13. Союз русских офицеров участников войны; 14. Союз русских студентов во Франции; 15. Союз русских казачьих групп; 16. Управление морского агента; 17. Управление генерала Хольмсена // ГАРФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д 59. Л. 65.

[214] ГА РФ.Ф. 5837. Оп. 1. Д. 76. Л. 419.

[215] См.: Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.). – СПб., 1995. – С. 110; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Под ред. Е.И. Пивовара. – М., 1994. – С. 94.

[216] ГА РФ.Ф. 5859. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

[217] ГАРФ.Ф. 5846. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–2.

[218] См.: Информационный бюллетень ОРЭСО. – Прага, 1923. – № 1, 3–7; Слоним И. Студенчество за рубежом // Воля России. – Прага, 1922. – № 7. – С. 43–54; *Постников Е.С.* Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // Российское зарубежье: история и современность / Под ред. А.В. Серегина и др. – М.: Рос. ин-т культурологии, 1998. – С. 92–102 и др.

[219] Там же. – Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 59.

[220] ГА РФ.Ф. 5837. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.

[221] ГА РФ.Ф. 5837. Оп. 1. Д. 686. Л. 38.

[222] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 6–6 об.

[223] Там же. – Л. 29.

[224] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

[225] ГА РФ.Ф. 5746. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–10.

[226] Там же. – Л. 10.

[227] Там же. – Л. 33.

[228] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Л. 59. Л. 33–34.

[229] АВП РФ.Ф. 0136. Оп. 8. П. 139. Д. 581. Л. 1.

[230] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Л. 59. Л. 34.

[231] Последние новости. – Париж, 1924. – 7 мая.

[232] В Бельгии коллеж – высшая ступень католической средней школы.

[233] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 53.

[234] Там же. – Л. 34.

[235] *Мерсье Дезире-Жозеф,* кардинал – в 1906–1926 гг. был архиепископом Мехеленским, примасом Бельгии. Союз русских, окончивших высшие учебные заведения в Бельгии, установил памятную табличку на русском языке в надгробной капелле кардинала в мехелинском соборе св. Ромбаута.

[236] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 34.

[237] Страна Синей птицы. Русские в Бельгии: Сб. ст. / Пер. с нидерл. и фр.; под общ. ред. Э. Вагеманса. – М.: Наука, 1995. – С. 288.

[238] 9 января 1978 г. Союз, как просуществовавший более 50 лет, возглавляемый В.Н. Котляревским, получил право именоваться «Королевским» и стал общепризнанным и влиятельным объединением.

[239] См. подробнее о мотивах помощи правительства Чехословакии: *Савицкий И.П.* Как строился «Русский Оксфорд». Золотой век русского высшего образования в Чехии // Русское слово. – Прага, 2008. – № 8.

[240] Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Редактор-издатель С.П. Постников. – Прага, 1928. – С. 71.

[241] 1 пальто на весь учебный период, 1 костюм, 1 шляпу, пара ботинок, 2 пары белья, 6 пар носков, 6 носовых платков на каждый год. См.: Русские в Праге. – С. 71.

[242] Русские в Праге. – С. 72.

[243] Постников Е.С. Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // Культурная миссия российского зарубежья. История и современность. – М.: Российский институт культурологии, 1999. – С. 100.

[244] Русские в Праге. – С. 71.

[245] Там же. – С. 81.

[246] ГА РФ.Ф. 5913. Оп. 1. Д. 392. Л. 1.
[247] Дни. – Берлин, 1924. – 12 марта.
[248] Студенческие годы. – Прага, 1923. – № 3. – С. 38.
[249] Там же.
[250] См.: Федоров М.М. Положение русского студенчества за границей // Вестник РНК. – Париж, 1923. – № 6. – С. 39.
[251] Студенческие годы. – Прага, 1923. – № 3. – С. 38.
[252] Там же. – 1925. – № 1. – С. 46.
[253] Нитобург Э.Л. Судьбы русских иммигрантов второй волны в Америке // Отечественная история. – М., 2003. – № 2. – С. 112.
[254] Нитобург Э.Л. Судьбы русских иммигрантов... С. 112.
[255] ГА РФ.Ф. 5814. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
[256] Там же. – Л. 5.
[257] Schlögel K. Berlin: «Stiefmütter unter den russischen Städten» // Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren/ 1917 bis 1941/ – München, 1994. – S. 239.
[258] ГА РФ.Ф. 5814. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
[259] Там же. – Л. 18.
[260] Там же. – Л. 22.
[261] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 54.
[262] Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933; Последние новости. – Париж, 1928. – 10 июля.
[263] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.
[264] ГА РФ.Ф. 5767. Оп. 1. Д. 5. Л. 90–90 об.
[265] Бюллетень № 55 Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. – Париж, 1929. – С. 8.
[266] Тимонин Е.И. Национальная культура русского зарубежья, (1920–1930). – Омск: Изд-во СибАДИ, 1997. – С. 33.
[267] АРА (American Relief Administration) – Американская администрация помощи – американская государственная организация экономической и финансовой помощи странам Европы, пострадавшим в Первой мировой войне.
[268] Зарубежная русская школа 1920–1924. – Париж, 1924. – С. 266.
[269] Совещание по борьбе с денационализацией, созванное педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – Прага, 1924. – С. 6.
[270] Левицкий Д. О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1980. – № 141. – С. 232.
[271] Нехорошев Н.И. Положение русских беженцев в Финляндии // Вестник РНК. – Париж, 1924. – № 10. – С. 127.
[272] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 138.
[273] *Иванцов Дмитрий Николаевич* (1886–1973) – окончил юридический факультет Московского университета, оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1915 г. сдал магистерский экзамен и был зачислен приват-доцентом при кафедре политэкономии и статистики в Московском университете. В 1916 г. избран профессором Института сельского хозяйства и лесоводства в Харькове, в 1919 г. профессор Политехнического института в Екатеринодаре. С 1923 по 1930 гг. профессор Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге и до 1945 г. профессор Свободного университета в Праге. В 1946–1947 профессор в УННРА – университете в Мюнхене. Переехал в США, где читал лекции в Фордгамском и Колумбийском университетах: Записки русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1967. – Т. 1.
[274] *Ефремов Иван Николаевич* (1866–1945?) – дворянин, крупный помещик, юрист, историк, дипломат. Закончил физико-математический факультет Московского университета, мировой судья. Депутат I, II, IV Государственных дум, близко примыкал к октябристам, министр юстиции, министр государственного призрения Временного правительства, посланник и полпред Временного правительства в Швейцарии, способствовал тому, чтобы швейцарское правительство присоединилось к дипломатической блокаде Советской России. С 1926 – эксперт по российским делам правительства Швейцарии. С 1925 – председатель Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

[275] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. – Л. 138.

[276] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. д. 16. Л. 142.

[277] *Спекторский Евгений Васильевич* (1875–1951) – философ, юрист. Родился в семье мирового судьи. В 1898 закончил Варшавский университет, получив степень кандидата права за работу «Жан-Жак Руссо как политический деятель». В 1913 был избран профессором по кафедре энциклопедии и истории философии права юридического факультета Киевского университета Св. Владимира. С 1918 декан юрфака, затем ректор Киевского университета. В 1920 эмигрировал в Югославию, был профессором Белградского университета. В 1924–1927 профессор и декан Русского юридического факультета в Праге, затем вернулся в Белградский университет. В 1930–1945 - ординарный профессор университета в Любляне, чл.-корр. Сербской академии наук и Славянского института в Праге. В 1945 перебрался в Италию, с 1947 в Нью-Йорке, профессор Свято-Владимирской православной Духовной академии. Председатель Русской академической группы в США (с 1948).

[278] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–13 об.

[279] Там же. – Л. 84.

[280] ГА РФ.Ф. 5767. Оп. 1. Д. 51. Л. 38–39.

[281] Русская эмиграция. Альманах. 1920–1930 гг. – Белград, 1931. – Вып. 1. – С. 23.

[282] Руль. – Берлин,1922. – 27 июня.

[283] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 59. Л. 30.

[284] Там же. – Ф. 5913. Оп. 1. Д. 401. Л. 1–2.

[285] Там же. – Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 129.

[286] ГА РФ.Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 132–133.

[287] Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930. – Париж, 1930. – С. 18.

[288] ГАРФ.Ф. 5781. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

[289] Там же. – Ф. 5771. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.

[290] Павловская М.А. Востоковедение в Институте ориентальных и коммерческих наук в Харбине, (1925–1941) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 80–88.

[291] РГВА.Ф. 1371 к. Оп. 1. Д. 2. Л. 341, 127.

[292] Вестник Российской торговой палаты. – Лозанна, 1920. – № 5. – С. 46.

[293] Руль. – Берлин,1922. – 14 июля.

[294] ГА РФ.Ф. 5815. Оп. 1. Д. 29. Л. 62.

[295] Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. – С. 290.

[296] Вестник Российской торговой палаты. – Лозанна, 1920. – № 5. – С. 46.

[297] ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

[298] Там же. – Л. 29, 30.

[299] Там же. – Л. 32 об.

[300] АВПРИ.Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 60. Л. 1–1 об.

[301] Батожок И.А. Русские студенты из Китая в Калифорнии (1920–1923) // Наука и культура русского зарубежья: Сб. науч. трудов СПбГАК. – СПб.: СПбГАК, 1997. – С. 143.

[302] Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – СПб.: СПбу, 1994. – С. 266.

[303] ГА РФ.Ф. 5804. Оп. 1. Д. 19. Черновик записки О.С. Минора в Лигу Наций, для конференции по делам русских беженцев, от 6 сентября 1921 г.

[304] ГА РФ.Ф. 5804. Оп. 1. Д. 46. Л. 81.

[305] Журнал «Записки социал-демократа» был основан А.Н. Потресовым в 1931 г. при материальной поддержке русских социал-демократов в Нью-Йорке. Вышло 23 номера.

[306] Цит. по: Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России // Русский мир в ХХ веке: В 6 т. / Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева; Предисл. А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – Т. 3. – С. 157–158.

[307] Рапопорт Ю. Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. – № 69. – С. 376.

[308] За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых). – Париж: YMCA-Press, 1973. – С. 123, 125.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

Т.Г. Петрова

ПРАЖСКИЙ ЖУРНАЛ МОЛОДЫХ «СВОИМИ ПУТЯМИ»

Роль печатного слова в условиях эмиграции значительно выросла по сравнению с дореволюционной Россией. Литературная полемика в русском зарубежье стала важнейшей формой литературной жизни, и в 20–30-е годы XX в. практически все периодические издания были вовлечены в литературные дискуссии. Постоянное внимание и интерес к русскому классическому наследию и его сохранению в зарубежной России был обусловлен процессом самоидентификации. Но если отношение к классической русской литературе объединяло эмиграцию, то отношение к советской литературе ее разделяло. Приоритет либо литературе, созданной в зарубежье, либо советской, отдавался в зависимости от идеологической ориентации литераторов. В середине 20-х годов XX в. литературным центром эмиграции становится Париж, где издаются основные русские журналы и газеты, Прага – русский научный центр – остается на периферии литературной жизни зарубежья. Рассмотрим литературную политику одного из интересных пражских журналов республиканско-демократического направления, участие издания в одной из ключевых полемик зарубежья – об эмигрантской и советской литературе.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал «Своими путями» выходил в Праге недолго: с 1924 по 1926 г. (1924. – окт. – нояб. – № 1–2–1926. – июнь. – № 12–13)[1]. Пять номеров журнала вышли с грифом: «Издание Русского демократического студенческого союза в Чехословакии», основанного С.Я. Эфроном[2], и под ред.: Н.А. Антипова, А.А. Воеводина, А.К. Рудина, С.Я. Эфрона. Отв. ред. журнала всегда оставался Ю. Пак.

На страницах издания выступали: Вадим Андреев, К.Д. Бальмонт, А.Л. Бем, Н. Болесцис, Вал. Булгаков, А. Воеводин, Г. Газданов, Н. Гарин-Михайловский, С.И. Гессен, А. Гингер, Н. Еленев, И. Каллиников, А.А. Кизеветтер, И. Кнорринг, Д. Кнут, К. Кроткова, Ант. Ладинский, С. Луцкий, Д.И. Мейснер, П.П. Милославский,

ПЕТРОВА Татьяна Георгиевна, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

Е. Недзельский, Н.Л. Окунев, А. Осокин, С. Рафальский, А. Ремизов, Б. Сосинский, Ф. Степун, Ю. Терапиано, И. Тидеман, А. Туринцев, А. Фотинский, В. Ховин, М. Цветаева, кн. К. Чхеидзе, С. Эфрон и др. Среди выступавших было много эмигрантских молодых поэтов и писателей. Здесь в 1926 г. в сдвоенном № 12–13 состоялся литературный дебют Гайто Газданова, напечатавшего свой рассказ «Гостиница грядущего».

В редакционной статье 1924 г., намечавшей программу издания, говорилось: «Мы демократы и патриоты. И потому мы за возрождающуюся Россию и против ее сегодняшней власти. Наш патриотизм выкован борьбой за Родину, и его горение поддерживается тем, что мы знаем, – Россия все-таки есть!»[3] В числе основных задач журнала было фиксирование «молодого и творческого начала» во всех областях жизни. Ибо «вместе с молодым поколением России мы хотим явиться строителями жизни и не наша вина в том, что к этому мы вынуждены идти своими путями»[4]. Д. Мейснер в статье «Верховность идеи Родины» так объяснял это понятие, ставшее главным идейным началом, объединяющим членов Русского демократического студенческого союза: «абсолютный патриотизм», утверждение в качестве основной общественной ценности пользы отечества-государства. Избрав демократию проводником, ведущим к спасению Родины, «современная молодежь новую русскую государственность мыслит себе построенной на началах свободы и социальной справедливости»[5]. В статье «Сдвиги» Н. Антипов утверждал, что нужно «создавать какую-то новую, сферическую идеологию», и отметил, что борьба против догматизма, «отрицание фанатической категоричности и неуклонной прямолинейности, искание чего-то иррационального, среднего между самодержавием и конституционализмом, между республикой и монархией, между буржуазной идеологией и социалистической, между демократизмом и коммунизмом – самое характерное и общее в исканиях молодых – от монархиста до искреннего сменовеховца»[6].

Ф. Степун в своем письме, адресованном С.Я. Эфрону и опубликованном на страницах журнала, находил глубокие совпадения между его лагерем «отцов» и лагерем «детей», идущих «своими путями». Он подчеркивал, что в его «Мыслях о России» так же поставлены «тема Родины, как онтологического начала, и тема недостаточности ощущения этого начала в рядах революционной демократии»[7]. Ф. Степун писал: «...проповедь культурного братания между эмигрантским и советским фронтом… представляется мне весьма желательной. С самого начала своего пребывания в эмиграции я бьюсь над разрешением этой же проблемы. М.А. Осоргин стучится в ту же дверь. Уверен, что общими усилиями мы добьемся желанных результатов»[8].

«Культурное братание», ставшее одной из доминантных идей журнала, было начато в статье А. Осокина «Грозовые всходы»[9] о «красной» и «буржуазно-меньшевистской» молодежи в России. Автор обзора «По советским журналам», подписанного инициалами А.Т., утверждал, что провозглашение особого пролетарского искусства, «как невежественного утверждения полуграмотности на развалинах былого великолепия, вопреки вульгарному мнению, не является характерным для художественной жизни Советской России в целом», а взгляд на настоящую эпоху, как на переходную, трагическую, но необходимую и открывающую «вход в новую эру», не представляется плодом больной фантазии[10].

России в 1925 г. был посвящен сдвоенный номер жунала (№ 6–7). Объясняя выбор темы, редакция сообщила читателям, что журнал не хочет ни спорить о завоеваниях революции, ни решать, «стало ли лицо России хуже или лучше

после болезни, от которой она начинает выздоравливать, а разглядеть его из нашего вынужденного, нежеланного далека, по чертам его понять скрывающиеся за ним жизнь и мысль»[11]. Поэзия в этом номере была представлена стихотворениями С. Есенина, Н. Тихонова, Н. Асеева, Л. Лесной, а проза – рассказом Вс. Иванова «Дите», отрывком из повести А. Яковлева «Терновый венец», рассказом М. Зощенко «Аристократка» и «Воздушными путями» Б. Пастернака.

В статье «Мысли о современной русской литературе» критик А.Л. Бем высказал важнейшую идею о бессмысленности деления литературы на «эмигрантскую» и «советскую», ибо существует единый русский литературный язык. Кто не слышит современности, утверждал критик, тот не будет никогда большим писателем. Однако необходимо отличать сегодняшнее от современного: «у “сегодняшнего” – нет измерения во времени, оно умирает завтра, а “современное” живет во временных масштабах эпохи»[12]. Он предложил более продуктивное, на его взгляд, разделение литературы «вчерашнего» и «сегодняшнего» дня и отметил, что «вчерашних» писателей можно найти и в эмиграции, и среди живущих в России, так же, как в эмиграции, безусловно, есть свое литературное «сегодня», хотя оно ярче и определеннее сказывается все-таки в России. Очень неблагоприятны условия, в которых приходится работать и пробиваться молодому писателю за границей. Часть вины здесь и на тех, полагает критик, «кто так восторгается молодым и талантливым в России и так глух к молодому и часто столь же талантливому здесь, у себя под боком»[13].

А. Туринцев в статье «Поэзия современной России» выделяет трех поэтов – Пастернака, Есенина и Тихонова. Пастернак, по его мнению, вне времени, но больше – для будущего; он мыслит чувством, каждое впечатление стремится дать «таким, каким оно есть в момент, когда человек, окунаясь в жизнь, слушает себя», а каждую «былинку, каплю влаги дает как микрокосм, в котором полное дыхание и вся загадка бытия»[14]. Основная тональность поэзии Есенина – широкое, но элегическое приятие всего земного («в радости убогой») под знаком его тленности – перебивается взрывом бунта. Другая «излюбленная струна его лиры» – Родина, Русь. Есенин – хулиган, скандалист, бунтарь, по-русски сочетается в одно с Есениным тихим и религиозным, порывающимся к Божеству. Бунт поэта, утверждает критик, неизбежно вспыхнул бы в нем во всякое время, но на нем – печать современности: «…дисгармоничная эра революции в сплаве с дисгармонией личной придает схватке двух миров в драме Есенина значение общей изживаемой реальности»[15]. Боец, скупой повествователь о многотрудных днях войны, Тихонов просто, без натуги явил ее лик, показал, как закаляются души в повседневности подвига, вскрыл психологию обреченности и одиночества людей, многие годы живущих под знаком смерти. Все сетования на оскудение русского поэтического слова несправедливы, если поэзия отвечает такими крупными именами, делает вывод А. Туринцев.

Литературная часть журнала традиционно открывалась стихами. Здесь были опубликованы: «Хвала богатым» и «Эмигрант» М. Цветаевой, «Пересветы» К. Бальмонта, стихотворения И. Кнорринг и молодых поэтов, входивших в пражский литературный кружок «Скит Поэтов». Имена всех кружковцев были представлены в «Своими путями». Это – А. Туринцев, С. Рафальский, Н. Болесцис, А. Фотинский, Б. Семенов, Хр. Кроткова, Р. Спинадель. Их руководитель – А.Л. Бем – в статье 1926 г. «Скит Поэтов», опубликованной в последнем номере журнала, заметил, что объединяло всех не единство литературных симпатий, а желание выявить свою поэтическую индивидуальность, не втискивая ее заранее в ту или иную школу. Читатели журнала также могли познакомиться с творчеством участников Союза молодых поэтов в Париже: В. Андрее-

ва, А. Гингера, Д. Кнута, Ант. Ладинского, С. Луцкого и Ю. Терапиано.

В журнале были опубликованы рассказы М. Иванникова «В степи», Н. Болесциса «Случай из жизни мистера Вальдтона», Г. Газданова «Гостиница Грядущего», С. Долинского «Предел», Н. Еленева «Гость», Б. Сосинского «Устирсын», И. Тидемана «Концы», кн. К. Чхеидзе «Повесть о Дине», С. Эфрона «Видовая», А. Воеводина «Корпусное заведение», фельетон Евг. Недзельского «О маятнике мод, Млечном Пути и беспощадном крыле», исторический анекдот И. Каллиникова «Как царь вором был», а также рассказ К. Чапека «Трое» (пер. И. Каллиникова). При этом № 12–13 журнала в большей своей части был посвящен произведениям именно молодых писателей и поэтов русского зарубежья.

В 1925 г. редакция обратилась к крупным писателям-эмигрантам с просьбой высказаться на страницах специального номера журнала на тему «Русские писатели о современной русской литературе и о себе». На призыв редакции откликнулись: М. Алданов, А. Ремизов, Ф. Степун, М. Цветаева, Е. Чириков, И. Шмелев, Б. Зайцев, Д. Крачковский, С. Минцлов, М. Слоним, В. Ходасевич.

М.А. Алданов заметил, что деление литературы по географическому рубежу советской России неправильно и основано на случайности. Вопрос о том, что хуже: рабство или изгнание, каждый решал по-своему, часто в зависимости от случайных обстоятельств. «Из двух зол нужно выбрать меньшее; я не думаю, что о своем выборе должны пожалеть писатели-эмигранты. Они все продолжали здесь делать свое дело и не одна книга, написанная за границей, останется в истории русской литературы»[16]. А.М. Ремизов высказал пожелание, чтобы русские писатели «научились у здешних больших мастеров и, не спеша, сделали бы образцы русской литературы»[17].

Ф. Степун подчеркнул, что с первых своих выступлений в эмиграции он упорно защищает мысль об одинаковой чуждости подлинной творческой России как большевистского коммунизма, так и «эмигрантщины», а делить русскую литературу на «эмигрантскую» и «советскую», в сущности, бессмысленно, что в «советской литературе» надо различать «агитмакулатуру» сегодняшнего дня и подлинную литературу, исполненную пафоса современности. Подлинными художниками среди советских писателей ему представляются те, которым слышно, что «смысл взрыва всех смыслов не в коммунистическом строении новой жизни, а во взлете жизни над самою собой; подлинное искусство всегда метафизично, как по своему корню, так и по своему устремлению»[18].

М. Цветаева высказала свои, ставшие очень известными, мысли о том, что родина не есть условность территории, а «непреложность памяти и крови». «Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью»; кроме того, «писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)»[19]. За границей не только «самым живым из русских писателей», но «живой сокровищницей русской души и речи» она считала А.М. Ремизова, в России среди советских писателей и поэтов, «пишущих, как трава растет из-под тюремных плит, – невзирая и вопреки», крупнейшим из них М. Цветаева назвала Б. Пастернака, «давшего не новую форму, а новую сущность, следовательно – и новую форму»[20]. Общий вывод М. Цветаевой: «…расцвет слова (особенно – прозаического) в России небывалый. Коммунизм, загнав жизнь внутрь, дал выход душе»[21].

Е. Чириков был убежден, что все таланты в современной России не связаны с «коммунистическим крещением», которое «рождает в литературе только плевелы, подлежащие в будущем огню забвения»[22].

И. Шмелёв был не согласен с утверждением, что у зарубежных писателей все в прошлом и связь с родной жизнью утрачена, а источник их сил пропал. Ибо писатели работают и смысл их творчества – Россия. Надо помнить, настаивал И. Шмелёв, что, утратив Россию, мы вошли в Европу. Нас узнают, и мы многое узнаем. Поэтому итоги подводить рано.

Разговор о двух Россиях представляется Б. Зайцеву также неправильным. В самом главном Россия одна – «подземная». Больше всего «надо и нам, и московским сохранить здоровье духа, прочность, бодрость, веру – а писать будем, что Бог пошлет, только бы не спуститься, а тогда приложится»[23].

Д.Н. Крачковскому кажется, что в эмиграции все обстоит так же благополучно, как было оно в предреволюционные последние годы; и если «под небом дорогих палестин» всегда находилось тричетыре писателя, способных рисковать жизнью ради действительно прекрасных сочинений, то и в эмиграции мы оказываемся не без людей: Алданов, Степун, Ремизов, Гиппиус, Ходасевич, Цветаева, Б. Зайцев. Нужно только меньше внимания обращать на сенсационные заявления «о вреде эмиграции и пользе России», т.к. что одному вред – другому польза, и – наоборот. Крачковский хочет сочинять не «с пролетариями слова», а с «капиталистами благозвучных эпитетов, удачных метафор и неумирающих образов»[24].

Странно было слышать об умирании за границей русской литературы и С.Р. Минцлову, считающему, что лишь ход ее замедлен неблагоприятными условиями жизни, «но мы не у пропасти, мы только на распутьи»; что же касается советской литературы, то Минцлов уверен: «…нельзя, отрицая эстетику, выращивать то, что живет исключительно ею, – великую литературу»[25].

Однако эстетика не признает ни хронологии, ни политики, и деление на эмигрантскую и русскую литературу как на два разных лагеря – эстетически неправильно, полагает М. Слоним. Литература наша едина, но внутри этого единства происходит борьба стилей и школ. За исключением Ремизова, Цветаевой и Ходасевича – в своем подавляющем большинстве литература эмиграции находится в том кругу, который завершен был еще до революции, утверждает критик. В России же слагаются новые направления и их носителями являются молодые писатели – начиная от Пильняка и Леонова, кончая Тихоновым и Пастернаком. Литература эмиграции, продолжая говорить о прошлом, поддерживала старую линию и охраняла добрые традиции, тогда как в России за это время появилась новая литература. И «как это ни больно для большинства эмигрантских писателей – здесь по преимуществу дописывается одна глава истории русской литературы, а там начинается другая»[26], – делает свой вывод М. Слоним. Эту позицию критик отстаивал и ранее: в 1924 г. в статье «Живая литература и мертвые критики» он резко спорил с Антоном Крайним (З.Н. Гиппиус) о судьбе русской литературы в зарубежье и в метрополии, доказывая, что в современной литературе все новое и значительное было создано не в эмиграции, а в России[27].

Завершая дискуссию, Вл. Ходасевич обращает внимание на то, что русская литература «тяжко болеет и там, и здесь», хотя причины болезни и ее проявление различны. «Здесь» – оторванность от России, оскудение языка, отсутствие резонанса в обществе, преувеличенный консерватизм, усталость и вялость. «Там» – насильственная замкнутость в стране; словесное фиглярство на областнической основе; полицейские приказы по литературе и «суд глупца» в форме властного окрика; неразборчивая и грубая погоня за новшествами, вызванная то невежеством, то борьбой из-за куска хлеба; судорожная кипучесть, литературная лихорадка, «схваченная на нэповском болоте». Обеим половинам рассеченной надвое русской литературы больно, и обе страдают, но Бог даст – обе выживут, заключает Вл. Ходасевич.

Редакционный комментарий, последовавший за публикациями присланных ответов писателей, включал в себя краткие записки З.Н. Гиппиус и И.А. Бунина с отказом принять участие в размышлениях на заданную тему о современной русской литературе, ибо журнал печатался по новой орфографии, что было неприемлемо для многих писателей.

В своей заметке о вышедшем последнем номере журнала «Своими путями», где в юмористическом разделе «Цапля» высмеивалась «высокопарность» стиля великого кн. Николая Николаевича, возмущенный И.А. Бунин назвал сотрудников журнала «пражскими комсомольцами», оценив их остроумие как «непристойное». О самом журнале Бунин писал: «Плохие пути, горестный уровень! <...> это люди, идущие путями “новой” русской культуры, – недаром употребляют они большевистскую орфографию. Но для кого же необязателен хотя бы минимум вкуса, здравого смысла, знания русского языка?»[28] И далее Бунин приводил строки из стихов Н. Болесциса, С. Рафальского, А. Туринцева, А. Гингера, Д. Кнута, А. Ладинского, С. Луцкого. В «Письме в редакцию», опубликованном в парижской газете «Возрождение», И. Тидеман[29] протестовал против определения Буниным сотрудников журнала как «пражских комсомольцев».

Негативно оценил Бунин и первую книгу парижского журнала «Версты» (1926–1928), занимавшего «примиренческую» позицию в отношении советской России. Там критик и один из редакторов «Верст» – Д.П. Мирский – весьма нелицеприятно отозвался о творчестве Бунина[30]. Раскрывая программу нового журнала «Версты», Бунин исказил ее смысл, опустив отрицательную частицу «не». В постскриптуме же своей статьи Бунин примиренчески добавил: «Мне пишут, что некоторые сотрудники журнала “Своими путями” обижены на меня за то, что я в своей заметке о нем употребил (хотя и иносказательно) слово “комсомольцы”. Но ведь это слово, конечно, относится только к острякам из отдела “Цапля” и к тем, которые их одобряют. Прочим я могу только посоветовать не быть их попутчиками»[31]. В статье о критических замечаниях Бунина «Литературные отклики: Бунин-критик. – Антон Крайний и Зинаида Гиппиус»… о “Верстах”» критик Марк Слоним поддержал литературную молодежь журнала «Своими путями» и обвинил Бунина-критика в поспешной политической «запальчивости»[32], назвав его «скверным критиком».

На страницах журнала «Своими путями» был отмечен 80-летний юбилей одного из старейших писателей зарубежья Вас.И. Немировича-Данченко, «истинного сына русского народа, бестрепетно всходившего на его Голгофы», большого и глубокого писателя, «сумевшего проникнуть в алтари различных культур», демократа, «всегда восстававшего против насилия»[33]. Приветствие М. Цветаевой «Бальмонту» было опубликовано к 35-летию поэтического труда поэта. Объясняя, почему она приветствует Бальмонта в журнале «Своими путями», М. Цветаева писала, что ее пленяют в этом названии оба слова, возникающая из них формула: путь – минимальная собственность поэтов – «беспутных». «Единственный возможный для них случай собственности и единственный, вообще, случай, когда собственность – священна: одинокие пути творчества. Таков ты был, Бальмонт, в Советской России, – таким собственником! – один против всех – собственников, тех или этих… И пленяет меня еще, что не “своим”, а – “своими”, что их мно-ого путей! – как людей – как страстей. И в этом мы с тобой – братья»[34]. Приветствие включает в себя и запись М. Цветаевой юбилейного вечера Бальмонта в московском «Дворце искусств» пять лет назад – 14 мая 1920 г.

А. Ремизов выступил с приветствием Л. Шестову, по случаю его 60-летия. Назвав книгу Шестова «Опыт адогматического мышления» «подпольной симфонией», Ремизов утверждал, что путь философа «тягчайший, но верный», ибо «не искусившись, не умудришься»[35].

Журнал «Своими путями»» традиционно пристальное внимание уделял вопросам художественной культуры. Большой статьей «Архистратиг русской археологии. Никодим Павлович Кондаков» журнал откликнулся на 80-летний юбилей старейшего русского ученого в области археологии и истории искусства. Не прошло неотмеченным и 35-летие научной деятельности известного ученого С.А. Жебелева, проф. Петроградского ун-та, классика эллиниста (филолога, археолога и историка).

На страницах журнала было отмечено 75-летие со дня рождения президента республики – Т.Г. Масарика, и 75-летие Н.В. Чайковского, к имени которого сходились все нити русского революционного и общественного движения «за последние 50 лет».

100-летию восстания декабристов был посвящен сдвоенный № 10–11 (1926). Здесь опубликованы главы из «Русской правды» Пестеля, из проекта конституции Никиты Муравьева, из записок И.И. Горбачевского, проект манифеста декабристов, найденный в бумагах кн. С.П. Трубецкого и «14 декабря в Петербурге» (Из записок декабриста В.И. Штейнгеля), а также фрагменты «Былого и дум» А.И. Герцена. Публикация завершалась списком литературы о движении декабристов, имеющейся в русских книгохранилищах Праги.

Критическая часть журнала включает раздел библиографии, где рецензируются книги и продолжающиеся издания. В своей рецензии Е. Недзельский назвал «эпохой» выход из печати шести номеров журнала литературы и науки «Беседа», издававшегося в Берлине, особо отметив труд Вл. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», где исследователь обратился к изучению психологии и ее законам в творчестве поэта. Е. Недзельский рассмотрел и произведение из беженской жизни – роман Е. Ляцкого «Тундра» (Прага, 1925), в котором действие происходит в Праге. Отзыв был резким: критик отметил необоснованность упреков автора герою в том, что тот «“проглядел в эмиграции самое важное” – “единую, общую боль за Россию”, а между тем во всем романе <…> нет и тени этой – “самой главной” – боли <…> ибо, кроме нескольких банальнейших фраз о “той” России, вся его психология – застарелая и самая вредная эмигрантщина»[36]. С. Эфрон восторженно отозвался о книге Ф. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста» (Прага, 1925). Сочувственно и заинтересованно были проанализированы книги стихов молодых поэтов: вторая книга стихов А. Гингера «Преданность» (Париж, 1925), сборники Д. Кнута «Моих тысячелетий» (Париж, 1925) и Ю. Миролюбова «Два света» (Брюссель, 1925).

На смену пражскому журналу молодых «Своими путями» пришли парижские – «Версты» (1926–1928), «Новый дом» (1926–1927) и «Новый корабль» (1927–1928), и, наконец, – «Числа» (1930–1934), а позднее «Встречи» (1934).

Примечания

1 О журнале см. также: *Петрова Т.Г.* «Своими путями» (Прага,1924. Октябрь – ноябрь – 1926. Июнь. № 1/2 – 12/13) // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. – М., 2000. – Т. 2.: Периодика и литературные центры. – С. 422–426.

2 *С.Я. Эфрон (1893–1941)* учился в Пражском университете, основал Русский демократический союз в Чехословакии, был соредактором журналов «Своими путями», «Версты», газеты «Евразия». Председатель союза возвращения на родину.

[3] Своими путями. – Прага, 1924. – № 1–2. – С. 1.
[4] Там же.
[5] Там же – С. 25.
[6] Там же. – С. 22.
[7] Там же. – № 3–4. – С. 25.
[8] Там же.
[9] Там же. – № 1 – 2. – С. 5.
[10] Там же. – С. 17.
[11] Там же. – 1925. – № 6–7. – С. 1.
[12] Там же. – С. 20.
[13] Там же. – С. 22.
[14] Там же. – С. 25.
[15] Там же. – С. 26.
[16] Там же. – 1925 – № 8–9. – С. 4.
[17] Там же. – С. 5.
[18] Там же. – С. 7.
[19] Там же.
[20] Там же. – С. 8.
[21] Там же.
[22] Там же. – С. 9.
[23] Там же. – № 10–11. – С. 19.
[24] Там же. – С. 20.
[25] Там же. – С. 21.
[26] Там же. – С. 22.
[27] Воля России. – Прага, 1924. – № 4.
[28] Возрождение. – Париж, 1926. – 22 июля.
[29] Возрождение. – Париж, 1926. – 1 авг.
[30] См.: *Святополк-Мирский Д.П.* «Современные записки. 1–2. – Париж, 1920–1925; Воля России. 1922, 1925, 1926. № 1–2. Прага» // Версты. – Париж, 1926. – № 1.
[31] Возрождение. – Париж, 1926. – 5 авг.
[32] Воля России. – Прага, 1926. – № 8–9. – С. 89–90.
[33] Своими путями. – Прага, 1925. – № 3–4. – С. 18.
[34] Там же. – № 5. – С. 13.
[35] Там же. –1926. – № 12–13.
[36] Там же. –1926. – № 10–11. – С. 47.

А.В. Громова

МИФОПОЭТИКА ПОВЕСТИ Л.Ф. ЗУРОВА «ИВАН-ДА-МАРЬЯ»

ГРОМОВА Алла Витальевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы (ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет»).

Имя Леонида Федоровича Зурова (1902–1971) пока мало известно современному читателю. Его привыкли воспринимать как «второстепенного» прозаика русского зарубежья, а в еще большей степени – как «персонажа примечаний» к биографии И.А. Бунина, по приглашению которого начинающий писатель в 1929 г. переехал из Риги во Францию и в доме которого прожил много лет, впоследствии унаследовав его архив. В последние годы началось глубокое изучение наследия Зурова. Стараниями отечественных и зарубежных исследователей И.З. Белобровцевой, Р. Дэвиса, А.В. Громовой, В.Т. Захаровой, А.Ю. Пономарева, А.Г. Разумовской, А.Н. Стрижева, Т. Фугаль переиздаются художественные тексты, вводятся в оборот ранее недоступные архивные материалы, постепенно составляется научная биография писателя, изучается поэтика его прозы.

Жизнь Зурова, как и всех эмигрантов, складывалась драматично. Он родился в г. Остров Псковской губернии, рано потерял мать. В ноябре 1918 г. «недоучившимся реалистом» вступил в ряды Белой армии, а в 1919 г. вместе с ее отступающими частями оказался в вынужденной эмиграции. За рубежом он сформировался как писатель, издал повести «Кадет» (1928) и «Отчина» (1928), романы «Древний путь» (1934) и «Поле» (1938), сборник малой прозы «Марьянка» (1958).

В наследии Зурова сохранилась также незавершенная повесть «Иван-да-Марья», над которой писатель работал начиная с 1956 г. Она была реконструирована проф. Таллиннского университета И.З. Белобровцевой на основе рукописей, хранящихся в Русском архиве Лидса (Великобритания); журнальная публикация была осуществлена в 2005 г[1]., отдельное издание – в 2015 г[2]. Несмотря на отсутствие законченного варианта, повесть представляется концептуально и художественно целостной и уже становилась объектом литературоведческого анализа[3]. Однако вопрос о ее мифопоэтическом прочтении специально не ставился.

В этом произведении свойственное Зурову стремление к достоверному изображению событий сочетается с художественным обобщением, включающим не только типизацию, но и мифологизацию. Автор писал М. Грин 30 октября 1956 г.: «Повесть требует большой работы, так как она внутренне сложна, а внешне как бы до предела проста»[4]. «Внутренняя сложность», на наш взгляд, обусловлена наличием многослойного мифопоэтического подтекста, в котором встречаются отсылки к Священному Писанию, древнерусской литературе, русскому фольклору и славянским дохристианским представлениям. Зуров достаточно хорошо знал и народную культуру, и древнерусскую книжность: в 1920-е годы он путешествовал по русским деревням Латгалии, встречаясь и беседуя с русским крестьянами, в 1928 и 1935 гг. участвовал в командировках в Псково-Печерский монастырь, где имел возможность ознакомиться с библиотекой обители, а в 1937 и 1938 гг. производил этнографическую разведку в Сетумаа (б. Печорском уезде Псковской губернии) по заданию Парижского музея человека[5].

Действие повести «Иван-да-марья» происходит в начале Первой мировой войны. В основу сюжета положена реальная история офицера Владимира Свидзинского, погибшего на фронте в феврале 1915 г., и его супруги – сестры милосердия, «энергично работавшей на передовых позициях и трагически почившей у гроба мужа-героя по пути следования тела из Галиции на родину, в Псков»[6]. В. Свидзинский был братом ветеринарного врача из г. Печоры Георгия Свидзинского, с которым Зуров общался в 1930-е годы и от которого мог услышать эту историю (сообщено проф. Г.В. Векшиным). Однако произведение Зурова не является документальным, и реальные факты послужили основой для художественного произведения, в котором образы персонажей обобщены, типизированы и возведены до символического уровня, воплотив лучшие черты национального характера. Прототипом главной героини стала Кира Борисовна Иртель-Брендорф, с которой Зуров был дружен в 1930-е годы[7], а рассказчик, 14-летний Федор Косицкий (младший брат главного героя), – персонаж во многом автобиографический.

В отношении художественного времени и пространства в повести действуют две тенденции: фактографичность сочетается с мифопоэтическим подтекстом. Стремление к фактической достоверности отразилось в том, что хронологическими маркерами в тексте являются исторические события, а место действия определяется благодаря узнаваемым реалиям и топонимам. Повествование начинается весной 1914 г. и завершается ранней осенью 1915 г., а местом основных событий является Псков – прямо не названный, но легко угадываемый. Рассказчик упоминает город, «раскинувшийся при слиянии двух рек», Троицкий собор, вознесенный над крепостными стенами, Пароменский спуск, Ольгинский мост, Детинец, Снетогорский и Мирожский монастыри, а также окрестности Пскова: Лабуты, Струги Белые, реку Череху.

В повести Зурова задано восприятие Пскова как одного из важнейших центров русской истории. Для писателя Псковщина была не просто малой родиной, но и знаковым местом в истории России. Автор подчеркивает древность и высокий статус «вольного» города как военной крепости, торгового и культурного центра: «Брат рассказывал Кире, что собор расписан фресками за пятьсот лет до основания Берлина», показывал на оставшийся в крепостной стене «от Батория пролом»[8], сообщал, что «река была одним из малых водных янтарных путей из варяг в греки <…> Сюда приходили чужие ладьи из чужих морских городов, а по реке нашей когда-то поднимались в Ганзейский союз»[9].

Псков становится символом мощи и славы всей Руси. Создавая образ русского государства, Зуров подчеркивает единство его исторических регионов: не случайно одним из лейтмотивов в повести является «путь из варяг в греки». Этот мотив, воплощающий идею объединения севера и юга России, реализован как на уровне пространственных образов, так и на персонажном уровне. Иван Косицкий, кровно связанный с псковской землей, портретно отразил северно-русский тип, ему свойственна ясность ума и дисциплинированность. «Горячая» и «вольная» кареглазая Кира провела детство на Днепре, на берегах Азовского и Черного морей. На уровне локусов мотив «пути из варяг в греки» повторяется неоднократно: так, берег озера, на котором гуляют молодые люди, «без перерыва идет до Балтийского моря»[10], а неподалеку находятся волоки, «которыми можно пробраться к Днепру»[11]. В истории Руси идею объединения Севера и Юга в единое государство воплотила княгиня Ольга – «жена Игоря, родившая Святослава, что добыл свободный, уже утерянный в те времена новгородскими и киевскими славянами выход к теплым южным морям»[12].

Достоверное описание топографии Пскова (характерное для Зурова, тяготевшего в своем творчестве к документальности) не было простой задачей для писателя-эмигранта, воспроизводившего детали по памяти; этнографическая точность не была и самоцелью. О том, как происходило художественное преображение конкретных реалий, можно проследить на описании Псковского герба: «Золотой пятнистый пардус бежит, из облака раскрывается золотая рука, сея золотые лучи»[13]. Если мы сравним это описание с историческим гербом Пскова, то заметим, что при точном воспроизведении геральдических образов Зуров добавляет и нечто свое.

Идущий хищный зверь появился на псковских печатях еще до присоединения псковских земель к Московскому государству. В наиболее авторитетном гербовнике XVII в. (так называемом «Титулярнике» царя Алексея Михайловича 1672 г.) над идущим полосатым хищным зверем с высунутым языком впервые появляется выходящая из облака благословляющая рука. В XVII в. зверь на псковском гербе мог трактоваться как барс или рысь. Указом Екатерины Второй 28 мая 1781 г. были официально утверждены новые варианты гербов, созданные на основе уже существующих, и установилась традиция более точного их воспроизведения. Хищный зверь был определен как барс. Описание Зурова почти дословно повторяет историческое описание Псковского герба, содержащееся, например, в гербовнике П.П. фон Винклера (1899): «В голубом поле барс, и над ним из облак выходящая рука»[14]. Золотой цвет хищного зверя заимствован из герба Псковской губернии, утвержденного в 1856 г.: «В лазуревом поле золотой барс; над ним выходящая из серебряных облаков десница»[15]. Нельзя не отметить две детали, привнесенные в описание Зуровым. Во-первых, это устаревшее название барса – «пардус», встречающееся в летописях и других памятниках Древнерусской литературы (в частности, в «Слове о полку Игореве»). В Лаврентьевской летописи с пардусом сравнивается князь Святослав, сын Игоря и Ольги, прославившийся военными подвигами (1377 г. Л. 19, запись за 966 г.). Таким образом, замена слова на его устаревший аналог позволяет писателю связать воедино исторические факты с целью усиления центральной идеи повести – ратной славы Пскова. Сходную функцию выполняет и вторая деталь, добавленная Зуровым, – золотые лучи, никогда не присутствовавшие на псковском гербе. Десница, выходящая из облаков, символизировала Божье покровительство и воспринималась как рука благословляющая, однако ни в одном из существующих вариантов герба не «сеяла лучей». Зуров дает лучам легендарное обоснование: «В летописях сказано, что в те времена, когда Киев не был крещен, Оль-

га с того берега увидела на холме со священным дубом падающие с небес три солнечных луча, и вот куда лучи упали, там был построен собор Святой Троицы, и с тех пор Троицкими стали и все наши воды[16]. Как видим, и эта деталь связана с образом княгини Ольги, но в данном случае акцентирована ее роль как предвозвестницы крещения Руси. С образом Ольги в повествование входит идея «древности и сакральности русской жизни»[17].

Наряду с реальными локусами в романе важную роль играют мифопоэтические пространственные образы, к которым относятся дом, сад, потустороннее пространство сна Ивана, ржаное поле и др.

Дом выступает в своем архетипическом значении освоенного пространства: это центр мира, вместилище жизни – «как обжитое в дупле старой яблони, согретое биением сердец птичье гнездо, и в нем для меня всегда сохранялось материнское тепло»[18]. Окружающий его сад, цветущий и плодоносящий, воспринимается как рай, пространство любви, безмятежности и счастья. Дом, сад, родной город изображаются автором идиллически.

Однако идиллия обрывается с началом мировой войны, и беда предсказана страшным сном Ивана, о котором он рассказывает брату в день своего приезда. Ему снится, что он плывет в ладье с солдатами, но его спутники внезапно меняют облик: «Я увидел, Федя, что это уже не живые люди гребут, а одетые в солдатское мертвецы. И фуражки надеты на черепа»[19]. Затем Ивану снятся собственные похороны, где вместе с ним хоронят неизвестного, но близкого ему человека. Здесь воссоздано иномирное пространство смерти, задействован распространенный в мифологии мотив переправы на тот свет на лодке[20]. Сон предвещает смерть Ивану и его будущей жене, с которой на тот момент он еще не был знаком. И рассказчик в финале повести констатирует, что сон оказался пророческим.

Художественное время в повести также представлено в двух основных ипостасях: историческое линейное время и природный годовой круг. Исторические факты имеют точную датировку, благодаря чему можно установить хронологию событий, а природное время изображено сквозь призму народно-мифологического восприятия.

Начинается повествование весной 1914 г., когда у рассказчика Феди заканчиваются экзамены в гимназии (в дореволюционной России учебный год заканчивался 1 июня) и на каникулы из Петербурга приезжает его сестра, курсистка Зоя, с подругой Кирой. Важной хронологической точкой повествования является день убийства в Сараеве австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда сербским террористом Гаврилой Принципом – 28 июня 1914 г. Приехавший вскоре Иван объясняет младшему брату коварный смысл террористического акта: «28 июня 1389 года после битвы с турками на Косовом поле сербы потеряли свою независимость, и для убийства был выбран траурный день для всего сербского народа»[21].

В сознании героев историческое и мифологическое соединено неразрывно: так, размышления Ивана об антироссийской направленности сербских событий даны рядом со ссылкой на «стариков-волхвов в обозерских деревнях», которые «видели на небе знаки»[22]. Описывая солнечное затмение (произошедшее 8 августа 1914 г. по ст. ст.), рассказчик замечает: «И хотя нас учили, что Солнце прикрывает на время тело Луны, что все это наукой объяснено, но для простых людей, как и в летописях, это было недобрым знамением»[23].

В наибольшей степени мифологизм проявился в изображении любовной истории, составляющей основу сюжета. Так, стремительное развитие чувств Ивана и Киры происходит на фоне развертывания природного цикла и связано с обрядами и поверьями народного календаря.

В день приезда Ивана молодежь отправляется в путешествие по реке Черехе, гуляет в бору, выходит на ржаное поле где Кира показывает свое умение жать, навещает деда-пасечника. Эта прогулка становится важной вехой в развитии личной истории героев, так как на следующий день Иван делает Кире предложение, которое кажется немотивированным после одного дня знакомства.

День поездки на Череху совпадает с началом жатвы. Это важное событие земледельческого календаря в разных регионах России было приурочено к различным церковным праздникам. На Псковщине жатва обычно начиналась на праздник Казанской Иконы Божьей матери (8 июля ст. ст.)[24]. Однако хронологические маркеры в повести опровергают данное предположение: день поездки рассказчик определяет как «июньский»; пребывание Ивана дома (включая приготовления к свадьбе, венчание и неделю, проведенную с женой на хуторе после свадьбы) заняло не менее двух недель, но из дальнейшего повествования следует, что 12 июля (в день парада в Красном селе) он уже отсутствовал. Следует также учитывать, что европейские события обозначались по Григорианскому календарю, в то время как в России действовал Юлианский, и дата убийства эрцгерцога (28 июня) в России соответствовала 15-му июня. Автор также отмечает, что лето выдалось на редкость жаркое, а значит уборку озимой ржи могли начать раньше обычных сроков. В южных регионах России жатва начиналась на праздник святых апостолов Петра и Павла (29 июня ст. ст.), а иногда – и на Иванов день (24 июня ст. ст.). Из текста повести следует, что день, предшествовавший поездке на Череху, был средой: в 1914 г. на среду выпадал как раз Иванов день. Таким образом, можно предположить, что день поездки оказывается приурочен не столько к июльскому жатвенному циклу, сколько к более раннему обрядово-мифологическому комплексу – троицко-купальско-петровскому периоду, кульминацией которого был день Ивана Купала, совпадавший с церковным праздником Рождества Иоанна Предтечи и приходившийся на день летнего солнцестояния. В повести Зурова подчеркивается приуроченность центральных событий сюжета к середине лета: «Наступило самое знойное время года», «Близилось к перевалу лето»[25].

Исследователи народного календаря отмечают свадебную доминанту обрядов троицко-купальско-петровского периода: в этих праздниках участвовала неженатая молодежь брачного возраста, накануне Иванова дня существовал обычай «встречать солнце» (когда девушки гуляли с парнями до рассвета), было принято совместно веселиться, собирать травы, купаться в водоемах, прыгать через костры[26]. Несмотря на то что на большей территории расселения русских многие элементы купальской обрядности были утрачены, на Псковщине этот праздник сохранял свое первоначальное значение и в XX в.[27]

Праздник Ивана Купала был связан с растительным миром, который широко представлен в произведении Зурова. Троицко-купальско-петровский цикл называли Зелеными святками: в этот период начинался сбор трав и цветов, косьба, заготовка веников, собранные травы использовали для лечения, гаданий, в качестве оберегов[28]. Иванов день во многих регионах России обозначался с помощью фитонимов: Иван цветной, Иван травник.

Календарные народные представления были хорошо известны Зурову, не только наблюдавшему празднование Иванова дня на Псковщине во время своих экспедиций, но и написавшего в записке «О поклонении камням, источникам и деревьям»: «Славяне праздновали и славили достигший в этот вечер особенных сил расцвет природы. В таинственную, наполненную любовной магией Иванову ночь все особенно колдовски вокруг них оживало, особенным становились не только звери и птицы, но и деревья, травы, цветы. Всё вокруг становилось чудес-

ным. Оживали камни, особенной магией были насыщены воды, чудодейственной лекарственной силой обладали травы»[29]. Зарождение чувства Ивана и Киры происходит на фоне расцветающей природы: «Воздух был свежий от чистой листвы, был тогда расцвет травный, обилие листвы и некошеных трав»[30].

К «иванским» травам относился и цветок иван-да-марья, давший название повести. Об этом сине-желтом цветке дед-пасечник говорит: «Это цвет травный <…> У него один стебелек и как бы два огонька, два естества. Одно мужское, а другое, вон, женское, и предуказано им от Бога на одном стебле в два цвета вместе цвести. Мы так и зовем эту траву, иван-да-марья»[31].

Ключевой для раскрытия авторского замысла в повести является растительная символика, формирующаяся на основе мифопоэтических представлений, отраженных в Библии и фольклоре. Псалтирь прямо цитируется в тексте повести, знания писателя в сфере народной культуры также не вызывают сомнений.

Сохранилось мемуарное свидетельство Т. Величковской о том, что Зуров хорошо знал целебные свойства растений. Описывая прогулку с писателем в 1948 г. в окрестностях Буживаля, она заметила: «Зуров на ходу иногда срывал какую-нибудь травку и говорил: “А вот это – чистотел. В России девушки настаивают его и умываются этой настойкой… А это – подорожник, целительная трава, его прикладывают к ранам”. Я смотрела на Зурова <…> и он казался мне лесным ведуном, знающим тайны природы»[32]. Он также интересовался мифологическими значениями растений: по итогам экспедиций Зуров составил записку о поклонении камням, источникам и деревьям среди крестьян Печорского уезда.

Персонажи повести «Иван-да-марья» также проявляют осведомленность о свойствах растений и связанных с ними преданиях: мать Косицких, Прасковья Васильевна, замечает: «Да, у народа со старины каждая травка названа»[33]. Главная героиня – Кира трепетно внимательна к цветам: она перебирала их «как будто они были живые существа, столько внимания и нежности у нее было в пальцах рук»[34]. Сопоставление человека с растением, характерное для народной культуры, становится в повести структурообразующим.

В народных представлениях, «растение, воспринимаемое как живое существо, мифопоэтически соотносится с человеком и наделяется его свойствами: растения имеют душу <…>; считается также, что после смерти человека его душа может перейти в растение; в обряде растения могут замещать человека; в фольклоре растения разговаривают, плачут, испытывают страх и печаль»; «Цветение и зелень растения ассоциируются с жизнью, здоровьем, счастьем; увядание, засыхание, опадание листьев – со смертью»[35]. Отзвуки подобных представлений обнаруживаются в Библии: например, в Первом соборном послании св. ап. Петра траве уподобляется всякая плоть, а цветку – человеческая слава: «Ибо всякая плоть, как трава, и всякая слава человеческая, как цвет на траве; засохла трава, и цвет ее опал» (1. 24). В Ветхом Завете, Псалтири, Псалмах Давида и Моисея, как и в фольклоре, расцветшее растение и увядшая трава – устойчивые символы человеческой жизни: «Тысяча лет <…> как трава, которая утром вырастает, утро и цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает» (Пс. 89. 6). «Дни человека, как трава, как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102. 15–17). Известен «народный» вариант давидова псалма – духовный стих «Человек живет, как трава растет». Данный архетип проявляет себя и в изобразительном искусстве, например в традиционной вышивке, где фигуры

женских персонажей плавно переходят в очертания цветов и трав[36].

Иван-да-марья – народное название растения «марьянник дубравный» (Melampyrum nemorosum). С его происхождением связано народное предание о браке брата и сестры, которые обвенчались, не зная о своем родстве (в другом варианте иван-да-марья проросла на могиле влюбленных, которые не были братом и сестрой). Иван-да-марья считалась одной из магических «иванских» трав, которую использовали для лечения людей и скота, для гаданий, в качестве оберегов. Сорванную в ночь накануне Ивана Купалы, ее святили в церкви, затем приносили домой, разбрасывали по избе и двору, давали скотине[37]. В магических действиях учитывалась «двойная» природа растения. Считалось, что разложенные по углам избы цветы разговаривают друг с другом и охраняют дом от воров, так как вору кажется, будто это хозяин с хозяйкой беседуют между собой[38]. Знахари использовали эту траву «для водворения согласия между супругами»[39].

В расшифровке мифопоэтических «кодов» немаловажную роль играет семантика имен. Хотя главную героиню повести зовут Кира (ей дано имя прототипа), крестьянская девушка Ириша говорит о ней: «Выдали свет Марьюшку за нашего Ивана»[40]. Два имени, давшие название растению и вынесенные в заглавие повести, в сознании народа существуют в неразрывном единстве. Эти распространенные у русских имена стали обобщенным символом «мужчины и женщины вообще»[41] и в свадебных песнях нередко служили обозначением жениха и невесты.

В контексте народных календарных праздников пара имен Иван и Марья приобретает мифологическое значение. Прежде всего она связана с купальской обрядностью, восходит к более древней паре Купала-да-Марья (Мара)[42] и отражает основной мифологический сюжет купальского цикла – брак солнца, с которым отождествляется Иван (Ян)[43]. О том, что Зуров был знаком с этим древним мифом, свидетельствует уже упомянутая выше записка «О поклонении камням, источникам и деревьям»: «Нам известно, что праздник весны – ее высшего расцвета, подъема и силы – был Иванов день – Ивана Купалы. Он являлся кульминационным торжеством двух солнечных божеств (мужского и женского) <…>. Потом, после принятия христианства, поклонение солнцу, очищаясь от языческих воззрений, сосредоточилось на празднике св. Иоанну Предтече, и Иван Купала слился, отождествился с Иоанном Крестителем: свойства солнечного бога перешли на личность христианского святого и праздник Ивана смешался с древним праздником Яриле»[44].

С этим архаичным мифом связано первоначальное представление о цвете цветка. Так, Федя и его сестра стремятся узнать, какой цвет растения символизирует мужское начало, а какой – женское: «Зоя хотела, чтобы женский цвет был золотым, я не соглашался»[45]. В результате Зоя выясняет у Ириши: «Ванюша наш золотой»[46]. В фольклоре на цвет растения указывает как упомянутое предание[47], так и купальские песни[48], в которых говорится, что брат «посеется» желтым цветком, а сестрица – синим. Желтый (золотой) цвет здесь выступает как признак солнца. И рассказчик в повести Зурова воспринимает хвойный бор как «остаток священного языческого солнечного божества»[49].

С купальскими обычаями связан и мифопоэтический локус ржаного поля, столь значимый в повести Зурова. Возделывание ржи у славян было окружено большим количеством примет, обрядов и поверий. Рожь использовалась в свадебном обряде (ею осыпали новобрачных, стелили им постель на снопах)[50], на поле ржи проводились некоторые иванские ритуалы, связанные с производительными силами человека и природы[51]. Эротические коннотации образа ржаного поля встречаются в классической русской литературе[52].

Дохристианский мифологический подтекст повести Зурова, основанный на славянском купальском фольклоре, позволя-

ет восстановить недостающие фабульные звенья, объясняя стремительность развития любовных чувств у Ивана и Киры. Впоследствии, пытаясь понять, когда же между ними «в сердце искра упала», Зоя говорит: «У деда [на пасеке] это случилось, а может быть, когда ее хвалили на поле <…> так бывает: вдруг налетит и обнимет настоящее счастье»[53].

Но ржаное поле в мифологических представлениях является также пограничным и опасным пространством[54]. «Любовь, начавшаяся в ржаном поле, – страстная, но порой и сопряженная с опасностью, разлукой, смертью»[55]. Именно таково развитие сюжета о влюбленных в повести Зурова: поженившись, они не успевают прожить вместе и двух недель, их разлучает сначала война, а потом и смерть.

В традиционных верованиях и фольклоре нива нередко выступает как символ поля битвы, а жатва – как метафора сражения и смерти[56]. Автор подчеркивает, что 1914 и 1915 гг. выдались урожайными, но собирать урожай было некому: вместо этого под косой смерти падали солдаты. Воины на поле брани в повести Зурова сравниваются с колосьями ржи. Иван в своих письмах с фронта так описывает драматичное наступление русских войск на Восточную Пруссию: «Нас послали на верную гибель <…> Пехоту вели во весь рост, и немцы косили ее из пулеметов, как спелую рожь»[57]. В бою солдаты под огнем ложились в окопы, «перемешанные с ржаными спелыми колосьями, из которых стало легко высыпаться зерно»[58]. Гроб, в котором хоронят Ивана, первоначально был приспособлен подводчиком для хлебных буханок, а на его отпевание денщик принес с поля ком земли, в которую попал «поломанный ржаной колос»[59].

В мифопоэтическом подтексте повести актуализированы как «языческие», так и христианские образы и мотивы. Если начало любовной истории соотнесено в подтексте повести с образами народной культуры (обрядами и поверьями купальского цикла), то история их самоотверженного служения и трагической гибели – преимущественно с житийной литературой. Так, «растительная» символика выражена лейтмотивной реминисценцией из 102-го псалма Давида: «Жизнь человека яко цвет травный. Тако отцветет: яко дух пройдет в нем и не познает человек пути своего»[60]. Значимую роль играет христианский контекст имен Иван и Мария.

По мнению некоторых ученых, купальская Мара в христианскую эпоху стала именоваться Марией и соотноситься в народном сознании с Богоматерью: «Богородица будучи высшей и единственной женской “инстанцией” в христианской религии, должна была продолжить жизнь верховного женского языческого божества с теми же функциями»[61]. Иван сменил архаичного Купалу, поскольку день летнего солнцеворота (центральный ритуал годового цикла) совпал с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи. В контексте календарной обрядности объединенные в пару имена стали ассоциироваться с образами Иоанна Крестителя и Богородицы. Этот факт нашел отражение в ритуалах окончания жатвы, которые в разных регионах России могли быть приурочены к праздникам Успения Богородицы (15 августа ст. ст.), Усекновения Главы Иоанна Предтечи (29 августа ст. ст.), Рождества пресвятой Богородицы (8 сентября ст. ст.). Таким образом, календарный период конца лета – начала осени, как и купальский, связан с именами Иван и Мария.

В повести Зурова в это время, символически соотнесенное с двумя трагическими церковными датами – казнью Иоанна Крестителя и Успением Богородицы, – главные герои погибают, похороны совершаются в начале сентября. Описывая эти дни, рассказчик говорит: «Осень пятнадцатого года стояла дивная. Бабье лето выдалось на

редкость <…>. Я всегда переживал эти дни лирически и печально, и всегда в такие дни у меня отчего-то сжималось сердце»[62]. Характерная примета бабьего лета – летящие паутинки – соотносятся в фольклоре с образом небесной пряхи – Богородицы, пряжа которой в это время падает на землю. В другом круге текстов паутина трактуется как нити савана Богородицы, который распался, когда она вознеслась на небеса[63]. В ореоле данных ассоциаций представлен образ Киры, совершающей свой последний путь: «…Сердце мое замирает, и я ясно вижу, как она сидела на походном вьюке брата в солнце, не плакала, а только смотрела молча на поля, и ветер играл ее белой сестринской повязкой. А над осенними, залитыми солнцем полями летела белыми комочками паутина <…>. Эту тонкую серебристую паутину деревенские женщины наших мест издавна называют пряжей Пресвятой Богородицы»[64].

В повести постоянно акцентируется праведность героев: целомудренность их любви, жертвенность, самоотречение. Это особенно заметно в той части повествования, где рассказывается о пребывании на фронте. Иван отправляется на фронт прямо с военных сборов. Его полк бросают на прусскую границу, но вскоре армия начинает отступать. Мы узнаем, что полк Ивана все лето 1915 г. не выходил из тяжелых боев, а он сам самоотверженно воевал и заботился о своих солдатах: «Все в полку знали, что он на походе спать не ляжет, пока солдат не накормит да не устроит, ни на кого своего дела не перекладывал, за всем сам наблюдал, каждого своего человека знал, сколько бы новых ни прибывало»[65].

Кира идет в госпиталь, чтобы выучиться на сестру милосердия и отправиться на фронт. Она является примером и для Зои, которая стремится во всем ей подражать: «Кира все готова была делать, напрашивалась на самую черную работу, ничего не боялась <…>, а Зоя сначала была очень неумела и растерялась, но потом справилась»[66].

В деятельности Зои и Киры акцентируется христианское начало: «Зоя писала, что доктора чудные, и их доктор, что был на японской войне, на прощанье сказал, что для сестры нужно не только уменье, но и доброе христианское сердце»[67]. «Старые сестры нам говорили, что если хочешь человеку по-настоящему помочь, то надо обязательно совершенно забыть о себе, тогда и для других облегчение»[68].

Житийные мотивы пронизывают всю повесть Зурова. В ореоле святости предстает подвиг русских солдат и офицеров, оказавшихся на фронте. О войне говорится, что это «жертвенная война»[69], о солдатах – что «самых здоровых, молодых и веселых туда как в пещный огонь бросают»[70], а рассказчик, находясь в тылу, чувствует, «что если здесь, в тепле, жизнь продолжается по-старому, то это только потому, как говорила мама, что они там все терпят и за нас муки нечеловеческие несут»[71].

В эпилоге мы узнаем, что драматическая судьба постигла и остальных героев повести: за мировой войной грянули две революции и кровопролитная братоубийственная война. Зоя погибла в Нарве от сыпного тифа, где ухаживала за больными солдатами армии Юденича, рассказчик оказался в эмиграции.

Подводя итоги, отметим: художественный мир повести Зурова «Иван-да-Марья» многомерен. В мифопоэтическом подтексте произведения присутствуют разнообразные мотивы, восходящие к архаичным языческим представлениям, отраженным в русском фольклоре, к народным легендам и преданиям, агиографическим текстам, древнерусским литературным памятникам, Священному Писанию. Главной особенностью поэтики повести является сочетание постоянно взаимодействующих художественных планов: реальной топонимики – с мифологическими локусами, линейного исторического времени – с циклическим временем народного календаря, героев, имевших реальных прототипов, – с персо-

нажами библейской истории, конкретных художественных деталей – с символическими представлениями, сложившимися в народной культуре.

Мифопоэтический подтекст в повести выполняет многообразные функции: проясняет «опущенные» на фабульном уровне причинно-следственные связи между событиями, участвует в формировании сюжета, художественного пространства и времени, служит выражению авторской оценки героев, помогает создать целостную картину русского национального бытия в период глобальных исторических потрясений и выразить экзистенциальные размышления о судьбе человека.

Примечания

1 Зуров Л. Иван-да-марья // Звезда. – СПб., 2005. – № 8–9.
2 Зуров Л. Иван-да-марья. – СПб.: Лимбус Пресс. ООО «Издательство К. Тублина», 2015.
3 Захарова В.Т. Онтологические аспекты жанровой поэтики Л.Ф. Зурова (повесть «Иван-да-марья») // Громова А.В., Захарова В.Т. Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова. – М.: МГПУ, 2012. – С. 120–130; Разумовская А. «И кровь мою воспитывала наша земля…»: Город, дом, сад в повести Л. Зурова «Иван-да-Марья» // Север. – СПб., 2007. – № 7–8. – С. 232–239.
4 Цит. по: Белобровцева И. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Звезда. – СПб., 2005. – № 8. – С. 58.
5 См. об этом: Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова. – М., 2014. – Вып. 1.: Зуров Л.Ф. Статьи и письма.; Белобровцева И.З. Л. Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 289–307; Громова А.В. Верования сетуского и русского населения Прибалтики в описании Л.Ф. Зурова (1930-е годы) // Русский язык в странах СНГ и Балтии. – М.: ИЭА РАН, 2007. – С. 540–547.
6 Новое время. – СПб., 1915. – 18 апр. (1 мая), № 14 045. – С. 9.
7 См. об этом: Белобровцева И. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // Звезда. – СПб., 2005. – № 8. – С. 59–60.
8 Звезда. – 2005. – № 8. – С. 89.
9 Там же. – С. 69.
10 Там же. – С. 73.
11 Там же. – С. 96.
12 Там же.
13 Там же. – С. 69.
14 Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год / Сост. П.П. фон Винклер. – СПб.: Изд-во И.И. Иванова, 1899. – С. 124.
15 Там же. – С. 188.
16 Звезда. 2005. – С. 69.
17 Захарова В.Т. Указ соч. – С. 123.
18 Звезда. 2005. – № 8. – С. 25.
19 Там же. – С. 82.
20 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 210–212; Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1994. –Т. 3. – С. 128.
21 Звезда. 2005. – № 8. – С. 80.
22 Там же. – С. 80.
23 Звезда. 2005. – № 9. – С. 124.
24 Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А.В. Гадло. – Псков: ПОИПКРО, 1999. – С. 62.
25 Звезда. 2005. – № 8. – С. 72, 74.

[26] Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – С. 513–539.
[27] См.: Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А.В. Гадло. – Псков: ПОИПКРО, 1999. – С. 230–231.
[28] Славянские древности. – М.: Международные отношения, 1999. –Т. 2. – С. 363–368.
[29] Зуров Л. О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда. О почитании камней, источников и деревьев. Результаты этнографической работы, выполненной для парижского Музея человека. Миссия в Балтийские страны, полученная от Французского Министерства Народного Просвещения в 1937 и 1938 гг. // Архив Парижского национального музея естественной истории (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11)). Л. 32.
[30] Звезда. 2005. – № 8. – С. 66.
[31] Там же. – С. 104.
[32] Величковская Т. О Л.Ф. Зурове // Зуров Л. Обитель. – М.: Паломникъ, 1999. – С. 575–576.
[33] Звезда. 2005. – № 8. – С. 108.
[34] Там же. – С. 106.
[35] Славянские древности. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 406–407.
[36] Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2000. – Т. 2. – С. 196.
[37] Историко-этнографические очерки Псковского края. – С. 231.
[38] Криничная Н.А. Указ. соч. – С. 198.
[39] Анненков Н. Ботанический словарь. – СПб., 1876. – С. 211.
[40] Звезда. 2005. – № 9. – С. 110.
[41] Березович Е.Л. Иван да Марья: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа: URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich6.htm; дата обращения: 20.05.2016.
[42] Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. – М.: Наука, 1974. – С. 217–243.
[43] Терновская О.А. Божья коровка и народный календарь // Мифологические представления в народном творчестве. – М., 1993. – С. 50–69.
[44] Зуров Л. О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда. // Архив Парижского Национального музея естественной истории (MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11)). Л. 32.
[45] Звезда. 2005. – № 9. – С. 105.
[46] Там же. – С. 110.
[47] См.: Криничная Н.А. Указ. соч.
[48] Агапкина Т.А. Указ соч. – С. 521.
[49] Звезда. 2005. – № 8. – С. 96.
[50] Славянские древности. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 2. – С. 467.
[51] Агапкина Т.А. Указ. соч. – С. 530–531; Историко-этнографические очерки Псковского края. – С. 231.
[52] Полтавец Е. Ржаное поле и льняное полотно в поэзии Н.А. Некрасова [Электронный ресурс] // Наука и Религия. – М., 2011. – № 9. – Режим доступа: URL: http://www.n-i-r.su; дата обращения: 20.05.2016.
[53] Звезда. 2005. – № 9. – С. 109.
[54] Славянские древности. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 133–137.
[55] Полтавец Е.Ю. Указ. соч.
[56] Славянские древности. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 134.
[57] Звезда. 2005. – № 9. – С. 124.
[58] Там же. – С. 137.
[59] Там же. – С. 139.
[60] Там же. – С. 145.

[61] Бернштам Т.А. Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология. – Л.: Наука, 1981. – С. 199.
[62] Звезда. 2005. – № 9. – С. 142.
[63] Славянские древности. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 126.
[64] Звезда. 2005. – № 9. – С. 142–143.
[65] Там же. – С. 140.
[66] Там же. – С. 128.
[67] Там же. – С. 127.
[68] Там же. – С. 128.
[69] Там же. – С. 129.
[70] Там же. – С. 133.
[71] Там же. – С. 129.

И.А. Ревякина

М.А. ОСОРГИН О КАПРИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К НЕПОВТОРИМОМУ

> Почти все мои книги написаны в эмиграции… в России писать было «некогда»; но жизненный материал… давала только русская жизнь.
>
> *Осоргин М.А. «Времена»*

В 1927 г. Анастасия Ивановна Цветаева, проводя в гостях у Максима Горького в Сорренто немногим больше двух недель, по его совету съездила и на такой близкий его сердцу остров Капри. Ее не столько воспоминание, сколько предельно краткая «реплика» по этому поводу заслуживает однако внимания своей проницательностью:

«Капри? Его описывали столько раз, сколько его омывают волны. Забыв спросить у Горького, где он жил на Капри, я все время от парохода до парохода вместе с встретившейся мне русской служащей берлинского торгпредства отыскивала, спрашивая у всех – la casa dove viveste il grando scritturi Massimo Gorki <дом, где живет великий писатель Максим Горький>.

Этих раз оказалось так много, что мы, должно быть, заодно осмотрели дома, где жили и Андреев и Куприн, все жившие на Капри скриттури. Понимая безнадежность разобраться во множестве предлагаемых нам домов, мы сидели в чьем-то чужом саду, ели апельсины и смеялись над своей неудачей. Мы убеждали себя, что эта уж наверное настоящая каза. Итальянцы смотрели на нас неодобрительно. На горе величавым упреком стоял замок императора Тиберия, который мы не пошли смотреть»[1].

Молодая писательница, одна из дочерей великого Ивана Цветаева, основателя Музея изящных искусств им. Императора Александра III, конечно, была права, утверждая, что огромно число русских писателей, которые восторгались островом, чудными природными красотами, привлекавшими поэтому, наверняка, еще сильнее и художников. Не могла она не знать, что первым из них его прославил Сильвестр Щед-

РЕВЯКИНА Ирина Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН

рин. Тогда, еще в конце 20-х годов XIX в. и начался «русский Капри». На полотнах С. Щедрина, изображавших Неаполь, Капри, Сорренто – на его светоносных ландшафтах Средиземноморья, учились русские художники следующего поколения, в их числе – Л. Лагорио, И. Айвазовский, А. Боголюбов, прославлявшие морскую стихию.

На рубеже XIX–XX вв. среди старших современников Ан. Цветаевой также очень многие в путешествиях по Италии не пропускали Капри: в стихах, например, – Д. Мережковский, З. Гиппиус, И. Бунин и др., а в прозе назовем – получившие известность очерки об Италии В. Розанова, роман Вас. Немировича-Данченко «Вечные миражи», действие которого разыгрывалось именно на Капри. Произведение получило признание, но потом, к сожалению, было забыто. Конечно, и горьковские «Сказки об Италии», и бунинский рассказ «Господин из Сан-Франциско» оставили заметный след в *русской литературной антологии* об Италии и Капри. Свое место в каприйской русской мозаике начала XX в. заняла и очерковая книжечка А.К. Лозина-Лозинского «Одиночество. Капри и Неаполь (Случайные записи шатуна по свету)». Она вышла в 1916 г. в Петрограде вскоре после самоубийства автора. Отчасти именно это трагическое обстоятельство привлекло к ней внимание, а потом он и его творчество надолго были забыты. Однако о книге Лозинского Ан. Цветаева вспомнит, описывая время своей юности – дружбу с М. Волошиным, переписку с В. Розановым. Она высоко оценивала этот опыт Лозинского в целом и ту искреннюю увлеченность, с которой он стремился передать природное великолепие острова. Вот несколько строк его восхищений: «Капри поднялся из моря, как стены храма с зелеными крышами, и, когда смотришь на него, хочется поднять руки и стоять перед ним, как язычник… Какой-то скульптор поставил в океане каменный памятник волне»[2]. Не эти ли строки лирического гимна Лозинского острову отложились в непосредственно разгоряченном, хотя и кратком отзыве Анастасии Ивановны… Не он ли, среди других, утверждал ее в единственности разнообразных попыток обращения к этому феномену неисчерпаемого богатства природной и человеческой жизни пусть и на малом, всего лишь островном пространстве? Очевидно, самое существенное краткой «реплики» Ан. Цветаева – именно в признании несомненной ценности, во всяком случае, интересе и органичности, почти любого из творческих *прикосновений* к этому *островку итальянской природы и жизни.* Ведь не случайна ее оговорка о *равнодушии* к руинам замка Тиберия: ее занимало прежде всего нечто *иное*, хотя избирательность ее интересов опиралась на *разное и многое.*

По-своему, несомненно, особым и новым, как в гуманитарном, так и в историческом отношениях, было и обращение М. Осоргина к теме Капри: после многих.

Литературная судьба Михаила Осоргина (настоящая фамилия – Ильин; 19.10.1878, Пермь – 27.11.1942, Шабри, Франция), писателя и публициста, укорененного происхождением и воспитанием в провинциальной российской среде, парадоксальным образом оказалась тесно связанной с «иными мирами» – Италией и Францией. Отец писателя принадлежал к столбовому дворянству, был в дальнем родстве с автором «Семейной хроники» С.Т. Аксаковым, знаменитым своей «русскостью». Это было близким и Михаилу Ильину, родившемуся на берегах полноводной Камы: он любил даже пошутить, что в нее, главную реку России, Волга впадает где-то в районе Казани. Однако известность ему в качестве профессионального журналиста принесли «Очерки современной Италии» (1913). Они сложились из выступлений тогда молодого «разъездного» корреспондента русских газет и журналов (с 1908 – «Русских Ве-

домостей», с 1909 – «Вестника Европы»), оказавшегося эмигрантом в Италии. Книгу эту М. Осоргин назовет плодом своей «любви незаконной, так как она не была любовью сыновней» его, «слишком славянина душой», и он «не мог забыть о другой, родной по крови матери, но не такой прекрасной и не такой – ох! – далеко не такой ласковой и приветливой»[3].

Еще будучи студентом юридического факультета Московского университета, с 1896 г., Михаил Андреевич Ильин выступал в «Пермских губернских ведомостях» с заметками из «Дневника москвича» и «Московскими письмами», приезжая на каникулы в родные места, а потом и в период вынужденного годичного перерыва в учебе: тогда из-за студенческих волнений университет был временно закрыт, а студенты высланы в родительские пенаты. Эти пробы пера уже проявили особую манеру письма – иронично-доверительного, свободного, почти бессюжетного очерка-эссе – которая во многом останется характерной для журналиста и писателя М. Осоргина в дальнейшем.

Адвокатскую практику Осоргин начнет в Москве, окончив университет. Тогда же он сблизится с партией социалистов-революционеров (эсеров), причем с самым левым ее крылом. О совсем не ортодоксальной своей «партийности» – скорее духовной мятежности, жажде переустройства мира на началах свободы, справедливости и гуманизма, писатель позднее расскажет: «Одним боком я примыкал к партии, но был в ее колеснице спицей самой маленькой, больше писал и редактировал разные воззвания… Служила моя квартира также для партийных рефератов, и в ней свои первые доклады читали «Непобедимый» (Н.Д. Авксентьев), «Жорес» (И.И. Бунаков-Фондаминский) и другие. Бороться с ними приходили яростные эсдеки и эсдечки <социал-демократы – *ред.*>… Помнится, и тов. Ленин, под кличкой Вл. Ильин, оказал честь моей квартире…»[4]

После декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве М. Осоргин был арестован как причастный к нему и полгода провел в тюрьме: он обвинялся по статье, грозившей смертной казнью. Позднее в романной дилогии «Свидетель истории» (1932–1935) писатель пытался осмыслить трагическую сложность жизни революционеров-террористов, с которыми его свела жизнь в канун первой русской революции.

В мае 1906 г. М. Осоргин, приговоренный к пятилетней ссылке, однако был отпущен под денежный залог (в результате несогласованности в делах разных ведомств: оказалось, что его арестовали как однофамильца другого Ильина, более опасного участника революционных событий). Тайно он отбыл в Финляндию, а потом через Данию, Швейцарию перебрался в Италию.

Годы первой эмиграции, с 1906 по 1916 г., бóльшая их часть пришлась на Италию, – стали началом профессиональной журналистской и писательской деятельности М. Осоргина. Но вот парадокс: он обрел широкую известность у русского читателя как итальянский корреспондент российских изданий – «Русских ведомостей» (М.), «Вестника Европы» (СПб.): тогда он «жил газетными статьями, которые посылал в Москву», как вспомнит в книге «Времена» (издать которую при жизни ему не удалось). Осоргин писал о «малом» и «большом» итальянского мира: громких судебных процессах (неаполитанской каморре), военные корреспонденции с итало-турецкой и Балканской войны 1912 г.; разбирался в проблемах южнославянских земель; был хорошо осведомлен также в новейших, вызывавших острые дискуссии явлениях итальянской литературы и театра. Главным для него было – изображать сегодняшний день «иной страны», и казалось, любоваться ее «руинами древности» он оставлял таким своим друзьям, русским «италофилам», как П. Муратов, Б. Зайцев.

Тем не менее Осоргин очень по-своему соприкасается и с «вечной Италией»: не отрываясь от современного.

О многолетних притяжениях к Италии в автобиографическом повествовании «Времена» писатель скажет: «Я очень любил Италию и прилежно ее изучал, не музейную, а современную мне, живую; Италию в труде, в песне, в нуждах и надеждах. Я написал о ее жизни две книги и рассказывал о ней в сотнях статей, печатавшихся в России. Города Италии были моими комнатами: Рим – рабочим кабинетом, Флоренция – библиотекой, Венеция – гостиной, Неаполь – террасой, с которой открывался такой прекрасный вид. Мне были одинаково знакомы север и юг, Ривьера и каштановые леса Тосканы, лики Джотто в Ассизах и фреска “Венчание” в Витербо. Я уходил писать в домик Цезаря на Форуме – еще были целы в домике шесть дубков, слушал орган во Фьезоле, тонул в бурный день при выходе из каприйского голубого грота, брал приступом с генуэзскими рабочими портовые угольные насыпи, негодовал с толпой в дни казни в Испании Франческо Ферреро, томился на процессе каморры, бродил по доверху наводненному вулканическим пеплом (Везувия. – *Ред.*) местечку Торедель-Греко, отличал вино Фраскати от его орвьетских и каприйских соперников…»[5]

Подчеркнет Осоргин тогда и особые акценты своей влюбленности в классическую Италию: ему была дорога «музыка отчетливой римской речи», которой он учился «подражать, чтобы быть настоящим Pomano di Roma» <истинным римлянином. – *Ред.*>, и вместе с тем «любезнее Данте» ему были итальянские поэты, отличавшиеся интересом к народной жизни – «сонеты Белли и Чезаре Паскарьелла да римские stomelli <народные песни. – *Ред.*>, порой будившие по ночам»[6].

Особого рода демократизм мироотношения Осоргина проявится в его деятельности, с середины 1909 г., в качестве организатора экскурсий русских учителей по Италии. Комиссия образовательных экскурсий при учебном отделе «Общества распространения технических знаний» возникла в 1908 г. под руководством Ф.Г. Винтерфельдта и графини В.А. Бобринской. Деятельность Комиссии продолжалась до начала Первой мировой войны. М. Осоргин стал основным звеном этой культурно-просветительской работы именно в Италии. О нем тогдашнем и по этому поводу Б. Зайцев потом вспомнит: «Изящный, худощавый блондин, нервный, много курил, элегантно разваливаясь на диване, и потом вдруг взъерошит волосы на голове, станут они у него дыбом, и он сделает страшное лицо… Очень русский человек, очень интеллигент русский – в хорошем смысле, очень с устремлениями влево, но без малейшей грубости, жестокости, позднейшей левизны русской. Человек мягкой и тонкой души… Лучшего водителя по Риму, да и по другим городам Италии, чем Осоргин, нельзя было и выдумать – он очаровывал юных приезжих вниманием, добротой, неутомимостью… Несомненно, некие курсистки влюблялись в него на неделю, учителя почтительно слушали. Народ простецкий, мало знающий, но жаждущий…Осоргин все показывал, выслушивал…объяснял, а иногда и выручал из малых житейских неприятностей»[7].

В 1913 г. в отчетной статье «Отрывки мыслей и наблюдений» Осоргин писал: «За четыре года существования экскурсий я перевидал в Италии до двух тысяч экскурсантов, и порою мне кажется, что здесь перебывала вся Россия. В прежние годы ядро групп составляли москвичи, в последний год преобладала провинция, притом отдаленная, в одной и той же группе сталкивались петербуржцы, пермяки, тифлиссцы, туркестанцы, иркутяне и обитатели Дальнего Востока»[8].

Из года в год Осоргин стремился развивать и совершенствовать маршруты

путешествий, с тем чтобы именно многосторонне знакомить учителей с Италией – и с культурным прошлым, и с насущным настоящим. В последнем отчете за 1914 г. он выделит это, говоря о несходстве разных мест туристических притяжений в их значимости с точки зрения общественно-политической и интеллектуальной жизни страны: Неаполь – «труднейший город в смысле организации хозяйства», Капри – «место очарования и отдыха», Флоренция, которая «заняла в Италии первое место, или, во всяком случае, оспаривала… его у Рима», Милан – «настоящая кафедра современности»[9].

Образовательным поездкам, их важным целям М. Осоргин посвятил немало статей: в «Русских ведомостях» – «Русские учителя в Италии»[10], «Русские экскурсанты в Риме»[11] и др.; статья «Пахари Римского поля» вошла в «Очерки современной Италии», в ней сравнивались условия и результаты труда российских и итальянских учителей; ежегодные отчеты об экскурсиях Осоргин помещал в сборниках «Русские учителя за границей»[12]. Эти журналистские выступления Осоргина, как и вся остальная его работа куратора русских экскурсантов, «трудная и отрадная», так он сам ее оценивал, поддерживали его связи с Россией и были подлинным гражданским служением делу народного образования, важного для будущего. Вернувшись в Россию в 1916 г., Осоргин направился в длительную командировку подальше от столиц, где был написан цикл очерков «По Родине», а два из них посвящены родной Перми. Тогда он вспоминал, что у него была возможность убедиться в «подвижничестве» представителей «внесословного класса» народной интеллигенции именно там, в российской глубинке: «…ведался больше с земскими местными людьми – и поражался их работе. Они делали огромное дело, стесняясь его малости, воображая, что там, в Европах… только там работают по-настоящему; они не подозревали, что подобное бескорыстие, преданность такую и такую веру ни в каких Европах не встретишь…»[13].

Так – по-разному – в одном из самых «русских европейцев» проявлялось тяготение к «всепониманию» – «всечеловечности», та широта национально-русского, которой восхищался, отчасти ее также опасаясь, Ф.М. Достоевский.

Свое место занял *и Капри* в жизни и творчестве Михаила Андреевича. Он не однажды бывал на острове, по разным поводам – несомненно, сопровождая учительские экскурсии, и по журналистскому поводу, и в дружеской поездке. Капри посвящена новелла «Caprense», по-итальянски – «Каприйское», в цикле «Из маленького домика», написанная в 1918 г. Об острове и рассказ-воспоминание «Голубой грот», созданный почти через 20 лет, в 1937 г.[14]

По фактам косвенно, и тем не менее – точно, датируется одно из посещений Осоргиным острова летом 1914 г. с учительской экскурсией, уже перед началом Первой мировой войны. Это удалось установить современным исследователям творчества писателя по дневнику В.С. Верхоланцева, пермского учителя, известного краеведа. В его дневнике 1914 г. содержится запись: «1 июля. Объезжали остров Капри на лодке. Вечером жуткое и таинственное посещение храма Митры. Мих. Андр. Ильин (Осоргин)…»[15] Очевидно речь шла о посещении грота Матромания в сопровождении М. Осоргина, одной из достопримечательностей острова. «Он в древности, – читаем в итальянском путеводителе конца 1990-х годов, – служил местом отправления оргиастического культа Великой матери (по-латински «Mater Magna»). Этот культ, сходный с культом богини земли и плодородия Кибеллы, в расцвет эпохи Древнего Рима был необычайно распространен…»[16] О присутствии Осоргина пермский учитель сообщал и в продолжении записи: «4 июля. Обзор Рима. После обеда – Яникульский холм. Беседа Осоргина». Сам писатель к отчету о своей поездке этого же времени с экскурсией учителей приложил фотографию с надписью «Рим. Лекция на Яникульском холме»[17]. Он, как лектор, остался за рамками фотографии, а в группе слу-

шателей, скорее всего, тогда присутствовал и В.С. Верхоланцев.

О двух более ранних посещениях острова речь пойдет в новелле 1918 г. «Caprense». Одно из них, когда Осоргин с другом чуть не утонули в бурную погоду у Голубого грота, было в июле 1912 г. (судя по дневниковой записи К.П. Пятницкого[18], совладельца, вместе с Горьким, издательства «Знание»). Годом *раньше*, как упомянуто в каприйской новелле, писатель вполне успешно навестил «волшебную лазурь», «презирая бурю». Так ли это было, или это только «художественная правда»? Сам писатель подтвердил именно «автобиографическую правду» *1912 года* в новелле-очерке, т.е. через шесть лет.

Точно известно еще о поездке Осоргина на Капри в 1913 г. С 28 февраля по 2 марта он был на острове в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости». На этот раз целью приезда была встреча с М. Горьким: Осоргин-журналист намеревался взять у него интервью об отношении к политической амнистии, недавно объявленной в России в связи с предстоящим празднованием трехсотлетия дома Романовых. В российских газетах сообщалось, что амнистия распространяется на писателей, покинувших страну после 1905–1906 гг., в том числе назывались имена Горького, А.В. Амфитеатрова и других литераторов. Будучи эмигрантом и оторванный от родных мест, Осоргин оставался тем не менее кровно связанным с ними. Возможность возвращения на родину, как и многих, его волновала очень остро. О беседах 1 и 2 марта с Алексеем Максимовичем Осоргин сделал запись в тетради «Встречи» 3 марта, уже находясь в Риме: «Вчера вернулся с Capri, куда ездил повидать М. Горького. Мне хотелось проверить слухи о нем в связи с амнистией (300-я Романовых) и «проинтервьюировать» его по вопросу вообще об эмигрантах, амнистированных и возвращающихся на родину. Вечером встретил его на улице (он возвращался из каприйского кинематографа – обычный посетитель!), и он пригласил меня к себе. Было уже поздно, около 10 вечера. Сидел у него в кабинете, потом… пили чай в столовой. Горький пригласил меня на другой день обедать, и после обеда мы опять говорили часа два, пока приход Ив. Бунина не нарушил весьма некстати нашу беседу. Некстати, конечно, для меня»[19].

Судя по двум мартовским письмам 1913 г. Осоргина Горькому, предметом обсуждения были вопросы этического и «утилитарного» характера, которые неизбежно вставали перед «рядовыми эмигрантами» в тот, исторический для них, момент: имеют ли они право воспользоваться «милостью» да еще в «результате династических торжеств», или это «непозволительный компромисс». Осоргин хотел собрать мнения на этот счет выдающихся эмигрантов, начав с Горького как писателя «с огромным литературным именем». «Я сам русский, но тоскую так, как не пожелал бы тосковать никому другому», – признавался Осоргин в письме Горькому. Подчеркивал он и мучительность эмиграции именно для писателя – «страшной перспективой исчерпаться в своем знании России»[20]. Решительно возражал Осоргин против осуждения «компромисса» со стороны «узкопартийных работников», которые «решают вопросы морали по партийным трафареткам», «с барабанным боем»: «…России настолько нужны люди, что «компромисс» тем самым оправдывается и даже перестает быть компромиссом»[21].

Горький не дал согласия на упоминания своего имени в предполагаемом Осоргиным газетном обсуждении: по всей вероятности, у него не было на тот момент уверенности в действительно безболезненном для себя возвращении в Россию: за ним числилось несколько антигосударственных обвинений, а кроме того, даже невольно становиться центром дис-

куссий по поводу политической амнистии, которая могла возбудить именно партийные страсти разных оттенков, было нецелесообразно. Писатель вернулся в Россию в самом конце 1913 г.

Что касается М. Осоргина, то на него амнистия не распространялась: приговор пяти лет ссылки не был отменен. Ему удалось полулегально перебраться на родину только в 1916 г.: тогда он воспользовался предлогом призыва на военную службу его возраста. Через Скандинавию писатель вернулся в Петроград. Ареста не последовало. Вскоре статья «Дым отечества» вызвала поток писем читателей, приветствовавших его возвращение. Писатель продолжал журналистскую работу, прежде всего сотрудничество с «Русскими ведомостями». По предложению газеты, Осоргин, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, становится разъездным корреспондентом по русской провинции – Поволжью, Прикамью. Тогда он и посетит в последний раз, как потом оказалось, родную Пермь. Пишет он и репортажи из действующей армии, с Западного фронта.

Февральская революция застает М. Осоргина в Москве. Он решительно откажется от весьма лестного предложения Временного правительства занять пост посла России в Италии; и в новых условиях целиком погружен в литературно-журнальную работу, сотрудничая в журналах «Вестник Европы» (Пг.), «Голос минувшего» (М.), газетах «Народный социалист» (Пг.), «Власть народа» (М.).

С наступлением событий Октябрьской революции Осоргин не меняет позиции независимости своей деятельности от государства, не проявляя никакого желания сотрудничать с новой властью. Печатается пока еще в свободных изданиях: «Луч правды», «Родина», «Наша родина», выпускает газету «Понедельник», вскоре закрытую, как литературное приложение к «Власти народа». Обладая немалым авторитетом в литературной среде, он избран первым председателем Всероссийского союза журналистов. Участвует в работе независимого италофильского кружка – Studio Italiano (вместе с П. Муратовым, Б. Зайцевым и др.). Члены его делают попытки спасать распыляемые вихрем событий книжные фонды, коллекции и коллекционеров. Выходит несколько брошюр Осоргина, книга повестей «Призраки» (1917) и рассказов «Сказки и несказки» (1918). В 1921 г. переводит по просьбе Евг. Вахтангова с итальянского в стихах сказку Карла Гоцци «Принцесса Турандот», постановка которой ознаменовала рождение нового, ставшего потом знаменитым театра. Переводческий гонорар сценических постановок пьесы в Советской России поддерживал писателя и в самые трудные эмигрантские годы, хотя получать его было подчас нелегко, в чем ему с готовностью помогал А.М. Горький (об этом можно судить по их переписке 1930-х годов[22]).

В 1919 г. Михаил Андреевич попадает на Лубянку. Арест, видимо, был «случайным», как отмечал потом он сам. Освобождать писателя приехал вместе с поэтом Ю.К. Балтрушайтисом председатель Моссовета Л.Б. Каменев. Осоргин вспоминал в книге «Времена»: «Маленькое недоразумение, – поясняет Каменев, – но для вас, как писателя, это материал. Хотите, подвезу вас домой…» Я отказываюсь… За пять дней в Корабле смерти я действительно мог собрать кое-какой материал, если бы сам не чувствовал себя бездушным материалом»[23].

Последним произведением Осоргина, увидевшим свет на родине, еще до высылки его из Советской России, стал небольшой сборник из 10 новелл-размышлений «Из маленького домика: Москва, 1917–1919. Очерки»; печатался в свободном частном «Издательстве русских писателей» – Riga, 1921. В него вошло 10 очерков-рассказов – «Сверчок», «Собачка Филька», «Четверть часа», «Ça ira – Симфония», «Любовь», «Caprense», «Горошинки», «Усталость», «Фотографии», «Время остановилось». Все они обозначены римскими цифрами, связанная с Капри отмечена шестой.

Новеллы сборника в целом представляют единый текст исповеди автора, по-

селившегося в маленьком бревенчатом домике на окраине Москвы. В сюжете мыслей-размышлений и мучительных переживании смешаны «очарования» прежних счастливых лет в Италии и факты суровых московских будней революционной России. Целостный текст авторской исповеди – это и восторги, и сарказмы, вызванные, казалось бы, несопоставимо разным в земных мирах: прошлого и настоящего. Повествование – непрерывность вспоминаемого и переживаемого сочетает интимный лиризм и публицистичность. Подзаголовок сборника о месте и времени – «Москва, 1917–1919», выделяет важность исторического контекста внутренней жизни отдельного человека в *мирке его домика*-произведения. В потоке сознания, кинематографических сменах картинок предстает сплавленным малое и большое – частности из жизни незаметного человеческого существования и реалии дней революции. Каждая из новелл, этих частей протяженной жизни, насыщена сокровенностью пережитого *за пределами настоящего* и неотступностью наступившего *теперь*.

Свою гуманистическую позицию защиты отдельной человеческой жизни, права на свободу и независимость *личности* – «маленького домика» – от насилия, как и своеобразие стиля повествования, сочетающего разномасштабность планов действия – сугубо частного и общего, – автор заявил в предисловии: «Эта книга писалась урывками в маленьком домике, среди огородов окраинной Москвы. Она писалась два года – два удивительных года! …Ведь и жизнь наша за эти два года… не то страшная сказка, не то оскорбительная хроника, не то – великий пролог божественной комедии… И вот я отдаю написанное, без начала, без конца, – ряд намеков, образов и удивительных сновидений.

Маленький домик реален; но возможно, что он – символ. И тогда понятно, что этот символ означает: уход из мира в самого себя… но и в самом себе никак не занавесишь окошечка, в которое смотрит мир. Как ни рвешься к небу – земля держит крепко… Земля! Пусти меня! Ведь все равно последний покой – в твоих недрах! А хотелось бы улететь…»[24]

Новеллу «Caprense» начинает «сновидение»: диалог автора с его *вторым я*, отраженным в зеркале и напоминающим о реальном московском времени 1918 г. – «морщинках у глаз и синей змейке на виске» и «сладости» неповторимого итальянского прошлого: «…ты хотел бы в данную минуту лежать на пляже, где-нибудь на знакомых берегах… и чтобы солнце тебя ласкало и небольно жгло?» (С. 346) Эту завязку новеллы продолжают локально-каприйские образы-воспоминания, нарисованные с предельной краткостью и как бы одной выразительной линией: «За десять лет я накопил себе впрок вагон итальянских чар и грез, эффектных и не очень дорогих. Впрочем, и не шаблонных. Теперь жую их в одиночестве маленького домика.

У тетки Адэлэ было шесть дочерей; пятерых она пристроила, а младшая, которую звали Грация, только-только подрастала и продавала кораллы. Я купил у нее для запонок две капли крови – красоты удивительной. Я купил их потому, что и сама Грациэлла была красоты удивительной… она, которой было только тринадцать лет…носила ажурные чулки; белые туфли на высоком каблуке, и вообще одевалась синьориной» (С. 347).

Стоит напомнить, что образы прекрасных, чарующих своей красотой итальянок начали появляться еще в творчестве русских художников, которые с 1820-х годов стали приобщаться к итальянской жизни и культуре; их вообще немало в описаниях русских путешественников, и даже подчас шаблонно повторяющихся. Но М. Осоргин, несомненно, избежал ошибок штампа и фальши приевшейся эффектности. Его

герой-повествователь искренне пленен живым видением юной Грации, продавщицы кораллов, и бережет его нерастраченным. «На острове нельзя было не встречаться ежедневно и более, чем раз в день. Своих друзей (были такие люди вроде друзей) я убедительно просил увести меня с острова в Неаполь и отправить влюбленным багажом в Рим. Домой, Рим был мне домом, счастливый я! Прекрасны – спора нет – кораллы цвета крови и цвета розы, но за кораллами уст блестит жемчуг, проносящий несчастье… Шестую красавицу растит старая ведьма – на чью погибель? Возьмите же меня под руки и уведите прочь!

А Грациэлла, услышав, что я уезжаю, сделала ровно полшага ко мне белыми туфельками и, сложив ручки ладонями, как учат молиться католических детей, сказала тоном, за который умирают и убивают:

– Lei parte? E non vuole rimaner con noi? <Вы уезжаете? И не хотите остаться с нами?>

И заметались в диком вихре бесы и ангелы, перепутав черные и белые крылья.

С рыбаком Чечилло, презирая бурю, мы поехали в последний раз взглянуть, как заливает море знаменитый Голубой грот» (там же).

«Греза»-воспоминание обещает приключение, и тем оно занимательнее. Но по избранной автором форме записей, сделанных «урывками», следующая часть новеллы связана с возвращением в ноябрь 1918 года: «…я с трудом отрываюсь от поэтических грез – чтобы вернуться к жизни подлинной, к стуже, голоду и продовольственным карточкам» (с. 346–347).

Сборнику новелл в целом свойственен публицистический настрой неприятия жестокой революционной ломки действительности. В этом смысле «записи» М. Осоргина можно сравнивать с выступлениями той же эпохи – «Несвоевременными мыслями» Горького или «Окаянными днями» Бунина. И в каприйской новелле писатель скажет о своих «саркастических выводах», «злом отношении» к *«величию»* переживаемого: «Повторяю – я пишу эти строки зимой 18-го года! Витрина колбасной многих сделала революционерами. Неприятный осадок сахарина на языке родит контрреволюцию. Вообще же говорю, золотые погоны и красная пентаграмма одинаково мишурны и одинаково прикрывают плечи всеядного и лоб дикаря» (С. 351).

Тревожную атмосферу времени автор передает в интимно-откровенных и мучительных размышлениях о настоящем революционной России. Он стремится избегнуть прямолинейности приговора неотвратимо меняющегося общественного миропорядка, где сприсутствуют крайности: «Стремящимся к слишком многому – малое недоступно. Но нужно раздвоиться: пусть одно «я» живет в мире реальном, другое за его пределами. Хотя, право же, я не знаю, что реальнее, котел ли политических страстей, или моя бревенчатая хибарка» (С. 320).

С трудом отрываясь от тяжести настоящего, автор стремится к спасительным воспоминаниям об острове: «…если уж грудь мою вы к мертвой точке сундуком придавили, сундуком своего драгоценного хлама: национализация, пленум…

Черт с ним, с вашим будущим!.. Где мое настоящее?

И я, резко отвернувшись, открываю объятья призракам прошлого… я хватаю руками облачка зародившихся в воздухе чар, и я говорю:

– Ответь, и дважды… повтори мне: ведь это не сон, что там есть тропинка вдоль легкой изгороди садов, и что прохожий задыхается сладкой смертью в густом аромате цветущих лимонов? Белый воск цветка, ломкий и разрумяненный в бутоне, грежу и жажду рукой дрожащей осторожно воткнуть в петличку!

Скажи мне… стократ повтори, что ноябрь там напоен дыханием несполи. И что зимним утром гроздья красных роз, крупных и слишком тяжелых для букета, с

господской смелостью цепляются за жалюзи окон. И колют руки и дразнят: бери!» (С. 348–349).

Эти штрихи «пейзажной живописи словом» вполне уместны в богатой и разнообразнейшей галерее «живописи красками», которую составили многие и многие художники, и не только русские, о неповторимой природе Капри.

Часть новеллы, если не самая краткая, то, несомненно, предельно насыщенная, посвящена эпизоду о двух посещениях Голубого грота. Она захватывает экспрессией переживания, несмотря на завидный лаконизм:

«Сквозь узкую, на минуту открывшуюся щель мы проникли внутрь грота. И влились в волшебную лазурь, и вспоминали, как годом раньше, в компании еще пары любопытных, едва не оплатили ценой жизни дерзкое желание видеть грот в большую бурю. Море не приняло нас и вернуло земле. Чечилло геройски спасал нас – и спас. А может быть, всех нас спасла раскрашенная Мадонна на скале над гротом.

Мадонна стоит над входом в грот, в углубленной нише высочайшей отвесной скалы. Насколько помню – она раскрашена; отчетливо же помню только желтые полукруги под ее глазами.

Когда я вынырнул из воронки воды, затянувшей меня до дна, и поймал скользившее по волнам весло, Мадонна смотрела с испугом и вся склонилась над морем. Еще дальше склонилась она, когда в десяти саженях от меня обессиленный человек закрыл глаза и перестал бороться с бурей. Но когда, годом позже, я ласково и благодарно посмотрел на раскрашенную и попорченную непросыхающей соленой влагой куклу, она притворилась, что никогда не оживала и что глаза ее всегда были тупы и безучастны.

Чечилло, как моряк – искренний католик; и я не осмелился поделиться с ним мыслью:

– Божество делается божеством тогда, когда мы его очеловечиваем…» (с. 349–350).

Последняя (четвертая) часть новеллы начинается со сквозных ее образов-персонажей – «облачков зародившихся в воздухе чар»: рыбака Чечилло и «чаровницы» Грациэллы, они не покидают воображения автора:

«Я звал Чечилло в Россию – шутя, конечно. Чечилло, пожалуй, готов поехать, и обязательно морем. Он слыхал про город Odessa. Но, я уверен, нашлась бы на Капри чаровница, может быть даже в ажурных чулочках, которая шепнула бы ему накануне его отъезда:

– Вы завтра едете? И вы не хотите остаться с нами?

И те слова, что меня заставили бежать, – его приковали бы к благодатной почве прекрасного острова…» (с. 350).

Не лишне напомнить, что не только образы обаятельных итальянок-простолюдинок (например, танцующих тарантеллу), но и безусловно отважных и умелых рыбаков постоянно присутствуют в описаниях русских путешественников, побывавших на Капри. М. Осоргин воспринял эту традицию. Но по-своему. У него эти образы, несмотря на предельный лаконизм, убедительны своей локальной и временной определенностью. Они вырастают из своего исторического контекста, который определенно «заземляет» образы-«видения», но их овеществляют и реалии «другого времени-пространтва» – трагических дней зимы 1918 г. Именно остро переживаемое авторским *я*, как *сейчас*, так и *раньше*, как бы подтверждает реальность того и другого. В потоке сознания то и другое непременно сопоставляется с эстетическими приоритетами, которые поддерживают, прямо или косвенно, всеобщность содержащегося, казалось бы, в частном. Так, включение стихотворных строк из Мюссе о «вечерней» встрече на улице, «тайком», иностранца с

прекрасной незнакомкой, представляется контрастным к начальному отрывку (четвертой части) с воспоминанием о Грациэлле. Смешение или смена «очарований» и жестких реалий быта создает драматизм повествования. Так, «забыться над стихами Мюссе» автору-повествователю мешает его собственный внутренний голос: «После всего, что мы пережили (а я пишу зимой 18-го года!), беззаботный смех мы завещали детям. Лично, по свойствам характера, я все же мечтаю к более непреклонным годам выработать себе смех добродушный.

При мысли о в е л и ч и и переживаемых дней, я ловлю себя на злом отношении к подчеркнутому слову» (с. 350).

Не боится автор-герой нарастить боль переживаемого до отчаяния: «В Италии я лежал на плоской крыше и смотрел на звездное небо; оно было великим и величавым… И море величаво! Ну, а какова его вода под микроскопом? Стекло чечевичной формы, приближая, крадет иллюзию величия. Если бы еще тайна, им похищенная, сама оказалась великой!» (С. 350)

Мучительные размышления над «злобой дня» продолжены обращением к седьмой песне «Ада» Данте Алигъери, изображающей четвертый круг «схожденья в тьму», где наказаны «свирепые толпы» бунтующих («Они дрались… Друг друга норовя изгрызть в клочки».) и не избравшие пути, «скучные» или «злые». Именно стихи, посвященные последним, процитированы в новелле:

Мы были злы
Веселой жизни той,
Тая в себе дым медленный, и ныне
Таимся здесь под тиной густой!
(С. 351)

Приобщая приговор Данте к своим размышлениям о реальном и «грезам», писатель тем самым связывал их с «всечеловеческим». Ассоциативный ряд авторского сознания достраивает контекст – повседневных – каприйских очарований до мыслей о всеобщем и особо ценных как идеальных. В этом притягательность и неоспоримость образов-наваждений из «маленького домика» Осоргина.

В завершении новеллы повествователь вновь – еще в одном видении – возвращается на остров, отрываясь от реального в своих трудных духовных поисках:

«Зачем жить в мертвом холоде, когда на географической карте нанесен рай и дорога к нему указана. Мне не нравится страна, в которой я живу.

Издали казалась удивительной, притягивала. Вблизи обидела и пресытила.

С приятелем мы забрались однажды на безумно высокий отвес над морем и, протянувшись на камнях, держа лишь голову над лазоревой пропастью, смотрели вниз. Зеленым бархатом виднелись камни сквозь чистое бирюзовое стекло… Я его спрашиваю: «Чем, собственно, мы заслужили, что вокруг нас разлита такая красота?» А он рассеянно говорит: «Очень интересно отсюда плевать: долго-долго летит, а как падает – не видно!»

…Как пермяк, а может быть, владимирец, он говорил на «о»… Я старался представить себе его в валенках… Но так как он жил в Италии, то гораздо больше походил на полубога, чем на офеню или земского агронома. Я уверен, что и сатиры в свое время забавлялись, плюя со скалы… А впрочем, его соседство отравляло мне треть наслаждения…

В трубе воет ветер. Это он отогнал чары…

– В сущности, – говорит второе *я*, – маленький домик похож на остров, в красоте он сильно уступает Капри, но изолирован лучше… Но он не отеплен живым существом, с которым можно бы поделиться искусственным очарованием.

– А разве это необходимо? – спрашиваю я с искренним удивлением.

– По-видимому, необходимо. Но в последнее время все так спуталось, что утверждать я ничего не берусь. После этого странного диалога мы расстались. Я подхожу к этажерке с книгами и протягиваю

руку. На меня смотрят две книги… «Божественная комедия» и «Вестник Кооперативного Кредита». Я чувствую. Что выбор был бы оскорбителен для одной из них. Поэтому я беру томик Виктора Гюго, раскрываю и читаю странный вопрос:

– Что было бы с горой Юнгфрау, если бы она узнала голод?

Это не кажется мне слишком остроумным. И вообще сегодня уже не вернуть нежных очарований далекой и милой страны» (с. 352–353).

Тема Италии – сквозная в цикле новелл «Из маленького домика», не в одной «Каприйское». Она и в новеллах «Горошинки», «Усталость», «Фотографии». Немалое число раз автор будет восхищаться красотой южного неба и моря, но уверенно скажет, что не это главное: «…дело в том, что их, там, не наша жизнь гармонична в своей красоте и бедности, в труде и лени и в пылкой быстротечной любви. Струна из жизни звучит полным звуком, без фальши, вибрируя округленной здоровой волной». В Италии М. Осоргин нашел «любимые картины и желанные образы, которыми дышалось некогда **вне родины**» в годины ее тяжелых испытаний. Сборник новелл-очерков *стал открытием* особой стороны духовного опыта М. Осоргина: *«иное» и общечеловеческое им переживалось в сопряжении с событиями революционных перемен в России.*

Новеллы переломного исторического времени, 1917–1919 гг., стали первым опытом Осоргина-художника. В них уже проявились характерные черты его художественной манеры: доверительная исповедальность и в то же время ироничность интонации, особая предпочтительность темы частной, независимой и свободной жизни отдельного человека и в то же время сознание ее связи с общим, историей и «всечеловеческим». Самобытность своей гуманистической позиции, определявшейся в эпоху огромных социальных перемен, Осоргин отстаивал позднее и в споре с Горьким, который писал ему: «У вас – и людей Вашего типа – очень доминирует личный мотив, а у людей моего лада… личность все меньше – величина решающая». На это Осоргин отвечал: «…не личный мотив, а мотив личности, защиты личности против всякого организованного насилия»[25].

Драматичной стала и следующая страница московской жизни писателя – участие в июле-августе 1921 г. в работе Всероссийского комитета помощи голодающим. В конце августа его, как члена Комитета и редактора бюллетеня «Помощь», арестовали. Около трех месяцев он находился в подвалах ГПУ, а затем приговор смертной казни ему, по заступничеству Ф. Нансена за членов Комитета помощи голодающих, был заменен ссылкой в Казань. В начале 1922 г. последовал новый приговор, «в целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности» – о бессрочной высылке из пределов РСФСР. Осенью 1922 г. на «философском пароходе» вместе с другими известными писателями, философами, историками, общественными деятелями Осоргин был выслан из Советской России. Зиму 1922–1923 гг. он прожил в Берлине, сразу включившись в бурную литературную жизнь русской эмиграции. Дважды ненадолго ездил в Италию, в том числе по приглашению итальянского русиста Э. Ло Гато: он принимал участие в знаменитых «русских лекциях» осенью 1923 г. в Риме. В составе русской делегации были тогда известные писатели и представители русской мысли – Павел Муратов, Борис Зайцев, Николай Бердяев, Борис Вышеславцев, Семен Франк.

В самом конце 1923 г. Осоргин, резко отрицательно восприняв приход к власти фашистов в Италии, перебрался в Париж. В 20–40-е годы он становится одним из самых значительных писателей русского зарубежья. Огромный успех выпал на долю его главного художественного создания периода второй эмиграции – романа

«Сивцев Вражек». Посвященный опыту семи трагических лет русской жизни – времени Первой мировой войны, двух революций, голода и разрухи, он вышел в 1928 г. на русском языке в Париже. Героев своего романа об исканиях русской интеллигенции в революционную эпоху – профессора-орнитолога и его внучку – автор поселил в доме на одной из любимых им московских улиц, Сивцевом Вражке, показывая, как через их частные судьбы проходят «волны» самых больших событий этой эпохи. Определенным подступом к этому свершению явился и опыт сборника рассказов-очерков «Из маленького домика».

Современники неоднократно сопоставляли роман Осоргина с другим эпическим произведением, также воплотившим трагическую диахронию времени, сцепленность частного и общего – с «Белой гвардией» М. Булгакова. Именно пересечение гуманистического и исторического содержания стало залогом успеха романа. Вскоре он был переиздан, случай достаточно редкий в русском зарубежье. Его перевели на основные европейские языки; успех сопутствовал ему и за океаном, где в 1930 г. английский перевод романа, изданный тиражом в 40 тыс. экземпляров и очень быстро разошедшийся, был отмечен премией американского Книжного клуба как «Книга года»[26]. Во время Второй мировой войны, после капитуляции Франции, Осоргин уехал из оккупированного немцами Парижа в местечко Шабри на юге страны. Оттуда он, уже тяжело больной, переправлял в Америку и нейтральные страны Европы статьи, разоблачающие фашистский режим.

Михаил Андреевич Осоргин скончался в Шабри 27 ноября 1942 г. и был похоронен на местном кладбище. Признание на родине пришло к Осоргину, как и другим выдающимся русским писателям-изгнанникам рубежа XIX–XX вв., много позднее – на пороге нового века.

Примечания

1 Мейн А. (Цветаева Анастасия) Из книги о Горьком // Цветаева Анастасия. Собр. соч. – М.: Изограф: Благотворительный фонд им. семьи Цветаевых, 1996. – Т. 1. – С. 226

2 Указ. в тексте изд. – С. 31, 30.

3 Осоргин М. Очерки современной Италии. – М., 1913. – С. 5.

4 См. статью-очерк «Николай Иванович» (1923); цит. по изд.: Осоргин М.А. Сивцев Вражек. – М.: Панорама, 1999. – С. 10.

5 Осоргин М. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. – М.: Современник, 1989. – С. 97.

6 Там же. – С. 99.

7 Зайцев Б.К. Осоргин // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Русская книга. 1999. – Т. 6 (доп.): Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 355–356.

8 Цит по статье: Быстрых Т.И. Пермские учителя в мемуарной литературе и публицистике М.А. Осоргина // Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: материалы научно-практической конференции. – Пермь, 2003. – С. 25.

9 См.: Пасквинелли А. Михаил Осоргин и экскурсии русских учителей в Италию // Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества: Материалы научной конференции «Осоргинские чтения» (23–24 ноября 1993 г.). – Пермь, 1994. – С. 95.

10 Осоргин М. Русские учителя в Италии // Русские ведомости. – М., 1909. – № 189.

11 Осоргин М. Русские экскурсанты в Риме // Русские ведомости. – М., 1912. – № 136.

12 Русские учителя за границей. – М., 1910–1914. – Вып. 1–5.

13 Осоргин М. Времена. – Екатеринбург, 1992. – С. 563–564.

14 Перепечатан в изд.: Осоргин М. Воспоминания: Повесть о сестре / Вступ. ст. Ласунского О.Г. – Воронеж, 1992.

[15] Цит. по статье: Быстрых Т.И. Пермские учителя в мемуарной литературе и публицистике М.А. Осоргина // Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: материалы науч.-практ. конф. – Пермь, 2003. – С. 22–27.
[16] Искусство и история Капри. 185 цветных фотографий. – Флоренция, 1996. – С. 54.
[17] См.: «Отчет М.А. Осоргина» в сборнике «Русские учителя за границей. Год пятый». – М., 1914. – С. 34–38.
[18] Установлено И.А. Бочаровой. См. в ее статье «Италия в автобиографической прозе Горького и Осоргина» // Toronto Slavic Quarterly.–2014. – № 49.
[19] М. Горький и М.А. Осоргин. Переписка / Вст. ст., публ. и примеч. И.А. Бочаровой // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. – М., 2002. – С. 389–390.
[20] Там же. – С. 433
[21] Там же. – С. 428.
[22] См. в кн.: «С двух берегов…»
[23] Цит. по изд.: Осоргин М. Сивцев Вражек. – С. 14.
[24] Осоргин М. Сивцев Вражек. – С. 313. Далее новелла цитируется по этому изданию.
[25] С двух берегов. – С. 480–481.
[26] См. об этом: Дядичев Владимир. Свидетель истории // Осоргин М. Сивцев Вражек. – С. 22.

А.Н. Кравцов

ОТЪЕЗД В АВСТРАЛИЮ КАК ПОГРУЖЕНИЕ В НИРВАНУ: К 90-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕБЮТА Г. ГАЗДАНОВА

Как известно, первая публикация Гайто Газданова (1903–1971) состоялась в 1926 г., когда его рассказ «Гостиница грядущего» вышел в сдвоенном номере 12–13 пражского издания «Своими путями». Поскольку нумерация была сквозная, то указанный номер явился первым в том году, но, увы, последним в двухлетней (1924–1926) истории журнала[1].

Рядом с дебютным произведением Газданова были помещены рассказы других молодых прозаиков русского зарубежья, представителей так называемого «незамеченного поколения», Н. Еленева, Б. Сосинского, И. Тидемана, А. Воеводина. Их имена остались лишь в памяти специалистов, тогда как писатель Газданов явился открытием не только для русского зарубежья, но для всей русской литературы XX столетия.

Уже само название того первого рассказа указывало на бег времени и остановку в путешествии, на ночевку в новом незнакомом городе. Этот мотив позднее продолжится во многих других произведениях Газданова, и всякий раз его фоном будет служить реально существующее географическое место. В дебютном произведении в некую «гостиницу грядущего» приезжает единственный постоялец с чемоданом (Ульрих), который появляется лишь для того, чтобы подчеркнуть разницу «между грядущим и прошлым»[2]. Все остальные жильцы – постоянные. Сам рассказ по мере его прочтения отчетливо напоминает постановку современной пьесы, на сцене которой показана гостиница в несколько этажей, а действующие лица и характеры выхвачены в строго определенный момент их бытия. Затем – сценарий их шагов («шаги вошли»[3]), поступков, реплик. И хотя уже с первых строк Газданов вводит читателя в экзотический антураж («швейцары медлительны, как крокодилы»[4] и «я на экваторе»[5]) постепенно становится очевидным, что под этой гостиницей

КРАВЦОВ Андрей Николаевич (Мельбурн, Австралия), кандидат филологических наук, куратор издательского проекта «ЧтецЪ»

вне времени подразумевается парижская жизнь со своими типичными героями и жителями. Срез парижской жизни на примере пятиэтажного дома.

Возникает невольный вопрос – почему автором для отображения города и его характерных обитателей выбрана гостиница? Видимо потому, что для Газданова любая человеческая жизнь – временное обиталище. В этом он близок к восточной мудрости: «Мы – только гости в этом бренном мире».

Почему газдановская гостиница – гостиница грядущего? Пожалуй, из-за характера размышлений и надежд о будущем, что типично, по замыслу автора, для парижан – обитателей его рассказа.

В то же время, допустим, если Газданов назвал бы свое произведение «Гостиница будущего», то, конечно, это выглядело бы из разряда научной фантастики, да и семантика слова «грядущее» перекликается с присказкой «на сон грядущий», чтобы читатель смог установить время действия сюжета. Дальше автор вновь напоминает об этом времени суток («раз в сутки в Париже бывает вечер»[6] и «идите спать»[7]).

Таким образом, обобщая оба намека Газданова, высказанные им уже в названии рассказа, мы видим, что жизнь парижанина протекает накануне полуночи, на границе сумерек и тьмы, на грани мрака. Это тем более легко устанавливается по повествовательной канве, по характеристикам героев и сюжету самого рассказа. Души его героев как бы находятся на земле временно, в «путешествии»[8].

Тема «путешествия» как состояния души продолжена и в других произведениях Газданова, но всякий раз оттенена своими особыми настроениями, а впоследствии и реально существующими географическими пунктами. Так, в более поздних его произведениях возникает мотив Австралии, куда стремятся герои книг Гайто Газданова.

Чем же была Австралия для Газданова – мечтой, куда стремился он сам вслед за своими героями, или небытием, куда он их «высылал», неприкаянных и мятущихся? Как указывают современные исследовательницы творчества Газданова, «хотя его герои собираются побывать на пятом континенте или уже направляются туда, но они никогда не достигают физически зримой территории Австралии в настоящем времени»[9].

Известно, что черные лебеди – эндемичные для Австралии птицы. Так, рассказывая о планируемом самоубийстве, герой рассказа «Черные лебеди» (1930) Павлов заявляет: «В сущности, я уезжаю в Австралию»[10]. Однако из его рассуждений ясно, что смерть Павлов воспринимает не как абсолютное небытие, а скорее как существование в другой реальности, как путешествие в иную, лучшую жизнь. Австралия для него, как и для героя-повествователя из рассказа «Товарищ Брак» (1928), готового отправиться вместе с друзьями на ее завоевание, – понятие не географическое, а скорее метафизическое[11]. При этом, говоря об Австралии и населяющих ее черных лебедях, автор вкладывает в уста Павлова уверенность, что «это какая-то другая история мира, это возможность иного понимания всего, что существует»[12], и сам же подтверждает его слова, когда пишет, что «Австралия была единственной иллюзией этого человека»[13]. Вновь эта грациозная австралийская птица возникнет у него в романе «Возвращение Будды», причем с явно мрачной, как и ее цвет, коннотацией – «трагическая красота черного лебедя»[14].

Детально описанному, предельно конкретному Парижу у Газданова часто противопоставлена Австралия, хотя она не является непосредственным местом действия ни одного из его романов или рассказов[15]. Конечно, Австралия в восприятии многих – континент, а значит и остров. Прежде всего с географической точки зрения. Для Газда-

нова же, если Австралия и остров, то остров не на карте мира, а в сознании. Остров как место уединения, если и обитаемый, то скудно населенный. Каковой, в сущности, Австралия и является по сей день. В его произведениях не только пятый континент, но и иные «дальние земли» изображаются в виде целостности. «Герои никогда не уезжают в Мельбурн, Тунис или Нью-Йорк – они уезжают в Австралию, Африку или Америку. Такая целостность, акцентируемая писателем, уравнивает крошечные острова и огромные континенты, воспринимаемые как острова большие»[16]. Стремящийся в Австралию Павлов видит континент как остров, причем в его сознании он воспринимается дихотомично, двояко – как окруженная водой суша, и как надежда среди невзгод и драматичной жизни: «Австралия <...> соединила в себе все желания, которые когда-либо у него появлялись, все его мечты и надежды. Мне казалось, что если бы он вложил всю силу своих чувств в один взгляд и устремил бы глаза на этот остров, то вокруг него закипела бы вода»[17].

В очередной раз к австралийской теме Газданов возвращается в рассказе «Железный Лорд» (1934), якобы основанном на воспоминаниях из детства автора. Здесь упоминается родственница героя, исколесившая весь мир в поисках своего счастья (вновь перекличка с героем рассказа «Черные лебеди») и в итоге «тетка вышла замуж за португальского консула в Мельбурне»[18]. К слову, почему среди множества австралийских топонимов, в данном случае у Газданова, возник именно Мельбурн? С большой долей вероятности можно утверждать, что это связано с профессиональными обязанностями «мужа» тетки героя, консула Португалии. Как известно, дипломатические представительства практически всегда располагаются в столицах государств, а в те годы (рукопись Газданова датирована 1932 г.), именно Мельбурн являлся главным городом Австралии.

Вновь Мельбурн возникнет в книгах Газданова лишь спустя два десятилетия – сначала в романе «Возвращение Будды» (1949–50), а затем – в рассказе «Письма Иванова» (1963). В этом рассказе его герой Николай Францевич под вымышленным именем Иванов рассылает из Парижа письма незнакомым, но влиятельным лицам, с просьбой о материальной помощи. Делает он это ради надуманной иллюзии материального благополучия, которого отчасти добивается. Один из его адресатов находится в Мельбурне. Но это лишь косвенное упоминание Австралии, как и множества других географических топонимов в книгах Газданова.

Гораздо интереснее рассмотреть образ Австралии в романе «Возвращение Будды», где в результате трагических обстоятельств в жизни героя (душевная болезнь и заключение в тюрьму по подозрению в убийстве) происходит разрыв его романтических отношений с австралийкой Катрин. За время их размолвки и его исчезновения она выходит замуж за английского художника, и молодожены отбывают в далекий Мельбурн из-за чего, казалось бы, Австралия пропадает из жизни героя, а значит и со страниц книги, навсегда. Год спустя после этого он пытается разыскать Катрин и узнает об ее отъезде. Прекращению их взаимоотношений отчасти способствовали длительные приступы психического заболевания и депрессии героя. Собственно с этого начинается повесть: «Я умер, – я долго искал слов, которыми я мог бы описать это <...> я умер в июне месяце, ночью, в одно из первых лет моего пребывания за границей»[19]. Затем, спустя несколько месяцев, он получает от Катрин письмо, из которого узнает о ее разводе. К тому времени он и сам обрел «двойную свободу»[20] – его освободили из тюрьмы и излечили от душевного недуга, что вдохновляет героя на поездку в Австралию, в мечте о воссоединении с любимой. Очень характерно, что Газданов преднамеренно отправил на пятый континент Катрин, чтобы вслед за ней туда увести своего героя. Ведь в представлении европейцев тех лет именно Австралия

являлась далекой и неизведанной, но вместе с тем райской планетой. На это указывают Горницкая и Ларионова, когда пишут, что движению героя к «обретенному раю», коей выступила Австралия, «способствуют два персонажа – Павел Александрович Щербаков и Катрин. Именно благодаря сопричастности истории скорого взлета и последующего убийства Щербакова рассказчик избавляется от недуга, а полученное наследство позволяет ему уехать в Мельбурн»[21]. В стремлении к встрече с Катрин он пытается восстановить прежние, утраченные механизмы защиты: «Я искал у нее защиты, я очень устал от одиночества и отчаяния, и я думал, что теперь, почему-то именно теперь, я заслужил право на другую жизнь»[22].

В Австралию, словно в нирвану, погружает автор влюбленного в Катрин героя, а поскольку повествование идет от первого лица, то погружает и себя, и приглашает погрузиться вместе с ним всех тех читателей, кто нуждается в преодолении собственной жажды бытия, привязанностей, привычек. Тех, кто хотел бы полной отрешенности. Именно отъезд в Австралию – это путь, ведущий к прекращению страдания[23]. Прошедшее лейтмотивом через весь роман исчезновение, путешествие и возвращение статуэтки Будды, по словам героя, не что иное, как «томительное ожидание этого далекого [в Австралию] морского перехода»[24].

Подобные мотивы буддистской философии проявляются и в других произведениях Газданова. Так, в его самом значимом романе «Вечер у Клэр» (1930), когда герой вспоминает о своем путешествии, то, по мнению С.М. Кабалоти, в тексте присутствуют признаки «буддийского гештальта: “далекий ландшафт островов Индийского океана”, где герой никогда не бывал <…> не столько географическая реалия, как некая символическая и метафизическая сущность»[25].

Конечно, мотив путешествия, дороги, столь характерный для всех без исключения произведений Газданова обусловлен общим для эмигрантской литературы ощущением выброшенности, бегства, оторванности от родной страны[26]. Дополнительно к этому естественное в таких условиях чувство отчужденности, помноженное на изгнанничество, принимало особую остроту и специфику. Это происходило на фоне именно тогда переживаемой на Западе проблемы метафизического одиночества человека перед лицом абсурда жизни, ставшей одной из центральных во всей философии и литературе экзистенциализма[27]. Ведь, по выражению В. Вейдле, «человек <…> одинок в своем прошлом, образы которого, населяющие его память, также извне предстоят ему, как и вещи и люди, с которыми он сталкивается в настоящем»[28]. И хотя сам Газданов утверждал в одном из своих писем, что лишь в одной его книге («Вечер у Клэр») события происходят в России, которую он почти не помнит, так как покинул ее совсем молодым человеком[29], на самом деле как минимум в 14 его романах и рассказах тема России так или иначе прослеживается – через воспоминания героев, через их связи и характеры. Движение его героев не направлено в Россию физически, но они устремлены туда психологически, когда вместо упоминающихся на страницах книги Бомбея, Италии, Южной Америки, Австралии все равно прослеживается русская сторона – в языке, характерах, воззрениях, поступках. Оттого проистекают его судорожные и безуспешные попытки воплощения, бесплодное стремление найти свое место в мире, которое, в силу неизвестных причин, было давно потеряно, как воспоминание о прошлом. Наиболее ярко это видно из двойной жизни писателя, который днем занимался литературой, учился в Сорбонне, посещал творческие гостиные, а ночами работал таксистом. Из-за таких

жизненных неурядиц он не имел средств, чтобы путешествовать. Потому путешествовал в своих книгах.

Это подтверждается тем фактом, что Газданов, как известно, в 1930-е годы намеревался вернуться из парижской эмиграции на родину. В связи с этим он вел долгую переписку с Максимом Горьким, который отметил его творчество еще в 1920-е годы. Горький обещал содействие в вопросе его возвращения в Советскую Россию. Главный мотив возвращения Газданова – увидеться с больной умирающей матерью, увидеться, быть может, в последний раз. Ее из Владикавказа к нему также не отпускали. Но свидеться им так и не довелось – сначала умер Горький, со смертью которого рухнули надежды Газданова, а в 1939-м умерла мать Вера Николаевна Абациева.

Но что же тогда семантически коренилось для Газданова в той Австралии, куда стремились его герои? Вероятно, спокойный край, вдали от невзгод и жизненных катаклизмов, куда он сам стремился уехать за тридевять земель не телом, но мыслью и душой. Его Австралия – не пятый континент на карте мира, а остров в океане невзгод, высадившись на который можно наконец-то спокойно вздохнуть и заняться любимым делом – творчеством. Ведь в «гостинице грядущего» его настолько сильно отвлекают от дела, что он уже готов покинуть ее и заявляет в связи с этим, что «если рай хоть немного похож на эту улицу, то мне остается только пожелать, чтобы меня выгнали возможно скорей»[30].

Примечания

1 Подробнее об издании см.: Петрова Т.Г. «Своими путями» (Прага,1924. Октябрь-ноябрь – 1926. Июнь. № 1/2 – 12/13) // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. – М., 2000. – Т. 2.: Периодика и литературные центры. – С. 422–426.

2 Газданов Г. Гостиница грядущего // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 497.

3 Там же. – С. 498.

4 Там же. – С. 493

5 Там же. – С. 494.

6 Там же. – С. 496.

7 Там же. – С. 499.

8 См.: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 52.

9 Там же. – С. 134.

10 Газданов Г. Черные лебеди / / Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 676.

11 См.: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 127.

12 Газданов Г. Черные лебеди / / Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 675.

13 Там же. – С. 676.

14 Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 249.

15 См.: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 134.

16 Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч. Место, которого нет… // Острова в русской литературе. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 135–136.

17 Газданов Г. Черные лебеди // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 676.

18 Газданов Г. Железный Лорд // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 2. – С. 401.

[19] Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 139.

[20] Там же. – С. 278.

[21] Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч. Место, которого нет… // Острова в русской литературе. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 163–164.

[22] Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 278.

[23] Комментарии // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 711.

[24] Газданов Г. Возвращение Будды // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. –. М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 3. – С. 294.

[25] Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. –СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 198.

[26] См.: Там же. – С. 52.

[27] См.: Там же. – С. 251.

[28] Вейдле В. Жан-Поль Сартр // Последние новости. – Париж,1938. – 23 июня. Цит. по: Кабалоти С.М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб.: Петербургский писатель, 1998. – С. 251.

[29] Письмо А.А. Хадарцевой // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 5. – С. 148.

[30] Газданов Г. Гостиница грядущего // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – С. 494.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Т.В. Селезнева

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ (1920–1930)

Положение русских эмигрантов в Америке в период после октябрьского переворота, с одной стороны, существенно отличалось от других мест их рассеяния, с другой – во многом повторяло общую ситуацию, складывавшуюся в странах, давших приют изгнанникам из России. Своеобразие ситуации определялось тем, что еще до приезда так называемых эмигрантов «первой волны» в Америке сложилась многочисленная русскоязычная колония, состоящая преимущественно из крестьян, приехавших на заработки, сектантов, революционеров-анархистов, преследуемых царским правительством, еврейских семей, бежавших от погромов. Общая численность этой колонии, начиная от рубежа веков и до приблизительно начала Первой мировой войны (а по другим данным с 1820 по 1917) составляла до трех с четвертью миллионов человек (эта цифра встречается в разных источниках – в частности в книгах В. Петрова «Русские в Америке. XX век» (5), Дж. Глэда (Glad J.) «Зарубежная Россия: Писатели, история, политика» (14) – даже несмотря на то, что авторы охватывают разные по длительности временные периоды). Дореволюционные выходцы из России (часть из которых, как уже отмечалось, добровольно покинула страну, другая часть состояла из беженцев и изгнанников) старались селиться вместе со своими соотечественниками, создавали различные объединения, в основном, общества взаимопомощи, церковные и культурно-просветительские организации, политические союзы преимущественно левых направлений, открывали школы, книжные магазины (в частности, М.Н. Майзеля, М. Гуревича), при которых действовали библиотеки, выпускали, правда, немногочисленные, периодические издания. Некоторые организации продолжили свое существование и после 1917 г. Как отмечает И.К. Окунцов в книге «Русская эмиграция в Северной

СЕЛЕЗНЁВА Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, ИМЛИ РАН

и Южной Америке» (4), всего до 1939 г. было зафиксировано более 2 тыс. организаций, объединяющих беженцев из России, однако большинство из них было создано уже после приезда послереволюционных эмигрантов.

Следует также отметить, что к этому же периоду (1898–1909) относится и деятельность епископа Тихона, с 1918 г. первого патриарха русской православной церкви, который за время своего пребывания в США построил несколько церквей и основал новые приходы, создал приходские школы и приюты для детей русских беженцев.

Однако русские дореволюционные колонисты принадлежали к беднейшим и малообразованным слоям общества, работали на самых низкооплачиваемых работах, преимущественно на металлургических комбинатах в Петербурге, получая за свой труд около 17 центов в час и, отсылая при этом часть заработанных денег своим семьям в Россию. Духовные потребности этой части эмигрантов сводились в основном к одолению грамоты, освоению основ английского языка и ремесла, «редко восходя до общей литературы, обычной для образованного человека» (11). Основной их целью было, накопив немного денег, вернуться в Россию, чему помешали революция и гражданская война. Как писал приехавший в 1919 г. Александр Браиловский, ставший главным редактором газеты «Русский голос» (Нью-Йорк, 1917 –), оторванная от культуры и американской, и русской, колония питается «дикими сказками».

Таким образом, русские послереволюционные эмигранты в Америке оказались в своеобразной ситуации, отличной от той, которая складывалась для их соотечественников в странах Западной Европы и несколько сходной с той, которая наблюдалась в Харбине. Помимо общеэмигрантских задач, а именно: сохранения и развития русской культуры, научной мысли, религии в условиях иноязычной среды, поисков путей возвращения на родину, сохранения чистоты русского языка, собственной самобытности, помимо тягот чисто материального характера, бесправия жизни иммигранта, у россиян, приехавших в Америку после революции, были и иные, более специфические задачи. В отличие от других стран русского рассеяния у них была аудитория, существовали устоявшиеся институты, органы печати и учреждения, в которых надо было участвовать, иначе их голоса «через океан» не были бы услышаны. Поэтому для первых двух десятилетий после приезда в Америку «новых» эмигрантов характерной была совместная деятельность со «старыми колонистами», или, как еще называли наиболее образованных из них «трудовиками», будь – то издание газет и журналов, создание обществ или обновление прежних, культурно – просветительская деятельность, выпуск книг и других печатных изданий, открытие образовательных учреждений, юридических и банковских контор, обеспечивавших защиту интересов иммигрантов и т.д.

Численность и расселение

Удаленность от России и других мест русского рассеяния, введение американским правительством квот на въезд эмигрантов (3% от общего числа иностранцев, проживавших в Америке, согласно переписи населения 1910 г.), боязнь натурализации – все это помешало Америке стать одним из центров российской эмиграции, подобно Франции или Германии. Статистика во время катастроф и чрезвычайных ситуации может быть лишь приблизительной. Сведения же об американской эмиграции не содержаться в официальных сводках ни так называемой Службы Нансена (созданной при Лиги Наций норвежским исследователем Арктики Фритьофом Нансеном), ни подкомитета частных организаций по делам беженцев.

За неимением других, достоверными представляются данные, приведенные в книге В. Петрова «Русская эмиграция в Америке», основанные на сведениях иммиграционной и натурализационной службы Департамента юстиции США, согласно которым в 1921–1930-е годы в страну прибыли 61 742 уроженца России, а в следующее десятилетие (1931–1940) – только 1356 русских. Следовательно, всего в период между войнами иммиграция русских в Америку составляла около 63 тыс. человек. Если сравнить с данными сводок Службы Нансена по Франции (175 тыс. человек), Германии (90 тыс. человек), Балканским странам (68 400 человек) или Дальнему Востоку (127 тыс. человек) на 1930 г., то цифры по Америке не представляются столь уж незначительными, как принято было считать в эмигрантике.

Первые представители «новой» эмиграции появились уже в 1918–1919 гг., сразу после эвакуации из Крыма в 1920 г., однако массовым приездом отмечены 1923–1925 гг., когда после открытия квоты прибывало до 20 тыс. человек уже из европейских стран, которых не могли даже разместить на Эллис Айленде, своеобразном пропускном пункте для беженцев, именуемом среди эмигрантов также «островом слез». Прибывшие иммигранты, особенно из России, проходили «разрешительную» регистрацию – мера, предпринятая американским правительством против проникновения в страну иностранцев-радикалов, подрывавших, как отмечалось в официальных правительственных документах, самые устои государственности. Поток иммигрантов из-за действия закона был неравномерным, и, например, газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1925 г. 26 марта) приводит данные о том, что с 1 июля 1924 г. по 1 февраля 1925 г. в страну было допущено 3140 человек.

Вновь прибывшие россияне селились преимущественно в Нью-Йорке и рядом расположенных городах северо-восточного побережья Атлантического океана, Бостоне, Детройте, Филадельфии и др. Меньшая часть иммигрантов, прибывших из Сибири и Дальнего Востока, сконцентрировалась на западном побережье США, в городах Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, русскоязычное население которых насчитывало в 1920-е годы около 15 тыс. и 10 тыс. человек соответственно. Таким образом, центрами русской эмиграции в Америке стали Нью-Йорк и Сан-Франциско.

Закон об ограничении (путем введения квоты) иммиграции, принятый Конгрессом США еще в 1921 г., разрешал, однако, свободный въезд представителям творческих профессий, артистам, художникам, ученым, а также медикам и духовенству. Писатели и поэты, как видно, не были включены в этот список. Закон, очевидно, оказал некоторое влияние и на формирование социально-профессионального состава эмиграции.

Социально-профессиональный состав эмиграции

Значительно упрощая и обобщая ситуацию, все же можно назвать послереволюционную эмиграцию в США эмиграцией ученых, художников, артистов, отдавая в полной мере должное русским писателям и журналистам, жившим в Америке, в частности С.И. Гусеву-Оренбургскому, Г.Д. Гребенщикову, произведения которых пользовались успехом не только в русской колонии, но и у американцев, и были переведены на английский язык.

Как отмечает в своей книге Дж. Глэд, русские в Америке, в отличие от своих соотечественников в Европе, предпочитали натурализацию, принятие американского гражданства, не рассматривая их как предательство по отношению к России или утрату русской самобытности, хотя многим, особенно русским художникам и артистам, приходилось приспосабливаться к потребностям американской критики и публики, как, в частности, художнику и сценографу В.В. Бобрицкому, последователю конструк-

тивистов, о котором его коллега поэт и художник Д.Д. Бурлюк, также живший в Америке с начала 1920-х годов, писал о том, что В.В. Бобрицкий пытался применить русский театральный стиль на американской сцене, но увидел, что для Америки этот стиль «принять еще рано». Многим русским ученым, приехавшим в Америку после революции, а также представителям технической интеллигенции, в отличие от большинства их коллег в Европе, после нескольких лет тяжелой эмигрантской жизни удавалось добиться признания не только среди эмигрантов, но и в академических кругах Америки еще в 1920–1930-е годы. Следует отметить прежде всего изобретателя телевидения В.К. Зворыкина (1889–1982), ученого-металлурга С.П. Тимошенко (1878–1972), химика, автора воспоминаний В.Н. Ипатьева (1867–1952), социолога П.А. Сорокина (1889–1968), изобретателя И.И. Сикорского (1889–1972), а также ученых-историков – М.М. Карповича (1888–1959), М.И. Ростовцева (1870–1952), Г.В. Вернадского (1887–1973), создавших и возглавивших кафедры русской истории в крупнейших американских университетах уже в конце 1920-х годов. И. Сикорский, М. Карпович, П. Сорокин принимали также активное участие в общественной жизни русской колонии Нью-Йорка со времени своего приезда, вели курсы в Русском народном университете (Нью-Йорк), читали лекции в различных русских клубах и организациях.

Середину 1920-х годов можно назвать триумфом русской культуры в Америке, оказавшем влияние на изменение отношения американцев к России и русским, в том числе и эмигрантам. Этому во многом способствовали проходившие в 1923 и 1925–1926 гг. гастроли Московского художественного театра, вызвавшие огромный резонанс в американских театральных кругах и определившие судьбу многих русских актеров, уже находившихся в эмиграции в Америке или оставшихся после гастролей, а также вызвали приток новых русских артистических трупп из других стран рассеяния россиян. Кроме того, в Нью-Йорке по инициативе русских и американских импресарио проводились «недели русского искусства», в которых, в частности в декабре-январе 1924–1925 гг., принимали участие: Анна Павлова (29 декабря); Ф.И. Шаляпин (1 января): И. Стравинский, С. Кусевицкий, С. Рахманинов (1–2 января); Я. Хейфиц (29 января).

Интерес к русским школам живописи и их представителям пробудили постоянно проводившиеся выставки русского искусства, в том числе выставка русского авангарда, организованная в 1923 г. в Бруклинском музее (Нью-Йорк), передвижная выставка русского искусства в США и Канаде (1924/1925), организованная совместно с СССР, на которой были представлены полотна и другие работы как «старых мастеров», так и современных художников, включая живших в эмиграции, выставки Современного русского искусства в Филадельфии в 1932 г. и мн. др. Немалому успеху способствовали и персональные выставки художников, помощь в организации которых оказывали американские меценаты, другие энтузиасты русского искусства, в частности К. Бринтон, по инициативе которого в 1935 г. была открыта постоянная выставка произведений русских художников в Нью-Йорке. Русские художники широко привлекались для исполнения декораций к спектаклям особенно русской тематики, занимались росписью интерьеров, книжной графикой, проявили себя в области рекламы и применения технических достижений в сфере искусства. Работали и для русской колонии, расписывая православные храмы и оформляя спектакли русских театральных коллективов. Среди художников, приехавших после революции и проявивших себя в Америке уже в 1920–1930 гг., можно особо выделить живописца и сценографа Б. Анисфельда (1878–1973), скульптора А. Архипен-

ко (1887–1964), скульптора Г. Дерюжинского (1888–1975), скульптора С. Коненкова (1874–1971), вернувшегося после войны в Россию, живописца А. Маневича (1881–1942), карикатуриста Н. Ремизова (псевд. РЕ-МИ, 1887–1975), Н. Рериха (1874–1947), который, несмотря на лишь трехлетнее пребывание в США (1920–1923), создал центр русского искусства в Америке, открыв Мастер-институт объединенных искусств в Нью-Йорке, учредив музей Рериха, где помимо постоянной экспозиции проводились выставки, спектакли русских трупп, лекции для русскоязычной колонии. Нельзя не отметить также С. Судейкина (1882–1946), занимавшегося в Америке преимущественно сценографией, и Н. Фешина (1881–1955).

Однако русским литераторам, писателям, журналистам и книгоиздателям, приехавшим в Америку сразу после революции, сама языковая природа их творчества мешала проникновению в американскую культуру, и их деятельность в 1920–1930 гг. была ограничена в основном русскими колониями в США. Показательна в этом смысле судьба в Америке «отца русского футуризма», поэта и художника Д.Д. Бурлюка (1882, хутор Семиротовщина – 1967, Лонг-Айленд). Прибыв в Нью-Йорк в 1922 г., писатель полагал, что в среде старых русских колонистов, по происхождению рабочих и крестьян, нашел благодарную аудиторию для восприятия футуристического искусства, объявляя футуризм «искусством пролетариата». Бурлюк активно включается в жизнь русской Америки, создает литературный раздел в газете «Русский голос» (Нью-Йорк, 1917), участвует в выпуске альманахов и сборников Кружка пролетарских писателей Северной Америки, выступает с лекциями и организует литературные диспуты, совместно с женой создает собственное издательство, где в 1920–1930 гг. выходят 19 сборников его произведений и один альманах Кружка пролетарских поэтов. Одновременно сразу же после приезда Бурлюк устраивает персональную выставку картин, привезенных из Японии, участвует в международных выставках в 1923 и 1927 гг., занимается книжной графикой, работает над новым стилем в живописи, названным им «радио-стилем», участвует в объединении художников «Джон-Рид клуб». Постепенно осознавая, что футуристическая «заумь» не поддается переводу на английский язык и непонятна старым колонистам, Бурлюк – «отец русского футуризма» становится «мэтром американского искусства», по определению одного американского критика, не прекращая работать лишь над выпусками собственного «саморекламного» журнала «Color and Rhyme» (Нью-Йорк, 1930–1967), выходящего преимущественно на английском языке.

Тем не менее после 1918 г. в русских колониях США заметно увеличивается по объему книгоиздательская деятельность, а также выпуск газет и журналов.

Газеты. Организации

Русская Америка в 1920–1930 гг. не стала центром книгоиздания, подобно русскому Берлину или Парижу ни по числу издаваемой продукции, ни по ее значимости и разнообразию. Из-за недоступности большинства источников невозможно определить точное число печатных изданий, выпускавшихся русскоязычными эмигрантами в период между войнами, хотя опытный издатель из числа старых колонистов И.К. Окунцов (1873–1939) в своей книге «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке» (4) называет цифру – 1200 единиц печатной продукции (сюда же, вероятно, включены названия газет и журналов, которых Окунцов же насчитывает около 188 за весь период существования русской печати в Америке вплоть до конца 1930-х годов). Книгоиздатель и газетчик М.Е. Вильчур (?–1940) упоминает о 21 периодическом издании, выходившем с начала века до 1918 г. Однако многие из них были эфемерными созданиями, прекратившими существова-

ние после выхода одного-двух номеров, или органами той или иной политической, национальной или землячеcкой группировки, имевшими ограниченную аудиторию. Многие издания левых политических объединений (коммунистов и анархистов) в 1919–1920 гг. были закрыты американскими властями, а их редакторы высланы из страны в качестве меры предосторожности против распространения «красной угрозы», как было заявлено обер-прокурором США А.М. Палмером, возглавившим эту акцию. В результате количество русскоязычных газет и бюллетеней (одного из основных видов русской периодической продукции в Америке) резко сократилось. В своей книге И.К. Окунцов приводит такую статистику выхода периодики по годам: 1917 – 24; 1927 – 16; 1935 – 22; 1936 – 31. Можно отметить уменьшение количества между 1917 и 1927 гг., объяснимое частично «палмеровскими арестами», сокращением политизированных изданий, и постепенное увеличение к 1936 г., ко времени массового переезда русских эмигрантов из Европы в Америку в связи с распространением нацизма и приближением войны.

Представляется достаточно трудной систематизация периодических изданий, вышедших в Америке в период между войнами, так как сведения о большинстве из них отрывочны, а в справочниках по периодике (1, 3, 8, 12) или в каталогах отечественных библиотек зачастую содержатся данные только об одном-двух номерах того или иного издания, что не позволяет судить ни о длительности его выхода, ни о периодичности. Тем не менее можно выделить несколько групп среди изданий, частично отражающих социально-политическую структуру общества, сложившегося внутри русской Америки.

Самой многочисленной, по нашим данным, является группа, издаваемая левыми партиями, коммунистами, анархистами, анархо-коммунистами, а также различными фракциями и группировками, отделившимися от них, троцкистами например, или «волновцами» и различными организациями рабочих. Для этих органов политических партий характерно то слияние нескольких изданий в одно, то, наоборот, – их разделение, свидетельствующие об острой внутрипартийной борьбе и о сложной иерархической структуре «левых» организаций. Так, например, газета «Дело труда: Орган русских коммунистов-анархистов» (Париж; Нью-Йорк; Чикаго, 1925–1939; редактор Г. Максимов) в 1939 г. была объединена с изданием «Пробуждение» и стала называться «Дело труда – Пробуждение: Орган объединений федераций рабочих организаций США и Канады» (Нью-Йорк, 1939–1956) и т.д. От журнала «Волна» (Балтимор, 1921–1938?), органа федерации анархо-коммунистических групп США, отделилось издание «Буревестник» (Детройт; Кливленд; Филадельфия, 1921–1922), даже в самом названии которого было заявлено, что оно было создано группой, вышедшей из состава журнала «Волна» и т.д. Органом федерации русских отделов коммунистической партии США (и как отмечено в заглавии, «секции Коммунистического интернационала») была газета «Новый мир» (Нью-Йорк), основанная в 1911-м. В 1916 и 1917 гг. в состав редакции входили Н. Бухарин и Л. Троцкий. Чтобы создать какое-то представление о количестве периодических изданий, выпускавшихся «левыми» организациями, следует среди многих других упомянуть также, не выделяя, впрочем, их по значимости. «Рабочий и крестьянин: Еженедельный журнал Совета рабочих депутатов г. Нью-Йорка» (Нью-Йорк, 1918); «Хлеб и воля: Еженедельный орган Федерации союзов русских рабочих США и Канады» (Нью-Йорк, 1919), «Голос труженика» (Чикаго, 1924–1927) и мн.др. Однако, как уже отмечалось, эта группа

изданий больше всего пострадала в результате «пальмеровских арестов», или погромов, как их называли колонисты.

Менее многочисленной, но более долговечной представляется группа изданий монархических организаций, появившихся в основном уже в 1930-е годы и позже. Это – «Вестник монархиста» (Нью-Йорк, 1930–1932; секретарь редакции И.Л. Пущин), еженедельная газета «Россия» (Нью-Йорк, 1933–; редактор Н.П. Рыбаков), печатавшаяся по старой орфографии, «Воскресение России: Голос русской монархической мысли» (Stratford, Conn., 1933; редактор: Н.Р. Измайлов) и др.

Несмотря на своеобразие политическая ситуация в русской Америке повторяла во многих чертах общеэмигрантские процессы, в том числе и негативные. Так, к середине 1930-х годов в результате появления в русских колониях ультраправых организаций, фашистов и «младороссов», стали выходить и соответствующие печатные органы, как-то: «Фашист: Орган Всероссийского национального революционного центра» (Putnam, Conn., 1933–; редактор-издатель К. Кинле), последний номер которого глава русских фашистов в Америке А.А. Вонсяцкий планировал выпустить в Москве после победы Гитлера, и некоторые другие, в том числе журнал «Путь» (Сиэтл; Вашингтон, 1935: редактор: Е. Ивановская), издававшийся «женским отделом Всероссийской фашистской партии». Молодые русские фашисты, так называемые «младороссы», выпускали собственный журнал «Держава» (Б. м. указано: North America, 1935–?), издававшийся «представителями руководящего центра Союза Младороссов на Северной Америке» и «Бюллетень Союза младороссов; представительство в США» (Нью-Йорк, 1931).

Военные организации также имели собственные печатные органы, в том числе «Жизнь и дело» (Нью-Йорк, 1918), издававшийся «группой русских офицеров», как отмечено в названии; «Донской атаманский вестник» (Stratford, Conn., 1925–1956); «Вестник Общества русских ветеранов великой войны в Сан-Франциско» (Сан-Франциско, 1926–1949) (в названии общества слышатся отголоски Союза ветеранов, сети обществ, которые планировалось создать генералом Врангелем для поддержания связи со своими бывшими формированиями); «Вестник Объединения офицеров Генерального штаба в Сан-Франциско» (Сан-Франциско, 1931–1932); «Вахтенный журнал» (Сан-Франциско, 1936–1938; редактор: С.Ф. Горденев), выпускавшийся «кают-кампанией морских офицеров» и т.д. Как видно, большинство этого рода изданий выпускались в Сан-Франциско, куда были эвакуированы остатки белой армии с Дальнего Востока, а также часть беженцев из числа военных из Крыма, и где также военные организации получали достаточное финансирование для выпуска периодики (одним из источников были консульские и посольские службы, получившие право распоряжаться деньгами Временного правительства по решению Конференции русских послов – см.: 7).

Различные профессиональные организации, объединявшие представителей одной профессии для защиты их прав и оказания помощи моральной и материальной, в частности при устройстве на работу, выпускали собственные издания, чаще всего бюллетени. Так, органом «русских ассоциаций инженеров в Америке» был журнал «Американская техника» (Нью-Йорк, 1925; редактор: В. Чиков, 1928: редактор: С. Васильев). Союзы кооператоров имели свой «Бюллетень информационного бюро русских кооператорских союзов» (Нью-Йорк. 1920). Созданный в 1919 г. в Нью-Йорке по инициативе журналиста, издателя «Нового русского слова» М.Е. Вейнбаума (1890–1973). Фонд помощи российским ученым и писателям также издавал свой «Бюллетень Фонда помощи российским писателям и ученым» (Нью-Йорк. 1937), впоследствии переименованный в «Литературный фонд. Известия» (New York, 1949–). Историческое общество занималось более традици-

онной для такого рода объединений деятельностью, о чем свидетельствует жанр выпускаемого им издания, а именно: «Записки русского исторического общества в Америке» (Сан-Франциско, 1938; редактор: А.П. Ферапонтов).

Вызванные революцией процессы, затронувшие русскую православную церковь, особенно бурно проявились и в русской Америке и привели к созданию Русской православной церкви в Америке, независимой от московского патриарха. Многочисленные, особенно в 1920–1930-е годы, православные органы печати (традиция издания которых в Америке восходит еще к 1867 г., когда русский священник Агапий Гончаренко выпустил первый номер «Вестника Аляски»), отражали разногласия, возникшие внутри самой церкви, даже в самих названиях журналов и газет, как, например, «Русская почта: Еженедельная газета. / Под ред. священников независимой церкви Н. Николаенко и А. Покатилова. Чикаго, 1917–1918); «Свободная Россия: Орган независимой православной церкви» (Чикаго, 1917–1923). Обращают на себя внимание ранние годы выхода этих изданий, зафиксировавшие начало раскола, окончательно оформившегося лишь в течение 1920-х годов. Из более консервативных изданий следует отметить выходивший с начала века «Американский православный вестник: Орган Северо-американской епархии» (Cleveland; New York. 1900–1929; редакторы: Л. Туркевич, С. Снегирев). Известно, что священник Леонтий Туркевич был против автокефалии (независимости американской православной церкви) (Русский голос. Нью-Йорк, 1923. 8 авг.).

Как и во многих странах русского рассеяния, в Америке существовали организации, помогающие эмигрантам выжить материально и духовно в условиях иноязычной среды и культуры. В Америке еще с начала века существовала сеть различных благотворительных организаций, именуемых обществами взаимопомощи, которые в 1926 г. создали Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке (сокращенно – РООВА). Наряду с другими благотворительными и образовательными учреждениями эти общества имели свои органы печати, бюллетени, информационные листки, которые, как правило, были недолговечными из-за ограниченных финансовых возможностей издающих организаций. В своей книге И.К. Окунцов приводит сведения о ежемесячном журнале «Наука и жизнь» (Нью-Йорк, 1923; редактор Д.Н. Працкевич), выпуск которого осуществляло одно из старейших в Америке общество «Наука» и который был через восемь месяцев ликвидирован, так как нанес обществу материальный ушерб в 2500 долл. Исключение составлял «Русский вестник: Культурно-информационный журнал Русского объединения общества взаимопомощи в Америке и Федерации молодежи» (Нью-Йорк, 1937–1957), который, как показывают выходные данные, выпускался в течение 20 лет. Помимо материальной, юридической помощи, общества взаимопомощи выполняли и образовательные функции: при них создавались начальные школы, курсы английского языка, велись занятия по профессиональной ориентации и т.д. «Бюллетень Школьного отдела Р.О.О.В.А» (Нью-Йорк, 1933) также служил выполнению образовательных задач. В русской Америке была создана целая сеть учебно-просветительских учреждений, из которых наибольшую популярность приобрел Русский народный университет в Нью-Йорке, созданный при финансовой поддержке посла Временного правительства в США Б.А. Бахметева (1880–1951) в 1919 г. Система народных университетов была широко распространена в среде русских эмигрантов, поскольку позволяла работающим людям посещать занятия вечером. Студенческими обществами взаимопомощи при Русском народном университете в Нью-

Йорке издавался ежемесячник «Ученье – свет» (Нью-Йорк, 1923–1924). Проблемами религиозного и светского образования занималась и международная организация «Русское христианское студенческое движение» (РСХД), созданная в Чехословакии в 1923 г. и получившая широкое распространение благодаря своей объединительной религиозно-культурной деятельности в других странах с русской диаспорой, и в частности, в Америке. По типу РСХД в Америке было создано объединение «Русский студенческий христианский союз», в котором выпускались «Русский студент» (Нью-Йорк. 1924), «Современник» (Нью-Йорк. 1928: редакторы: Д. Варли, В. Казакевич, С. Костецкий и др.). «Бюллетень Национального русского студенческого союза в США» (Нью-Йорк, 1931).

Если Нью-Йорк был центром издания русскоязычной печатной продукции на северо-восточном побережье США, то Сан-Франциско – на западном. Как уже отмечалось, здесь широко издавались газеты и журналы военных организаций. Также российским консульством в Сан-Франциско, которое, как и другие русские консульства и посольства в разных странах целенаправленно помогали эмигрантам, в соответствии с решениями Конференции русских послов, выпускался ежемесячный бюллетень «Вестник русско-американского сближения» (Сан-Франциско, 1919. 1920–1921: редактор-издатель: Ю.С. Романовский). Здесь же выходили «Русская жизнь» (Сан-Франциско, 1921; одним из редакторов был П.П. Балакшин), издающаяся и по сей день; «Новая заря» (Сан-Франциско, 1926; редактор-издатель Г.Г. Сухов) и некоторые др. В Лос-Анджелесе печатался «Призыв: Ежемесячный листок для всех» (1933–1940).

Среди периодических изданий, нацеленных на широкого читателя, а также выдержавших испытания временем, выделяются следующие газеты: «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910; первоначальное название «Русское слово», возобновление издания под новым названием – в 1921 г.; редакторы (в порядке их смены): И.К. Окунцов, Л.М. Пасвольский, издатель: М.Л. Пасвольский: с 1921 – И.К. Окунцов, А.Л. Фовицкий (1876–1931), (?) Дурмашкин; издатели: В.И. Шимкин, М.Е. Вейнбаум (1890–1973); А. Седых (наст. фам.: Цвибак Я.М. (1902–1994); «Русский голос» (Нью-Йорк, 1917-; редакторы: И.К. Окунцов, издатель: С. Шейман; В 1920 г. состав редакции был обновлен, редактором стал А.Я. Браиловский, управляющим делами М.Е. Вейнбаум; владельцами: издательская корпорация «Русский голос»; в состав редакции входили З.И. Кринкин, а после 1922 г. – Д.Д. Бурлюк). У истоков создания обеих газет – один и тот же человек И.К. Окунцов. Интересно, что первоначально была открыта газета «Русский голос» (1907), однако в 1910 г. она стала выходить под новым названием «Русское слово», а в 1917 г., был возобновлен выпуск и под прежним названием (Об истории создания обеих газет – см.: Новое русское слово. Нью-Йорк, 1925, 12 апр.). Надо отметить, что обе газеты продолжают выходить и по сей день. Обе издавались при участии рабочих организаций, однако между ними имелись существенные расхождения, поскольку «Русский голос» был рупором коммунистических организаций и отличался просоветской настроенностью. «Новое русское слово» критически относилось к политике ограничения свобод и прав граждан, проводимой советскими властями, практике «красного террора», осуществляемой большевиками. После приезда «новых эмигрантов» обе газеты, особенно «Новое русское слово», полностью обновились, став из узкоместных общеэмигрантскими органами. В «Русском голосе» в 1920–1930 гг. регулярно в каждом воскресном выпуске печатались новые произведения С.И. Гусева-Оренбургского (1867–1953), воспоминания Д.Д. Бурлюка и многое др. С помощью «Нового русского слова» же русские эмигранты в Америке получили возможность подключиться к общеэмигрантскому – и

шире – общероссийскому культурному диалогу: у газеты были собственные корреспонденты в разных странах, в частности Дионео (наст. фам.: И.В. Шкловский) – в Англии, Андрей Седых – в Париже; здесь регулярно печатались и перепечатывались из разных изданий произведения эмигрантских писателей и тех, кто остался в России. В своей книге «Русская литература в изгнании» (10) Г.П. Струве отметил, что «Новое русское слово» заняло «видное место не только в истории эмиграции вообще, но и в истории русской литературы и журналистики в целом». Из других газет, получивших широкое распространение в течение продолжительного времени в русских колониях США, следует отметить «орган российских прогрессивных союзов и культурно-просветительских организаций» газету «Рассвет» (Нью-Йорк, 1924; в 1926 г. после объединения с «Русским вестником», Нью-Йорк, стала издаваться в Чикаго; с 1934 превратилась в церковный орган при участии епископа Л. Туркевича; в 1937 г. выпускалась под редакцией В. Лебедева и Л.Г. Перцова (псевд.: Ник. Калюжин). Впоследствии газета была переименована во «Все новости», а затем получила название «Наша речь».

Журналы. Литераторы

Русские колонисты неоднократно пытались создать что-то типа «толстого» журнала, «настольной книги для всей колонии», как было заявлено при выходе одного из изданий, также оказавшегося недолговечным (Русский голос. Нью-Йорк, 1918. 19 апр.), т.е. внепартийного, независимого, литературно-художественного и научно-популярного органа. Среди новых эмигрантов было немало опытных литераторов и журналистов, для которых издание собственного журнала на русском языке было профессиональной необходимостью, единственным способом самореализации в условиях иноязычной среды. Помимо уже упомянутых Д.Д. Бурлюка, С.И. Гусева-Оренбургского, Г.Д. Гребенщикова (1882–1964), А.Л. Фовинкого. В 1920-е годы в Америку прибыли следующие литераторы, принимавшие участие в издании журналов и сборников: военный инженер, поэт, издатель Ник. Алл (наст. фам.: Дворжицкий Н.Н.), журналист и писатель П.П. Балакшин (1898–1990: псевд.: Миклашевский Б.), живший в Сан-Франциско; издатель, литератор Б.Л. Бразоль (1885–1963); уже упоминавшийся в связи с газетой «Русский голос» издатель, журналист, поэт А.Я. Браиловский (1884–1958); автор сборников рассказов, киевский журналист Г.Н. Брейтман (1874–1949); писатель и журналист А. Ветлугин (наст. фам.: Рындзюн В.П.: 1897–?); поэт, конферансье, издатель А.А. Волошин (1884–?); прибывший в 1923 г. из Шанхая поэт, драматург, журналист В.Г. Воронцовский; поэт и переводчик Г.В. Голохвастов (1882–1963); поэтесса, драматург, издатель Е.П. Грот (1891–1968), жившая в Сан-Франциско: поэт, художник и издатель С.В. Животовский (1869–1936), очеркист и поэт В.М. Ильин (1883–1958), поэт, литературовед В.С. Ильяшенко (1887–1970); известный одесский журналист, писатель Л.М. Камышников; поэт, критик, издатель В.М. Левин (1892–1953); инженер, поэт Д.А. Магула (1880–?); врач по образованию, литератор, издатель Л.Г. Перцов (псевд.: Ник. Калужин); прозаик, издатель Н.Н. Сергиевский (1875–1955?); прозаик, драматург, журналист А И. Соколовский (псевд.: А. Сокол); издатель, литературовед А.П. Ющенко (?–1957) и некоторые др.

В 1920-е годы было отмечено около 15 попыток издания журналов на русском языке в Америке. Организация выпуска литературно-художественного журнала требует значительных финансовых вложений, на что не могли рассчитывать вновь прибывшие литераторы, не принадлежа к

какой-нибудь организации или партии, а международные благотворительные организации типа ИМКА или Красный крест, которые действительно оказывали материальную помощь при выпуске некоторых изданий (в частности, сборник «Голод». Нью-Йорк. 1922 – был издан при поддержке представительства российского общества Красного Креста в Америке), могли субсидировать только отдельные сборники, книги или альманахи. Предпринимались попытки сбора средств среди колонистов для выпуска журналов, однако собранных денег хватало лишь на один-два номера. Различные фонды выпускали, как уже было показано, собственные бюллетени, а, например, «Кулаевский фонд», названный так в честь своего создателя золотопромышленника И.В. Кулаева (1857–1941), осуществлял издание тематического «ежегодного сборника статей и беллетристики» «День русского ребенка» (Сан-Франциско. 1934–1956), отвечающего своим образовательно-просветительским задачам. Оригинальный способ обеспечения финансирования журнала был предложен С.И. Гусевым-Оренбургским и В.М. Левиным. Они предполагали, выпустив 4 тыс. акций по 5 долл. каждая и, распространив их среди колонистов, создать издательскую корпорацию «Орион», которая и будет специализироваться на выпуске журналов помимо других проектов. Однако, видно, их акция все же не имела успеха, поскольку все попытки издавать журнал, а их было четыре, если понимать под журналом продолжающееся с регулярной периодичностью издание, заканчивались на выпуске одного пробного номера. Так, в 1924 г. выходит «Временник Annals» (New York, № 1), проект по изданию «журнала трех искусств» «Three arts journal» так и не был осуществлен, зато в 1935 г. был возобновлен выход «Временника» (Нью-Йорк; редакторы: С.И. Гусев-Оренбургский, В.М. Левин при участии Е.И. Хатаевой), иллюстрированного литературного журнала, просуществовавшего несколько месяцев. Исключение составлял лишь «Жизнь: Журнал для всех» (Нью-Йорк, 1924–1925. № 1–9; редактор: С.И. Гусев-Оренбургский), выходивший достачно длительное по эмигрантским меркам время. Основной задачей, которую ставил перед собой С.И. Гусев-Оренбургский при издании журналов, было «сохранить себя для возвращения в Россию, переждав трудный момент, для создания новой культуры, обогащенной американским опытом» (Временник. Нью-Йорк. 1924. № 1).

Благотворительный бал стал источником финансирования для выпуска «Зеленого журнала = The Green Magazine» (Нью-Йорк, 1924; редактор-издатель: Л.М. Камышников), однако собранных средств хватило лишь на два номера. В издании журнала принимали участие И.К. Окунцов, Г.Д. Гребенщиков, В.М. Ильин. По сравнению с изданиями С.И. Гусева-Оренбургского, «Зеленый журнал» носил более развлекательный характер (были помещены рассказы А.Т. Аверченко, фельетоны В.М. Ильина) и преследовал более прагматические цели – помочь ознакомлению с американской жизнью (серия очерков В. Крымского о названиях улиц в Нью-Йорке, о президентских выборах) и адаптации к ней. В журнале также публиковались материалы справочного характера о культурных событиях русской Америке, выставках, литературных обществах, музыкальных студиях, русских артистах в Америке (была введена специальная рубрика «Русский Бродвей»).

Идея создания русскоязычного литературно-художественного «журнала для всех» частично воплотилась в 1920-е годы в издании «ежемесячного литературного и научно-популярного журнала «Зарница» (Нью-Йорк, 1925–1927. № 1–18), выпускавшегося издательской группой «Зарница» под редакцией И.И. Дзиоменко. Финансирование осуществлялось за счет членов издательской группы, большинство из которых имело собственное дело в Нью-Йорке. Распространялся журнал во многих городах северо-восточного побережья США: помимо Нью-Йорка, в Филадельфии, Чикаго, Детройте. Среди постоянных авторов были

Г.Д. Гребенщиков, Н.А. Рубакин, А.Л. Фовицкий, театральный художник и критик Р. Ван Розен и др. Печатались произведения Л.Н. Толстого, а также писателей «толстовского круга» – биографа писателя П.И. Бирюкова, И.И. Горбунова-Посадова. Постоянными рубриками были «Изящная литература», «Беседы о культуре», «Великие люди», «Плоды невежества». «Жизнь колонии», «Самородки». Задачи издания были в основном культурно-просветительскими, «способствовать распространению знаний среди русских колоний» (Зарница. Нью-Йорк, 1925. № 1), однако участие «новых» эмигрантов значительно расширило содержательно-эстетические рамки журнала.

Чикаго был также одним из центров русскоязычной печати, где из литературно-художественных периодических изданий выходили «Русское обозрение: Иллюстрированный журнал литературы, искусства и общественной жизни» (1927–1929; редактор-издатель Савицкий), среди членов редколлегии и авторов которого был Г.Н. Брейгман; орган «Русского центра в Чикаго» – «Москва: Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал» (1929–1931; редактор; Л.Г. Перцов), где печатались произведения писателей и из других мест русского рассеяния, в частности из Харбина.

Большой популярностью в русских колониях традиционно пользовались юмористические и сатирические журналы, в числе которых выходили: «Пролом: Юмористический, сатирический журнал для русского народа в Соединенных Штатах и Канаде» (Нью-Йорк, 1921; редактор: Н. Андрейка); «Смехомет: Еженедельный иллюстрированный журнал сатиры и смеха» (Нью-Йорк. 1922–1923); «Взлет мечты Иллюстрированный журнал поэзии, сатиры и юмора» (Нью-Йорк. 1934); «Бич: Единственный русский юмористический журнал в США и Канаде» (Нью-Йорк, 1936–1940: редактор: В.Н. Ильин) и др.

Книгоиздательская деятельность

Потребности «старого» колониста в книге обеспечивали в основном книжные магазины, которых к 1925 г. насчитывалось около 10, среди них старейшим и крупнейшим был магазин М.Н. Майзеля, основанный в 1893 г. Книжные магазины заказывали книги в Европе, при магазинах также работали библиотеки, а время от времени они выполняли книгоиздательские функции, – тенденция, в целом сохранившаяся и после приезда пореволюционных эмигрантов. Выпускались, скорее перепечатывались, в основном учебники английского языка, популярные брошюры, политические памфлеты, справочники, календари, юмористические сборники.

Поскольку, как уже было показано, не было достаточно средств для налаживания полномасштабного производства периодики, особой популярностью, как у издателей, так и читателей пользовались художественные альманахи и сборники, среди которых (в порядке их выхода) можно выделить «Досуг: Первый, изданный в Америке сборник рассказов, очерков, стихотворений и рисунков» (Под ред. П.П. Сергиевского. Нью-Йорк: Первое русское издательство в Америке, 1918; содерж. авт.: Б.П. Никонов; К.Р.; Н.Н. Сергиевский: И.З. Суриков; Н. Никольский; С.П. Швецов; М. Вильчур; Н. Муратов); «Книга смеха: Юмористический сборник» (Нью-Йорк: Русский голос, 1918; содерж. авт.: А.Т. Аверченко: А.В. Амфитеатров; Н.А. Тэффи; Ф. Сологуб); «Чтец-декламатор Сборник стихотворений, рассказов, монологов, драматических сценок» (Нью-Йорк: Русский голос, 1918); «Свободная песнь: Сборник революционных песен и стихотворений» (Нью-Йорк: Книжный магазин М.Н. Майзеля, 1919); «Скорбь земли родной: Сборник» (Нью-Йорк: Инициативная группа «Народной газеты», 1920: содерж. авт.: И.А. Бунин:

Е.Н. Чириков; Л.А. Андреев; А.И. Куприн); «Родная земля: Сборник: В 2 т.» (Нью-Йорк: Народоправство, 1920–1921. Т. 1: Содерж. авт.: Ф. Сологуб; А.М. Ремизов; Е.Н. Чириков; Н.А. Тэффи; М.И. Ростовцев; Дионео (наст. фамилия: И.В. Шкловский); М.К. Иорданская; В.В. Набоков; Т. 2: А.А. Блок; Е.А. Ляцкий: К.Д. Бальмонт; К.И. Чуковский; Н.К. Рерих; И.А. Бунин; М.А. Волошин; Б. Соколов); уже упоминавшийся «Голод; Сборник» (Нью-Йорк: Российское представительство Красного Креста в Америке, 1922); «Из Америки: Стихотворения» (Нью-Йорк. 1925; Содерж. авт.: Е.А. Христиани; Г.В. Голохвастов, Д.А. Магула; В.С. Ильяшенко; под ред. А.И. Назаров), ставший событием в литературной жизни русской Америки; «Земля Колумба: Сборник литературы и искусства. / Под ред. Б. Миклашевского» (New York; San Francisco; Los Angeles, [1936]. – Кн. 1: Х. Аллен, Т. Андреева, Т. Баженова, А. Вертинский, Б. Волков, Н. Дудорова. П. Балакшин, А.Р. Ветьен, З. Полонская, С. Горный, З. Лихтман, Б. Миклашевский, Н. Рерих, А. Рославлев, Л. Яковлев. – Кн.: 2: Г. Багреев, Б. Волков, Л. Гроссе, О. Ильина, А. Несмелов, Е. Рачинская, Н. Резникова, Л. Хаиндрова, Т. Баженова, П. Балакшин, И. Петров, Л. Хьюз, А. Амфитеатров, Б. Миклашевский, З. Полонская, Н. Рерих, А. Рославлев, С.В. Гладкий).

Среди издающих организаций можно выделить «Первое русское издательство в Америке», созданное в 1918 г. «новым» эмигрантом Н.Н. Сергиевским совместно с колонистами М.Е. Вильчуром и Л.М. Пасвольским, просуществовавшее до 1921 г., когда оно было выкуплено владельцами газеты «Новое русское слово», а также издательство «Народоправство», которому после выпуска сборников «Родная земля» было предъявлено обвинение в нарушении авторских прав, перепечатке материалов из других источников без согласия авторов и выплаты гонораров (Русский голос. Нью-Йорк. 1921. 9 июня). На этом этапе книгоиздательской деятельности эмигрантов повсеместно процветало пиратство. Обращает на себя внимание также книгопроизводство на основе типографской базы газет, таких, в частности, как «Русский голос», «Народная газета».

Книгопечатание в русской Америке имело полукустарный характер, часто издающими организациями становились литературные объединения и организации, где авторы сами оплачивали свои публикации. По свидетельству К. Солнцева, чтобы быть напечатанным в сборниках «Кружка пролетарских поэтов и писателей в Северной Америке» достаточно было внести 3 долл. (Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925. № 1). Издательская деятельность Кружка отличалась особой активностью и небрежностью в оформлении книг. Так, в 1920–1930-е годы были выпущены следующие издания: «К новым горизонтам: Альманах» (Нью-Йорк, 1922): «В тени небоскребов: Сборник поэзии и прозы» (Нью-Йорк, 1922): «В плену небоскребов: Альманах / Кружок пролетарских писателей в Северной Америке: (Отдел Всероссийского союза крестьянских писателей)» (Нью-Йорк, 1922); «Сегодня русской поэзии» (Нью-Йорк. 1924); «Первый кооперативный сборник свирели собвея» (Нью-Йорк: М.Н. Бурлюк, 1924): «Серп и молот: Литературно-художественный сборник ассоциации пролетарских писателей, художников и артистов в Америке» (Нью-Йорк. 1931), а также посвященный памяти В.В. Маяковского «Красная стрела: Сборник-антология» (Нью-Йорк: М.Н. Бурлюк. 1932). В числе постоянных авторов сборников: Д.Д. Бурлюк, В.Г. Воронцовский, А.И. Соколовский, Д. Южанин, М. Нестор. А. Марк. С. Маненков. З.И. Гисенкин, Б. Гершенфельд, Р.М. Корносевич и др.

Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско также выпустил несколько альманахов и сборников, включая «Родные мотивы: В 2 Кн.» (Сан-Франциско: Русский литературный кружок, 1923–1924; редакторы: Ф. Постников, Е. Грот);

«Дымный след: Сборник литературно-художественного кружка» (Сан-Франциско, 1925); «Калифорнийский альманах. 1934» (Сан-Франциско: Литературно-художественный кружок города Сан-Франциско, 1934). Среди постоянных авторов: Е.П. Грот, П. Балакшин, Т. Баженова, Б. Волков, А. Ющенко, В. Камский, О. Ильина, Н. Дудорова и др. Сборники отличались от других эмигрантских изданий в Америке изящным оформлением, упорядоченным расположением материала в книге. «Калифорнийский альманах» был напечатан в типографии в Харбине и снабжен предисловием и автобиографиями писателей-эмигрантов.

Новым явлением в русском книгоиздании в Америке, вызванном отсутствием средств для налаживания полномасштабного книгопроизводства, стало создание издательств одного писателя. Помимо упомянутых уже издательств С.И. Гусева-Оренбургского и Д.Д. Бурлюка, названного по имени его жены «М.Н. Бурлюк». Благодаря поддержке Н.К. Рериха в 1924 г. в Нью-Йорке была организована работа издательства «Алатас», возглавляемого Г.Д. Гребенщиковым. Впоследствии издательство переехало в Саутбери (шт. Коннектикут), где Гребенщиков при участии русских эмигрантов пытался создать русский культурный центр «Чураевка». В издательстве были опубликованы произведения самого Гребенщикова, в том числе восемь томов эпопеи «Чураевы» (из 12 задуманных). Вышедший в 1925 г. второй том эпопеи – «Спуск в долину» был назван «первой прекрасно изданной русской книгой в Америке, к тому же стоящей дешевле, чем привозные из Берлина издания» (Новое русское слово. Нью-Йорк, 1925. 5 апр.). Помимо книг самого Гребенщикова, в издательстве «Алатас» были опубликованы книги Н.К. Рериха «Пути благословения» (1924), «Сердце Сибири» (1929), «Держава света» (1931); К.Д. Бальмонта «Голубая подкова: Стихи о Сибири» (1934?), А.М. Ремизова «Звенигород окликанный» (1925) и др.

Список литературы

1. Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиогр. каталог. – М., 1994.
2. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) Т. 1: Писатели русского зарубежья. – М., 1997.
3. Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1990). – М., 1991.
4. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. – Буэнос-Айрес, 1967.
5. Петров В. Русские в Америке: XX век. – Wash.: Изд. Русско- американского исторического общества, 1992.
6. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1925: Библиогр. – N.Y., 1993.
7. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М., 1996.
8. Русское зарубежье, 1917–1991: Каталог изданий. – М., 1992.
9. Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биогр. словарь. – СПб., 1994.
10. Струве Г. Русская литература в изгнании. – Paris, 1984.
11. Солнцев К. Русская книга в Америке // Временник Общества друзей русской книги. – Париж, 1925. – № 1.
12. Фостер Л. Библиография русской зарубежной литературы. – Бостон, 1970. – Т. 1–2.
13. Штейн Э. Поэзия русского рассеяния, 1920–1977. – Нью-Йорк, 1978.
14. Glad J. Russia abroad. Writers, history, politics. – Tenafly, NJ, 1999.
15. Schatoff M. Half a century of Russian serials. 1917–1968. – N.Y., 1969–1972.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Ю.В. Мухачёв

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ОБЩИНЫ НА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

МУХАЧЁВ Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра комплексных исследований российской эмиграции ИНИОН РАН

Русская эмиграция в Латинской Америке формировалась на протяжении более столетия, с конца XIX в., в результате четырех основных потоков переселенческого движения из России: трудовая эмиграция (в основном крестьянская), белая, послевоенная (периода 1945–1950) и эмиграция русских из Китая.

Первый из них охватывает период с конца XIX в. до начала Первой мировой войны. В состав переселенцев входили в основном крестьяне из Украины. Это была так называемая «трудовая» эмиграция, направлявшаяся главным образом в Южную Америку – Аргентину, Бразилию, Уругвай. По разным оценкам, к 1914 г. в страны Южной Америки из России переселилось более 100 тыс. человек. Потомки этой эмиграции давно уже интегрировались в местную действительность, они обычно имеют гражданство тех стран, где они живут, к сожалению, многие из них уже утеряли родной, русский язык, на котором говорили их предки. В то же время их интерес к России, как правило, не утрачен.

В 1918 – начале 20-х годов в страны Латинской Америки пришла вторая волна переселенцев из России – белоэмигрантская. Главными местами их расселения стали Аргентина, Бразилия, Парагвай, Чили, Мексика. Следует, однако, отметить, что впоследствии часть белоэмигрантов переехала в США или вернулась в Европу.

На сегодняшний день потомки белоэмигрантов живут главным образом в Аргентине и Бразилии, а также в Мексике, Колумбии, Венесуэле и Чили. Точную их численность определить трудно,

однако по сведениям, например, газеты «Наша страна» (выходящая в Буэнос-Айресе газета на русском языке), в Аргентине проживает около 2 тыс. человек – прямых потомков белой (монархической) эмиграции.

Третью крупную волну переселенцев составили эмигранты из числа так называемых «перемещенных лиц» – граждан, угнанных немцами с оккупированных территорий СССР и бывших военнопленных Советской армии и т.п. Общее их число колебалось в пределах 10–15 тыс. человек. Многие из них и сейчас проживают в странах латинской Америки, особенно в Аргентине и Бразилии.

Четвертый эмиграционный поток – эмиграция русских из Китая в Латинскую Америку после победы Китайской народной революции в 1949 г. За период 1949–1965 гг. только в Бразилию прибыло около 25 тысяч русских иммигрантов, беженцев от китайской революции. Большинство из них были детьми русских эмигрантов, прибывших в Китай, убегая от революции в России (в 1917 г.). Некоторые из них не ужились в странах Латинской Америки и переехали в другие страны, главным образом в США и Канаду.

На этом переселенческий процесс в Латинскую Америку не прекратился. В 60–80-е годы ряды наших соотечественников пополнялись главным образом за счет русских жен латиноамериканских студентов и специалистов. Это особенно коснулось Кубы, Мексики, Перу (в последней была создана ассоциация русских жен). После распада СССР выезд из России на ПМЖ в страны Латинской Америки не прекратился, и продолжает расти. Среди них как родственники уже тех, кто до этого поселился в Латинской Америке, так и такие новые категории, как преподаватели, ученые, предприниматели, врачи.

Особенно следует подчеркнуть, что на протяжении всей истории русского переселенческого движения в Латинскую Америку выходцы из России сыграли положительную и местами заметную роль в социальном, экономическом и культурном развитии этого региона. Среди них наиболее известны имена скульптора С. Эрьзи, генерала и этнографа И. Беляева, ботаника Н. Альбова, инженера-нефтяника В. Ольховича, врача А. Щербакова и др. Заметное место русская община занимает в парагвайском обществе, что объясняется той важной ролью, которую сыграли русские офицеры – белоэмигранты, воевавшие в рядах парагвайской армии против Боливии в 1932–1935 гг. Внеся значительный вклад в победу Парагвая в войне, они, благодаря этому, с тех пор занимают прочные позиции в различных сферах жизни этой страны. Среди них особенно известны Василий Никифоров – в недавнем прошлом один из руководящих деятелей Сената, П. Канонников – предприниматель, Е. Срывалина – первая в Парагвае женщина-инженер, В. Бутлеров – полковник, правнук великого русского химика.

Заметный вклад внесли русские эмигранты в науку, культуру и военное дело Аргентины. Так, среди ученых-ботаников, учреждавших национальные парки на юге Аргентины, в зоне Барилоче, работал, например, инженер-лесовод Д.А. Гавриленко. Большой аргентинский балет театра Колон свое происхождение берет от русского классического балета, прибывшего в Аргентину из Франции в конце 20-х годов прошлого века. Хотелось бы отметить следующие имена русских артистов в Аргентине: Бенуа, Е. Смирнова, Т. Григорьева, Г. Томин и др. Значительные следы в Аргентине оставили после себя и такие русские ученые, как морской биолог С.Д. Болтовской, автор 160 научных трудов, геолог Пятницкий, специалист по плотинам А. Данилевский, биолог А.И. Ракитская. Существуют также данные, что первые плантации чая в Аргентине появились по инициативе русского

эмигранта, который специально привез для этого семена для первых посадок.

За более чем вековую историю российская эмиграция в странах латиноамериканского континента сложилась исторически как сообщество и представляет собой значительную прослойку среди местного населения в виде различных социальных групп эмигрантов, переселившихся в выбранные ими страны осознанно либо под действием внешних сил по политическим, экономическим, религиозным, социальным и другим причинам в разные временные периоды. Российская эмиграционная среда – это представители довольно разнообразных по своим взглядам, социальному положению, интересам, мировоззрению, отношению к родине переселенческих движений.

БРАЗИЛИЯ

С 1901–1920 г. из России в Бразилию переселилось 107,6 тыс. человек[1]. В течение 1911–1920 гг. в Бразилию иммигрировало 37,6 тыс. человек из России[2]. По национальной принадлежности большинство составили украинцы, белорусы, затем шли евреи, русские, армяне. К 1917 г. они занимали 6-е место среди иммигрантов (1,7%) после итальянцев, португальцев, испанцев, немцев, австрийцев[3]. Выходцы из России были католического, лютеранского и иудейского вероисповедания. Православных было мало. Главными местами проживания русских переселенцев являлись штаты Риу-Гради-ду-Сул, Парана, Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Мату-Гросу.

Выезд русских иммигрантов в Бразилию из Южной Европы, Балканского полуострова, Турции осуществлялся с учетом норм международного миграционного права (эмигранты пользовались нансеновскими паспортами) и был связан с деятельностью международных организаций (в частности, международного Бюро труда Лиги Наций, Международного комитета Красного Креста и др.), а также колонизационных обществ в Западной Европе, государственных и частных компаний Бразилии. В Южную Америку привлекала также пропаганда агентов иностранных пароходных обществ и бразильских консулов. Бразильский закон от 15 декабря 1889 г. о полной натурализации иностранцев давал право после двухлетнего проживания в стране считаться бразильцем. В Бразилию допускались все лица, за исключением инвалидов, уголовных элементов, профессиональных нищих и бродяг. Иностранцам старше 60 лет и нетрудоспособным въезд в страну разрешался только в сопровождении членов семей либо по вызовам родственников.

Бразильское правительство активно способствовало притоку иммигрантов. Переселенческое управление министерства земледелия вербовало рабочих в странах эмиграции и оплачивало им проезд. Бразильская государственная компания агрикультуры, иммиграции и колонизации имела соглашения с правлениями железнодорожных обществ, администрациями мореплавания и портов, Институтом кофе и банками. Компания передавала иммигрантам в рассрочку на 5 лет свободные земли для колонизации. Продажей земель иммигрантам в Бразилии занимались также частные компании: бразильская Компания Северной Параны (российский представитель компании – Б.Я. Кисверк), английская компания Brazil Land CATTLE & PACKING Compani и ее представитель в г. Сан-Пауло – контора Empreza Colonizadora во главе с русским иммигрантом Н. Даховым. Так была организована земледельческая «Колония Бализа» (в ней на долевых началах наряду с местными

бразильцами участвовали русские, немцы, выходцы из Прибалтики).

Наибольший поток иммигрантов правительство направляло в сельское хозяйство, прежде всего на кофейные плантации. Предпочтение отдавалось природным землеробам – казачеству и крестьянам из областей Юго-Восточной России и Северного Кавказа из числа солдат, эвакуированных в 1920 г. в составе русских белых армий. Федеральным правительством в различных штатах устанавливались так называемые нуклео – колонии. На 1 января 1922 г. их численность составила 44 459 человек, получивших участки земли в размере 25 га.

К 1917 г. на долю трудовой эмиграции в Бразилии приходилось более половины ее общего состава. Известно, что еще в начале нашего века в штате Сан-Паулу по примеру Аргентины появились русские земледельческие колонии на артельных началах – «Новая Одесса», «Жорже Тибириса», «Новая Европа», «Новая Паулисия», «Конзельейро Гавионг Пепилото», «Новая Венеция». В колонии Эрешим и Гварани провинции Риу-Гранди-ду-Сул проживало около 700 человек русских поселенцев. Структура колоний фиксировалась специальными правительственными решениями, своего рода уставами для колонистов. Так, на основании закона правительства штата Сан-Паулу (№ 1286 от 24 мая 1905 г.) была основана земледельческая колония русских переселенцев «Новая Одесса». Закон регулировал земельный вопрос, в том числе условия приобретения и оплаты. После получения удостоверения о праве собственности на землю всеми членами колонии она объявлялась «независимой» (вслед за тем правительство прекращало осуществлять собственный контроль и отзывало своих чиновников, включая директора, врача, переводчика). В дальнейшем аппарат сотрудников колонии набирался из местных или иностранных землевладельцев.

После окончания Гражданской войны в России состав переселенцев стал меняться. Летом 1921 г. в г. Сан-Паулу на двух французских пароходах «Аквитания» и «Прованс» прибыла первая группа из 400 человек бывших врангелевцев из Крыма[4]. В 1926 г. по контракту с бразильским правительством для работ на кофейных плантациях за океан переселились русские эмигранты из Прибалтики (около 250 человек) и первая партия бессарабцев (250 человек) – русских выходцев из Румынии (вторая партия из 800 человек была возвращена обратно в Европу)[5]. С началом коллективизации и раскулачивания среди эмигрантов появились выселенные крестьяне, которые добирались в Бразилию в одиночку через среднюю Азию, Индию и Дальний Восток. В 1933 г. на пароходе «Флорида», следовавшим из Индии в Южную Америку, оказалось 55 человек таких эмигрантов – выходцев из Сибири, Семипалатинской, Вятской, Полтавской областей, а также Туркестана и Северного Кавказа. Общее число земледельцев, проживавших в штате Сан-Паулу, по разным данным составляло 1-2 тыс. человек[6]. В штате Рио-Гранди-ду-Сул русских насчитывалось по некоторым данным около 2 тыс. человек. В штате Парана еще с 1911–1912 гг. проживало около 2 тыс. галичан[7]. Колонии имели свои школы, церкви, госпитали.

Центрами сосредоточения городской трудовой иммиграции в Бразилии стали города Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу (вместе со штатом). В городах российские иммигранты пополняли ряды наемных работников в промышленности (больше всего на стройках в качестве чернорабочих), в сфере обслуживания. Дворяне и представители других привилегированных сословий, предприниматели, профессура и люди свободных профессий, но главным образом бывшие офицеры российской царской и белой армий, становились шоферами, официантами, прислугой и т.п. Определенной

части удавалось завести собственное, преимущественно торговое или лечебное дело. Меньше всего возможностей для трудоустройства по специальности было у представителей интеллигенции. Тем не менее среди членов русской колонии в Бразилии были такие случаи. Директором института по изучению какао в г. Багия стал русский энтомолог М.Ф. Бондарь. Педагог Е.В. Антипова, долгие годы занимавшаяся научной деятельностью, одна из создателей Общества Песталоцци в Бразилии, получила должность профессора Высшей педагогической школы в Bello Horisonte (штат Минас – Жерайс). Оказался востребованным в качестве художника князь Павел Гагарин. Русская балерина Мария Оленева организовала в 1920 г. балетную школу при Муниципальном театре в Рио-де-Жанейро, а позднее, в 1940 г., – такую же школу в Сан-Паулу.

Основные общественно-политические течения и группировки:

Русская политическая эмиграция после 1917 г. принесла с собой, с одной стороны, национальные идеи, русскую символику, менталитет, с другой – дух политической борьбы и сопровождавшее ее деление по политическим взглядам и партийно-политической принадлежности.

Военные организации. В 1925 г. в г. Сан-Паулу был основан Союз русских воинов (председатель – В. Нейкирх), который с 1931 г. стал отделом РОВС. При Союзе в 1932 г. бывшим полковником Генерального штаба Ахаткиным были созданы военно-образовательные курсы (по программе старших полковых школ подпрапорщиков) с преподаванием тактики, топографии, военного искусства, окопного дела; велись строевые занятия. С 1925 г. в Сан-Паулу действовало отделение «Русского общевоинского союза (РОВС) (председатель – бывший полковник Генерального штаба А.В. Кушелевский, затем генерал-майор Иванов) и местное отделение кавалерии и конной артиллерии РОВС (печатный орган – листок «Русский Воин» в «Русской газете»). Эти организации монархического толка ставили своей задачей сохранение офицерских кадров белой армии, поддержание в них военных знаний для будущей борьбы с Советской властью. Отделение «Союза младороссов в Южной Америке» в Бразилии возглавил уполномоченный представитель В. Рюминский.

1 апреля 1934 г. в Сан-Паулу состоялось первое публичное заседание – съезд русских фашистов Бразильского сектора Всероссийского фашистского союза (ВФС) (начальник Сектора – Н. Дахов, начальник штаба А.В. Кушелевский). Печатный орган – «Русская газета» (выход. с 1927 г.; редактор и издатель – Н. Дахов и С. Успенский) и журнал «Вестник». Члены организации имели собственную форму с черной свастикой на желтом фоне. Бразильский Сектор (насчитывавший не более 100 человек в своем составе) делился на группы. Начальником одной из них в Рио-де-Жанейро был полковник, князь Л.С. Святополк-Мирский. Во главе Казачьего отдела бразильского сектора ВФС стоял генерал-майор И.Д. Павличенко. В число активистов фашистского движения в Бразилии входили: Е.М. Нагаец (Войсковой старшина собственного Ее Величества Конвоя, последний адъютант вдовствующей Императрицы Марии Федоровны), З.В. Яцевич (руководитель женской секции) и др. Сторонники фашистской идеологии считали, что «фашизм объединит русских людей в изгнании и совершит великое дело освобождения Родины от коммунистического интернационала».

Известны общественные организации культурной ориентации в Бразилии. В 1927 г. было создано Общество друзей русской культуры (председатель – инженер А.В. Подановский), которое занималось организацией курсов по прикладным наукам. В 1928 г. в Сан-Паулу было основано Русское Общественное Собрание. Оно проводило полезную культурную работу (организация балов, концертов, поэтических вечеров и др.). Из профессиональных организаций русской иммиграции выделялись

Русское техническо-промышленное общество (основано в 1929 г.; руководитель – инженер Н.И. Шеркунов), Союз дипломированных инженеров (руководитель – Б.А. Потехин).

Благотворительные организации. Как и в других странах, среди русской иммиграции в Бразилии получила распространение благотворительность. Активное участие в ней принимало бразильское представительство Зарубежного союза русских инвалидов в Южной Америке (председатель А.К. Стафьев). Поступление инвалидных сумм за 1933 г. составили чистого дохода 8642 мильрейсов (что на 100% превысило поступления за 1932 г.)[8]. Бразильское представительство Общества российского Красного Креста (старой организации) (ОРКК) (председатель – профессор Л.А. Иванов; вице-председатель – Е. Поляков) выделяло ссуды инвалидам, молодежи (скаутским союзам); занималось попечительством бедных (с выдачей удостоверений о бедности), предоставляя им бесплатные обеды, лекарства, ночлег, возможность устройства на госпитальное лечение, бесплатный медицинский осмотр. Неимущим и нуждающимся соотечественникам Красный Крест оказывал помощь при похоронах, брал на себя обязанность ходатайства об освобождении из тюрем, розыска пропавших русских, сообщения на родину о смерти родных. ОРКК выдавал нуждающимся соотечественникам безвозвратные, но в большинстве возвратные ссуды и пожертвования. Так, в 1933 г. от ОРКК было выделено девять безвозвратных и 102 возвратные ссуды в размере 5086 мильрейсов; на бесплатные обеды, лекарства, ночлег было потрачено 139 мильрейсов; ссуды инвалидам составили 46 мильрейсов[9]. Кроме этого благотворительные организации российских эмигрантов занимались сбором помощи голодающим в Советской России, политическим заключенным и депортированным из России анархистам.

В 1920–30 гг. в Бразилии выходили такие периодические издания русской иммиграции, как: «Младоросское слово» (с 1938 г. – «Слово»; редактор – Ю. Рюминский; ред. колл. – В. Нелюбин, Г. Прохин, А. Линк); «Призыв» (редактор – А. Антипин), «Родина» (редактор – В.Ю. де Тимэ), «Ежемесячный русский журнал в Бразилии» (редактор – К.П. Елагин; издатель – А. Пищук).

Русская православная церковь в Бразилии. Первый русский православный приход был образован 25 октября 1925 г. в г. Сан-Паулу (председатель Временного совета – инженер А.П. Рпшетин; казначей П.А. Мельников). Для церкви и библиотеки были получены книги от русских соотечественников из Сербии. Русские получили приход в Антиохийской церкви, где первое время службу для них совершал сириец о. Христофор. 11 июня 1927 г. из Эстонии для обслуживания русского православного прихода в Сан-Паулу прибыл русский священник Михаил Кляровский (служивший до 1930 г.). В 1931 г. его сменил иеромонах Михей (Ордынцев). В 1930 г. по инициативе о. Константина Изразцова и З.Г. Брандт был организован русский православный приход в Рио-де-Жанейро.

Для поддержания православных приходов устраивались ежегодные концерты – балы. В Сан-Паулу в них принимали участие: церковный хор (регентом которого был Д.А. Суханов – диакон о. Димитрий), хор балалаечников под управлением Е. Якимова, профессор пения Л. Иванов и его супруга О. Урбани с учениками своей студии; балерины Л.Д. Сумарокова и С.А. Ильина с ученицами хореографической студии и другие певцы и артисты. Традицией в жизни русского православного прихода было проведение рождественской елки, которая устраивалась ежегодно для всех русских детей, проживавших в Сан-Паулу.

В октябре 1934 г. постановлением Архиерейского Синода в г. Сан- Паулу была

учреждена Бразильская православная епархия, во главе с епископом Сан-Паульским и всея Бразилии о. Феодосием (служившим до того викарием в г. Детройте), вместе с которым прибыл бывший инок Оптиной пустыни иеромонах отец Пармен. Епархия получила юридическое оформление, после чего был организован епархиальный совет (председатель – архиепископ о. Феодосий). Епархия имела единственный в зарубежье епархиальный журнал – «Сим Побъдиши» (редактор и издатель – о. Феодосий). Имелась также церковная типография по выпуску церковных книг и журнала «Православное обозрение» (создатель – викарий епархии епископ Виталий).

6 августа 1939 в г. Сан-Паулу состоялось освящение Свято – Николаевского Кафедрального собора, построенного на добровольные пожертвования иммигрантов (земля под постройку была приобретена на беспроцентную ссуду в размере 80 тыс. мильрейсов, предоставленную о. Константином Изразцовым). Автор проекта храма, исполненного в Старо-Покровском стиле, – археолог Константин Трофимов (позднее принявший священный сан); инженер-строитель – серб Антоний Кадунц, которому добровольно помогали инженеры-прихожане – Л.С. Каффка, П.С. Стариков, Н.К. Попов. При Свято-Николаевском соборе плодотворно работало Братство им. Св. Владимира (председатель – В.В. Гюльцгоф) и Сестричество во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

К концу Второй мировой войны в Бразильскую епархию входили следующие православные приходы: Кафедральный собор Святителя Николая в г. Сан-Паулу (настоятель – о. Феодосий); в штате Сан-Паулу – Обитель Св. Троицы на Вила Альпина (настоятель-иеромонах о. Павел); приход Покрова Пресвятой Богородицы-на Вила Зелина (настоятель – митрофорный протоиерей о. Николай Предович); приход Преподобного Сергия Радонежского – Индианаполис (настоятель-протоиерей о. Александр Самойлович и иеромонах о. Серафим); Вила Анастасио (настоятель – протоиерей о. Георгий Трунов); приход Преподобного Серафима Соровского – г. Карапикуива (настоятель – игумен о. Иннокентий); приход Святой Мученицы Зинаиды – г. Рио-де-Жанейро (настоятель – митрофорный протоиерей о. Иоанн Наговский); приход Покрова Пресвятой Богородицы – г. Нитерой (настоятель – архимандрит о. Агапит); приход. Всех Святых – г. Нитерой (обслуживал митрофорный протоиерей о. Иоанн Наговский); приход Преподобного Сергия Радонежского – г. Порту-Алегри (настоятель – игумен о. Валентин). Кроме того существовали: Община Св. Мученика Пантелеймона (местечко Пратос); община в г. Гояния (обслуживалась духовенством Обители Святой Троицы); общины в городах Понта-Гроса и Лондрина (штат Парана; обслуживались духовенством Кафедрального собора).

В годы Второй мировой войны Русская церковь в Бразилии не изменила своей позиции в отношении СССР, отказав требованию патриотически настроенных прихожан служить молебен о победе советского оружия. В то же время в стране возникли благотворительные организации по оказанию помощи родине – Комитет помощи Стране Советов при Украинско-белорусском культурно-просветительном обществе (9 ноября 1941 г., г. Сан-Паулу), Русский комитет помощи жертвам войны (сентябрь 1943 г., г. Сан-Паулу), отправивший в 1944 г. в Фонд помощи СССР 96,8 тыс. крузейро и 21 контейнер с одеждой и медикаментами (в 1945 г. – 48 контейнеров)[10]. До ноября 1942 г. в Великобританию из Бразилии выехало 580 человек добровольцев из числа российских иммигрантов.

Список литературы

1. *Брунст В.* Аргентина и Бразилия как страны эмиграции. – Б. м. б. г. 2.
2. *Вавилов Н.И.* Пять континентов: Повесть о путешествиях в поиске новых растений. – М., 1962
3. *Королев Н.В.* Страны Южной Америки и Россия (1890–1917). – Кишинев, 1972.
4. *Марианский А.* Современные миграции населения. – М., 1986.
5. *Мартынов Б.Ф.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. – М., 1995. – № 11.
6. Русский настольный календарь на 1931 год. – Сан-Пауло, 1931.
7. Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993.
8. Совет по расселению русских беженцев: Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). – Константинополь, 1921.
9. *Хорев Б.С., Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения: Статистическо-географическое исследование. – М. 1978.
10. Юбилейный сборник ко дню 25 служения в архиерейском сане Высокопреосвященнейшего Феодосия, Архиепископа Сан-Паульского и всея Бразилии (1930–1955). – Сан-Пауло, 1956.

Примечания

[1] Миграционные процессы в России и СССР. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 79.
[2] Оболенский В.В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М., 1928. – С. 12.
[3] Королев Н.В. Страны Южной Америки и России (1890–1917). – Кишинев, 1972. – С. 49.
[4] Парчевский К.В. Парагвай и Аргентина. Очерки по истории Южной Америки. – Париж, 1936. – С. 27.
[5] Там же.
[6] Королев Н.В. Страны Южной Америки и России (1890–1917). – Кишинев, 1972. – С. 49.
[7] ГА РФ.Ф. 6535. Оп. 1. Д. 2. Л. 27. Совет по расселению русских беженцев. Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). – Константинополь, 1921. – Вып. 1. – С. 9.
[8] Русская газета. – Сан-Пауло, 1934. – 24 февраля.
[9] Русская газета. – Сан-Пауло, 1934. – 10 февраля.
[10] Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. – Киев, 1980. – С. 119.

АРГЕНТИНА

К 1913 г. русская эмиграция в Аргентинской республике (к ней относили всех выходцев из России) насчитывала более 120 тыс. человек[1]. Всего с 1861–1920 гг. из России в Аргентину выехало 163,8 тыс. человек[2]. В течение 1911–1920 гг. иммигрировало 56,8 тыс. человек. Из них русских было 4,71 тыс. человек, к 1924 г. прибыло еще 0,92 тыс. человек[3]. Согласно аргентинской статистике, в иммиграционном потоке русские занимали 4-е место (в 1911–1920 гг. – 4,71%, в 1921–1924 гг. – 0,92%), уступая итальянцам, испанцам, французам[4]. 50% выехавших были представителями российского крестьянства. Наиболее трудоспособная часть из числа переселенцев (от 20–40 лет) составляла 41,5%. в 1920-е годы из СССР фактически прекратилась трудовая эмиграция. Значительной она оставалась с тех территорий бывшей Российской империи, которые не вошли в состав СССР (Польша, Литва,

Эстония и др.). Так, за 1920–1940 гг. из Литвы в Аргентину переселилось 16,7 тыс. человек, из Польши – 45,5 тыс. украинцев[5]. В Аргентине устроилось 38,2% иммигрантов из Волынского воеводства и 34,6% бывших жителей Полесского воеводства[6]. Всего с середины 20-х до конца Второй мировой войны в Аргентину прибыло 120 тыс. украинцев, 50 тыс. белорусов[7]. Наряду с этим продолжалась национальная эмиграция еврейских и армянских беженцев.

После 1917 г. происходит дисперсно-массовый выезд беженцев на латиноамериканский континент (т.е. разрозненными группами и индивидуально через различные пути). Первая эмиграционная волна русских переселенцев в Аргентину в поисках свободных земель и занятости направлялась из Южной Европы, Балканского полуострова, Турции, Дальнего Востока. Она состояла главным образом из представителей высшего офицерства царской и белой армии и флота, духовенства, интеллигенции, бывших помещиков, казачества, крестьянского населения. Наиболее высокая концентрация выходцев из России наблюдалась в провинциях Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Кордоба, Мендоза, Мисьонес, Энтре-Риос.

После 1917 г. проблема русской эмиграции приобрела международный характер. Вопросами расселения русских беженцев за пределами европейского континента занимались Лига Наций, Колонизационный отдел международного общества Красного Креста, Российский союз земств и городов (Земгород), Особое совещание по оказанию помощи чинам флота и их семьям. В 1925 г. с целью выяснения колонизационных возможностей была направлена специальная миссия Лиги Наций (во главе с английским полковником Проктером) в Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай. В том же году в Аргентину и Бразилию были назначены официальные представители Международного бюро труда (МБТ) Лиги Наций полковник Лоуфорд Чайльдс (его русский помощник – И.Н. Чумаков) и бразилец из числа женевских служащих господин Стути. В Лондоне, Белграде, Берлине, Софии, Праге были основаны Русские колонизационные общества. В задачу обществ входило содействие созданию русских земледельческих хозяйств в Южной Америке. Одно из них – общество «Русская земледельческая колония» (созд. В Праге в 1925 г.); председатель – князь П.Д. Долгорукий, секретарь – С.В. Маракуев) разработало Устав русских колоний в Южной Америке и проект организации кредитного Банка (с участием русских колонистов, чешского частного и государственного капитала). На 30 апреля 1926 г. Общество зарегистрировало 480 семей эмигрантов, изъявивших желание выехать в Южную Америку (среди них было 785 человек работоспособных, в том числе 214 человек донских, кубанских, терских, уральских казаков)[8]. В 1925 г. в Праге было создано Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку, которое устанавливало порядок переселения и вводило паевые взносы будущих колонистов. Перевозом переселенцев из Европы в Южную Америку занимались конторы пароходных компаний, в частности немецких, австрийских и франко-бельгийских.

Правительство Аргентинской Республики в соответствии с экономическими нуждами и интересами страны содействовало земледельческой колонизации страны европейцами. С 1853 г. в Аргентине существовала конституционная основа иммиграционной политики. Закон «Об иммиграции и колонизации» (от 1876) действовал до окончания Первой мировой войны. Главное переселенческое управление Аргентины поддерживало связь с переселенческими агентами за границей, заключало контракты с пароходными компаниями, обеспечивало за счет правительства перевозку иммигрантов и другие льготы. Параллельно вербовкой русских переселенцев в Аргентине занимались частные колонизационные общества (с

участием русских иммигрантов, как, например, общество «Новые земли» (председатель А.А. Егоров). На территории Аргентины иммигрант получал удостоверение личности («седула»), которое давало право для передвижения по всем странам Южной Америки. При устройстве на работу, а через 2 года – при получении аргентинского гражданства требовалось удостоверение о добропорядочном поведении («сертификато де буэна кондукта»).

После Первой мировой войны массовая иммиграция в Аргентину из европейских стран ослабевает, с 1930 г. начинает значительно снижаться. Аргентинское правительство принимает меры по «отбору» иммигрантов. По новому закону от 1920 г. в Аргентинскую Республику не допускались: дети до 16 лет без родителей; слепые, глухонемые, инвалиды, слабоумные, душевнобольные, нищие, цыгане. В 1923 г. к старым ограничениям на въезд «нежелательных элементов» добавились новые, в том числе запрещавшие допуск одиноких женщин с детьми до 15 лет. После мирового экономического кризиса 1930 г. иммиграционная политика Аргентины стала более либеральной. Однако с началом гражданской войны в Испании в 1936 г., в условиях активизации «левых» сил, были введены новые административные ограничения (1938). Возможности легального въезда в Аргентину резко уменьшились. Основную долю составляли лица, принимаемые в порядке воссоединения семей.

В Аргентине с учетом дореволюционных переселенцев преобладала трудовая эмиграция. В провинциях Энтре Риос, Санта-Фе, Пампа, Буэнос-Айрес располагалась русская еврейская колония. Она была основана в конце прошлого века железнодорожным магнатом и филантропом бароном Морицем Гиршем. Члены еврейской колонии занимались хлебопашеством, скотоводством, молочным хозяйством, явились пионерами аграрного кооперативного движения. После 1917 г. в их руках находились около 200 тыс. га земли, где работало до 12 тыс. человек[9]. Им принадлежало 39 школ, 18 библиотек. Колония русских переселенцев «Трес Капонес» в провинции Мисьонес была создана в начале века из бывших галичан – униатов, принявших православие (всего 130 дворов).

После 1917 г. появились новые земледельческие колонии русских переселенцев в провинции Буэнос-Айрес (колония «Русо бланко» из 500 человек бывших солдат и русских крестьян из государств-лимитрофов), провинции Мисьонес и Чако (районы Чарата и Ломитас, два компактных очага расселения украинцев из панской Польши), в Патагонии (бассейне р. Негро). В 1926 г. в Аргентину прибыла группа переселенцев, руководимая В.В. Лежневым, которая в районе Ла-Пампа приобрела более 3 тыс. га целинной земли. Основные группы крестьян селились на казенных землях, где находились на положении арендаторов, либо батраков (в сер. 20-х годов 50% были арендаторы; 9% испольщики). По новому закону от 1921 г. помещики не могли сгонять арендаторов до истечения срока арендного договора (срок аренды продлевался с 1–2 до 4 лет). Это содействовало закреплению арендаторов на землях и сокращению числа издольщиков. Средние хозяйства землеробов включали от 20 до 50 га земли. Землю можно было купить в рассрочку на 8 лет по цене от 15 до 60 арг. песо за 1 га.

Эмигрантам, переселявшимся в Аргентину, большей частью приходилось браться за промышленный труд. Правительство за государственный счет отправляло их в самые отдаленные места страны – на север или юг Аргентины (районы Патагонии, Чако, Тукумана). Но найти применение своим силам представителям индустриальной эмиграции было довольно сложно (исключение составляло ограниченное чис-

ло высококвалифицированных рабочих). Большинство было вынуждено выполнять тяжелые и низкооплачиваемые работы (на период с 1900 по 1924 гг. специалисты-эмигранты составляли 8,6%, а низкоквалифицированные – 91,4%). Много эмигрантов работало на строительстве железных дорог и в железнодорожных мастерских. В период сельскохозяйственных работ широко использовался труд сезонных рабочих. Эмигранты были заняты в крупных хозяйствах зернового направления, а также на работах по уходу за скотом и в скотобойнях на юге страны, на плантациях сахарного тростника и вырубке диких деревьев (кебрачо) на севере страны.

Непривычный для европейца жаркий климат делал весьма труднопереносимой акклиматизацию. Земли чаще всего располагались в труднодоступных районах, в зоне тропических лесов, что требовало огромных затрат физических сил на их обработку. Суровые условия выживания заставляли людей идти на создание союзов взаимопомощи, общественных касс, а также всевозможных религиозных общин. В местах расселения строились церкви, клубы, госпитали, школы.

В городах сохранялся ограниченный доступ специалистам-иммигрантам в правительственные учреждения и на государственные предприятия. Но некоторым все же удавалось устроиться по специальности и добиться успеха. Среди русских переселенцев были те, кто имел собственное дело: открывались русские парикмахерские, хлебопекарни, сапожные мастерские. Отдельные представители средних слоев занимались врачебной практикой, адвокатурой, работали инженерами, переводчиками и банковскими служащими в казенных и частных учреждениях. Были богатые владельцы, главным образом представители дореволюционной эмиграции – Е.А. Рогов (предприниматель, имевший фабрики в Аргентине, Франции, Чили); Власов (миллионер – в прошлом крупный киевский банкир, владелец рыбного и торгового флота); бизнесмен Коптенко. Русские офицеры не принимались на аргентинскую службу в войсках, но оказались востребованы офицеры-специалисты. Так, военный инженер, георгиевский кавалер, генерал-майор А.В. Шварц в течение четверти века являлся профессором фортификации в Высшей технической академии Аргентины. Русский физик, педагог, генерал А.А. Бейер консультировал при лаборатории газового завода в Буэнос-Айресе. Полковника русской армии, доктора технических наук М.М. Костевича за выдающиеся заслуги в области научной химии и взрывчатых веществ и в честь 50-летия его научной деятельности (1954) аргентинское правительство наградило золотой медалью. Бывший саперный офицер Воронцов-Вельяминов служил инженером-строителем в военном министерстве Аргентины. Бывший морской офицер, капитан 1-го ранга, Б.К. Шуберт служил переводчиком технической литературы в аргентинском Морском министерстве (его жена – балерина, долгое время танцевала в государственном оперном театре «Колон» в Буэнос-Айресе).

Были и другие удачные примеры. Так, петербургский филолог А.М. Пульман получил должность профессора Университета в Буэнос-Айресе. Русский граф, офицер П. Шостаковский, который прибыл в Южную Америку в качестве директора филиала Общества «Фиат-Аргентина», стал членом аргентинского Общества писателей, выступал с лекциями по русской литературе в Свободном институте высших знаний.

Основные общественно-политические течения и группировки

Еще в самом начале века благодаря западноевропейской иммиграции в рабочем движении Аргентины получили распространение два основных идеологических течения – социализм и анархизм. После революции 1905–1907 гг. в России Аргентина стала одним из центров русской поли-

тической эмиграции. С этой страной связали свою судьбу многие участники восстания на броненосце «Потемкин», (среди которых П.А. Дымченко, Н.И. Иванов, М.С. Шевченко и другие – всего 30 человек). Русские рабочие входили в местные профсоюзы, где имелись общественные библиотеки, при которых открывались литературные, музыкальные, драматические кружки и объединения (как, например, «Русский кружок любителей драматического искусства» в Буэнос-Айресе).

В августе 1917 г. представители социал-демократического крыла русской политической иммиграции или максималисты (в их числе М.А. Комин-Александровский, Б.З. Шумяцкий, А.С. Гордеев, М. Кантор и др.) основали «Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине» (СРСРА), объединивший: группу содействия РСДРП, Комитет друзей Свободной России, Русскую рабочую группу, Центр Российских социалистов, еврейский союз «Поале» и другие организации рабочих-славян (председатель – А. Машевич; печатный орган «Пролетарское слово»). В 1921 г. СРСРА присоединился к Компартии Аргентины. В этот же период действовал «Русский коммунистический союз» (РКС) (печатный орган – «Рабочая правда»). Одним из членов группы был политиммигрант – социалист М. Ярошевский, возвратившийся в 20-е годы в СССР, РКС в союзе с местными интернационал-социалистами издавал журнал «Документос дель прогресо», публиковавший переведенные на испанский язык документы и материалы из Советского России. В 1918 г. в Буэнос-Айресе была организована Федерация российских рабочих Латинской Америки (ФРРЛА), в которую вошли шесть групп: «Русская рабочая группа» (г. Буэнос-Айрес), «Союз русских рабочих Бериссо» (провинция Буэнос-Айрес), «Общество русских рабочих Бериссо», «Общество самообразования русских рабочих», «Союз русских рабочих Россарио», а также «Союз русских рабочих Монтевидео» (Уругвай) (печатные издания – газета «Голос труда» (вых. с 1918), редактор – М.А. Комин-Александровский, и журнал «Коммунист» (вых. с 1920).

В 20–30-е годы наибольшее распространение среди рабочих получает анархизм. В Аргентине он был представлен такими течениями, как анархо-синдикализм и анархо-коммунизм. Сторонники анархистской мысли выступали за улучшение экономического положения низших слоев эмиграции, создание свободных, независимых объединений, трудовых артелей, общин. Свою задачу они видели в подготовке к социальной революции с целью осуществления в России анархического строя. Ставился вопрос о создании в Южной Америке Федерации российских анархических групп. Сторонники анархо-синдикализма отвергли идею диктатуры пролетариата и потому не признавали новый режим в России. С 1921 г. на позиции анархо-синдикализма встала ФРРЛА (председатель – Ходзинский). Члены Федерации отказались от присоединения к Коминтерну. В 1928 г. был основан Союз русских анархистов-коммунистов (печатный орган – журнал «Бунтарь»), в 1929 г. – «Группа содействия Русских анархистов «Делу труда» (анархистской организации русских эмигрантов во Франции) (печатный орган – газета «Анархия», вых. с 1930 г.), и группа «Вольная мысль» (печатный орган «Вольная мысль», осн. в 1932 г.) После серии арестов и преследований в 1930 г. появляется печатный орган «анархистов и безвластников» – «Голос из подполья». В 1930 г. в Буэнос-Айресе образован Комитет помощи анархистам СССР по ссылкам, каторгам и тюрьмам и Комитет помощи музею П. Кропоткина в Москве.

Военные организации. С прибытием на американский континент белой эмиграции из России политическая жизнь в русской

колонии активизировалась. В 20-е годы в Аргентине было создано Общество галлиполийцев (секретарь – инженер Н. Запорожцев); отделение Российского общевоинского союза (РОВС) (председатель – полковник А.Н. Ефремов). К РОВС примыкали общества «Русский очаг» (создан в 1926 г., председатель – В. Дахин) и «Русский сокол» (создан в 1929 г., руководитель В.В. Зуев). К РОВС примыкала «Кают-компания офицеров императорского флота» (куда входили морские офицеры царской и белой армий – Л.С. Быстроумов, Б.К. Шуберт, Б.К. Кравченко и др.). Данные организации ставили своей задачей «вырастить молодое поколение в истинно русском духе и довести его в монархической убежденности до восстановления прежней России». Аргентинскую секцию «Союза младороссов» возглавил бывший морской офицер, князь Волконский (печатный орган – «Русская газета», основ. в 1932 г., редактор О. Ломоть).

Со второй половине 20-х годов в среде русской эмиграции в Аргентине появляются организации фашистского толка. Русское фашистское движение пыталось стать новой политической силой, способной повлиять на ход развития событий в СССР. Среди сторонников фашистской идеологии в Аргентине помимо русских офицеров была некоторая часть рабочих, а также бывших солдат Добровольческой армии. Им обещались земли в кубанских степях, когда «фашисты Германии помогут освободить Россию от засилья большевизма». Первая фашистская группа была создана в Буэнос-Айресе Г.Ф. Башировым (сыном известного саратовского хлебного миллионера) и Воронцовым-Веньяминовым. Вторая группа – В.В. Шапкиным (бывшим министром Донского правительства, полковником армии генерала П. Краснова). С 1930 г. в Аргентине существовал отдел Всероссийского фашистского союза (ВФС) (печатный орган – «Вестник»). Однако сторонники фашистской идеологии, объявившие себя национал-патриотами и борцами за великую Россию, были лишены национальной почвы. Национал-патриотическая пропаганда и антисемитизм не способствовали их популярности в среде русской диаспоры.

Среди профессиональных организаций выделялись Союз русских инженеров; аргентинская секция Союза украинских инженеров (объединившая 50 бывших петлюровских офицеров во главе с В. Милинским).

Благотворительные организации: аргентинское отделение русского общества Красного Креста (старой организации) (уполномоченный – протопресвитер отец Константин Изразцов), Общество инвалидов Первой мировой войны; Союз помощи херсонским колонистам, ЦК еврейской «народной помощи» (жертвам войны и погромов). В период голода 1921–22 гг. в Советской России иммигранты оказывали содействие аргентинскому Национальному комитету помощи голодающим в России (созд. в 1921), Комитету помощи детям, ЦК рабочей помощи пролетариату России. Русская православная церковь и лично о. Константин Изразцов организовали сбор пожертвований в пользу голодающих на сумму 10 тыс. песо (помощь отправлялась через Высшее церковное управление, Международный Красный Крест и Американскую администрацию помощи (АРА)[10]. В период гонений на церковь в России и ареста Святейшего Патриарха Тихона о. Константин возвысил голос протеста. Министру иностранных дел Аргентины был направлен Меморандум (с целью его последующей передачи через аргентинского посланника в Берлине Советскому правительству). На имя Патриарха Тихона о. Константин подготовил 40 посылок (на сумму 1200 песо)[11]. Из-за запрета, наложенного большевиками, помощь была отправлена в адрес 20 епископов (титулярных и викарных) из губерний, которые наиболее пострадали от голода. В Аргентине проживали Боронат Софья Антоновна (из семьи богатых московских промышленников) и сестры Александра и Татьяна

Красильниковы – дочери известных в России богатых купцов, которые занимались широкой благотворительной деятельностью в эмиграции.

В годы Второй мировой войны русская эмиграция разделилась на три группы: первая, продолжавшая стоять на антисоветских позициях, видела в разгроме СССР единственный путь освобождения страны от коммунистов (к числу ее сторонников относились: общества русских фашистов, часть офицеров и солдат аргентинского РОВС, русский православный приход во главе с о. Константином Изразцовым). Вторая группа желала скорейшей победы Красной Армии в войне с Гитлером, с тем чтобы в дальнейшем повернуть это оружие против коммунистов (эту точку зрения разделяли общества «Русский сокол» и «Русский очаг», казачья донская станица, большинство членов РОВС; некоторые благотворительные общества). Третья группа иммигрантов занимала позицию активной моральной и материальной поддержки СССР в его схватке с фашизмом. Эта часть была многочисленна и разнородна по своему составу (в среде белой эмиграции ее сторонники группировались вокруг генерала А.В. Шварца и лидеров партии младороссов – князя Волконского и Г. Толмачевой). До ноября 1942 г. из Аргентины в Великобританию было отправлено 1140 человек добровольцев из числа российских иммигрантов[12]. 29 июня 1941 г. в Буэнос-Айресе по инициативе украинского культурно-просветительного общества был создан Демократический комитет помощи Советскому Союзу; в декабре 1941 г. произошло становление Комитета славянского единства (печатный орган – бюллетень «Славянское единство», с декабря 1943 г. председатель – П. Шостаковский). Члены этих организаций стояли на антифашистских позициях и оказывали в годы войны активную материальную поддержку СССР и его народам. Движение солидарности с СССР в среде русской диаспоры активизировалось после обращения участников первого Всеславянского митинга в Москве (август 1941 г.) и создания Всеславянского комитета (ВСК) СССР (просуществовавшего до 1962 г.). В Аргентине была открыта подписка на его печатный орган – журнал «Славяне» (вых. с мая 1942 г.). После славянского континентального конгресса антифашистских сил (апрель 1943 г., г. Монтевидео) славянские организации Аргентины ежемесячно передавали от 3 до 5 тыс. песо на покупку медикаментов и теплой одежды для Красной армии. В октябре 1943 г. правительство Аргентины закрыло ряд славянских изданий, занимавших просоветскую позицию (в том числе газеты «Эхо», «Русский в Аргентине» и др.). Декретом от 25 апреля 1949 г. был наложен запрет на деятельность Славянского союза Аргентины.

Периодические издания. Первая русская газета «Слово» появилась в Аргентине еще в 1904 г. После 1917 г. в Буэнос-Айресе продолжала выходить еженедельная, прогрессивная экономическая газета «Новый мир» (осн. в 1912 г., редактор – писатель и общественный деятель А.Я. Павловский); газета «Русский в Аргентине» (осн. в 1929 г., редактор – инженер Г.М. Киселеский; издатель – С.И. Стапран); русская национальная газета «Русь» (редактор и издатель – Д.И. Баширов). Общие издания – журналы «Сеятель» (издатель – Н. Чоловский), «Время», «Заря»; «Свободная Россия» (редактор – доктор И.Л. Лейбов).

Русская православная церковь в Аргентине. Русская православная церковь (РПЦ) в Аргентине была основана в 1887 г. С 1891 г. и до конца Второй мировой войны ее настоятелем являлся отец Константин (Константин Гаврилович Изразцов), возведенный в сан священника. В 1902 г. в Буэнос-Айресе был выстроен каменный храм во имя Святой Троицы с предельным престолом во имя Святого

Николая Чудотворца и Марии Магдалины. Второй православный приход с храмом во имя Покрова Пресвятой Богородицы существовал в колонии «Трес Капонес» провинции Мисьонес. После 1917 г. Русская православная церковь в Аргентине перешла в подчинение Архиерейскому синоду Русской православной церкви за границей. Для православных Южной Америки высшей канонической церковной властью являлся Митрополит Киевский и Галицкий Антоний, проживавший в Югославии. После 1917 г. Аргентина прервала официальные отношения с Советской Россией и приостановила деятельность своей миссии в Петрограде. Российский посланник в Аргентине Е.Ф. Штейн, официально утративший свои полномочия, еще некоторое время продолжал выполнять свои обязанности. Но постепенно положение «неофициального российского консула и представителя» перешло к о. Константину (с 1923 г. – протопресвитеру и администратору Русских православных церквей в Южной Америке). На него выпала забота о материальной помощи русской дипломатической миссии. До Второй мировой войны Русская православная церковь являлась центром политической жизни белой эмиграции. На образованный капитал (в 8 тыс. песо) о. Константин финансировал эмигрантские объединения и организации в начале их деятельности. Он создал «Общество взаимопомощи для инженеров и техников». На деньги, собранные о. Константином, и при содействии известной балерины О.О. Преображенской в Буэнос-Айресе был открыт ночлежный дом для русских иммигрантов. При церкви имелась приходская школа и библиотека. Детей русских беженцев безвозмездно обучали сподвижники: Н.Д. Ридигер, А.Г. Ракитина, Е.М. Григорьева, М.В. Лорец-Эблин, М.С. Адыров. В 1923 г. из состава РПЦ выделилась как самостоятельная Сирийская и Греческая церкви, что значительно ухудшило финансовое положение русского прихода в Буэнос-Айресе, поскольку прибывавшие русские беженцы не имели достаточных средств для его содержания. 15 мая 1926 г. по инициативе К. Изразцова была учреждена «Русская православная община в Аргентине», получившая права юридического лица (по декрету президента Аргентинской Республики от 26 июля 1926 г.). С этого момента собственность Общины (церковные постройки, капитал) охранялась конституцией и аргентинскими законами и не могла в случае установления дипломатических отношений с Советским правительством перейти под юрисдикцию последнего. Одновременно о. Константин осуществлял важную миссионерскую деятельность на континенте. При его содействии были созданы приходы и построены русские православные храмы в Парагвае, Уругвае, Бразилии.

Список литературы

1. *Бенуа Г.* Сорок три года в разлуке. Воспоминания // Простор. – Алма-Ата, 1967. – № 9, 10, 12.
2. *Брунст В.* Аргентина и Бразилия как страны эмиграции. – Б. м. и Д.;
3. *Дик Е.П.* Из истории российской эмиграции в Аргентину в конце XIX – нач. XX в. // Латинская Америка. – М., 1991. – № 6.
4. *Дик Е.П.* Православие на Ла-Плате. – (конец XIX – первая половина XX в.) // Латинская Америка. – М., 1991. – № 8.
5. Календарь «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936.
6. *Королев Н.В.* Страны Южной Америки и России (1890–1917). – Кишинев, 1972.
7. *Оболенский В.В.* (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М., 1928.
8. *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки по истории Южной Америки. – Париж, 1936.
9. Статистический справочник СССР за 1928 г. – М.: ЦСУ, 1929.

10. *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. – Киев, 1980.
11. *Шейнбаум Л.С.* Аргентинский этнос: Этапы формирования и развития. – Л., 1989.
12. *Шостаковский П.* Путь к правде. – Минск, 1960.
13. lnmigracion y desarrollo economico. – Buenos-Aires, 1961. – (Стат. мат.)
14. *Jelin E.* Las comunidades de extranjeros en la Argentina y sus asociaciones. – Buenos-Aires, 1963.
15. La lnmigracion en la republica Argentina y la situacion social. – Buenos-Aires, 1924.
16. *Lattes A.* Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo 19–1961 // Desarollo economico. – Buenos-Aires, 1973. – Vol. 12, N. 47.
17. *Torino D.* El problema de imigracion y el problema agrario en la Argentina. – Buenos-Aires, 1942.

Примечания

1 Дик Е.П. Из истории российской эмиграции в Аргентину в конце XIX – начале XX в. // Латинская Америка. – М., 1991. – № 6. – С. 85.
2 Миграционные процессы в России и СССР. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 79.
3 Оболенский В.В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М., 1928. – С. 12.
4 lnmigracion y desarrollo economico. – Buenos-Aires, 1961. – P. 24.
5 Миграционные процессы в России и СССР. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 97.
6 Там же. – С. 99.
7 Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. – Киев, 1980. – С. 36.
8 ГА РФ.Ф. 6532. Оп. 1. Д. 71. Л. 193
9 Дик Е.П. Из истории российской эмиграции в Аргентину в конце XIX – начале XX в. // Латинская Америка. – М., 1991. – № 6. – С. 86.
10 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 219. Л. 5 (об.)
11 ГА РФ.Ф. 6094. Оп. 1. Д. 219. Л. 52
12 Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. – Киев, 1980.

ПАРАГВАЙ

Русская эмиграция в Парагвай после 1917 г. была главным образом политической. Наибольший отток переселенцев в эту страну наблюдается с 1924 г. К 1935 г. русских иммигрантов в Парагвае насчитывалось от 900 до 1200 человек[1].

С 1924 г. приемом русских переселенцев занималась организация – «Огар русо» («Русский очаг») во главе с генералом И.Т. Беляевым. В числе первых переселенцев были 12 специалистов (инженеры Шмагайлов, Пятницкий, Орефьев-Серебряков, Сиарский, Воробьев, Яковлев; путеец Абраменко, конструктор Маковецкий, геодезист Аверьянов). По инициативе Беляева было создано общество «Защита русского земледельца в Парагвае», которое имело в своем распоряжении пять русских колоний и кооператив «Родина». К концу 20-х годов в Асунсьоне в русской колонии во главе с генералом Беляевым проживало по разным данным от 80 до 150 человек (в большинстве белых офицеров и гражданских специалистов)[2].

Параллельно организации Беляева колонизационными вопросами в Парагвае занимался «Уньон русо» («Русский клуб») (председатель – генерал Н.Ф. Эрн, начальник Южно-Американского отделения РОВС). В союзе с ним действовало учреждение во главе с генералом С.С. Щетининым (бывшим губернатором Екате-

екатеринослава при генерале А.И. Деникине), с которым ссотрудничали: агроном Ю.Ф. Бутлеров (бывший майор парагвайской службы, помощник окружного инженера в г. Энкарнасьон и районный уполномоченный департамента земель и колоний); кадровый офицер П.П. Булыгин (директор колонии литовских старообрядцев «Балтика»). В Белграде вопросами переселения в Парагвай занималось Русское колонизационное общество (созд. в 1925 г., председатель – А.П. Пилкин). Данные организации с помощью рекламных газет, брошюр, листовок вели пропаганду по привлечению соотечественников из Западной Европы. По поручению нансеновского офиса в Парагвай ездили русские представители анкетной комиссии Н.Д. Авксентьев и генерал-лейтенант Н.Н. Стогов.

Русские военные специалисты нашли применение своим силам в Парагвае по назначению: в Департаменте общественных работ (землемеры, топографы); в Арсенале (инструкторы по пулеметному делу, артиллеристы, как, например, братья Оранжерееры; артиллерист-химик Зимовский заведовал отделом взрывчатых веществ); в Морском департаменте (в качестве преподавателей военного училища морских кадет, организаторов курсов для флотских офицеров, как, например, капитан 1-го ранга, князь Я. Туманов служил на флоте и возглавлял личный состав морского министерства); в военном министерстве (где на службе находились генерал И.Т. Беляев, генерал Н.Ф. Эрн (преподавал фортификацию), инженер, полковник Г.Л. Шмагайлов (возглавлявший Технический отдел министерства). В дальнейшем Шмагайлов занялся строительством (при его участии в стране было возведено разного рода сооружений на сумму около 25 млн. песо). Работал консультантом по техническим вопросам в муниципалитете, затем занялся частным подрядом. Строил аэродром, мосты, соорудил специальную печь для сжигания предназначенных к погашению кредитных билетов. Заработал большое состояние, считался миллионером.

Усилиями русских ученых был основан инженерный факультет Университета в г. Асунсьоне (здесь работало 12 русских профессоров), они внесли свой вклад в развитие теоретической и прикладной науки в Парагвае. Деканом математического факультета Университета состоял военный инженер генерал-майор С.П. Бобровский (он же руководил дорожным строительством). 16 лет проработал в Парагвайском университете ученый-энергетик профессор Н.Г. Кривошеин (сын известного ученого, профессора статики сооружений Г.Г. Кривошеина). Усилиями русских специалистов (главным образом военных) были построены авиационная школа, радиостанция, были организованы радиотелеграфная секция службы армии, дорожное хозяйство республики, система электроснабжения.

В годы Чакской войны Парагвая с Боливией (1932–1935) русские офицеры были привлечены на службу в парагвайскую армию. По различным данным в этой войне на стороне Парагвая принимало участие от 62 до 86 бывших русских офицеров-добровольцев, среди которых были начальники крупных штабов, один – командовал дивизией, семеро – полками, остальные батальонами, ротами, батареями[3]. В годы войны генерал-майоры Эрн и Беляев были зачислены в ряды парагвайской армии в чинах генерал-лейтенантов. Бывший капитан царской армии, награжденный орденами св. Станислава, св. Анны и св. Владимира за заслуги в годы Первой мировой войны, Степан Высоколян к концу войны в Чако стал начальником штаба одной из парагвайских дивизий. Он прошел путь от майора до бригадного генерала и стал затем командующим парагвайской артиллерией. Ему первому из иностранцев был присвоен чин генерала армии. Майор Николай Корсаков руководил кавалерийским полком. Помощником начальника военно-санитарной части парагвайской армии работал русский доктор А.Ф. Вейс. В годы войны

в Чако отличились также генерал Бобровский, майор Николай Чирков, капитан 1-го ранга Всеволод Канонников, капитаны Юрий Бутлеров (потомок выдающегося химика академика А.М. Бутлерова), Касьянов, Салазкин, Дедов, лейтенанты Малютин, Ходолей. Известно, что в этой войне было убито шестеро русских офицеров (по некоторым данным семеро). В их числе были капитан Парагвайской конницы Б.П. Касьянов (бывший псковский драгун), капитан В. Орефьев-Серебряков (из Донского казачьего войска), в честь которых были названы улица и форт в парагвайской столице; а также капитаны Салазкин, Корнилович, Гольдшмит, Малютин.

В 1937 г. в парагвайской армии были пожалованы кавалерами ордена Чако (с присвоением почетного парагвайского гражданства) русские офицеры: майоры Широков, Ходолей, Коргаков, Бутлеров, Леш, Фрей, Керн; капитаны: Высоколян, Пушкаревич, Блинов, Бауэр, Озоль, Срывалин, Таракус, Альтман, Унгерн-Штернберг.

Переселившиеся в Парагвай землеробы и специалисты по постройке дорог занимались колонизацией земель. В 1925 г. несколько сот крестьянских семей из Волынской губернии в провинции Энкарнасьон создали колонию «Новая Волынь». В г. Энкарнасьон и Пасадос была основана колония русских староверов «Балтика». В 1928 г. 500 человек малороссов, белорусов, поляков, чехов основали колонию «Фрам». Славянские поселения (50 семей – выходцев из Волыни) существовали также в местечке Сандова и Уруса-Пукай.

В 1930 г. в провинцию Чако прибыли меннониты (около 2 тыс. человек)[4], из которых 12 колоний образовали выходцы из Канады, две колонии – выходцы из России. Местные меннониты поддерживали связь и получали материальную поддержку (снабжение инвентарем, скотом) от Центрального менонитского комитета в Северной Америке. За 5 лет ими было заведено хозяйство, построены дома, больница, организован кооператив, проведены дороги, создан лесопильный завод. Здесь же осели и русские духоборы, которые вели жизнь замкнутую и обособленную, не признавали военной службы.

На средства, отпущенные о. Константином Изразцовым, в г. Асунсьон в старинном псковском стиле был выстроен храм Покрова Пресвятой Богородицы (проект архитектора Ю. Фишера при участии полковника Г.Л. Шмагайлова). Настоятель храма – прибывший из Югославии священник архимандрит Пахомий; церковный староста и одновременно псаломщик генерал Н.Ф. Эрн. Храм Святого Михаила Архангела был возведен в колонии Уруса-Пукай (настоятель – иеромонах Тихон (Гнатюк).

Законодательство облегчало дешевой рабочей силе въезд в Паргавай. Часть переселенцев сумела купить земельные участки за наличные деньги (400 песо за 1 га), другие приобретали в аренду казенные земли. Крестьяне в большинстве своем являлись кадровыми солдатами. Они выстроили церковь, школу, построили хаты, амбары, обзавелись скотом, птицей, семенами. Лесные участки расчищали, засевали табаком, чаем, фруктовыми деревьями, открывали коннозаводческие предприятия. В свободное время занимались охотой и рыболовством. Постепенно русские колонисты переходили к более высоким культурам (табака, хлопка, чая – мате), которые окупали издержки перевозок и давали гораздо больший доход по сравнению с зерновыми культурами. Бывший русский помещик из Парижа С.М. Сабо поселился в Сан Лоренцо, где на 12 га земли развел свое хозяйство, сад, открыл колбасный цех. Бывший помещик Двинянин имел собственное имение на 17 га земли. С 1903 г. в Парагвае проживал Р.А. Риттер – экономист по образованию. Занимался скотоводством (в 80 км от Асунсьона имел землю и 1,5 тыс. голов

скота). Затем все продал и перебрался в город, где стал издавать экономический журнал и сотрудничать в нескольких парагвайских газетах. В 30-е годы состоял при парагвайском правительстве консультантом по финансовым вопросам, за что получил в русской колонии титул «парагвайский Витте».

10 сентября 1933 г. в Париже (по инициативе И.Т. Беляева, его брата Николая и парагвайского консула Хуана Лапьера) был создан «Колонизационной центр по организации иммиграции в Парагвай» (председатель – Горбачев, почетный председатель – бывший донской атаман А.П. Богаевский). 30 сентября 1933 г. образовалась Инициативная группа «Станицы имени генерала Беляева». В Париже два раза в месяц на русском языке выходила газета «Парагуай» и на французском – «Le Paraguy». Инициативная группа имела соглашение с парагвайским правительством о передаче в распоряжение будущей станицы казенных земель (из расчета от 10 до 20 га на каждого казака в полную его собственность), живого и мертвого инвентаря, вооружения, пайка семьям в размере полутора солдатского рациона в течение всего времени, пока станица будет в этом нуждаться. Парагвайское правительство «принимало колонизацию по признаку казачьей самобытности». Для новообразующихся русских колоний земли выделялись в междуречье р. Парагвай и Парана, неподалеку от г. Энкарнасьон и на востоке страны, близ г. Консепсьон.

Для групп, организованных по-военному, предоставлялся групповой паспорт с единой въездной аргентинской и парагвайской визами. Система группового паспорта была принята парагвайским МИДом по предложению И.Т. Беляева. Им же был разработан проект закона о правах и привилегиях русских иммигрантов, представленный парагвайскому парламенту. Проект предусматривал свободу вероисповедания, создания национальных школ, сохранение традиций и обычаев казаков (в том числе общинного владения землей), освобождение от уплаты пошлины на ввоз имущества сроком на 10 лет.

Пропаганда была рассчитана прежде всего на казачество и лиц, родившихся в казачьих областях и связанных с хлебопашеством. На призыв к переселению откликнулось много офицеров, а также старообрядцев. В апреле 1934 г. из Франции в Южную Америку прибыл первый пароход с русскими эмигрантами (около 100 человек). Возглавил группу полковник В.Ф. Гессель. Вторая группа в начале июля того же года отправилась из Марселя в составе 90 человек. Всего к концу 1934 г. в Парагвай было отправлено шесть эмигрантских групп. Одну из них возглавлял бывший начальник Корниловского военного училища полковник Н.П. Керманов. Эта группа переселенцев – в основном русские офицеры (полковники – М.Д. Каратеев, Рапп, Прокопович, Чистяков, капитан Богданов, поручики Яцевич, Колесников, корнет Щедрин и др.) – прибыли в местечко близ г. Консепсьон и основали колонию «Надежда» (просуществовала до 1938 г.). Возникли поселения в г. Энкарнасьон – «Станица имени генерала Беляева».

Русская диаспора в Парагвае в наибольшей степени была представлена политической эмиграцией монархической направленности. Для нее была характерна слабая организационная сплоченность. Различные группы эмигрантских руководителей в Парагвае мало занимались политикой и больше боролись за влияние в собственных колониях. В парагвайской столице существовал местный отдел РОВС (председатель – полковник В.Ф. Гессель), Техническое общество (председатель – генерал-майор С.П. Бобровский), Союз русских женщин (председатель – Е.Н. Вейс).

Список русских офицеров – участников Чакской войны в Парагвае (1932–1935)

1. Генерал Н.Ф. Эрн.
2. Генерал М.Т. Беляев.
3. Леш (командовал полком).
4. Касьянов (псковский драгун, убит).
5. Салазкин (Тек. кон. полка, командовал полком, убит).
6. Орефьев-Серебряков (Донского казач. войска, убит).
7. Корсаков (Смоленский улан, командовал полком).
8. Ширков (Архангелогородский улан).
9. Ходолей (Л. Гв. Лит. полк).
10. Бутлеров (Л. Гв. Лит. полк, 1-й арт. бр.).
11. И. Оранжереев (нач. штаба 4-й дивизии).

Капитаны:

12. Н. Блинов (Донск. казач. войска).
13. Б. Дедов.
14. Г. Чиркин.
15. Б. Жураковский.
16. Б. Фрей (командовал эскадроном, после войны – начальник топографической группы по съемкам Парагвая).
17. И. Пушкаревич.
18. Г. Озоль, топограф.
19. Керн (после войны служил в Генеральном штабе парагвайской армии).
20. С. Высоколян (начальник штаба дивизии).
21. Бауер.
22. Срывалин (Моск. драгун, командовал саперным батальоном).
23. Корнилович(убит).
24. Емельянов (Псков. драгун).
25. Барон Унгерн-Штернберг (Дроздовской конно-горн. батареи).
26. Гольдшмит (Марк. пехотн. полк, убит).
27. Малютин (Кубан. казач. войска, убит).
28. В.А. Башмаков (сын известного ученого и общественного деятеля А.А. Башмакова, во время войны занимался сооружением мостов).

Поручики:

29. Эрн (сын генерала Эрна).
30. А. Таранченко (гус. унтер-офицер).
31. Л. Оранжереев.
32. Лейтенант Фон-Экштейн.

Моряки:

33. Капитан 1-го ранга князь Туманов.
34. Лейтенант Сахаров.
35. Де Гирс.
36. Артиллерист Зимовский.

Врачебная часть:

37. Доктор А.Ф. Вейс.
38. Садов-Ретивов.
39. Тимченко.
40. Грамматчиков.
41. Гайдуков.
42. Женщина-врач Попова.
43. Буткевич (ветеринар).
44. Горкин.

Источник: *Стогов Н.Н.*. Парагвай и русские офицеры // Часовой. – Брюссель, 1936. – № 176. – С. 14–16.

Список литературы

1. *Владимирская Т.В.* Русские мигранты в Парагвае // Вопросы истории. – М., 1995. – № 11–12.
2. История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996.
3. *Каратеев М.* По следам конквистадоров. История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. – М., 1991.
4. *Мартынов Б.Ф.* Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве. – М., 1993.
5. *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки по истории Южной Америки. – Париж, 1936.
6. *Пилкин А.П.* Парагвай (Краткий очерк). – Париж. 1934.
7. Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993.
8. *Стогов Н.Н.* Парагвай и русские офицеры // Часовой. – Брюссель, 1936. – № 174, 176.

Примечания

[1] Мартынов Б.Ф. Становление русской колонии в Парагвае // Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993. – С. 22.

[2] Возрождение. – Париж, 1927. – 22 декабря.

[3] Каратеев М. По следам конквистадоров. История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. – М., 1991. – С. 39.

[4] Пилкин А.В. Парагвай (Краткий очерк). – Париж, 1934. – С. 29.

А.А. Хисамутдинов

ТОЛСТЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ В КИТАЕ («Дальний Восток», «Желтый лик», «Китай», «Понедельник», «Врата», «Прожектор», «Парус», «Русские записки» и «Феникс»)

После революции 1917 г. русские волны разошлись по всему миру. Если в Европе и Америке, близких русским беженцам по культуре, эмигранты легко адаптировались к местным реалиям и быстро ассимилировались с местным населением, что особенно наглядно проявилось в Америке, то в Китае с его древней культурой и своеобразными традициями обстановка была совершенно иной, что отражалось и на поведении русских эмигрантов. Они писали: «На востоке мы не вынуждены ассимилироваться во чтобы то ни стало, мы не распыляем своего русского наследия, не теряем национально-бытового облика. Мало того, мы осознаем себя уже не "эмигрантами", выбитыми из исторической колеи России, а колонизаторами, несущими определенную историческую культурную миссию: подготовить почву для проникновения будущей России на Восток, куда ей придется волей-неволей устремиться, хотя бы уже из-за чисто экономических причин»[1].

ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета, Владивосток

Попав в инокультурную среду, выходцы из России считали основной задачей сохранение русского языка и поэтому сразу занялись изданием книг и периодической печати. Этот процесс имел свои особенности. Там, где русские эмигранты образовали изолированную общину, как это было в Харбине, преобладал выпуск газет. В многонациональном Шанхае, где русские были разбросаны по всему городу, одновременно с газетами стали появляться толстые журналы. К тому же культурный уровень Шанхая был выше харбинского, и редакции имели возможность отбирать для публикации более качественные материалы. При этом они не ограничивались

шанхайскими авторами, а привлекали русских литераторов из других городов. Поэтому шанхайские издания, в отличие от тех, что выпускались в других городах, можно считать общекитайскими. Для их публикаций были характерны идеи, которые позднее назовут евразийскими.

Особенно интересными и характерными были толстые литературные журналы. Публиковавшиеся в них литературные и публицистические произведения дают представление о творчестве русских авторов в Китае, их излюбленных темах, политических симпатиях и антипатиях. К сожалению, полных коллекций русской печати в Китае не сохранилось. Наиболее полные собрания русских журналов имеются в библиотеке им. Гамильтона Гавайского университета (Гонолулу) и Музее русской культуры (Сан-Франциско). Малодоступность этих коллекций для российских исследователей объясняет отсутствие глубокого анализа русской журнальной периодики литературно-художественного направления. Один из немногих журналов, об истории и содержании которого имеются публикации, – это «Понедельник»: о нем писали Т.А. Таскина и другие исследователи[2].

Магарамские «Дальний Восток». «Желтый лик» и «Китай». Литературно-художественные альманахи Элизара Евельевича Магарама, выпуск которых он начал в Шанхае в 1920 г. и в которых приняли участие первые русские литераторы Шанхая, можно считать предвестниками шанхайских литературных журналов. Журналист Магарам был политическим эмигрантом. До Первой мировой войны он сотрудничал в одесских эсеровских изданиях «Земля и Воля», «Крестьянин и Рабочий» и др., а затем уехал в Томск, где был секретарем редакции газеты «Знамя Революции», органа Совета депутатов Западной Сибири. После чешского переворота Магарам уехал в Китай, где публиковался в харбинских газетах «Маньчжурия» и «Новости жизни», а затем в Шанхае редактировал недолго просуществовавшую газету «Новости Шанхая». Наибольшую же известность Магарам получил благодаря своим альманахам.

Первый, «Дальний Восток», был выпущен при поддержке Русского благотворительного общества в Шанхае в 1920 г.[3] и напечатан в типографии этого Общества. Все произведения, помещенные в альманах, объединяла общая тема – Китай. Журнал открывался подборкой из шести рассказов самого Магарама «Желтый лик (очерки Китая)». Китаевед Э.Е. Нарымский напечатал китайские сказки «Блуждающие души», В. Темный предоставил этнографический очерк «Китайцы», а востоковед Е.А. рассказал об истории китайского театра. Это было время интенсивного накопления знаний о Китае русскими. Если до строительства КВДЖ изучением этой страны занимались исключительно ученые-синологи, то с начала XX в. рамки китаеведения значительно расширились за счет любителей-краеведов, работавших в Китае, в том числе и эмигрантов из России. Исследователи пишут: «Вопреки политическим проблемам и житейским лишениям, российские специалисты в Маньчжурии сумели достичь больших высот в научных исследованиях. Находясь в самой гуще событий, они могли из первых рук получить наиболее полную информацию о стране, составить уникальные коллекции, обобщить результаты изучения Маньчжурии в публичных выступлениях, научных докладах, публикациях в научных и других изданиях и, как результат, обогатить представления о Китае и других странах Дальнего Востока»[4].

Второй иллюстрированный литературно-художественный альманах под названием «Желтый лик», выпущенный Магарамом весной 1921 г., также был целиком посвящен Китаю[5]. Наряду с этнографическими материалами (Э.Е. Нарымский – сказки, Е.А. Федоров – «Троецарствие» и «Китайская живопись», В. Темный – «Возрождение Китая», Н. Черный – «История Китая» и др.) на его страницах были опубликованы стихи и рассказы. Своими

рисунками альманах проиллюстрировал шанхайский художник А.С. Хренов.

Большую рецензию на этот и другие альманахи Магарама поместил пекинский журнал «Русское обозрение»: «Что касается самого содержания альманаха, то львиная доля материала принадлежит перу самого редактора г. Магарама. Его статьи резко отличаются от статей других сотрудников – хорошим языком, богатством образов; он видит красок и слышит звуков несравненно больше, чем его сотрудники. Конечно, он единственный "писатель" в своих альманахах. В целом ряде рассказов он дает очерки шанхайской жизни, вернее, низов ее. Не портят их с внешней стороны и некоторые шероховатости (например, "пресные зеленые маслины", которые кладут китайцы в чай, – речь идет о китайских цукатах – и т.д.). Лучшим из этих рассказов следует считать "Рикшу", хотя тема и трактовка его заимствованы, может быть, невольно, у Бунина. Но что следует поставить в вину г. Магараму, так это пристрастие его к тем "реальным" темам, которые в прежние "буржуйные" времена попросту назывались сальными. Правда, автор трактует их не поблоковски, но достаточно откровенно, для того чтобы читатель получил отвращение, но не к описываемым явлениям, а именно к писаниям. В целом ряде рассказов: "В баре", "Синаво", "В китайском порту", "Жена" – описываются отвратительные лупанарии, торговля женой и другие мерзости, о которых противно и говорить. Неужели же автор, при его несомненном таланте и наблюдательности, улавливает только эти стороны китайской жизни? Прямо обидно становится за человека!»[6]

В 1923 г. Магарам выпустил третий альманах – «Китай»[7]. В нем участвовали в основном те же авторы, что и в предыдущих сборниках. Три рассказа предоставил сам редактор-составитель. М. Щербаков опубликовал стихотворение «Царь-дракон» и сонет «Женьшень». М.В. Маркевич дал этнографический очерк «Знаменитые китайские наложницы». Э.Е. Нарымский перевел с китайского языка рассказ «Две сестры». Украшением альманаха стал большой очерк Е.А. Федорова «Китайское искусство». Уроженец Петербурга, Евгений Александрович Федоров окончил в 1909 г. китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке и с 1917 г. жил в Шанхае. Выступая в театральной труппе М.А. Смоленского, а затем работая художником-декоратором, он изучал китайское искусство и писал на эту тему – сначала для альманахов Магарама, а позднее и для других журналов[8].

Очерк о китайском искусстве был прекрасно иллюстрирован рисунками из коллекции Цзинского дворца в Пекине, наклеенными на специальные паспарту. Разрешение на публикацию этих иллюстраций альманаху пришлось просить у шанхайского издательства Commercial Press Limited, специализирующегося на издании альбомов по китайскому искусству, и у издательства Nee Woo Tseu Soog Zay. Оригинальные рисунки предоставили журналу шанхайские художники Э.М. Гран и И. Рози.

Четвертый альманах, заявленный Магарамом, из печати не вышел: к этому времени издатель переехал в Европу, где издал несколько книг по китайской тематике.

Содружество единомышленников «Понедельник». Один из самых известных литературных журналов издавало Содружество русских работников искусства «Понедельник», созданное осенью 1929 г. по инициативе Л.В. Гроссе, В.С. Валя и Н.К. Соколовского. Лев Гроссе, сын последнего российского генерального консула в Шанхае, окончив гимназию Дризуля в Харбине (1924), учился во Франции и Германии. Он хорошо знал английский, французский, немецкий и китайский языки и, вернувшись в Шанхай, работал переводчиком в иностранных фирмах, печатая свои произведения в разных газетах и журналах[9].

Валентин Сергеевич Валь (настоящая фамилия Присяжников) в России учился

на инженерно-строительном факультете Сибирской сельскохозяйственной академии, затем участвовал в Гражданской войне в Сибири. Живя в Шанхае с 1922 г., он сотрудничал почти во всех газетах и журналах: был редактором газет «Новое Шанхайское время», «Студенческая газета», «Новое слово», журналов «Шанхайский дракон», «Прожектор», «Слово». Третий инициатор создания «Понедельника», Николай Соколовский, по образованию был востоковедом, но в Шанхае работал архитектором[10].

Первым председателем «Понедельника» стал известный художник М.А. Кичигин. Активными деятелями Содружества были и другие художники, в частности А.А. Ярон и С.Г. Мосцепан.

Поначалу участники объединения – художники, артисты и литераторы – собирались по понедельникам, чтобы интересно провести свободное время, но постепенно деятельность общества расширилась, в частности на заседаниях стали делать доклады. Так, с докладом о харбинских поэтах выступил Михаил Спургот. Он жил в Харбине с 1921 г. и закончил там образование, начав его во Владивостокской гимназии. В Харбине он редактировал ряд журналов и газет, вел отдел сатиры «Дальневосточного прожектора» и в 1925–1926 гг. выпустил несколько сборников стихов. По воспоминаниям современников, «он был миловидным блондином с тонкими чертами лица и голубыми глазами. Публика любила его за теплоту и душевность чтения. Бедный Спургот тоже оказался жертвой русского безвремья – наркотиков и алкоголя, губящих русских поэтов-белопоходников»[11]. В 1929 г. Спургот переселился в Шанхай и работал в газете «Шанхайская Заря»[12]. Продолжая писать стихи, он напечатал поэтический сборник и в Шанхае[13].

Поэтесса Ольга Алексеевна Скопиченко, сделавшая доклад об Александре Блоке и влиянии революции на его творчество, тоже до Шанхая жила в Харбине, где выпустила сборник стихов «Родные порывы» (1926). Второй сборник, «Будущему вождю», вышел уже после переезда в Тяньцзинь (1928), а третий, «Путь изгнанника», в Шанхае[14]. О себе Скопиченко говорила: «Постепенно перехожу на прозу, но стихов бросать не собираюсь. Собираю материал для фантастической повести из древнерусской жизни»[15].

Больше всех сообщений («Характерные черты японской поэзии», «Блок и “Двенадцать”» и «Ритмика русского стиха и новейшие исследования») сделал на заседаниях Михаил Васильевич Щербаков, сыгравший большую роль в становлении Содружества. Физик по образованию, в Гражданскую войну он был военным летчиком[16].

Именно Щербакову поручили в декабре 1929 г. провести реорганизацию «Понедельника». Переговорив со всеми участниками и получив письма от харбинских друзей, он переделал устав, который утвердили весной 1930 г. Цели и задачи Содружества «Понедельник» в нем определялись так: «а) объединение русских работников искусства, находящихся на Дальнем Востоке, на почве широкой терпимости к различным художественным течениям, для развития и укрепления русского искусства на Дальнем Востоке; б) всестороннее расширение художественного кругозора своих членов; в) создание русской художественной критики на Дальнем Востоке; г) изучение быта, искусства и культуры народов Дальнего Востока; д) установление связи с русскими художественными кругами и организациями, имеющимися в Западной Европе; е) изучение художественного творчества современной России»[17]. Секретарем Содружества стал Н.К. Соколовский; В.С. Валь и Л.В. Гроссе вошли в правление.

«Вскоре после утверждения нашего устава, – писал Щербаков, – на одном из собраний правления я предложил попробовать выпустить свой собственный литературно-художественный журнал типа “толстых журналов”, издававшихся прежде в России, который позволил бы нам, дальневосточникам, выступить не только перед дальневосточным читателем, но и

перед русской эмиграцией, обосновавшейся на Западе. Это предложение было горячо поддержано всеми содружественниками, и той же весной мы начали редакционную работу над первым выпуском нашего журнала, окрещенного "Понедельником"»[18].

Первый номер журнала увидел свет 1 сентября 1930 г. Свои рассказы в нем опубликовали М.В. Щербаков, В.С. Валь, В.Н. Иванов, П.А. Северный и К.С. Сабуров. Стихи напечатали Л.В. Гроссе, В.Ю. Янковская, К.В. Батурин, А.Н. Несмелов и др. Никого из авторов нельзя было назвать новичками в литературном творчестве. Щербаков начал заниматься литературным творчеством еще во Владивостоке, где редактировал «Крестьянскую газету». Как поэт он считался слабым, хотя некоторые критики отмечали его поэтические находки. Рассказы получались лучше[19], и первый сборник Щербаков напечатал в Японии[20].

Первая книга стихов Гроссе «Мысли сердца» была напечатана в Париже в 1925 г. В 1926 г. он издал в Шанхае сборники поэм «Ведение», «Грехопадение», «Кремль» и «Песня Жизни». На следующий год вышел сборник стихов «Альфа-омега. Завет пола». В 1928 г. поэт выпустил в Харбине поэму «Пророк», а через год напечатал «Башню Вавилона». В 1930 г. вышли сборник стихов «Крест поэта» и роман-поэма из жизни шанхайцев «Я, Вы и Он». По поводу второго произведения критик писал: «Первое, что отмечаешь при чтении, – это незрелость книги при несомненной, еще потенциальной, ее талантливости. Незрелость – в торопливости, чисто эскизном характере целых страниц, в их фельетонном, т.е. поверхностном скольжении по теме. Талантливость – в зоркости отдельных образов, в их убедительности и ясности. Как ни ответственно звучат в наше время эти слова, но Льва Гроссе мы бы назвали учеником русских классиков. Как ни трудна эта школа, но некоторые удачные места этой поэмы убеждают в том, что поэзия Гроссе – не случайная подражательность, но попытка возродить звучную напряженность русской классической лиры»[21].

Валь в 1928 г. выпустил книгу «Женщина из тьмы: Сентиментальный роман», а через два года напечатал сборник рассказов и стихов «Сны». В 1931 г. он издал сборник рассказов «Дорога к счастью», по поводу которого рецензент отмечал: «Характерной чертой его рассказов является небрежность. Часто автор пользуется чужими давно примелькавшимися фразами. И это тем более надо поставить Валю в вину, что у него есть свои яркие образы и интересные психологические настроения. Почти все его рассказы производят впечатление склеенных наспех»[22]. Тем не менее Валь деятельно участвовал в литературной жизни Шанхая и стал лауреатом конкурса, организованного газетой «Слово», получив Вторую премию за рассказ «Партизан» и похвальный отзыв за рассказ «Очевидец»[23].

На счету Павла Александровича Северного (настоящая фамилия Ольбрих, фон) была драма в четырех действиях «Смерть императора Николая II» (Харбин, 1922), и книга «Только мое, а может быть, и ваше», напечатанная в 1924 г. в Тяньцзине[24]. В течение последующего десятилетия Северный не писал крупных работ, ограничиваясь небольшими публикациями: он работал над романом, посвященным А.С. Пушкину[25].

Кирилл Батурин работал в издательстве «Слово». Он приехал в Шанхай после китайских конфликтов 1924–1926 гг., в которых участвовал, не закончив образования в Русско-Китайском политехническом институте (в дальнейшем Харбинский политехнический). Он увлекался мистикой, что отражалось на его произведениях, которые он публиковал в харбинских и шанхайских изданиях[26]. Позднее Батурин основал издательство «Speed

Studio» и стал представителем Русского оккультного центра в Шанхае (с 1938).

Виктория Янковская до 13 лет жила в имении Сидеми под Владивостоком, где у ее отца был конный завод. В 1922 г., во время эвакуации белого Приморья, семья перебралась в Северную Корею, построив имение «Новина». В Содружестве «Понедельник» Виктория была членом-корреспондентом. На конкурсе рассказов в Шанхае, устроенном в 1931 г. газетой «Слово», она получила первую премию за рассказ «Без Бога, без закона и без обычая». Она писала о себе: «Увлекаюсь охотой, брожу в хребтах... Готовлюсь издать повесть и рассказы из эмигрантской жизни на Дальнем Востоке и сборник стихотворений о Корее[27]. Из современных женщин ценю только трудящихся и презираю праздную дамскую массу, делающую культ из косметики, фокстрота, кино. Считаю обязанностью женщины помнить Россию: матери должны беречь детей от космополитизма, девушки должны быть всегда готовы к борьбе с СССР – даже с оружием в руках. А идеальное будущее вижу в равенстве женщины и мужчины, но не верю, чтобы все были способны достигнуть этого»[28].

Были представлены в журнале и шанхайские художники. Эффектную обложку подготовил Александр Ярон, взявший на себя художественное оформление журнала, а иллюстрации – В.А. Засыпкин (картина «Китайский монастырь «Лун-Ван-Мяо»), К.П. Данилевский («Два этюда голов»), П.П. Густ («Солнечные ванны»), С.Г. Мосцепан («Натурщик»). «Понедельник» стал и вершиной русского полиграфического искусства в Китае: типография издательства «Слово» напечатала его на превосходной бумаге с яркими заставками.

«Не считая себя особой “литературной школой”, – писал председатель Содружества, – “Понедельник” все же постепенно вырабатывает свою идеологию в области искусства и полагает, что одной из главнейших задач, поставленных русским художникам кисти и пера самой их жизнью в странах Востока, является преломление всего виденного здесь в своем творчестве и ознакомление русского читателя, в широком смысле, с теми культурными ценностями, которые дали миру народы Востока и которые до сих пор нашли так мало отражения в русской литературе, несмотря на громадное влияние, оказанное в прошлом на Россию культурой дальневосточных стран»[29].

Некоторые работы действительно украсили журнал. Зато о рассказе П. Северного «Молитвы серых лам» критик высказался так: «Это не фольклор, это такая же “клюква о Китае”, как княжна Петрушка, пьющая водку из самовара»[30].

Вот какую реакцию вызвал новый журнал в Харбине: «Со стороны внешности “Понедельник” выдержал экзамен. Что касается его содержания, то приходится признать, что далеко не все в нем равноценно. Пожалуй, не все даже заслуживало помещения в номер. Вступительная статья “Наш лик” говорит о задачах содружества “Понедельник” как о попытке объединить русских работников искусства, создать ядро, вокруг которого могло бы выкристаллизоваться все живое и творящее, что занесено из России на Дальний Восток»[31].

В 1931 г. М.В. Щербаков через «Понедельник» напечатал свою повесть[32].

В декабре 1931 г. вышел второй номер «Понедельника». Наряду с прежними авторами в нем опубликовали свои стихи и рассказы новые литераторы, ставшие действительными членами или членами-корреспондентами Содружества. В частности, в «Понедельник» вступил Аполлинарий Ненцинский, выпускник Благовещенской гимназии, приехавший в Шанхае в 1928 г. В своих рассказах Ненцинский в основном описывал эмигрантскую жизнь в Шанхае, Пекине и на Филиппинах. В дальнейшем он собрал их в единый сборник[33]. Харбинский рецензент писал: «Рассказы все четкие, сочные, интересные; в них чувствуется подлинное ощу-

щение жизни, страстность ее восприятия. Все рассказы полнокровны, ярки… Многоликий, интернациональный Шанхай и жизнь в нем русских отражены в этих рассказах очень полно. Много в них характерного для теперешнего момента, для теперешнего существования»[34].

По поводу второй книги Ненцинского[35] журнал «Рубеж» писал: «Мы уверены, что отчетный сборник будет иметь успех у читающей публики, благодаря своей красочности и занимательности. Если же к отчетной книге подходить со строгой, чисто литературной оценкой, то возразить есть на что: автор слишком сгущает краски, слишком увлекается драматическими эффектами и трагическими положениями, его рассказы излишне сексуальны, в них не хватает сдержанности, скупости и холодка требовательного к себе автора»[36].

С 1932 г. жил в Шанхае журналист Аркадий Пантелеев, бежавший из СССР. Он тоже писал рассказы и первую книгу, «Костер порыва», издал в 1925 г. в Харбине под своим настоящим именем – Родзинский В. Почетными членами Содружества по-прежнему были харбинцы Арсений Несмелов и Всеволод Иванов, почетным гостем – Александр Лаврентьев, а членами-корреспондентами – Василий Логинов, Константин Сабуров и Николай Щеголев.

Японская оккупация прервала связи с Харбином, поэтому издателям пришлось отложить выпуск очередного, третьего номера «Понедельника», который решено было сделать сдвоенным. Параллельно с подготовкой журнала велась работа и внутри Содружества. В гостеприимном доме П.М. Янковского в Шанхае собиралось до 40 человек, интересующихся литературой. Прошли вечера, посвященные творчеству Белого, Волошина, Гумилева, Блока, дальневосточников Вс. Иванова и А. Несмелова. Проводились и закрытые собрания, которые по-прежнему устраивались по понедельникам. Так, первый понедельник каждого Нового года члены Содружества считали своим «табельным» днем и отмечали торжественным ужином. «После “официальной” части, – писала пресса, – т.е. новогодней речи председателя Содружества М.В. Щербакова и чтения синодика, состоялся дружеский ужин, прошедший в самой непринужденной и веселой обстановке. В течение вечера отдельные члены Содружества читали свои произведения, экспромты и т.д. Содружество “Понедельник”, существуя уже четвертый год, ведет тихую, незаметную для большинства шанхайцев, студийную литературную работу, собираясь по понедельникам на обычные собрания для чтения новых произведений, докладов, диспутов и т.п.»[37].

У активистов Содружества было желание снять собственное помещение, чтобы начать более широкую общественную работу среди русских шанхайцев и тем самым развеять ложное представление о «замкнутости» «Понедельника», но сделать этого так и не удалось.

Пока готовился очередной номер «Понедельника», в Содружестве произошел раскол: 6 декабря 1933 г. из него выделилась группа в количестве 12 человек, назвавшая себя Литературно-художественным объединением «Восток». Оставшиеся в «Понедельнике» 30–35 человек продолжали собираться по понедельникам в студии художника М.А. Кичигина, но спектр их деятельности значительно сузился. «В студии, при свете настольной лампы, в сумерках комнаты с огромными зеркальными окнами, изредка освещаемыми фарами проезжающих автомобилей и вспышками синих зарниц трамваев, поэты читают свои и чужие стихи… Кажется даже, что не в Шанхае происходит все это. Но изредка декламатор смолкает: так настойчиво стучится в студию шанхайский гам… Город не позволяет забыть о себе… Любят слушать стихи Анны Ахма-

товой, читают Шкайскую, реже Марину Цветаеву. Был вечер памяти Н. Гумилева, слушали доклады о Бунине, об индусских йогах… Но суть вовсе не в содержании и теме докладов. Ценной является атмосфера, это желание уйти в отвлеченность, вырвать досуг для погружения в мир нереальности»[38].

14 июля 1934 г. в саду Т.А. Купер, вышедшей замуж за П.А. Северного, состоялся прощальный банкет, посвященный художнику В.Г. Третчикову, уезжавшему в Сингапур. На эту встречу были приглашены китайские и иностранные гости[39].

12 ноября 1934 г. члены Содружества собрались на закрытое собрание, посвященное творчеству советского писателя Элизара Евельевича Магарама, которого хорошо знали многие шанхайские литераторы по его альманахам «Дальний Восток», «Желтый лик» и «Китай», в которых участвовали первые русские эмигранты Шанхая. Затем Магарам уехал в Европу и издал несколько книг в Германии[40], а с 1925 г. жил в СССР, где напечатал книгу «Китай»[41]. Об этой встрече писали: «Проследить его “Желтый лик” с точки зрения восприятия советским писателем быта и нравов полукапиталистической Поднебесной империи являлось основной целью Содружества. Отрицая в нем беспристрастность чистого художника, мнение большинства беллетристов склонилось к формуле, характеризующей творчество Магарама как агитацию в художественном оформлении»[42].

8 декабря 1934 г. Содружество «Понедельник» устроило вечер-спектакль. В первом отделении выступили литераторы Валентин Валь, Павел Северный и Аполлинарий Ненцинский. Свои стихи прочитали Ларисса Андерсен, Александра Паркау и Михаил Спургот. Во втором отделении артисты театра «Русской драмы» сыграли две миниатюры А. Паркау «Павильон Артемиды» и «Авиаторы-поэты». В третьем отделении прозвучала юмореска Аркадия Пантелеева «Сокращение штатов», посвященная советской жизни. Всего за четыре года существования «Понедельника» прошло 120 заседаний, на которых было прочитано 70 докладов и сообщений.

Хотя многие планы членов Содружества так и остались в мечтах, сдвоенный 3–4 номер журнала «Понедельник» все же вышел в 1934 г. Критика отметила, что он не отличался высоким качеством представленных произведений. Северный напечатал рассказ, который критика назвала псевдо-декорацией на китайскую действительность. Безвкусицей веяло от рассказа А. Дальней. В лучшую сторону отличался рассказ А. Ненцинского «У штурвала». Поэзия была представлена произведениями Барона фон Грюнвальдуса (поэма «Вера, Надежда, Любовь»), стихами А. Паркоу, Н. Вейс, Э. Трахтенберг и др. Среди статей – очерк Л. Гроссе «О смысле искусства».

«Существование такого сборника дальневосточных поэтов, – писала Н. Резникова, – несомненно, совершенно необходимо, но хотелось бы, чтобы авторы усвоили более строгий критерий в оценке собственного творчества. Равным образом, и друг к другу они должны относиться с более строгой и беспристрастной критикой. Иначе получается, что “кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку”, а это уж, конечно, ничего общего с литературой и ее задачами не имеет»[43].

«Врата» в духовную жизнь русской эмиграции в Китае: объединение «Восток». При основании литературно-художественного объединения «Восток» в декабре 1933 г. (председатель Д.А. Петрухин, секретарь Н.Н. Янковская, члены правления К.В. Батурин, М.В. Щербаков и В.А. Засыпкин) его деятели ставили перед собой следующие цели: «а) Изучение быта, искусства и культуры народов Дальнего Востока; б) Объединение русских национально-мыслящих востоковедов, литераторов, художников, музыкантов и артистов, проживающих на Дальнем Востоке, на платформе широкой терпимости к различным направлениям в искусстве, для развития и укрепления русского вос-

токоведения и искусства на Дальнем Востоке; в) Всестороннее расширение художественного кругозора своих членов и установление связи с аналогичными русскими и иностранными организациями; г) Издание литературно-художественных сборников «Врата»[44].

Издание двух сборников «Врата» и стало самым примечательным в деятельности этого недолго просуществовавшего объединения. Первая книга объемом 206 страниц вышла в свет в 1934 г. Опубликованные в ней произведения объединяла общая идея, выраженная редакций в предисловии к сборнику: «Живя в обстановке стран древних азийских культур, мы поставлены в особо выгодные условия для продолжения культурно-исторической роли нашей Родины – связующего и связывающего звена между Востоком и Западом, черпающего и сплавляющего в себе лучшее, что есть в обоих, для создания чего-то Третьего, которому, быть может, и суждено примирить современную культуру с современной цивилизацией. Таким образом, мы хотим продолжить в изгнании тот традиционный путь, который избрало русское искусство вообще, и русская литература в особенности, – поиски ответа на вечные вопросы человечества: как и для чего нам жить? Ибо если искусство не ищет и не дает ответа на эти вопросы, то для чего же тогда оно вообще существует?»[45]

Свои работы для первого сборника предоставили К. Батурин, Б. Бета (псевдоним молодого писателя Б.В. Буткевича), Вс. Иванов, Лу-синь, А. Несмелов, В. Обухов, С. Шахматов, М. Щербаков. В нем были также опубликованы статьи И.П. Козодоева, А.Д. Лаврентьева, П.К. Портнягина и Е.А. Федорова.

Во втором сборнике (260 стр.), вышедшем в 1935 г., были опубликованы стихи Т. Андреевой, Т. Баженовой, К. Батурина, Б. Беты, Б. Волкова, Л. Ещина, Вс. Иванова, А. Казанского, А. Несмелова, В. Обухова, М. Щербакова и В. Янковской. Среди прозаических произведений были опубликованы «Потомок Чингис-хана» Б. Волкова (отрывок из его романа «В царстве золотых Будд»), «Буран» С. Шахматова, «Ленка Рыжая» А. Несмелова, две китайские сказки в пересказе Вс. Иванова, «Пепел» Б. Беты, «Корейские сказки» П. Шкуркина, «Вечерний звон» В. Логинова и его же «Непостоянство г-жи Чжуан» из «Цзинь гу ци гуань». Востоковедческие статьи подготовили Н.К. Рерих (Листы дневника), И.Г. Баранов (Персидский дуализм на Дальнем Востоке), Синолог (Учение Дао), Т. Гольцев (Новеченто и фашизм), Л. Арнольдов (Сокровища китайского искусства) и А.И. Цепушевалов (Бусидо). Интересными были разделы «Хроника» (М. Щербаков), «Музыка» (С. Аксаков), «Художественный обзор – жизнь объединения «Восток» и др. Издание было прекрасно оформлено иллюстрациями художника В.А. Засыпкина.

Рецензию о сборниках «Врата» опубликовал калифорнийский альманах «Земля Колумба». «В зарубежной литературе, – писал критик, – все заметней начинают проступать бытовые особенности эмиграции, которую за годы существования уже следовало бы рассматривать как автономный союз отдельных группировок, различных друг от друга и в отношении закона ассимиляции и чисто местных условий. В этом отношении очень характерен сборник "Врата", изданный лит[ературно]-худ[ожественным] объединением "Восток"; он представляет несомненно ценный материал как и для современника, так и для будущего историка»[46].

После выхода в свет второй книги «Восток» закрылся. Его бывшие участники не успокоились и совместно с «Шанхайской Чураевкой» создали в ноябре 1935 г. Литературно-художественно-музыкальное и научное объединение «Шатер»[47]. В нем было около 50 действительных членов, не считая член-корреспондентов. Председателем правления стал музыкант С.С. Акса-

ков, вице-председателем – Н.Ф. Светлов, секретарем – В.Б. Слободчиков, казначеем – К.В. Батурин. В члены правления вошли Л.Н. Андерсен, Л.Д. Густов, В.А. Засыпкин, Д.А. Петрухин, Н.А. Слободчиков, С.Г. Шахматов, Н.А. Щеголев, М.В. Щербаков и Н.Н. Янковская. Намечались издание сборников, еженедельные собрания и вечера, но осуществить эти планы так и не удалось.

Что освещал «Прожектор». В свое время, когда в «Понедельнике» уже назревал раскол, его восемь участников – Инна Фрюауф, Валентин Валь, Аркадий Пантелеев, Аполлинарий Ненцинский, Анна Дальняя (А.А. Иваницкая), Барон фон Грюнвальс (И.Н. Иваницкий), Кирилл Батурин и Михаил Щербаков – написали авантюрный роман «Теленит», посвященный шанхайской жизни. Они основали Содружество «Прожектор» и решили выпускать еженедельный одноименный журнал. Основателем и издателем журнала выступил А.И. Мелик-Вартаньянц. Заведующим редакцией стал С.Г. Шахматов, конторой руководил В.Н. Никифоров, а редактировал журнал В.С. Валь.

Первый номер увидел свет 15 октября 1933 г. «Приступая к изданию, – отмечалось в предисловии, – первого в Шанхае русского еженедельно-художественного журнала, редакция “Прожектора” не выступает в первом номере с так называемой “программной” передовой статьей, полной громких обещаний и напыщенных фраз о “сеянии разумного, доброго, вечного”, без чего не обходится ни один новорожденный русский эмигрантский журнал, даже если он явно обречен засохнуть и прекратить свое существование на втором номере. Редакция журнала “Прожектор” предпочитает вместо пустых и голословных обещаний реально дать русской читающей публике в Шанхае хороший еженедельный литературно-художественный журнал, который действительно бы интересовал русского читателя, был бы популярным и читательным во всех слоях русского общества. Нет слов – задача трудная и ответственная, но редакция “Прожектора” твердо верит, что достижение поставленной ею цели вполне возможно. Самое важное – убедить читателя в доброкачественности, действительно литературно-художественной ценности и современности журнала. Журнал “Прожектор” знает, что издание русского еженедельного журнала в Шанхае сопряжено с большими трудностями, и поэтому ждет и надеется, что русский читатель, желающий иметь регулярно выходящий еженедельный журнал в Шанхае, окажет ту моральную поддержку, без которой не может жить ни один печатный орган. “Прожектор” не сомневается, что найдет в русской читающей массе искренних друзей, радующихся появлению русского журнала как лишнего доказательства русского морального и экономического закрепления на берегах Вампу. Для этого мы все живем и работаем здесь; эта цель неизмеримо объединяет русскую эмиграцию в Шанхае, несмотря на все “расколы” общественного характера»[48].

Валентин Сергеевич Валь стремился объединить вокруг своего журнала лучшие литературные силы. В «Прожекторе» публиковали свои произведения П. Северный, А. Пантелеев, А. Ненцинский, К. Батурин, А. Дальняя, И. Фрюауф. Большое внимание уделялось художественному оформлению: часто на обложках журнала помещались репродукции картин В. Третчикова. Он же готовил для журнала забавные карикатуры. Также на обложке печатались портреты известных деятелей искусства, в том числе фотографии популярных актеров.

Редакция журнала регулярно давала хронику культурных событий русского Шанхая. 10 июня 1933 г. (№ 24), например, были напечатаны статьи о закладке православного собора и открытии Коммерческого училища Русского православного братства. Номер от 24 июня 1933 г. (№ 26) содержал репортаж о праздновании в Шанхае Дня русской культуры. 15 июля 1933 г. (№ 29) вышел разверну-

тый очерк «Чураевка перекочевывает. Уголок Харбина, где живут искусством», в которым были даны портреты молодых литераторов. В номерах от 30 сентября 1933 г. (№ 40) и 28 октября 1933 г. (№ 44) имелись материалы о Русском театре в Шанхае. 28 октября 1933 г. (№ 44) журнал опубликовал большой очерк с иллюстрациями об известном русском иконописце в Китае Н.С. Задорожном. Поскольку и редактор, и многие авторы «Прожектора» оставались членами «Понедельника», на страницах журнала регулярно публиковалась информация об этом Содружестве.

«Прожектор» обращал внимание и на политические события, затрагивающие русскую общину («Невозвращенцы в Шанхае» – 1933. № 27 (1 июля); «Шанхай в паутине большевиков – 1933. № 42 (14 окт.); «От ареста до ареста – от обыска до обыска: Этапы подпольной работы советских агентов в Китае» – 1933. № 43 (21 окт.); «Работа Г.П.У. в Шанхае» – 1933. № 45 (4 ноября). Печатались сообщения, связанные с трагическими событиями в жизни русских людей («Трагедия в океане» – № 28 (8 июля 1933)), а также и некрологи на известных деятелей Шанхая и Харбина (М.А. Мерцалова, Н.В. Перелыгина, Л. Ещина, В.Д. Обухова).

Редакция рассказывала читателям «Прожектора» о других китайских городах, где жили русские («Русская школа в Ханькоу» – № 28 (8 июля 1933); «Русские скауты в Циндао» – № 40 (30 сентября 1933); «Русская охрана в Маньчжуго» – № 44 (28 октября 1933), а также о русских в Корее («Сезон в «Новине» – № 39 (23 сентября 1933).

15 сентября 1934 г. вышел сотый номер журнала. «В настоящее время “Прожектор”, – писала редакция, – в достаточной степени врос в условия жизни русской колонии, обзавелся кругом постоянных читателей, который неуклонно увеличивается с каждым номером, с каждой новой неделей. “Прожектор” нашел в русской читающей массе искренних друзей, радующихся успехам русского журнала, как лишнему доказательству русского духовного и экономического закрепления на берегах Вампу. “Прожектор” обрел ту популярность, которая дает возможность существовать печатному органу, оправдывает его существование. “Прожектор” гордится ответственной и почетной обязанностью работать по развитию и укреплению русской колонии, русской духовной и литературной жизни в устье Ян-цзы-цзяна. “Прожектор” непрерывно стремится к улучшению, не удовлетворяется первыми успехами и не забывает основной[49] задачи дать русскому читателю в Шанхае максимум литературного материала, фото новостей, полезных советов, заполнить его часы досуга, быть всегда приятным собеседником, незаменимым другом, быть типом журнала для всех. “Прожектор” знает свои слабые стороны и стремится изжить их, обогатиться новыми сотрудниками, новыми силами, новыми корреспондентами по всем странам света, из всех мест русского рассеяния. В настоящее время “Прожектор”, завоевав русский читательский рынок в Шанхае, проникает по всем городам Китая, в Маньчжурию, в Корею, в Японию, по всем южным островам. Читателей “Прожектора” можно найти даже в самых отдаленных от нас странах Европы, как Швейцария, Латвия, Польша, Финляндия и т.д. У “Прожектора” есть читатели в Европе, Америке, Африки и Австралии»[50].

Несмотря на эту радужную информацию, журнал «Прожектор» закрылся в конце декабря 1934 г. Всего редакция выпустила 114 номеров[51].

«Парус» русской культуры. Литературно-политический журнал «Парус» начал выходить в 1931 г. Его редактором был Дмитрий Иванович Густов. Общественной деятельностью он занимался с 1903 г., был активным противником большевизма (с 1905), являлся секретарем Всероссийского союза рабочих печатного дела и Московского клуба рабочих.

Во время Гражданской войны стал членом правления кооперативов в Омске, организовал Омский противобольшевистский фронт правосоциалистических организаций и коопераций, издавал омскую газету «Заря», являлся членом Омского биржевого комитета, Владивостокской торгово-промышленной палаты, Приморского народного собрания и Учредительного собрания в Чите, был активным деятелем сибирского областничества[52]. Считался одним из лучших ораторов в русском Китае. В Шанхае Д.И. Густов был тесно связан с Братством русской правды.

Редактор-издатель Д.И. Густов писал в предисловии: «И, колыхаясь в безбрежном житейском море, наш «Парус» будет стремиться объединить всех Русских людей, ныне оторванных от несчастной и все же великой нашей Родины. Он будет плыть вперед, пробивая дорогу здесь, в чуждых нам краях, неся бесценную русскую культуру в наш, ныне серенький, тяжелый беженский день»[53].

Начиная с первого номера журнал печатался на хорошей бумаге и был очень хорошо иллюстрирован. Содержание журнала было разнообразным: в нем публиковались материалы на самые разные темы: об истории Сибири, странах Дальнего Востока, политике на Тихом океане, а также поэзия и проза. Среди опубликованного можно найти стихи А. Ачаира, А. Несмелова, О. Скопиченко, М. Колосовой, Л. Хаиндровой и В. Янковской. Прозу представили К. Шендрикова, М. Щербаков и другие, на политические темы писали А. Пурин, Л. Густав и др. В журнале «Парус» сотрудничал и Аркадий Пантелеев, бывший одно время и заведующим редакцией «Прожектор»[54]. В 1935 г. он выпустил свои рассказы в виде сборника[55].

Хотя второй (сдвоенный) номер «Паруса» вышел с опозданием, он также был насыщен разнообразным материалом. В статье «Задачи белой эмиграции» Густав, проанализировав политическую ситуацию на Дальнем Востоке, уделил внимание и оккупации Маньчжурии Японией. Автор призывал к объединению всех эмигрантских организаций, чтобы занять достойное место в будущей войне Японии и России[56]. Этой же теме посвятили свои статьи Б. Суворин, Н. Фомин и М. Дитерихс.

В последние годы журнал целиком посвящался политике. Он издавался в малом формате и на плохой бумаге. В редколлегию входили следующие деятели эмиграции: П.А. Савинцев, А.Н. Ленков, А.А. Пурин и Д.И. Густов. «Парус» публиковал статьи И. Солоневича, И. Лукаши, А. Завротинского. Одной из последних больших работ Д.И. Густава была статья, посвященная разведывательной деятельности СССР в Шанхае. Автор постарался обобщить весь имеющий у него материал и показать на многочисленных примерах методы ведения этой работы[57]. Возможно, именно это стало причиной его гибели. В конце 1930-х годов Д.И. Густов был выдан французскими войсками китайским коммунистам и в 1939 г. расстрелян[58]. В тот же году прекратился и выпуск «Паруса».

«Феникс» русской надежды. Журнал и издательство «Феникс» были основаны летом 1935 г. Самсоном Григорьевичем Шахматовым[59]. «Издательство имеет своей целью, – писал он, – наряду с выпуском в полном смысле литературно-художественного еженедельника, дать возможность молодым писателям, художникам и музыкантам русского зарубежья проявить свои силы. Одним из принципов деятельности нового издательства является привлечение в качестве пайщиков способной молодежи, которая могла бы принять участие в развитии этого дела, для чего стоимость одного пая определена всего в 10 шанхайских долларов»[60].

Шахматов предложил всем русским литераторам, пишущим о Дальнем Востоке, присылать свои произведения для публикации на страницах его журнала. Согласия на участие в издании пришли из Кореи, Японии, Европы и Америки. «В настоящее время, – писал в редакционной статье Шахматов, – в связи с общемировым кризисом русская эмиграция переживает особо

тяжелый момент. Под гнетом материальных забот падает энергия, и затухают интересы старшего поколения. Молодежь, выросшая на чужбине, денационализируется и отходит от всего русского, или вовсе не зная, или зная лишь понаслышке о том, чем была ее великая родина. От лучшей части этой молодежи приходится слышать просьбу: Расскажите нам о России! Веря в бессмертие русского творческого духа, мы будем стремиться подбодрить первых и ответить вторым на их жадные вопросы»[61].

В первом номере «Феникса» был опубликован рассказ «Луна над Россией» М. Щербакова, который также заполнил «Литературную страницу» журнала рецензиями на дальневосточные книги. Поэзия была представлена стихотворением А. Несмелова «Морские чудеса», а также стихами Б. Волкова и Л. Хаиндровой. Рассказ-воспоминание «Лебединая песня» об окопной жизни периода Первой мировой войны написал издатель журнала Шахматов, а очерк о путешествии в Камбоджу – бывший полковник Елисеев. Также во всех номерах журнала имелись разделы «Театр, музыка, кино», «Научно-популярный отдел», «Женская страница», «Спорт», «Шахматы и карты». Все выпуски был хорошо иллюстрированы фотографиями и рисунками. Журнал перестал выходить в 1936 г.

Из Парижа в Шанхай: «Русские записки». Общественно-политический и литературный журнал «Русские записки» был совместным изданием литературных кругов Парижа и Шанхая. Предложение и средства поступили из русского Шанхая. Парижская редакция была та же, что и в журнале «Современные записки». Первый номер был выпущен в июне 1937 г. тиражом 500 экземпляров, из которых 300 предназначались для Китая[62]. Владельцем издания был зарегистрирован генеральный директор Societe Francaise des Telefones interurbaine М.Н. Павловский, в шанхайской конторе которого и разместилась редакция.

Главным редактором в Шанхае выступал В.В. Фрюауф. «Шанхайская группа, – писали парижане, – предложила нам свое сотрудничество под условием внимания к Дальнему Востоку и освещения его проблем. Тем самым в состав парижских работников вливаются свежие силы. Мы приветствуем это обновление и рассматриваем его лишь как первый шаг. Не один Китай, но и другие центры эмиграции должны найти свой дом на страницах наших журналов. В этом отношении “Русские записки” уже предприняли необходимые шаги. Первый номер журнала не отражает достаточно этой существенной стороны его жизни. В дальнейшем, мы надеемся, число сотрудников “провинциального”, лучше будет сказать планетарного, круга будет все возрастать. Относительно направления нового журнала мы можем не быть многословными. Преемство традиций старой редакции указывает наш путь. В художественной литературе мы чужды всякого направленства. Старые и молодые течения в поэзии и прозе для нас равно приемлемы. Мы руководствуемся в оценке не требованиями старого или нового стиля, а исключительно художественными достоинствами. В общественном отделе мы отказываемся от партийности»[63].

В первом номере «Русских записок» наряду с произведениями М. Алданова, Д. Кнута, И. Бунина, М. Осоргина и Н. Бердяева, живших во Франции, были опубликованы работы дальневосточников А. Несмелова, Н. Лидина и др. Поместил журнал и рецензию на новую книгу П. Северного «Косая Мадонна», вышедшую в Шанхае в 1934 г. Увы, блестящей эту рецензию не назовешь: «Но это какой-то “бег на месте”. Северный ни на шаг не ушел от своих первых вещей, появившихся в печати лет десять тому назад. Все та же “вычурность” и “изысканность”, которая сближает его с Северяниным и Вертинским. Его книги заполнены

странными, больными образами и ненормальными положениями. В них нет живых людей – это туманные фигуры, которые движутся, действуют и говорят, как в плохом фильме первых дней кинематографа»[64].

Несмотря на эту критику, у Северного был свой читатель, а критики замечали, что стиль писателя совершенствовался от книги к книге: «У П. Северного есть наблюдательность, есть любовь к красоте, заставляющая его подчас "перерисовывать" свои ярко выписанные картины. Его творчество, вообще, – это рисование, и он принадлежит к тем художникам, для которых внешние эффекты и красочность декорации важнее внутренней правды. Это не упрек автору: каждый писатель должен иметь свой стиль, – этим самым он утверждает свое существование на книжных полках библиотек»[65].

Для второго номера «Русских записок» большинство произведений предоставила парижская редакция. Вероятно, поэтому в третьем номере журнала уже отсутствует указание на то, что «Русские записки» являются совместным изданием. Вместе с тем, в номере сохранился раздел «Дальневосточное обозрение», в котором была опубликована небольшая статья С. Добровольского «К вопросу об экономической реконструкции Китая».

Через издательство журнала «Русские записки» в Шанхае вышло и несколько книг. К примеру, К.Н. Давыдов опубликовал произведение «Перелеты птиц» (1937).

* * *

Преобладание в беженском потоке из России образованных людей способствовало широкой издательской деятельности русских в Китае, включая выпуск журналов. Их издавали общественные научно-просветительские организации, профессиональные сообщества, русские вузы, внося вклад в развитие научных и культурных контактов, как с населением Китая, так и с другими странами[66]. Особую роль играли литературно-художественные журналы. Предоставляя свои страницы русским авторам, опытным и начинающим, они давали возможность русскому населению Китая знакомиться с творчеством соотечественников и читать новинки литературы на родном языке. Литераторы-эмигранты могли благодаря публикациям совершенствовать мастерство, высказывать свое отношение к происходящему, делиться наболевшим. Для многих сотрудничество с журналами стало началом литературной деятельности.

Тем не менее, несмотря на обилие периодических изданий, русский Шанхай почти не дал хороших литературных произведений. Причиной этому было отсутствие традиций, прочных литературных сообществ и хороших критиков. Один из шанхайских литераторов писал: «Материальное и правовое положение писателей (да и всех русских) трудно описать и вам совершенно невозможно представить. Все прикреплены к своему месту жительства, переезды из одного города в другой невозможны. Не помогает никакая аполитичность и беспартийность и даже "лояльность", если человек сохранил хотя бы малую долю независимости и собственного достоинства. Заработков нет никаких, надежды потеряны, безнадежное голодное и медленное умирание… А между тем по всему Дальнему Востоку издается целая серия казенных газет и журналов на русском языке за счет японской и советской казны. Все эти издания заполняются откровенно агитационным, журнально-агитационным и… литературно-агитационным. За самыми редкими исключениями пишут псевдонимы и псевдонимы новые, неизвестные… Ползут слухи, часто достоверные, что под тем или иным псевдонимом скрывается известный журналист или писатель. Ряду писателей приписывают псевдонимы, под которыми появляются "произведения" в самых противоположных казенных изданиях. Моральная атмосфера создается невыносимая»[67].

Основной причиной закрытия подавляющего числа толстых литературных журналов явилась оккупация части Китая Японией. С началом Тихоокеанской войны прекратилась связь с Европой и Америкой, что значительно ограничило возможности культурной жизни в Китае. Соответственно значительно уменьшилась и число толстых журналов.

Автор благодарит русского библиографа Гавайского университета Патрицию Полански и заместителя председателя Музея русской культуры Ива Франкьена за возможность использовать в настоящей статье материалы из коллекций зарубежных собраний.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИОГРАФИИ РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ В КИТАЕ

АКСАКОВ, Сергей Сергеевич (24 дек. 1890, Самара – 4 сент. 1968, Минск). Прямой потомок С.Т. Аксакова. Ученик профессоров А.Т. Гречанинова, А.А. Лягунова и К.Н. Игумнова. Председатель шанхайского отделения Российского музыкального общества за границей (Париж). Вице-председатель Шанхайского просветительского общества, редактор музыкального отдела газеты «Шанхайская заря». Профессор Китайской национальной консерватории (с 1929), владелец музыкальной студии. Председатель объединения «Шатер» (1936). Репатриант.

БАТУРИН, Кирилл Викторович (23 дек. 1903, Москва – 1971, Нью-Йорк). Принимал участие в китайских конфликтах (1924–26). Сотрудник издательства «Слово» в Шанхае. Основал издательство «Speed Studio». Представитель Русского оккультного центра в Шанхае (с 1938). Редактор-издатель шанхайского журнала «Огонь» («Fire») (№ 1–24 октября 1936). Публиковал произведения в журналах «Понедельник» (член Содружества) и «Врата» (член правления «Восток». Через Бразилию эмигрировал в США. Умер в больнице для неимущих. Похоронен на кладбище Ново-Дивеево, Спринг-Вэлли, штат Нью-Йорк).

ВАЛЬ (наст. фам. Присяжников), **Валентин Сергеевич** (22 июля 1903, Томск – май 1970, Харьков). Учился на инженерно-строительном факультете Сибирской сельскохозяйственной академии. Участник гражданской войны в Сибири. Жил в Шанхае с 1922, сотрудничал почти во всех газетах и журналах. Редактор газет «Новое Шанхайское время» (1923), «Студенческая газета», «Новое слово» (1924) и журналов «Шанхайский дракон» (1928), «Прожектор» (Шанхай. – № 1–15 октября 1932), «Слово» (1929–1932). Один из основателей и инициатор создания Содружества русских работников искусства «Понедельник» и член правления. Лауреат конкурса, организованного газетой «Слово», получил 2-ю премию за рассказ «Партизан» и похвальный отзыв за рассказ «Очевидец» (1931). Редактор газеты «Слово» (февр. 1937 – 25 нояб. 1941). Редактор-издатель ежемесячного журнала «Искусство и мысль» (1941). Готовил к печати роман «Гуси-лебеди». Деятельно участвовал в просоветских организациях, за что был арестован китайскими властями. Председатель Общества советских граждан в Шанхае (с 1945), принимал участие в ТАСС в Шанхае. После репатриации в СССР арестован (1947), находился в ИТЛ. В последние годы жил в Харькове, занимался переводами с английского.

ГРОССЕ, Лев Викторович (15 июня 1906, Иокогама – ноябрь 1950, Москва). Окончил гимназию Дризуля в Харбине (1924). Изучал бактериологию в Сорбонне (1925) и в Берлине (1926). Вернувшись в Шанхай (1927), работал переводчиком в иностранных фирмах, много печатался в разных газетах и журналах. Член содружества «Понедельник» (инициатор создания). Председатель литературного объединения в Шанхае (1939). Имел проблемы со здоровьем, лечился в Корее в имении Янковских, откуда приехал в Харбин (1935). Помощник управляющего кинематографом «Азия» и торгового дома «Чурин». Мистик, увлекался философией, организовал философско-религиозный кружок в Харбине. Публиковал статьи и стихи в газете «Наш путь» и журнале «Посох». Редактор-издатель «Муза» в Шанхае (с 7 марта 1939). Стихотворением «Знамение времени» выступил против фашистской Германии. Одно время был женат на Н.И. Ильиной, ставшей известной советской писательницей. Репатриировался в СССР (1948). Жил в Казани, работал переводчиком (1 год), затем диспетчером управления малых рек в Ярославле. Арестован в сентябре 1949 г. в г. Ярославле, где работал и где проживал до ареста. Умер он в санитарной части Бутырской тюрьмы МГБ СССР.

ГУСТОВ, Дмитрий Иванович (Фетисов Василий Васильевич) (24 дек. 1885, дер. Михайловка Калужской губ. – 17 июня 1939, Москва). Общественный и политический деятель в Шанхае (с 1929). Один из руководителей Союза коммерсантов и торгово-промышленников. Редактор-издатель литературно-политического журнала «Парус» (1931–1937). Основал Союз новопоколенцев. Организатор ряда террористических актов (контора «Интуриста», Союз возвращенцев и т.д.). На деятельность Г. обратили внимание китайские коммунисты. Арестован (2 янв. 1938) и депортирован в СССР. Приговорен к расстрелу. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован (20 марта 1997).

ДАНИЛЕВСКИЙ, Константин Павлович. Окончил Пенсильванскую академию художеств (США). Участник выставок независимых в Филадельфии и в Нью-Йорке. Жил в Шанхае с 1929, заведовал художественным отделом фирмы «Cloud Neon Light Co». Член содружества «Понедельник».

ЗАСЫПКИН, Василий Андреевич (Андрианович?) (25 дек. 1886, Уфа, Уфимская губ. – апр. 1941, Сингапур). (? – апр. 1941, Сингапур). Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Помощник архитектора при строительстве Аксаковского дома в Уфе. В 1917 г. командирован Военным министерством во Владивосток. Работал в военно-передвижном театре Е.М. Долина, художник в кабаре «Би-ба-бо». Художник-декоратор театра графа Зубова и Варшавского в Харбине (с 1921) и основатель художественной студии (до 52 человек). Открыл студию в Шанхае (с дек. 1929). Член содружества «Понедельник» и член правления «Восток». Считался лучшим портретистом в Китае, создал много портретов китайских деятелей. В 1937 г. сгорела студия со всеми картинами. Получив приглашение в Сингапур, занимался оформительскими работами. «В.А. много работал для театра и всегда был близок очень к богеме, ко всяким артистическим начинаниям и постановкам. Он прославился во время знаменитого Воткинского бала в Харбине в 1923 году, когда создал в одном из фойе Железнодорожного собрания совершенно сказочный уголок Востока. Управляющий КВЖД был так восхищен работой В.А., что распорядился так и оставить это фойе (на втором этаже)… В.А. был по преимуществу портретистом, но одинаково привлекали его и жанр, и пейзаж. Он работал одинаково хорошо и маслом, и акварелью, и карандашом, приближаясь по стилю своей работы к художнику Коровину. Известен Засыпкин и как удивительный декоратор. Его работы на сцене восхищали весь Дальний Восток» (В Сингапуре умер художник В.А. Засыпкин: (Некролог) // Новая заря. 1941. 29 апр.).

ИВАНОВ (псевдоним доктор Финк), **Всеволод Никанорович** (7 нояб. 1888, Кострома – 9 окт. 1971, Хабаровск). Окончил Костромскую гимназию (1906) и Санкт-Петербургский университет (1911). Участник I мировой войны. Работал в газетах Омска, Владивостока и Харбина. Эмигрировал в 1922 г. Редактор газеты «Гун-Бао». Жил в Тяньцзине. Один из основателей (осень 1935) в Тяньцзине кружка китаеведения (позднее Общество изучения Китая), 1-й редактор китаеведческого журнала «Вестника Китая» (№ 1 – март 1936). Редактор газеты «Наш путь». Почетный член содружества «Понедельник». Гражданин СССР (с 1931). В Шанхае тесно сотрудничал с В. Чиликиным. На просоветские позиции перешел в мае 1936 г. Работал в газете «China Daily Herald» (до 12 окт. 1937), публиковался в газете «Новости дня» (1936–1937), затем стал главным редактором журнала «Мой журнал» (с 7 нояб. 1937), выступал на шанхайской радиостанции «Голос Родины». Вернулся в СССР (февр. 1945), жил в Хабаровске, занимался литературной деятельностью. Член Союза писателей СССР.

КИЧИГИН, Михаил Александрович (2 мая 1883, Пальники Пермской губ. – 15 нояб. 1968, Ярославль). Окончил Императорское Строгановское промышленное училище в Москве (1908) и училище живописи, ваяния и зодчества, участвовал в выставках. Преподавал в Екатеринбургском и Читинском художественных училищах. Основал в Харбине студию «Лотос». Женился на своей ученице В.Е. Кузнецовой. Жил в Шанхае с 1927, неоднократно ездил по странам Дальнего Востока. Известный художник-портретист. Один из основателей и первый председатель содружества «Понедельник». Преподаватель изостудии при Клубе советских граждан в Шанхае (1945–1946). Репатриировался в СССР (1947), жил в Нижнем Тагиле, затем в Ярославле (с 1948). Неоднократно показывал на выставках свои работы, вывезенные из Китая.

ЛАВРЕНТЬЕВ, Александр Дмитриевич (? – 1938, Шанхай). Окончил СПб. университет. Присяжный поверенный СПб. судебной палаты. Участник I мировой и гражданской войн. Жил в Шанхае с 1930. Занимался общественной деятельностью в области культуры, литературный критик и журналист. Почетный гость Содружества «Понедельник».

ЛОГИНОВ (псевдонимы Лингва, капитан Кук), **Василий Степанович** (28 июня 1891, Екатеринбург Пермской губ. – до 1946, Харбин). Окончил юридический факультет СПб. университета (1913). 1-е статьи и рассказы опубликовал в газетах «Уральский край». Уехал в 1919 из Екатеринбурга во Владивосток, в конце того же года в Японию, затем в Маньчжурию. Сотрудник газет «Гун-Бао» и «Русское слово». Член-корреспондент Содружества «Понедельник». Как литератор, близок к Н.А. Байкову. «[...] был безнадежно беден, но о деньгах никогда не говорил. Он много пил, хотя я не помню, чтобы когда-нибудь он появился у нас пьяным или даже навеселе. Его чудесная книга коротких рассказов о Сибири и Урале обратила на себя внимание и разошлась очень хорошо [...] сумрачный, глубоко одинокий, никогда никого не обидевший, никогда никому не причинивший зла, непрактичный русский интеллигент умер в Харбине в глубокой нужде еще до окончания войны» (Н. Резникова). Автор стихов. По другим сведениям арестован (1945) и депортирован в СССР.

МЕЛИК-ВАРТАНЬЯНЦ, Арам Иванович. Окончил юридический факультет СПб. университета (1909). Основатель и владелец газеты «Гун-Бао» в Харбине (1926–1932). Главный ревизор Гербового управления Гиринской провинции (1924–1932). Жил в Шанхае с 1932. Основатель и издатель журнала «Прожектор» (№ 1–15 окт. 1933). Представитель администрации Французской государственной лотереи.

МОСЦЕПАН, София Григорьевна. Окончила Владивостокскую женскую гимназию. Жила в Шанхае с 1923 г. Ученица художников Подгурского и Засыпкина. Сотрудница рекламного отдела «Бритиш Американ Тобакко Кампани». Член Содружества «Понедельник» и шанхайского «Арт-клуба».

НЕСМЕЛОВ (наст. фам. Митропольский, Арсений Иванович, псевдонимы Н. Дозоров, Н. Протопопов, Н. Семенов, Анастигмат, А. Арсеньев, Н. Арсеньев, Арсений Бибиков, Розга, Н. Рахманов – для фельетонов) (8 июня 1892, Москва – 6 дек. 1945, Гродеково, пересыльная тюрьма, Приморский край). Окончил кадетский корпус, затем учился в Психоневрологическом институте, но не закончил. Призван в армию вольноопределяющимся. Находился под следствием как секретный сотрудник Московского охранного отделения (1917). Воинские звания и должности: командир комендантской роты, адъютант коменданта Омска (подполковник Катаев), поручик. Бежал из Владивостока (1924). Почетный член Содружества «Понедельник». «Ругали меня меньше, чем хвалили. Я, как говорят у нас в Харбине, – «Сорокот». Любимое мое занятие – рыбная ловля. Выпиваю. Любимый поэт – Марина Цветаева. Раньше любил Маяковского и еще раньше Сашу Черного. Есть дети, две дочки, но в СССР, со своими мамами. Офицер. Поручик. Начал воевать в 1914 году. Долго жить не думаю. Сейчас работаю над повестью: Рим, первый век. Начальные главы напечатал в шанхайском журнале «Феникс», будь он проклят: обокрали» (Из письма от 15 марта 1936 г. П.П. Балакшину). В начале января 1937 получил письмо из Германии с известием, что книга «Рассказы о войне» переводится в Берлине. О псевдонимах: «Арсения Бибикова приглашать не трудитесь, этот Бибиков – я. Мой газетный издатель (Кауфман) запретил мне работать в «Фениксе», и я, чтобы обойти это запрещение, подписал несколько стихотворений девичьей фамилией моей матушки» (Из письма П.П. Балакшину 1 марта 1936). Агент по распространению «Земли Колумба» в Маньчжурии. На втором Восточно-Азиатском конкурсе получил 2-ю премию по разделу героика («Тральщик «Китобой»). Депортирован в СССР. Умер в тюрьме.

НЕНЦИНСКИЙ, Аполлинарий Дионисович (18 июня 1893, Благовещенск – ?). Окончил Благовещенскую гимназию. Жил в Шанхае с 1928, публиковался в журналах «Прожектор», «Парус», «Рубеж» и альманахе «Понедельник». Член содружества «Понедельник».

ПЕТРУХИН, Дмитрий Арсеньевич. Председатель Содружества «Восток». Главный бухгалтер компании «Бринер и К°» в Шанхае.

САБУРОВ (псевдоним Каэс, Ребринский), **Константин Савельевич** (4 янв. 1889, Чергачак Томской губ. – 13 сент. 1946, Харбин). Родился в купеческой семье, вырос на Алтае. Учился в Томском университете. До I мировой войны занимался книжной торговлей. Прапорщик, контужен (1917). Работал репортером в Харбине («Гун-Бао», «Заря», «Рупор» и др.). 1-я книга «Фоб Дайрен» состояла из алтайских рассказов. Роман «Зеленый фронт» посвящен пограничной жизни в Маньчжурии, рассказывает об отрядах самоохраны и белых партизан. Член-корреспондент Содружества «Понедельник».

СЕВЕРНЫЙ (наст. фам. Ольбрих, фон), **Павел Александрович** (27 сент. 1900, Верхний Уфалей Оренбургской губ. – 12 дек. 1981, Подольск Моск. губ.). Окончил гимназию в Перми. Жил в Харбине, затем в Шанхае с 1933. Член литературного содружества «Понедельник». После репатриации в начале 50-х годов поселился в Оренбуржье, работал в книжном издательстве. Среди основных публикаций: «Дело чести» (Оренбург, 1956), «Синий поясок» (Оренбург, 1958), «Сказание о старом Урале» (М., 1969), «Ледяной смех» (М., 1981) и др.

СКОПИЧЕНКО (в замужестве Сухатина, затем Коновалова**), Ольга Алексеевна** (25 мая 1908 – 12 мая 1997, Сан-Франциско). Из автобиографии: «Родилась в Сызрани. В Харбин приехала с отступающими военными частями в 1920. Училась в харбинских гимназиях и на Юридическом факультете до 1928. Уехав в Тяньцзинь (1928), вышла замуж. В 1948 эвакуирована на Тубабао. С 1950 жила в Сан-Франциско, занималась литературной и общественной деятельностью.

СОКОЛОВСКИЙ, Николай Константинович (4 дек. 1897, Уфа – ?). Окончил восточный факультет СПб. университета и вечерние курсы по архитектуре и живописи студентов Академии художеств. Участник I мировой (офицер) и гражданской войн, совершил Ледовый поход. В Шанхае окончил International Correspondens School. Зарегистрирован архитектором 1-го разряда. Один из организаторов содружества «Понедельник» (член правления и секретарь), философских «Сред» и Кружка ориенталистов. Возможно, репатриировался.

СПУРГОТ (псевдонимы Сэр Майк, С. Пурга, Немое, Немос), **Михаил Цезорович** (6 нояб. 1901, Гродно – 1993, Советск Калининградской обл.). Учился во Владивостокской гимназии, закончил образование в Харбине. Участник Гражданской войны на Юге России. Жил в Харбине с 1921. Редактировал журналы «Синий журнал», «Пилюля», «Вал», вел отдел сатиры «Дальневосточного прожектора» (вышел только № 1 - июнь 1926), редактор журнала «Рубеж» (с № 2 по № 4–5 – 19 сент. 1926) и газет «Речь», «Вечерний телеграф». В 1929 переселился в Шанхай, работал в газете «Шанхайская Заря». Один из основателей содружества «Понедельник». Репатриировался. Репрессирован (1951). Реабилитирован (1955), работал в филармониях и театре кукол.

СУХОТИН, Павел А. Поэт. Член Содружества «Понедельник». Бывший муж поэтессы О.А. Скопиченко. В последние годы жил в Австралии.

ТРАХТЕНБЕРГ, Эмма (? – 1937, Париж). Жила в Харбине, публиковала стихи в «Рубеже». Член Содружества «Понедельник». Умерла от туберкулеза.

ТРЕТЧИКОВ, Владимир Григорьевич (13 июня 1913, Петропавловск-Камчатский – 26 авг. 2006, Capetown). Ученик М.А. Кичигина и В.А. Засыпкина. Иллюстратор учебников Департамента народного просвещения в Харбине (с 1929). Заведующий художественно-рекламной студией «Mercury Press» (1930–1934). В ХЛАМЕ (Шанхай) состоялась первая персональная выставка (13 дек. 1933). Член Содружества «Понедельник». Лауреат 1-й премии рекламной фирмы «Warran Studio» в Сингапуре, где получил 5-летний контракт (1934). В последние годы жил в Кейптауне (ЮАР). Выставлял картины в Калифорнии (1953). Автор многих портретов и карикатур.

ФРЮАУФ, Инна Васильевна (9 нояб. 1907 – после 1969). Окончила Новую смешанную гимназию в Харбине и училась на экономическом отделении Юридического факультета в Харбине. Жила в Шанхае с 1931. Писала статьи в журнал «Прожектор», секретарь Содружества «Понедельник». Репатриировалась в СССР, работала в АН СССР.

ФРЮАУФ (Fruhauf), Василий Владимирович (22 нояб. 1900, СПб. – 1939, Шанхай). Закончил юридическое отделение Юридического факультета в Харбине (1925). Преподаватель Харбинского политехникума. Муж И.В. Фрюауф. Член Содружества «Понедельник». Главный редактор журнала «Русские записки» (1937).

ШАХМАТОВ, Самсон Григорьевич (27 июня 1897, Алзамай Иркутской губ. – после 1959). Полковник семеновского производства. Находился в эмиграции с 1922. Заведующий редакцией «Прожектор». Основатель издательства и журнала «Феникс» (лето 1935). Председатель Русской дайренской драмы (с 1942). Сотрудник отдела печати ЮМЖД и БРЭМа. В 1946 принял советское гражданство. Арестован в Дальнем (10 мар-

та 1949). Осужден Военным трибуналом по ст. ст. 58–2, 58–4, 58–6, ч. 1, 58–10, ч. 2 на 25 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества (29 авг. 1949). Освобожден как инвалид и отправлен в ссылку (19 мая 1959).

ЩЕГОЛЕВ (псевдоним Николай Зерцалов), **Николай Александрович** (1910 – 15 марта 1975, Свердловск). Участник антологий «Семеро» (Харбин, 1931), «Излучины» (Харбин, 1935), «Якорь» (Берлин, 1936). Член-корреспондент Содружества «Понедельник». Редактор газеты «Новый путь» (Шанхай). Член редколлегии газеты «На Родину» (редактор Н. Светлов). Корреспондент газеты «Новая жизнь». Участник альманаха «Остров». Репатриировался в СССР (1947).

ЩЕРБАКОВ, Михаил Васильевич (1896, Москва – 3 янв. 1956, Булони, Франция). Физик по образованию. Военный летчик. Писать начал во Владивостоке. Редактор «Крестьянской газеты» во Владивостоке. Председатель правления Содружества «Понедельник» и «Восток». Публиковался в журналах «Врата» (Шанхай, 1934–1935), «Парус», «Феникс» и др. В сб. «Отгул» были опубликованы стихи 1919–1925, написанные большинство во Владивостоке. После II мировой войны эмигрировал в Сайгон (Вьетнам), где содержал фотостудию, давал частные уроки и читал лекции по фотографии. Заболел душевным расстройством, а затем как французского гражданина эвакуировали во Францию. «Из больницы он вышел только в 1955 г. Поселился в Булони близ своих друзей Зандеров. Встретил с ними новый 1956 год, но был в ту ночь в особенно нервном состоянии. На другой день Л.А. Зандер ходил к нему посмотреть, как он устроился. Уходя сказал: “До свидания», но М.В. Щербаков поправил – «Нет, прощайте» (В. Перелешин). Покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

ЯНКОВСКАЯ, Виктория Юрьевна (18 февр. 1909, Владивосток – 6 апр. 1996, Санта-Роза, Калифорния). Окончила гимназию в Харбине. Жила в Корее. «В 1945 застряла на хуторе “Тигровом” у брата Валерия в Маньчжурии на семь лет. Разошлась с мужем Г.Н. Усаковским, вышла за П.Д. Чистякова, тоже эмигранта. По вызову старшей сестры Музы, которая к тому времени переселилась в Чили (Сантьяго), с Чистяковым и сыном Ором от первого брака, уехала в Чили. Оттуда в США» (Из письма В.Ю. Янковского).

ЯРОН, Александр Александрович (1 авг. 1910, Ревель – 19 окт. 1971, Сан Пауло. Бразилия). Инженер. Художник и журналист. С 1924 жил в Шанхае. В 1932 открыл рекламную студию «Movieart», вошедшую в состав кинематограф. компании «Cinema Arts». Один из организаторов литер.-худож. содруж. «Понедельник». Издавал в Шанхае «Экран и искусство» (с 25 мая 1939). Эмигрировал в Бразилию. В последние годы жил в Вашингтоне.

Примечания

1. Наш лик // Понедельник. – Шанхай, 1930. – № 1. – С. 2.
2. Таскина Е.П. «Понедельник» // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 2. Периодика и литературные центры. С. 316–317; *Толстой И.* «Понедельник» // Звезда. – М., 1991. – № 9. – С. 206–207; Штейн Э. Художники русского Китая, ХЛАМ и «Понедельник»: (Иконография) // Новый журнал. – Нью-Йорк,1998. – № 213. – С. 213–239. См. также: http://www.russianshanghai.com/articles/post6084
3. Дальний Восток: Лит.-художеств. альм., посвящ. Китаю / Ред.-сост. Э.Е. Магарам. – Шанхай: Изд. Рус. благотвор. о-ва в Шанхае, 1920. – 92 с.: ил., рекл.
4. Хисамутдинова Н.В. Русские специалисты как основатели межкультурных коммуникаций России и Китая // Социальные и гуманитарные науки на Дальн. Востоке. – Хабаровск, 2010. – № 2. – С. 145.

5 Желтый лик: Лит.-худож. альм., посвящ. Китаю / Ред.-изд. А.Е. Магарам. – Шанхай: Рус. тип. и изд-во Н.П. Дукельского, 1921. – 82, [14] с.: ил., рекл.

6 «Манза». Библиография // Рус. обозрение. – Пекин, 1921. – 5 мая. – С. 252.

7 Китай: Лит.-худож. альм. / Ред.-изд. Э.Е. Магарам. – Шанхай, 1923. – 105 с.: ил.

8 Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. – Шанхай: Б. и., 1936. – Б. с.: портр.

9 Крузенштерн-Петерец Ю. Лев Гроссе, поэт-мученик // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1970. – 17 мая.

10 Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936. – Б. с.: портр.

11 Софонова О. Пути неведомые: Россия, (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины, 1916–1949 г. – Мюнхен: Gesamtherstellung: F. Zeuner Buch und Offsetdruck, 1980. – С. 215.

12 Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936. – Б. с.: портр.

13 Спургот М. Желтая дама. Стихи. – Шанхай: Заря, 1931. – 63 с.

14 Путь изгнанника: Стихи / Обл. худ.-архитектора Н.К. Соколовского. – Шанхай: Рус. тип. «График», 1932. – 171 с.

15 Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. – Шанхай, 1934. – № 47, 17 нояб. – С. 25.

16 Слободчиков В.А. М.В. Щербаков // Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай. – М.: ЗАО: Центрополиграф, 2005. – С. 213–216.

17 Обзор деятельности Содружества // Понедельник. – 1930. – № 1. – С. 70.

18 Щербаков М. Содружество «Понедельник» // Прожектор. – Шанхай, 1933. – 14 окт. – С. 8.

19 Щербаков М. Одиссеи без Итаки: Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / Сост., комм. и вступит. ст. А.В. Колесова. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 480 с.

20 Щербаков М.В. Vitraux / Рис. М. Урванцева. – Иокогама, 1923. – Б. с.

21 Н-ов А. Книжные новинки // Рубеж. – 1930. – № 17, 20 апр. – С. 28.

22 (Рецензия) // Рус. записки. – Париж; Шанхай, 1937. – № 1. – С. 326.

23 Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай. – М.: ЗАО: Центрополиграф, 2005. – С. 220–222.

24 Черникова Л. Мост в прошлое везунчика-барона. (Штрихи к портрету русского писателя-эмигранта Павла Северного). – Уфа: Вагант, 2011. – 118 с.

25 Северный П. Косая Мадонна / Обл. худ. В. Кадыш. – Шанхай: Книгоизд-во А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. – 85 с.: ил.

26 Словарь поэтов русского зарубежья / Под ред. В. Крейда. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 26–27.

27 Янковская В. Это было в Корее..: Повесть и рассказ «Без Бога, без закона и без обычая» (1-я премия на конкурс рассказов, устроенным газ. «Слово» в Шанхае»). – Новина (Корея): Изд. авт., 1935. – 153 с.: портр.

28 Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. – 1934. – № 47, 17 нояб. – С. 25.

29 Щербаков М. Содружество «Понедельник» // Парус. – Шанхай, 1933. – № 1. – С. 82.

30 Там же.

31 М. Р-в. Книжные новинки // Рубеж. – 1930. – 1 нояб. – С. 20.

32 Щербаков М.В. Черная серия: Повесть: В 9 гл. – Шанхай: Понедельник, 1931. – 46 с.

33 Ненцинский А. Человек во фраке: Сб. рассказов. – Шанхай: Слово, 1937. – 227 с.

34 Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. – 1937. – № 37, 11 сент. – С. 20.

35 Ненцинский А. Сильнее любви: Рассказы. – Тяньцзинь: Знание, 1938. – 181 с.

36 Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. – 1938. – № 44, 9 окт. – С. 20.

37 На «Понедельнике» // Прожектор. – 1933. – № 2, 7 янв. – С. 19.

38 Волохов М. Содружество шанхайских мечтателей // Рубеж в Шанхае. – 1941. № – –№ 47/20, 22 нояб. – С. 6.

39 «Понедельник» – Третчикову // Прожектор. – 1934. – № 30, 21 июля. – С. 16, ил.

40 Магарам Э.Е. Блуждающие души: Кит. народ. сказки. – Берлин: Мысль, Б. г. – 63 с.; Желтый лик: Очерки кит. жизни. – Берлин: Изд. О. Дьяковой, 1922. – 112 с.: 14 л. ил.; Миреле: Повесть об одной любви. – Берлин: Изд. Е.А. Гутнова, 1922. – 110 с.; Современный Китай. – Берлин: Изд. Е.А. Гутнова, 1923. – 67 с.: ил.

[41] Магарам Э.Е. Китай. – М.: Моск. рабочий, 1925. – 110 с.: ил.
[42] Редакционная коллегия. «Понедельник». Работа содружества // Прожектор. – 1934. – № 47, 17 ноября. – С. 8.
[43] Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. – 1934. – № 33, 11 авг. – С. 24.
[44] Устав литературно-художественного объединения Восток». (Утвержденный общим собранием 7-го декабря 1933 г.) // Врата. – Шанхай, 1934. – Кн. 1. – С. 191.
[45] Наши цели // Врата. – 1934. – Кн. 1. – С. 2
[46] Б. Ин. Критика и библиография // Земля Колумба. – Нью-Йорк; Сан-Франциско; Лос-Анджелес, <1936>. – Кн. 1. – С. 125.
[47] Новое объединение «Шатер» // Феникс. – Шанхай, 1935. – 17 нояб. – С. 6: фот.
[48] От редакции // Прожектор. – 1932. – № 1, 15 окт. – С. 1.
[49] Редакция. 100-й номер // Прожектор. – 1934. – № 38 / 100, 15 сент. – С. 5.
[50] Редакция. 100-й номер // Прожектор. – 1934. – № 38 / 100, 15 сент. – С. 5.
[51] Музей русской культуры в Сан-Франциско (США). Коллекция А.С. Лукашкина.
[52] И-ч. Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. – Владивосток: Типолитогр. т-ва «Свободная Россия», 1922. – С. 21
[53] От редакции // Парус. – 1931. – № 1. – С. 1.
[54] Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936. – Б. с.: портр.; Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. – N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. – С. 108.
[55] Пантелеев А. Кромешники: Сб. рассказов и юморесок. – Шанхай: Изд-во А.П. Малык и В.П. Камкина. – Б. г. – 170 с.
[56] Парус. – 1929. – № 2. – С. 12–14.
[57] Густов Д.И. Работа Г.П.У. в Шанхае // Парус. – 1937. – № 54, 20 июля. – С. 37–44.
[58] Густав и Пурин высланы из Шанхая в Советскую Россию? // Новая заря. – Сан-Франциско, 1938. – 15 марта; Высланный из Шанхая Д.И. Густов обвиняется китайскими властями в шпионаже // Новая заря. – 1938. – 24 марта; Д.И. Густав находится на Лубянке? // Новая заря. – 1939. – 17 июня.
[59] Чернолуцкая Е.Н. «Феникс» восстает из забвенья: (Страницы жизни и творчества рос. эмигранта С.Г. Шахматова) // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1995. – Кн. 201. – С. 257–274.
[60] Объявление о подписке // Феникс. – 1935. – № 1 (Сент.).
[61] Архив Гуверовского института, США. Serebrennikov I.I., box 3 (Из письма от 2 июля 1935 г. И.И. Серебренникову).
[62] Федеральный архив США. Коллекция Шанхайской муниципальной полиции (SMPF). Reel 72; Reel 42, f. D 8149.
[63] От редакции // Рус. записки. – 1937. – № 1. – С. 6.
[64] *И.Ф.* Эмигрантские писатели на Д.В. // Рус. записки. – 1937. – № 1. – С. 327.
[65] *Н.Р.* Книжные новинки // Рубеж. – 1941. – № 17, 20 апр. – С. 28.
[66] Хисамутдинова Н.В. Русские специалисты как основатели межкультурных коммуникаций России и Китая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2010. – № 2. – С. 143–146.
[67] Фомичев М. Вести с Дальнего Востока // Новая заря. – 1941. – 7 мая.

СУДЬБЫ И МИФЫ

ДВА ЛИКА ГЕНЕРАЛА П. ДЬЯКОНОВА

Ежедневный прием посетителей в советском посольстве на улице Гренель в Париже подходил к концу, когда в вестибюль вошел среднего роста худощавый господин, одетый в дорогую темно-серую тройку. Гость назвался русским политическим эмигрантом. Дождавшись, когда дежурный комендант закончит разговор по внутреннему телефону, он обратился с просьбой:

– Милостивый государь! Я хотел бы обязательно встретиться с господином послом по вопросу, не терпящему никаких отлагательств. Речь идет о военном заговоре против республики Совдепов. Я – один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Павлович Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало магически, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет. Павел Павлович удобно устроился в кожаном кресле и попросил листок бумаги. Надев пенсне, он неторопливо достал из бокового кармана автоперо и принялся писать: «Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства. П. Дьяконов, Париж, март 1924 г.»

Имя генерал-майора Павла Павловича Дьяконова – бывшего российского военного атташе в Великобритании – было достаточно хорошо известно в советских военно-дипломатических кругах. Во время неофициальных встреч с советскими представителями он не раз выражал желание вернуться на родину, предлагал себя на любую работу, которая была бы полезной советской дипломатической службе. Но Москва не спешила с ответом. Как и все другие его гражданские и военные коллеги из «бывших», Дьяконов находился под большим подозрением, и чем чаще он говорил о своем намерении помогать новой России, тем осторожнее отвечали на его предложения. Тем более что имелись сведения о тесной связи Павла Пав-

ловича с «Российским общевоинским союзом» (РОВС), объединявшим свыше 100 тыс. офицеров Белой армии.

Вот и на этот раз письмо генерала Дьяконова, доставленное с дипкурьером в Москву, казалось, останется без всякого внимания. Но ситуация к этому времени в Советской России несколько изменилась: войска иностранных интервентов были разбиты и выдворены из страны, внутренняя оппозиция новому режиму, лишившись международной поддержки, притаилась и затихла, и только различные эмигрантские военные и полувоенные организации в Германии, Франции и Англии представляли, по мнению советского правительства, реальную угрозу. Именно против этих организаций и групп, избравших методом борьбы террор, была сосредоточена бескомпромиссная борьба ОГПУ.

– Генерал Дьяконов очень вовремя напомнил о себе, – сказал начальник ИНО, дочитав до конца послание бывшего военного атташе. – А что касается его информации о программе тотального террора за границей против советских граждан и учреждений, то она, несомненно, достоверна. Она перекрывается другими сведениями из надежных источников. Впрочем, прежде чем довериться Дьяконову, нам следует хорошенько изучить его, проследить весь жизненный путь генерала…

На следующий день на стол руководителя ИНО Трилиссера легла справка-объективка на генерал-майора Его Императорского Величества Генерального штаба Российской армии Павла Павловича Дьяконова.

Родился Дьяконов в Москве 4 февраля (22 января) 1878 г. в семье военнослужащего. После завершения в 1895 г. курса Московской практической академии коммерческих наук поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк и с тех пор связал свою жизнь с армией, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское пехотное юнкерское училище. В 1905 г. окончил Академию Генерального штаба и был направлен в действующую армию на русско-японскую войну. Безупречное знание английского, немецкого и французского языков позволило Дьяконову добиться перевода на военно-дипломатическую службу. До конца 1913 г. П.П. Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 г. он назначается в Лондон на должность помощника военного атташе.

После начала Первой мировой войны Дьяконов подает личное прошение начальнику Генерального штаба с предложением направить его на германский фронт в составе русского экспедиционного корпуса во Франции. С сентября 1914 г. он принимает непосредственное участие в военных действиях на передовой линии. В январе 1916 г. полковник П.П. Дьяконов назначается командиром 2-го Особого полка русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию, и принимает активное участие в сражениях против немцев.

Его боевые заслуги отмечены семью русскими и пятью иностранными орденами. За храбрость в сражении на Марне получил отличие офицера Почетного легиона, награжден французским офицерским крестом Почетного легиона, что давало ему право на получение французского гражданства, и двумя французскими военными крестами. По представлению начальника Генерального штаба был произведен Николаем II в генералы.

В начале 1917 г. П.П. Дьяконов был переведен в Генеральный штаб, за боевые отличия произведен в генерал-майоры, а в сентябре того же года вновь назначен помощником военного атташе в Великобритании. После закрытия аппарата военного атташе в мае 1920 г. переехал на постоянное жительство во Францию, в Париж.

Революцию генерал Дьяконов встретил, находясь за границей. В белом движении на российской территории участия не принимал. По свидетельству людей из окружения генерала Дьяконова, ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России.

Последние три фразы руководитель ИНО подчеркнул жирной чертой. В резолюции в левом углу справки-объективки он написал: «Провести с генералом Дьяконовом доверительную беседу и выяснить его дальнейшие намерения».

Во время беседы Дьяконов передал план общей работы РОВС. «Террор, исключительно за границей, против советских чиновников, – говорилось в документе, – а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

После гражданской войны все «выявленные» противники советской власти внутри страны были беспощадно подавлены. Основные силы врагов большевизма сосредоточились за границей. Среди многочисленных эмигрантских организаций наибольшую опасность для советского режима представлял Российский общевойсковой союз (РОВС) со штабом в Париже. По некоторым данным, он объединял в своих рядах до 200 тыс. бывших офицеров царской армии и других противников большевиков. Это не могли не учитывать и оставить без внимания в Москве.

РОВС оказался под плотным контролем. ОГПУ внедрило своих людей в руководство союза, благодаря чему были предотвращены многие террористические акты. Серьезные удары были нанесены по этой организации проведенными ЧК операциями «Синдикат-2» и «Трест».

К этому времени бесперспективность террора как метода борьбы с большевиками стала очевидной для всех, в том числе и для лидеров русской эмиграции. Однако генерал Кутепов Александр Павлович (1882–1930), возглавивший союз после смерти основателя РОВСа барона генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля (1878–1928), придерживался прежней тактики борьбы. Свои концепции он изложил в секретной инструкции для боевиков организации: «План общей работы представляется в следующем виде – террор, исключительно за границей против… советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

Террор и диверсии стали основными методами борьбы этой организации, ее главным оружием.

В Париже, Варшаве, Софии, Праге, Берлине и других столицах европейских стран рекомендовалось готовить «тройки», «пятерки» и индивидуальных боевиков РОВС для убийства советских дипломатов, а также для заброски диверсионных групп на территорию СССР с целью организации вооруженных выступлений против советской власти. На счету боевиков РОВСа числятся многочисленные убийства, взрывы, поджоги.

Подобные акции не давали сколько-нибудь значительного политического эффекта, но быстро обрастали самыми невероятными слухами и домыслами, вызывая крайнюю обеспокоенность советского руководства. Они наносили удары и по профессиональному самолюбию руководства ОГПУ.

Беседа с оперработником подходила к завершению, когда Павел Павлович, хитро прищурившись, вдруг неожиданно спросил своего собеседника:

– Думаете, только большевики интересуются делами и планами РОВС? Отнюдь нет, – ответил сам себе Дьяконов. И продолжил: – Сам великий князь Кирилл Владимирович просил меня постоянно снабжать его новостями о деятельности РОВС. Он так и сказал мне при личной встрече: «Хочу знать все, что Кутепов и его боевики замышляют против русских монархистов». Так что объекты интереса, – засмеялся Дьяконов, – и у большевиков, и у монархистов, выходит, одни…

Добровольный, а главное, основательно продуманный и бескорыстный переход П.П. Дьяконова на службу советской власти открывал совершенно новый, полный неожиданностей этап в жизни бывшего царского генерала. Павел Павлович как бы вновь обрел смысл жизни, получил

приносящую радость творчества увлекательную работу, близкую по своему характеру к той оперативно-разведывательной деятельности, которой он занимался, будучи военным агентом царского Генерального штаба.

С советской внешней разведкой П.П. Дьяконов начал активно сотрудничать на патриотической основе в 1924 г., разочаровавшись в деятельности белой эмиграции и ее вождей. Выполнял задания Центра по разложению «Российского общевоинского союза» (РОВС), осуществлявшего подготовку и заброску на территорию СССР террористических групп. От него также поступала важная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Принимал непосредственное участие и в осуществлении ряда оперативных комбинаций. В частности, в результате одной из таких комбинаций французскими властями был арестован адъютант великого князя Кирилла и руководитель белогвардейской организации младороссов Казем Бек.

В марте 1928 г. П.П. Дьяконов пишет советскому полпреду в Париже: «Совершенно изверился за последние четыре года в какой-либо жизнеспособности русской эмиграции, видя, что ее деятельность за границей ничего, кроме вреда России, не приносит, я очень хотел бы опять служить моей Родине и русскому народу, признавая при этом безоговорочно Советское правительство, всецело ему подчиняясь и точно следуя всем указаниям». Это письмо раскрывает мотивы добровольного сотрудничества Дьяконова с советской разведкой. Впрочем, многие русские офицеры, оказавшиеся в эмиграции, видели в сотрудничестве с советской разведкой свой патриотический долг.

Тогда-то и возник замысел новой оперативной игры, разработанной под руководством Вячеслава Рудольфовича Менжинского (1874–1934), юриста по образованию, владевшего девятью языками, прекрасного знатока литературы. С 1918 г., являясь генеральным консулом Советской России в Берлине, он знакомится с работой по практическому шпионажу и большевистской пропаганде и вскоре становится виртуозом разведки. Врожденные способности Менжинского позволяли ему организовывать и проводить операции, далеко превосходившие самые смелые фантазии его противников.

Цель новой операции заключалась в том, чтобы глубоко внедриться и проникнуть в планы РОВСа, дезорганизовать деятельность союза изнутри, а по возможности и устранить руководителей. Опыт в тактике подобных «дел» им был уже получен, в частности, в ходе операции по разгрому савинковского союза. Операция была продумана и началась…

Генерал Кутепов, человек скрытный, недоверчивый и необщительный, в 1928 г. узнает, что в эмигрантских кругах стали распространяться слухи: в России появилась новая широко разветвленная в среде советских служащих и старой интеллигенции антибольшевистская группировка под названием Внутренняя русская национальная организация (ВРНО). Важными были сведения, что она имеет широкие связи среди командного состава Красной армии.

Кутепов получил эту информацию от тех, кого знал лично и кому доверял, поэтому он не мог не заинтересоваться столь впечатляющими сведениями. Естественным было его желание использовать новые возможности в интересах борьбы с большевиками. Однако недоверчивость и осторожность вынуждали еще и еще раз перепроверять поступающие к нему сведения.

Для активизации событий руководство ОГПУ решает направить во Францию «официального представителя» несуществующей организации и тем самым заставить генерала Кутепова поверить в реальность и возможности ВРНО. Дальнейший ход и успех операции всецело зависели от личности «представителя», его авторитете в кругах эмиграции и способности сыграть столь сложную роль. Выбор оказался безошибочным. «Представителем» стал Павел Павлович Дьяконов. Кандидат на роль

«представителя ВРНО» был подобран психологически верно, практически точно.

Успеху миссии Дьяконова сопутствовал ряд обстоятельств. Главным из них было то обстоятельство, что планами генерала Кутепова интересовались в то время не только чекисты, но и русские монархисты, объединившиеся вокруг претендента на российский престол великого князя Кирилла Владимировича. Великий князь доверительно попросил П. Дьяконова «вести планомерную разведку в отношении общевоинского союза и собирать подобные сведения относительно того, что замышляет генерал Кутепов против монархистов». Лучшее прикрытие для деятельности советского агента трудно было придумать. Однако он не спешил раскрывать «возможности ВРНО», интригуя руководство РОВСа, и ожидал прибытия из Москвы в Париж «руководителя» организации – бывшего полковника царской армии А.Н. Попова.

При посредничестве видного деятеля русской эмиграции С.П. Мельгунова, автора известной книги «Красный террор в России», организуется первая встреча лидеров ВРНО и РОВСа. Сотрудничество привело к созданию новой эмигрантской организации – «Борьба за Россию». Определяя ее задачи, генерал А.П. Кутепов писал: «Для ниспровержения советской власти мы создаем широкое объединение эмигрантов, нацеленное исключительно на борьбу с большевизмом. Никаких межпартийных споров внутри него мы терпеть не намерены, так как они лишь распыляют наши силы. РОВС готов взяться за печатание антисоветских листовок и прокламаций. ВРНО будет их распространять в России. Одновременно мы намерены начать подготовку к вооруженному выступлению против Советов, которое можно было бы поднять весной 1931 г. Для его руководства общевоинский союз направит в различные регионы СССР не менее 50 специально подготовленных офицеров. Помните, борьба должна быть беспощадной, только при этих условиях мы можем рассчитывать на успех».

Тогда об этих планах знал очень узкий круг людей, среди которых были руководители советской и французской специальных служб. ОГПУ информировал П. Дьяконов, а 2-е бюро Генерального штаба французской армии – А.П. Кутепов, находившийся на содержании у французов.

К 1930 г. у Дьяконова накопились сведения о генерале Кутепове – его окружении, образе жизни, привычках, системе охраны и т.п., – необходимые для проведения операции по его устранению. И такая операция была успешно проведена.

Кутепова предупредил о подготовке покушения его бывший начальник штаба Де Роберти (в то время, когда Кутепов командовал корпусом), сотрудничавший с ОГПУ. Несмотря на предупреждение, генерал Кутепов не предпринял достаточных мер предосторожности и был захвачен группой чекистов. В дальнейшем судьба была «милостива» к нему – он умер от сердечного приступа при «перевозке морем» в Советский Союз и избежал дальнейших истязаний в застенках Лубянки.

РОВС после этого удара полностью так и не оправился. Окончательным крушением организации стало похищение ОГПУ в 1937 г. следующего председателя РОВСа – генерал-лейтенанта Миллера Евгения Карловича (1867–1937), бывшего генерал-губернатора и главкома войсками Северной области (в 1919–1920 гг.).

Дьяконов же, не смотря на отсутствие прямых улик в причастности к этим операциям, попал под подозрение и вынужден был полностью отойти от политической эмигрантской деятельности.

Влиятельная эмигрантская газета «Возрождение» опубликовала статью, в которой назвала Дьяконова «чекистским агентом» и прямым участником нашумевшего на всю страну дерзкого похищения руководителя РОВСа генерала А.П. Кутепова.

Хотя многим из окружения Кутепова был известен тот факт, что Дьяконов даже не был лично знаком с руководителем РОВСа и никогда не видел его, тень подозрения была брошена, и пришлось потратить немало времени и сил, чтобы в судебном порядке опровергнуть эти заявления. А это по вполне понятным причинам необходимо было сделать. Французский суд, рассмотрев материалы следствия по делу «Генерала Дьяконова против газеты «Возрождение», признал утверждения газеты необоснованными и принудил ее принести соответствующие извинения…

Судьба П.П. Дьяконова оказалась еще теснее связанной с советской разведкой. По ее заданию он сотрудничал с французской военной разведкой и много сделал для ослабления германского влияния на Францию.

В период гражданской войны в Испании П.П. Дьяконов неоднократно выезжал туда со специальными разведывательными заданиями для наблюдения за деятельностью фашистской агентуры в республиканских рядах. Его работа там не осталась незамеченной: франкисты пытались расправиться с ним. Спасла Павла Павловича французская разведка, предупредившая его о грозящей опасности.

Начало сотрудничества Павла Павловича Дьяконова с советской разведкой совпало по времени с первыми шагами мало кому тогда известного в Европе лидера Национал-социалистической рабочей партии Адольфа Гитлера, стремившегося захватить власть в Германии. Несмотря на опасность возрождения германского милитаризма, некоторые политические и военные лидеры Запада видели в лице Гитлера не столько возможного диктатора и тирана, сколько фигуру, способную бросить перчатку «красной опасности». К числу таких людей во Франции принадлежала влиятельная военная группировка бывших российских генералов, во многом определивших настроения и политические симпатии тогдашнего высшего руководства французских вооруженных сил.

Понимая всю опасность сближения на антибольшевистской основе Германии и Франции, советская разведка в те годы принимала все меры, чтобы не допустить этого альянса. И здесь роль генерала Дьяконова оказалась во многом решающей. Именно ему, кавалеру ордена Почетного легиона, советская разведка поручила довести до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии сведения о «пятой колонне» профашистски настроенных офицеров и генералов. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов представил соответствующие документы (частично полученные из Москвы), объявили персонами нон грата и выслали из страны большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом и профашистски настроенных генерала Чернощекова, полковника Богдановича, капитана Степанова и ряд других. Высылка этих лиц существенно ослабила «пятую колонну» во Франции. А сам Павел Павлович получил благодарственное письмо от руководства французской разведки: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество».

Жизнь Павла Павловича во Франции была сложной и беспокойной. После смерти жены он остался вдвоем с дочерью Машей, которая нуждалась в постоянной заботе и внимании. К тому же над бывшим генералом нет-нет, да и собирались темные тучи. Гестапо уже держало Дьяконова под наблюдением.

Началась Вторая мировая война. В 1940 г. гитлеровцы заняли Париж. В первые же дни оккупации гестапо стало арестовывать антифашистов и людей, сочувствующих Французскому народному фронту. В числе арестованных оказался и генерал Дьяконов. Немцев в первую очередь интересовали его поездки в Испанию. На допросах он вел себя мужественно и стойко. Сорок три дня он провел в

фашистском застенке, надеясь на помощь советского посольства, которому когда-то генерал предложил свои услуги. И эта помощь пришла, во многом благодаря настойчивым усилиям его дочери. Павлу Павловичу и Марии было предоставлено советское гражданство, и Народный комиссариат иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик незамедлительно потребовал от германских властей освободить арестованных во Франции советских граждан П.П. Дьяконова и его дочь М.П. Дьяконову. Германскому военному командованию в Париже не оставалось ничего иного, кроме как выполнить это требование. Нужно было соблюдать в те дни правила взаимоотношений между СССР и Германией.

В конце мая 1941 г., за месяц до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Павел Павлович и Маша вернулись на родину.

– Это самый счастливый день в нашей жизни! – сказал растроганный старый генерал оперативному работнику, встретившему их на вокзале в Москве. – Надеюсь, что наша жизнь теперь будет лишена всяких тревог и странствий…

Дьяконов, к сожалению, ошибся. Пять недель спустя после возвращения на родину, сразу же после нападения Германии на Советский Союз, он и его дочь были арестованы как лица, недавно вернувшиеся из-за границы, «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». Следственный изолятор, снова тюрьма. На этот раз – советская. После первых допросов Павел Павлович снова, как когда-то в Париже, попросил лист бумаги. В письме к руководителю Лубянки он писал:

«За 17 лет заграничной работы мне пришлось выполнять много ответственных заданий. За эту работу я получил только благодарности. В голове моей не укладывается, как могли меня всерьез подозревать в преступной деятельности против Родины. Излишне говорить, какую нравственную боль мне причинило такое подозрение».

Следователь, который вел дело Дьяконовых, передал письмо по инстанциям, и оно, вопреки логике тех военных дней, не затерялось и не было выброшено в корзину для ненужных бумаг. Послание из тюремной камеры нашло адресата. Им оказался начальник внешней разведки НКВД. И его резолюция «Прошу разобраться» возымела неожиданное действие: в рапорте, направленном в следственные органы, говорилось: «Дьяконов и его дочь известны 1-му управлению НКВД. Управление считает необходимым их освободить».

По ходатайству 1-го разведывательного управления НКВД в октябре 1941 г. Дьяконовых освободили, оставив без средств к существованию. Неоднократно просьбы П.П. Дьяконова о принятии на любую работу остались без внимания. Впоследствии Павел Павлович вместе с дочерью некоторое время жил в эвакуации в Ташкенте, а затем переехал в киргизский город Карасу. Работал в райпотребсоюзе. В ноябре 1942 г. П.П. Дьяконов выехал эшелоном в Москву, сопровождая грузы для Красной армии. Дорогой тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 г. скончался.

По материалам ЦА ФСБ.

«Секретное досье», 1998, № 1, с. 96–100.

Автор-составитель Ю.В. Мухачев,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра
комплексных исследований
российской эмиграции ИНИОН РАН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РОССЫПЬ

ЗЕМГОР И ЕГО УСТАВ

Очерк деятельности объединения российских земских городских деятелей в Чехословацкой Республике («Земгор»)
17 марта 1921 г. – 1 января 1925 г. Прага, 1925.

…Действовали учебные и ученые заведения и учреждения. Вместе и параллельно с этим предъявлялись и к библиотеке новые требования и задачи. Возникла необходимость облегчать нужду учащихся в учебниках, учебных пособиях, мало для них доступных, благодаря их недостатку и дороговизне. Неизбежно стала на очередь и четвертая задача, задача пополнения библиотеки книгами, необходимыми для исследовательских работ как русских, так и чешских ученых. Отсюда повелительно вытекала задача придания библиотеке характера библиотеки фундаментальной, задача обращения ее в книгохранилище, которое было бы способно послужить русским и чешским ученым для их работ и изысканий.

Перечисленными выше задачами, поставленными библиотеке самою жизнью, в полной мере определялся и состав библиотеки. Она составлялась и пополнялась книгами: 1) общего значения и пользования, 2) учебниками и учебными пособиями и 3) книгами, имеющими значение для научных и исследовательских работ.

Открывшаяся осенью 1921 г. и начавшая свою работу со 120 книгами, поступившими как дар от разных лиц, и несколькими газетами, при посещаемости в 50 человек в месяц, библиотека уже к концу 1922 г. имела в своем составе: 1997 томов на русском языке и 298 – на иностранных языках. На 31 декабря 1923 г. в библиотеке состояло 10 408 томов на русском и иностранном языках, а через год в ней уже было 24 531 том.

Библиотека составлялась главным образом посредством приобретения книг на собственные средства самого Земгора, а с 1923 г. – на отпускаемые на библиотеку специальные средства от Министерства иностранных дел. Другим способом пополнения библиотеки

книгами, имевшим существеннейшее значение как по количеству поступающих книг, так и по значению их, было принятие Земгором отдельных библиотек от разных лиц и учреждений в пользование на основе особых договоров. Заграничный книжный рынок был чрезвычайно ограничен и мог поставлять преимущественно произведения текущей литературы. Книги довоенного издания, и особенно антикварные, были почти недоступны для приобретения в библиотеку. Между тем они часто имели исключительное значение, и наличие их в библиотеке являлось жизненной необходимостью. Это обстоятельство побудило Земгор обратиться к некоторым лицам и учреждениям о предоставлении Земгору на определенных условиях их библиотек во временное пользование. Обращение Земгора нашло отклик, и в разное время, начиная с 1922 г., поступили библиотеки от следующих лиц и учреждений: от В.В. Сухомлина – 500 томов, от В.М. Чернова – 1 500 томов, от редакции «Воля России» – 355 томов, от В.Н. Тукалевского – 9 829 томов. На установленных Земгором обычных условиях пользования переданы Земгору библиотеки Лаврова, Гоца и Е.Е. Лазарева. Эти библиотеки имеют в своем составе книги исключительной ценности, часто составляющие библиографическую редкость.

В составе библиотеки имеются книги, поступившие как дар. Таких книг, преимущественно на иностранных языках, насчитывается несколько сот экземпляров.

Книги из библиотеки выдаются всем русским гражданам, проживающим в Праге и ее окрестностях. Лицам, проживающим вне указанного района, книги могут быть выдаваемы с особого письменного разрешения заведывающего культурно-просветительным отделом комитета. Для лиц, проживающих в далекой провинции, организованы отделения библиотеки в Братиславе, Ужгороде и Кошицах, при которых устроены особые летучие библиотечки для рассылки по отдельным местностям. Имеется отделение библиотеки и при представительстве в Белграде. Абоненты пользуются книгами бесплатно, внося лишь весьма незначительный залог. При представлении удостоверений о невозможности для абонента внести залог, последний заменяется поручительством; в случае утраты или порчи книги залог обращается на покрытие стоимости книги; из залога же удерживаются штрафы. Каждому абоненту одновременно не может быть выдано более двух книг. Особенно ценные и редкие книги на дом не выдаются; ими можно пользоваться лишь в помещении библиотеки.

Число абонентов библиотеки прогрессивно росло. Число выданных на руки в месяц книг, составляя в 1921 г. в ноябре месяце – 102, в декабре того же года достигло – 172, в соответствующие месяцы последующих годов равнялось: в 1922 г. – 3786 и 4891, в 1923 г. – по 4116, и в 1924 г. – 6320 и 5367. Число постоянных абонентов библиотеки было: в сентябре 1922 г. – 214, 31 декабря того же года – 574, к концу 1923 г. оно достигло цифры – 2757 и к 31 декабря 1924 г. – 3606.

При библиотеке имеется читальня. В читальню выписываются самые разнообразные газеты и журналы на русском и иностранном языках. Число разных названий выписываемых газет и журналов доходило: газет – 65 и журналов – 31. Число посещений читальни росло с каждым днем. Составляя в первый месяц деятельности читальни, в ноябре 1921 г., – 92, в декабре 1922 г. оно равнялось – 2480, в декабре 1924 г. – 4824.

Устав Земгора // Очерк деятельности объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике («Земгор») 17 марта 1921 г. – 1 января 1925 г. – Прага, 1925.

Устав Земгора

Членами Общества могут быть лица:

а) участвовавшие с правом решающего голоса в работе земских собраний и городских дум;

б) члены руководящих органов Объединений земств и городов;

в) члены органов местного и краевого самоуправления тех местностей, в коих не были введены органы земского самоуправления, как-то: Казачьих войсковых кругов и т.п.

г) лица, по своему званию и опыту могущие оказаться для деятельности Общества особо полезными».

Определив указанные выше цели, задачи и основу организации Общества, учредители Объединения 17 марта 1921 г. созвали последнее совещание, признанное как первое организационное собрание, на котором был избран Временный комитет в составе трех лиц, коему было поручено разработать проект Устава общества и, по одобрении его Общим собранием общества, представить на утверждение или регистрацию в соответствующих учреждениях Республики.

В число учредителей Земгора входили следующие девять лиц: Б.Ф. Соколов, В.М. Зензинов, Е.Е. Лазарев, В.М. Вершинин, П.Д. Климушкин, А.Г. Ковтун, Л.В. Россель, М.П. Полосин и Ф.И. Колесов.

К концу 1921 г. число членов Земгора возросло до 44, к 1 мая 1923 г. в составе Общества состояло 57 членов и к концу 1924 г. – 63. К началу 1925 г. имелось нерассмотренных заявлений о зачислении в состав Объединения – 15.

Из заявленных ходатайств о принятии в состав Объединения за все время существования Земгора было отклонено 17.

С момента возникновения Земгора до настоящего времени выбыло из его состава: четыре члена вследствие смерти, четыре члена вследствие выбытия в отдаленные страны и два члена фактически прекратили посещение Общих Собраний Объединения, вследствие изменения ими своего принципиального отношения к Земгору и возвращения их в Россию.

К концу 1925 г. в составе Объединения состояли следующие лица:

1. Алко, Илья Соломонович – гласный Троицко-Савской городской думы.
2. Архангельский, Василий Гаврилович – гласный Иркутской городской думы.
3. Аргунов, Андрей Александрович – земский работник.
4. Аспидов, Федор Тихонович – Член Кубанской законодательной рады.
5. Богданов, Николай Николаевич – председатель Ялтинской земской управы.
6. Брушвит, Иван Михайлович – гласный Самарского губернского земства и Самарской городской думы.
7. Васильев, Василий Тимофеевич – член Донского войскового круга.
8. Васильев, Ефим Ксенофонтович – член Верховного казачьего круга.
9. Васильев, Иван Ксенофонтович – гласный Васильковской городской думы и член Васильковской городской управы.
10. Вершинин, Василий Михайлович – гласный Барнаульской городской думы.
11. Виноградов, Андрей Алексеевич – гласный Московской районной думы.
12. Воронович, Николай Владимирович – гласный Лужской городской думы.
13. Горчуков, Мирон Афиногенович – член Донского войскового круга.
14. Гуревич, Виссарион Яковлевич – гласный Владивостокской городской думы.
15. Донченко, Василий Федорович – гласный Константиноградского уездного земства.
16. Денисов, Александр Родионович – гласный Керченской городской думы.
17. Демьянов, Александр Алексеевич – гласный Тверского губернского земства.
18. Зензинов, Владимир Михайлович – гласный Московской городской думы.
19. Зензинов, Иннокентий Михайлович – кооператор.
20. Звягин, Михаил Петрович – член Казачьих войсковых кругов Терского казачьего войска.

21. Еремин, Степан Павлович – член Донского войскового круга.

22. Ипатьев, Николай Николаевич – гласный Екатеринбургской городской думы.

23. Калюжный, Иван Иванович – гласный Нижегородской и Владивостокской городских дум.

24. Климушкин, Прокопий Диомидович – гласный Самарской городской думы.

25. Клементьев, Филипп Захарович – гласный Бузулукской городской думы.

26. Колесов, Федор Иванович – председатель Уфимского губернского земства.

27. Ковтун, Андрей Гаврилович – гласный Старобельского уездного земства.

28. Краснов, Василий Михайлович – гласный Ставропольской городской думы.

29. Лазарев, Егор Егорович – гласный Самарской городской думы.

30. Левин, Марк Осипович – гласный Петроградской районной думы.

31. Маслов, Сергей Семенович – гласный Вологодской городской думы.

32. Махин, Федор Евдокимович – Генерального штаба полковник.

33. Мансветов, Федор Северьянович – гласный Московской и Владивостокской городских дум.

34. Малинин, Владимир Федорович – гласный Московской городской думы и член Московской городской управы.

35. Мальгин, Петр Федорович – гласный Ахалцыхской городской думы.

36. Милашевский, Алексей Владимирович – гласный Саратовской думы и член Саратовской городской управы.

37. Нестеров, Иван Петрович – гласный Минской городской думы.

38. Некрасов, Николай Адрианович – член Донского войскового круга.

39. Николаев, Семен Николаевич – присяжный поверенный, бывший член Окружного суда.

40. Новожилов, Николай Федорович – земский работник.

41. Орлушин, Петр Арсеньевич – гласный Грозненской городской думы и член Войсковых кругов.

42. Полосин, Михаил Петрович – председатель Верхне-Уральской городской думы.

43. Поляков, Алексей Андреевич – Уполномоченный Всероссийского земского союза в Швейцарии.

44. Постников, Сергей Порфирьевич – гласный Петроградской городской думы.

45. Рабинович, Борис Николаевич – гласный Рижской городской думы.

46. Ригана, Владимир Антонович – земский работник.

47. Романченко, Тимофей Маркович – гласный городской думы Ростова-на-Дону.

48. Россель, Леонид Владимирович – член Ставропольской городской думы.

49. Рыжков, Семен Мартынович – гласный Луганской городской думы.

50. Сидорин, Владимир Ильич – член Донского войскового круга.

51. Соколов, Борис Федорович – гласный Ровенской городской думы.

52. Слоним, Марк Львович – земский работник. Журналист.

53. Сургучев, Илья Дмитриевич – гласный Ставропольской городской думы.

54. Сушков, Филипп Семенович – член и председатель Кубанской Краевой рады.

55. Тер-Погосян, Михаил Матвеевич – гласный Эриванской городской думы.

56. Уланов, Бадьма Наранович – гласный Таганрогской городской думы и член Донского войскового круга.

57. Фальчиков, Георгий Феофилович – член Войсковых кругов Терского казачьего войска.

58. Харламов, Василий Акимович – председатель Донского войскового круга.

59. Шапкин, Владимир Васильевич – член Донского войскового круга.

60. Шрейдер, Григорий Ильич – Петроградский городской Голова.

61. Щербаков, Григорий Степанович – член Кубанской Краевой рады.

62. Якушева, Екатерина Иосифовна – гласный Иркутской городской думы.

63. Якушев, Иван Александрович – гласный Иркутской городской думы.

Из них гласных городских дум и земств – 46 человек, практических работников земско-городских самоуправлений – 4, членов Законодательных войсковых кругов и Рад – 12 человек, лиц, признанных особо полезными, – 2.

По партийно-политическим признакам указанные выше Члены Объединения подразделяются на следующие группы:

Социалистов-революционеров	29
Народных социалистов	3
Социал-демократов групы «Единство»	1
Партии конституционно-демократическ.	2
Группы «Крестьянская Россия»	3
Союза возрождения казачества	15
Беспартийных	10

Из них имеют образование: высшее – 40, незаконченное высшее – 9, среднее – 10 и низшее – 4.

Деятельность Земгора протекает на основе утвержденного Общим собранием объединения и в законном порядке заявленного в соответствующих чешских правительственных учреждениях Устава.

Устав Общества зарегистрирован Земской политической справой в Праге 30 апреля 1921 г.

Согласно этому Уставу органами Объединения являются: а) Общее Собрание Объединения; б) Комитет и в) Ревизионная и иные комиссии.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РОССЫПЬ

О ГЕНЕРАЛЕ Е. МИЛЛЕРЕ

СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ

В начале 90-х годов прошлого века, когда были приоткрыты двери в архивы КГБ ССР, нам удалось ознакомиться с некоторыми материалами.

Дело
«Письма генерала Е.К. Миллера»

(*В правом верхнем углу карандашом: «Старик»)*

(На гербовом бланке)

«Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР»
от 11 мая 1939 г.

с пометкой «Только лично»
(рукой В. Ульриха, так как на «своем бланке» тот же почерк, те же чернила зеленого цвета и его подпись)

«Начальнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР
Тов. Миронову.

Предписание. Предлагается выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110, коменданту НКВД СССР тов. Блохину:
Народный комиссариат
Внутренних дел СССР»

(красным карандашом подпись)

Л. Берия

(по диагонали красным карандашом крупным почерком)

«одного осужденного принял»,
подпись В. Блохин, дата: 11(V-39 год)

(внизу химическими чернилами)

«арестованного Иванова под № 110 выдать коменданту НКВД»
химический оттиск штампа «Начальник внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД

Ст. лейтенант Государственной безопасности,
подпись: «Миронов».

На гербовом бланке

«Военная коллегия Верховного суда Союза ССР»
от 11 мая 1939 г. № 00 180/л, Москва, ул. 25 октября, д.№ 23, тел. 2–27–69

«Коменданту НКВД СССР тов. Блохину.

Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года.
Гербовая печать Пред. В.К. _____ В. Ульрих
«Верховный суд Союза ССР.
Военная коллегия»

Слева на бланке, поперек, химическими чернилами:

«Выданная личность Иванов под № 110 подтверждаю
Н-к внутренней тюрьмы,
Миронов, дата:11/ V-39 г.».

На обороте бланка, поперек, химическими чернилами:

Акт

Приговор в отношении поименного сего Иванова, осужденного Военной коллегией Верховного суда Союза ССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и 23 часа 30 минут. Сожжен в крематории в присутствии:
Комендант НКВД: ________ /Блохин/

(подпись красным карандашом)

Начальник Внутренней
тюрьмы ГУГБ НКВД: ______/Миронов/

(подпись химическими чернилами)

Письма генерала Е.К. Миллера

«Старик», «Дед»

Когда-то «дело» (возможно в 1938–1939 гг., до принятия решения, начиналось письмом, на котором в верхнем левом углу карандашом синего цвета было написано «Личное архивное письмо Скоблина», от 11/XI-37 г.

(Сложенное вдвое письмо на четырех страницах. Старая орфография)

Дорогой товарищъ Стахъ!

Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо, и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление съ с юбилейным праздником 20-*лiътiя* нашего «Советского Союза». Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент, я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и *нiътъ* у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября, искусственно создана.

Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде товарище Сталине и о моей Родине – Советском Союзе.

Недавно мне, здесь, пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 15 журнала «Большевик» этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья – «Большевики на Северном полюсе», произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи, приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед отлетом на полюс, задали вопрос: «Как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь – пешком то данено идти?»

«Если поломаю, – сказал Водопьянов, – пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: товарищ Сталин не бросит человека».

Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой подействовала на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен и тоже верю, что товарищ Сталин не бросит человека.

Одно только меня опечалило, что 7-го ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать Васеньки о великом празднике.

Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового, в моей личной жизни не произошло.

От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем «Васеньки» не дает мне целиком отдаться этому делу.

Как Вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры касающиеся непосредственно «Васеньки»[1]?

Я бы мог дать разных советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2-х месячное пребывание в заключении и необходимости ободрить, а главное – успокоить.

Крепко жму Вашу руку.

Съ искренним приветом. Вашъ «С…]».

(В конце, в углу перевернутая пометка карандашом темно-синего цвета: «К Д Деда»).

ЦА ФСБ.Ф. К-1. Оп. 3. Д. 9. Л. 2–4.

Письма Миллера вторник 29 сентября

(простым карандашом)

«Дорогая Тата!

О себе, конечно, ничего писать не могу. Скажу только что вышел я из Управления около полудня без шапки, т. к. было тепло, и я предполагал через часа полтора вернуться. Здесь, где я нахожусь, хотя погода отличная, но все же уже свежевато: лишь дали отличное новое пальто, новую фуфайку, кальсоны и шерстяные носки. Так что и в этом отношении можешь не беспокоиться.

Крепко тебя целую, не могу Тат писать, где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром: *(29/IX-37 г.)*

хочу написать тебе, что я жив и здоров, и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что и так, неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредил тебя.

…Мне передали, что дня два после моего исчезновения тебе была послана телеграмма из Парижа – же. Что я жив и здоров, правда, без подписи, чтобы тебя успокоить.

Я надеюсь, что смогу тебе указать адрес, по которому сможешь лишь дать сведения о здоровье своем, детей, внуков и младших.

Крепко, крепко тебя, моя дорогая, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно… Горячо любящий тебя Е. Миллер».

На конверте синими чернилами «Madame Nathali u Miller 3 bis № Jan Bapbifi Clement Pirologne 3/5 (s) France».

ЦА ФСБ.Ф. К-1. Оп. 3. Д. 9. Л. 27.

Автор-составитель Ю.В. Мухачев,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра
комплексных исследований
российской эмиграции ИНИОН РАН

Примечания

[1] Н. Плевицкая

ПАРИЖСКИЙ ДНЕВНИК

РЕЦ. НА КНИГУ: РОЩИН Н.Я. ПАРИЖСКИЙ ДНЕВНИК / сост., ред и авт. предисл. Голубева Л.Г.; рук. проекта Злобина Г.Р.; коммент. Коротковой Е.В.; подгот. указ.: Короткова Е.В. и Решетникова И.Л. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 488 с.

Впервые публикуется «Парижский дневник» Н.Я. Рощина (настоящая фамилия – Федотов; 12.02.1896–26.10.1956), участника Первой мировой войны, получившего чин капитана; вступив в армию А.И. Деникина, он после ее разгрома эвакуировался в Югославию. Там он поступил на философский факультет Загребского университета и начал свою литературную деятельность. В 1924 г. Рощин переехал во Францию, где работал на вагоноремонтном заводе близ Парижа. В следующем году он по приглашению П.Б. Струве и И.А. Бунина вошел в состав сотрудников газеты «Возрождение» и стал профессиональным писателем, печатая свои рассказы и очерки во многих известных периодических изданиях эмиграции.

Став своим человеком в семье Бунина, Н.Я. Рощин ежегодно по многу месяцев гостил на вилле писателя «Бельведер» в Грассе. Охлаждение Буниных в отношении к Н.Я. Рощину произошло после освобождения Франции от немецко-фашистской оккупации, когда в различных кругах русской эмиграции начался процесс переоценки: с одной стороны, страстное приятие Советской России, потому что это Родина, а с другой – настороженно-недоверчивое отношение к советскому укладу жизни.

События Гражданской войны дали Н.Я. Рощину большой материал для его фронтовых рассказов. В 1930-е годы у него выходят сборники прозы: «Горнее солнце» (1928), «Журавли» (1930), «Ведьма» (1934), роман «Белая сирень» (1937). На его произведения откликались такие известные критики, как Ю. Айхенвальд, А. Амфитеатров, Г.П. Адамович, П. Пильский и др. Тема Родины – ведущая в творчестве Н.Я. Рощина эмигрантского периода – с особой пронзительной болью она прозвучала в рассказе «На колокольне» (1928).

«Парижский дневник» – документально-художественное повествование о героических событиях французского движения Сопротивления (Resistance) в годы Второй мировой войны и об активном участии в нем русской эмиграции. Со дня немецко-фашистской оккупации Парижа (14 июня 1940 г.) Н.Я. Рощин все четыре года был не только очевидцем, но и вдумчивым летописцем этих трагических лет. Он выступал не только в роли наблюдателя, но и сам активно участвовал в гуще этих событий на стороне французских патриотических сил и русской эмиграции.

Описание событий в этой книге Н.Я. Рощин предваряет большим предисловием, в котором пытается объяснить историю белой эмиграции, представители которой по разным причинам оказались за пределами Родины. Он повествует о сословном расслоении среди эмигрантов, значительная часть которых занимала низшую ступень социально-экономической жизни в приютившей их стране, рассказывает о дискриминационном положении российских «апатридов». Первая дата в «Парижском дневнике» – 12 июня 1940 г., когда немцы оказались на подступах к Парижу. Почти ежедневно он вносил в дневник все события, очевидцем которых был; записывал сведения из прессы, радио, рассказов знакомых.

После 22 июня 1941 г., когда свершилось нападение Германии на Советский Союз, процесс расслоения в лагере эмигрантов начал приобретать отчетливый характер: одни занимали активную позицию противостояния фашистским оккупантам, другие видели в Германии ту силу, которая спасет Россию от большевиков. Почти все русские эмигранты были поставлены на учет оккупационными властями. Среди них и Н.Я. Рощин; его неоднократно вызывали в гестапо, на допросах подвергали жестоким избиениям, при обысках была реквизирована бóльшая часть архива, в том числе и часть дневниковых записей.

Некоторым русским эмигрантам предлагалось вести пропагандистскую работу в пользу немцев на оккупированных территориях России, но многие предпочли тяжелый физический труд, в их числе был и Н.Я. Рощин. Его мучила мысль о вынужденном бездействии и очень хотелось включиться в настоящую борьбу. Случай свел его с двумя рабочими-подпольщиками Полем и Жаком. В 1942 г. Н.Я. Рощин становится активным участником французской армии Сопротивления, а затем осенью 1943 г. вступает в русскую секцию этого движения («Союз русских патриотов») и получает подпольную кличку «Кристоф». Он с воодушевлением пишет в дневнике о своей новой деятельности, о том, как выполнял сложные задания по сбору секретной информации, организовал помощь бежавшим из концлагерей советским военнопленным, участвовал в создании и распространении нелегальной газеты «Русский патриот».

«Парижский дневник» – «это не только документальное повествование, но и талантливое художественное произведение», где «события запечатлены живописным пером, изображаемые картины зримы»; удивляет «точность и меткость характеристик», – отмечает в обширном и обстоятельном предисловии к изданию его составитель Л.Г. Голубева (с. 16). Несколькими штрихами Н.Я. Рощин набрасывает портрет человека и одновременно выражает к нему свое отношение. Живописны портреты-воспоминания К.А. Коровина, З.Н. Гиппиус, И.С. Шмелёва, Ш. де Голля, Н. Махно. Интересно его повествование о судьбе многочисленных членов царской семьи Романовых, оказавшихся за пределами своего отечества. Многих из них Н.Я. Рощин знал лично; он воссоздал целую галерею лиц, интересных как по фактам жизни, так и по яркости портретных характеристик. В эмиграции многим представителям царской династии пришлось зарабатывать деньги собственным трудом. Так, Вел. кн. Фёдор – сын Вел. кн. Алек-

сандра Михайловича – работал простым таксистом, а потом служил личным шофером у миллионера А.А. Вонсяцкого. Жена Вел. кн. Никиты, сына Вел. кн. Александра Михайловича, работала продавщицей в модном магазине.

В своем дневнике Н.Я. Рощин стремился запечатлеть всех героев Сопротивления, с которыми его свела общая борьба. Среди них – В. Кирквуд, поэт Л. Савинков (сын Б. Савинкова), руководитель русской секции армии Сопротивления Г. Шибанов, И. Кривошеин (сын бывшего министра земледелия А.Н. Кривошеина), Н. Качва – генеральный секретарь Союза русских патриотов, П. Пелехин – партизан, узник тюрьмы Френ, Д. Смирягин – бывший интербригадовец, воевавший в Испании, и др. Автор дневника рассказывает и о тех, кто хоть и не принимал непосредственного участия в действиях Армии сопротивления, но был полон самых патриотических чувств. Прежде всего это – И.А. Бунин, а также адмирал М.А. Кедров, митрополит Евлогий, кн. А.Н. Оболенский и др.

Восхищенный самоотверженностью французских коммунистов в борьбе за освобождение Парижа от фашистских оккупантов, Н.Я. Рощин вместе со своим близким другом поэтом М.А. Струве в 1944 г. вступает в компартию Франции. В это же время он награждается орденом Почетного легиона; работает корреспондентом газеты «Советский патриот» и 30 июня 1946 г. получает советский паспорт. Сердечные, теплые письма Бунина к Рощину с конца 1944 г. становятся все более жесткими и резко осуждающими. Бунин не принимал восторженного отношения Н.Я. Рощина к Советской России и критического взгляда на русскую эмиграцию. В переписке между ними завязывается жесткая полемика. Писателя возмущала ультрапросоветская направленность газеты «Русский патриот», которая с конца 1944 г. стала приобретать пропагандистский характер. Он резко осуждал сотрудничество в ней Н.Я. Рощина, который отмахивался от всех бунинских доводов.

Н.Я. Рощин принял окончательное решение и в конце октября 1946 г. прибыл вместе с другими 360 реэмигрантами в порт Марсель, откуда на теплоходе «Россия» 2 декабря 1946 г. вернулся в Одессу. «Прощай, Франция! Здравствуй, великая моя Родина!» (с. 314), – этими словами Н.Я. Рощин заканчивал свой «Парижский дневник».

Встреча с Родиной и соотечественниками вызвала у восторженного Н.Я. Рощина бурный прилив восхищения. Однако действительность оказалась не такой «радужной». Сблизившись с московской писательской средой, Н.Я. Рощин страстно мечтал опубликовать свой «Парижский дневник» – заветную книгу. Но в ходе ее подготовки к изданию над рукописью поработали «ножницы» многих редакторов. Были выброшены некоторые части, многое ему пришлось переписать заново. Н.Я. Рощин шел на это, лишь бы спасти основное содержание дневника. Однако на заседании секции прозы Союза советских писателей 30 октября 1947 г. было проведено вульгарно-политизированное обсуждение работы, в результате последовал запрет рукописи к изданию. Драматичная история несостоявшейся публикации «Парижского дневника» подробно освещена Л.Г. Голубевой в «Предисловии».

В творческих планах Н.Я. Рощина было еще одно заветное желание – написать книгу воспоминаний о Бунине, которого он близко знал и беззаветно любил (в РГАЛИ хранится подробный план этой книги), но он так и не смог приблизиться к реальному воплощению своего замысла. Н.Я. Рощин совершал бесчисленные командировки по городам и весям Советского Союза, печатался в отечественной периодике («Литературная газета», «Комсомольская правда», «Огонек», «Правда», «Славяне»), много работал для «Журнала

Московской патриархии». По результатам своих поездок он написал цикл статей о выдающихся памятниках русского церковного зодчества. 26 октября 1956 г. писателя не стало.

«Парижский дневник», подготовленный на высоком научном уровне, впервые представляется читателю в наиболее полном объеме. При жизни Н.Я. Рощина рукопись так и не получила доступа в советскую печать, и лишь после смерти писателя небольшие фрагменты были опубликованы[1].

Публикаторы сравнили более 10 вариантов и фрагментов «Парижского дневника», хранящихся в РГАЛИ. За основу был взят последний машинописный вариант рукописи, представленный Н.Я. Рощиным на обсуждение в секцию прозы Союза советских писателей 30 окт. 1947 г. Но составители дополнили текст фрагментами, которые были изъяты в 1947 г. советскими редакторами по требованию цензуры. Кроме того они включили в книгу наиболее интересные эпизоды из рукописного автографа «Парижского дневника».

Необходимо также отметить высокую культуру издания, научный аппарат, указатели. Все добавленные фрагменты выделены курсивом и снабжены ссылками на единицы хранения в архиве. В «Комментарии» отсылка на страницу текста делается однажды – когда впервые упоминается то или иное лицо, организация, событие и т.д. Последующие упоминания о той или иной личности даны в «Именном указателе», где кратко характеризуются те лица, которые не вошли в Комментарий, так как подробных сведений о них тогда не было найдено. В «Приложении» публикуется «Стенограмма обсуждения рукописи Н.Я. Рощина “Парижский дневник”». Книга снабжена также «Географическим указателем», «Списком иллюстраций» и «Библиографией», она богато иллюстрирована.

Т.Г. Петрова,
старший научный сотрудник
ИНИОН РАН

Примечания

1 В рядах французского Сопротивления («Парижский дневник» Н.Я. Рощина) / Публ. Коршуновой В.П. // Встречи с прошлым. – М.: Сов. Россия, 1978. – Вып. 2. – С. 274–293.

БРОДСКИЙ СРЕДИ НАС

РЕЦ. НА КНИГУ: ПРОФФЕР ТИСЛИ Э. БРОДСКИЙ СРЕДИ НАС / Пер. с англ. В. Голышева. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2015. – 224 с.

Эллендея Проффер Тисли – американская славистка, основавшая совместно со своим супругом Карлом Проффером в 1971 г. издательство «Ардис», которое специализировалось на русской литературе Серебряного века и советского времени, выпускало книги[1], запрещенные в СССР идеологической цензурой[2].

Дружеские отношения между четой Профферов и И.А. Бродским (1940–1996) начали складываться в конце 1960-х и продолжались долгие годы. Именно К. Проффер с большим трудом добился для Бродского въездной визы в США и помог получить место в Мичиганском университете. Позднее Бродский так писал о своем друге: «Он не жалел усилий, если вам нужна была помощь. Кому, как не мне, это знать. В 1972 г., когда я покинул Россию, он прилетел в Вену меня встречать, и несколько лет Профферы заботились обо мне, как будто я был их четвертым ребенком»[3]. Перед смертью К. Проффер работал над воспоминаниями, посвятив одну из глав Бродскому. Эта глава так и не была опубликована. Препятствием послужила угроза Бродского подать в суд, если публикация состоится. Некоторые фрагменты заметок К. Проффера его супруга Э. Проффер Тисли включила в свои мемуары «Бродский среди нас».

Пространственно-временные координаты, заданные в главах: «Дом Мурузи, 1969», «Дворец Шварценберг, 1972», «Стокгольм, 1987», «День рождения в Нью-Йорке: 24 мая 1990 г.» и др., а также название мемуаров свидетельствуют о желании Э. Проффер показать Бродского земным и живым, выразить протест против тенденции, при которой «магнетического и трудного человека из плоти и крови пожирает памятник» (с. 197).

«Тот, о ком я пишу, Иосиф Бродский, нобелевский лауреат по литературе и единственный русский, ставший американским поэтом-лауреатом, считал, что меньший не может рассуждать о большем, но я полагаю, что кошке позволено смотреть на короля» (с. 34), – замечает мемуаристка.

Знакомство Профферов с Бродским произошло 22 апреля 1969 г. в Ленинграде. Поэт сразу очаровал молодых славистов умом, юмором, очаровательной улыбкой, решимостью. Отметили супруги и другое важное качество его характера: «Бродский – конквистадор по натуре, и скрыть этого не могут ни слегка смущенные улыбки, ни нервная самоирония. Он колоссально уверен в себе как в поэте» (с. 43). Бродский верил в высокое предназначение поэта. Он полагал, что язык может удержать от распада угасающую империю. Подобно художнику, ставящему во главу угла образ, Бродский обожествлял язык: «Он думал, что если бы вожди читали больше стихов и научились ценить язык как таковой, это могло бы уберечь мир от тирании» (с. 63).

Э. Проффер подчеркивает, что смелость в общении с известными людьми была продиктована не его самомнением, а именно серьезным отношением к своему призванию. Он считал себя вправе обращаться к Л.И. Брежневу, так как «он поэт и, следовательно, ровня любому вождю; быть поэтом для него – Божий дар, и он намерен был чтить свой талант и вести себя как подобает поэту» (с. 90). Бродский отказался от публикации своего «прощального» письма Брежневу, заявив: «Это касается только Брежнева и меня». А на вопрос: «А если опубликуете, оно уже не Брежневу?», – ответил: «Да, именно так» (с. 88).

Мемуаристка оспаривает версии, по которым, уезжая из страны, Бродский не знал, куда ему ехать, объясняя их присущим поэту чувством вины. Она утверждает, что он знал, куда поедет, с того самого дня, когда его пригласили в ОВИР. Был выработан план выезда, который осуществляли разные люди. Одним из этих людей был Джордж Клайн, переводчик Бродского, профессор колледжа Брин-Мор. Он работал над выпуском первой серьезной книги Бродского «Избранные стихотворения», публиковал стихи Бродского в периодике, делая все возможное, чтобы появления поэта ждали. К. Проффер убеждал руководство Мичиганского университета взять русского поэта на должность «писателя при университете» (предшественниками Бродского на этом месте были высоко ценимые им Роберт Фрост и У.Х. Оден). Э. Проффер приглашала принять участие в судьбе русского поэта журналистов из «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Тайм», Си-би-эс, Толстовского фонда.

Дом Профферов в Анн-Арборе стал надолго «основной базой» Бродского. Описывая привыкание поэта к новой действительности, Э. Проффер помимо комических сюжетов, отмечает чувство одиночества, которое испытывает поэт, несмотря на окружавших его людей. Это чувство прослеживается в «Колыбельной трескового мыса» и самым пронзительным образом выражается в «Осеннем крике ястреба». Была испытанием для Бродского и новая профессия, бывало, что он «приходил в аудиторию неподготовленным и импровизировал», однако «являл собой образец того, с чем редко встречались эти студенты, – размышляющего вслух гения» (с. 104–105).

Бродский принимал почти все предложения написать эссе, прочесть лекции, участвовать в литературном мероприятии, выступить со стихами, «большую часть жизни писание было для него радостью» (с. 111). Между тем издатели удивлялись тому, как трудно заставить Бродского собрать стихотворения в книгу. Если бы, например, «Владимир Марамзин не составил пятитомное самиздатовское собрание в 1974 г. (за что был арестован, и Карл с Иосифом подняли кампанию в его защиту), для русского читателя была бы потеряна значительная часть его [Бродского] ранних произведений» (с. 112).

Сложная ситуация складывалась с переводами Бродского. Он хотел, чтобы переводы его текстов были рифмованными, предпочтительно с сохранением метра. Многие поэты и литературоведы считали, что при этом строй поэтической мысли будет искажаться в угоду рифме.

Бродский не обращал внимания на предостережения: «Писать стихи без рифм – все равно что играть в теннис без сетки. Он будет переводить себя и покажет, как это делается» (с. 115). Несмотря на фантастическую быстроту в совершенствовании своего английского, Бродский «не чувствовал акцентов и тона английских фраз, и поэтому даже технически правильные стихи звучали как вирши; сложносочиненные предложения иногда не складывались в нечто осмысленное, по-русски это прошло бы, на английском – нет» (с. 117). Э. Проффер пишет: «Мои друзья – американские поэты и русисты – бывало, звонили мне и садистически зачитывали последний автоперевод Бродского (или оригинальное английское стихотворение), и я устала защищаться, убеждая их, что он замечательный русский поэт» (с. 117). В тот же период до ожесточенности дошло сражение Набокова с Уилсоном из-за набоковского очень буквального перевода «Евгения Онегина».

Сравнивая Бродского с В. Набоковым, мемуаристка находит в них, несмотря на возраст и происхождение, удивительно много общего. Выходцы из Петербурга, города, которого не увидели больше после отъезда на Запад, решительные противники советской власти, создающие свои произведения на русском и английском языках, чрезвычайно остроумные и чувствительные в вопросах, касающихся их литературной чести, «оба были самоуверенны, честолюбивы, и в обоих жил сильный дух соревнования», «оба враждебно относились к тому, что понимали под фрейдовской теорией бессознательного» (с. 52). Оба не хотели возвращаться в Россию, но по разным причинам. Набоков считал, что это уже не та страна, какую он знал, а Бродский был уверен, что это та же самая страна, из которой он уехал. Отмечены Э. Проффер и более существенные личностные различия. Она замечает, что Набоков в частных беседах был «шутлив и свободен – никакая тема не была запретной, но, даже когда болтал, например об Апдайке, проскальзывала в его рассуждениях легкая тень hallucinė[4]», «не то у Бродского: в разговоре он присутствовал целиком, всегда настроен на собеседника, всегда начеку»: «Этих двух писателей отличал их подход к миру. Набоков был и художником, и ученым; его заботила точность. Иосиф старался познать мир через идеи о нем, которые у него уже сложились, и часто превращал свои чувства в факты; его не очень волновало, если какая-то деталь была ошибочной – лишь бы поэтическая строка удалась» (с. 53–54).

Э. Проффер выражает несогласие с русской критикой, упрекающей поэта в холодности. По мнению мемуаристки, в поэзии Бродского есть кипение, отрицающее его собственную позицию мрачного реалиста. Техническая виртуозность сочетается с удовольствием и радостью, которые испытывает автор, придавая, например, строфе форму бабочки в стихотворении «Бабочка». Полагая, что по природе Бродский тяготел к метафизике, Э. Проффер утверждает и «почти готова доказывать», что он романтик, находя подтверждение своей точке зрения в «самом крупном его поэтическом проекте» – множестве взаимосвязанных стихотворений о любви к одной женщине (с. 61).

Марина Басманова – сложная и непредсказуемая натура. Эта женщина – или идея ее – имела колоссальное влияние на жизнь и творчество Бродского. Она была не только музой, вдохновлявшей почти 30 лет его поэзию, но и адресатом, и воображаемым читателем. Э. Проффер вспоминает, что при подготовке русского издания «Новых стансов к Августе» (сборник стихов, посвященных и адресованных М. Басмановой), вырисовался масштаб будущей книги: «Думаю, и ему он только тогда стал виден» (с. 130). То, что в сборник вошли стихи, посвященные другим любимым,

поэт спокойно объяснил: «на самом деле» стихи написаны о Марине или для нее.

Э. Проффер рассказывает о взаимоотношениях Бродского со своими американскими (Уистеном Хью Оденом, Энтони Хектом), ирландскими (Шеймусом Хини), польскими (Чеслав Милош) и русскими (Беллой Ахмадулиной, Василием Аксёновым, Евгением Евтушенко) коллегами.

Определяя свое отношение к Бродскому, мемуаристка использует отрывок интервью с Эммой Герштейн: «У Эммы на все имелись готовые ответы, и я, чтобы добиться некоторой спонтанности, решила попробовать что-то неожиданное:

– Какие были жесты у Мандельштама?

После легкого замешательства она сказала:

– Когда он первый раз пожал мне руку, я почувствовала электричество.

Таково же было мое знакомство с Бродским, сказала я… электризующим» (с. 190).

Прошло 20 лет со дня смерти И.А. Бродского, но он «среди нас», благодаря современникам, испытавшим на себе магнетическое, электризующее воздействие его личности, благодаря воспоминаниям, в которых высвечиваются не только даты и факты жизни «самого лучшего из людей и самого худшего» (с. 197), но и чувства, вызванные общением с ним: радость и боль, интерес и тревога, обида и восхищение. «Бродский среди нас», безусловно, искренняя книга.

Монография Э. Проффер Тисли дополнена фотографиями из архива Мичиганского университета.

К.А. Жулькова,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН

Примечания

1 Среди них книги И.А. Бродского: Бродский И.А. Конец прекрасной эпохи: Стихотворения 1964–1971. – Ann Arbor: Ardis, 1977; Бродский И.А. Часть речи: Стихотворения 1972–1976. – Ann Arbor: Ardis, 1977; Бродский И.А. Новые стансы к Августе (Стихи к М.Б. 1962–1982). – Ann Arbor: Ardis, 1983; Бродский И.А. Мрамор. – Ann Arbor: Ardis, 1984; Бродский И.А. Урания. – Ann Arbor: Ardis, 1987; 1989 (испр.); Бродский И.А. Остановка в пустыне. – Ann Arbor: Ardis, 1988; Бродский И.А. Пейзаж с наводнением. – Ann Arbor: Ardis, 1996; Brodsky Joseph. A Stop in the Desert, droadside. – Ann Arbor: Ardis, 1973.

2 Список книг, выпущенных «Ардисом» на английском и русском языках с 1971 по 2002 г. см.: Проффер Тисли Э. Бродский среди нас / Пер. с англ. В. Голышева. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2015. – С. 199–221.

3 Бродский И. Памяти Карла Проффера // Звезда. – СПб., 2005. – N 4. – С. 122–125.

4 Галлюцинирования (фр.)

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей
Выпуск пятый

Верстка и техническое редактирование Н.В. Афанасьева
Корректор И.Б. Пугачева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 1/XI – 2016 г.
Формат 60х84/8 Бум.офсетная № 1
Печать офсетная Цена свободная
Усл. печ. л. 20,0 Уч.-изд. л. 21,5
Тираж 500 экз. Заказ № 105

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Тел.: +7 (925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9